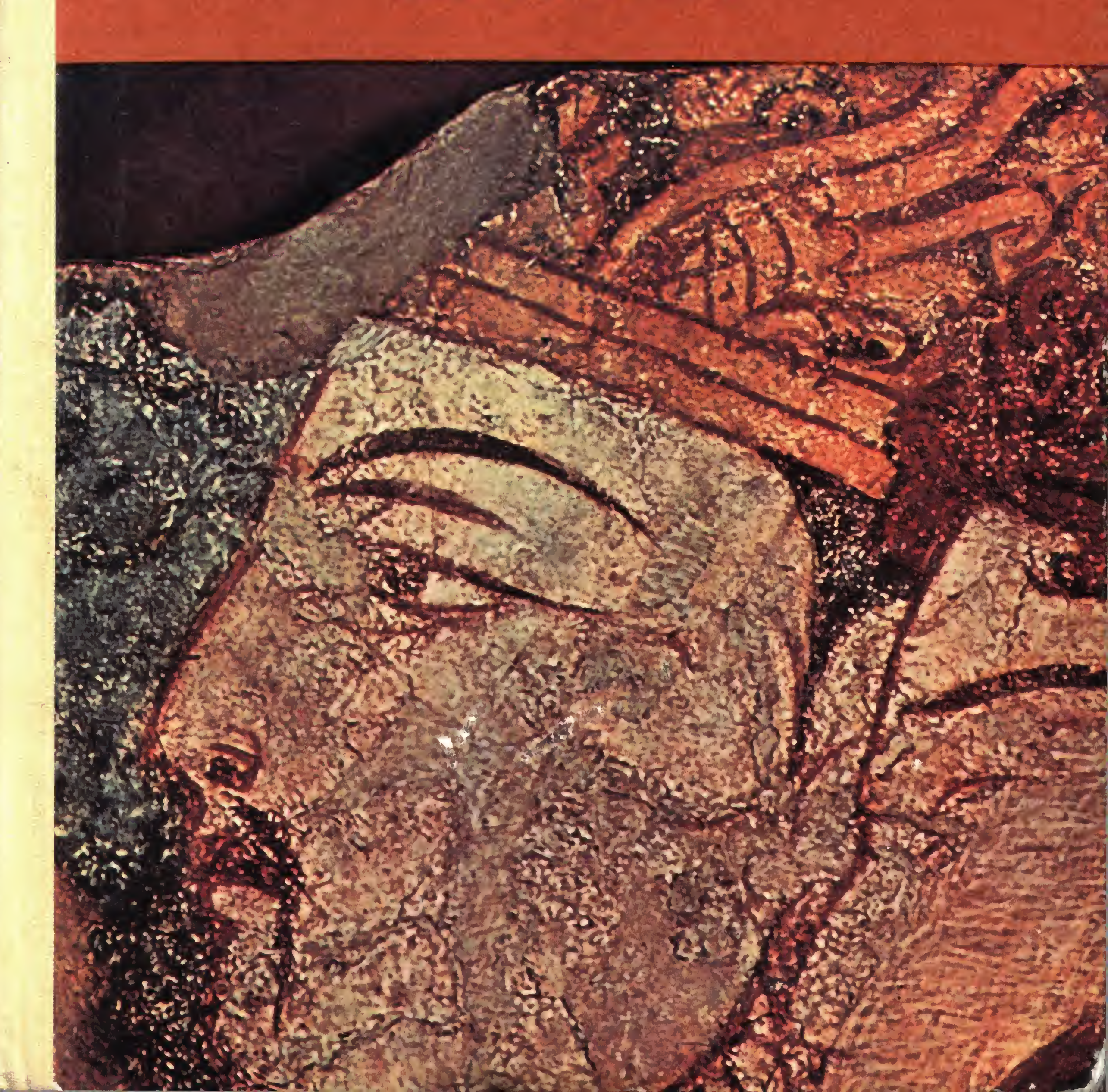
К. МОИСЕЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

К. МОИСЕЕВА

К. МОИСЕЕВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1981

Художник
Б. КЫШТЫМОВ

Научный редактор
«Караван идёт в Пальмиру»
доктор исторических наук
Б. Я. СТАВИСКИЙ

Научный редактор
«Тайна горы Муг»
доктор филологических наук
И. С. БРАГИНСКИЙ

М $\frac{70803-277}{М101(03)81}$ 360—81

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАБЫТЫЕ СТРАНЫ

Когда читаешь книги Клары Моисеевой, кажется, что переносишься в сказочные, забытые страны, перевоплощаешься в ее героев. И вот ты уже едешь на верблюде в караване купца Хайрана, твой путь лежит из Пальмиры в Каписту — богатейший город Кушанского царства. Приветливо открыты его резные ворота, сверкают в лучах утреннего солнца золотые пагоды буддийских храмов...

А ты уже в другой стране, в древней Согдиане, спешишь на помощь защитникам крепости на горе Муг, и вместе с юношей Аспанзатом ты метко посылаешь стрелы в стан врага. А внизу плывут по реке, пытаясь спастись, жители осажденного города. Успеют ли? Спасутся ли?

Кушанское царство? Согдийское царство? — не сказочные ли это страны, ведь их нет ни на одной из известных тебе карт? А события и люди, ставшие тебе близкими, дорогими,— были они на самом деле? Где найти ответы на эти вопросы? Оказывается, тут же, в книге. В самом ее конце, в послесловии. Каждая книга Клары Моисеевой сопровождается послесловием. Они необычны. Они сами по себе — как бы маленькие повести о том, как ученые искали и ищут древние страны, древние города. И не в тридевятом царстве, тридесятом государстве, а порою рядом, на территории нашей страны. Так были открыты руины древнего Панча, который находится вблизи современного Пенджикента в Таджикской ССР. Это один из многих городов древней Согдианы. Находки археологов позволили узнать о жизни предков таджикского народа. Картины древних художников, скуль-

птуры, гончарные изделия и оружие, золотые украшения и обрывки шелковых тканей — все это хранится в музеях нашей страны.

Но разве сравнишь музейную экскурсию с поездкой на раскопки! Вот таких поездок у Клары Моисеевой было много. Она все привыкла видеть сама, прежде чем писать книгу. Постоять у руин древнего города, подержать в руках глиняную чашу и ржавые кольца железной кольчуги. Она привыкла к этому за многие годы своей писательской и журналистской работы, трудной и увлекательной.

Прежде чем написать повесть «Тайна горы Муг» Клара Моисеева побывала на раскопках древнего Пенджикента, при ней расчищали и зарисовывали стенные росписи и склеивали обугленные остатки деревянных статуй.

Прежде чем написать повесть «В помпеях был праздник», писательница несколько лет изучала историю, философию и поэзию древней Италии, а потом, побывав в Помпеях, она увидела то, что давно уже знала из книг. Поэтому герои, жившие в Помпеях почти 2000 лет назад, воспринимаются как живые.

Десять исторических повестей о далеком прошлом народов Азии, Африки и Европы написаны Кларой Моисеевой. В ее книгах ожили далекие предки народов СССР: скифы, согдийцы, хорезмийцы, урарты. В повести «В древнем царстве Урарту» рассказано о людях, живших на землях Закавказья две тысячи семьсот лет назад. Герой ее, талантливый каменотес Габбу, рискуя жизнью, бежит из рабства Ассирии в родные края Урарту, чтобы сообщить о походе, который готовит властный царь ассирийцев Асархаддон против Урарту.

В другой повести — «Меч Зарины» — главная героиня девушка. Отважная и преданная Зарина спасает своего жениха Фамира из плена. Когда жили эти люди и где? Почти двадцать пять веков назад, на Алтае. Они были кочевниками-скифами. Воинственных скифских женщин греки называли амазонками. Через тысячелетия до нас дошли курганы-усыпальницы в Пазырыкской долине. Они сохранили в вечной мерзлоте все положенное в могилу тысячи лет назад. Даже яркие краски одежд и ковров не поблекли. Эти самые древние в мире ковры, бархатные и войлочные, трогала своими руками Клара Моисеева.

Но для того, чтобы написать книгу о далеком прошлом, недостаточно побывать на раскопках. Нужно многое знать. Работая над книгой «Звезды мудрого Бируни», писательница изучила историю средневекового Хорезма, ознакомилась с учеными трудами великого хорезмийца. А чтобы их понять, нужно знать медицину, математику, астрономию, философию, географию, экономику древнего Хорезма. А главное — нужно быть писателем-историком, то есть уметь находить не только те явные, всем бросающиеся в глаза отличия нынешнего времени от исторического, но и те незаметные, но важные

черты, которые позволяют увидеть, как человеческое все больше побеждало в человеке, как талант, доброта, смелость объединяют человечество во все времена.

Ты уже, наверное, заметил, дорогой читатель, что любимые герои Клары Моисеевой — труженики: воины, каменотесы, ученые, врачи, ремесленники. Даже в повести о фараоне Египта Тутанхамоне — «Дочь Эхнатона» — многие страницы посвящены судьбе художника Анху и рабыне по имени Черный Лотос. Эти благородные люди пытались помочь обреченному на смерть фараону и его юной жене. Труженики были добры и человечны. Из века в век они создавали все самое ценное на земле, от орудий труда до предметов искусства.

В повести «Волшебная антилопа» Клара Моисеева показывает людей, которые оставили самые древние изображения в пустыне Сахаре. Рисунки на скалах рассказывали о жизни пастухов и охотников в те далекие времена, когда эта мертвая пустыня была зеленой и цветущей. Кроме этих рисунков, не было следов жизни древних людей Сахары, ведь они жили здесь семь тысяч лет назад. Когда Клара Моисеева писала повесть «Волшебная антилопа», она пыталась как бы расшифровать изображения древних художников. И она рассказала о том, как зародилось это искусство и для чего. Так появились в ее повести молодой вождь Сын Леопарда и его подруга Маленькая Газель, старая Дочь Антилопы и мудрая Горькая Трава, а с ними и все их племя, покинувшее старые насиженные места и отправившееся по безводной степи искать новые земли для охоты и жизни. И настолько правдивыми получились их характеры, что один из ученых сказал Кларе Моисеевой, что верит в достоверность ее повествования. Именно такими могли быть древние жители Сахары.

Ученые отмечают достоверность характеров, поступков и речи героев. Но герои отдалены тысячелетиями. Как много надо знать, чтобы перевоплотиться и повести за собою читателя в этот неведомый мир.

Как же удается К. Моисеевой добиться такой точности, такого знания разных национальностей? И тут на помощь ей приходит большой опыт встреч с интересными людьми. В повести «Караван идет в Пальмиру» запоминается пожилой мудрый лекарь Петехонсис, который оставляет добрый след в судьбе главных героев. Он запоминается своей добротой, благородством, стремлением помочь обездоленным. Когда К. Моисеева создавала этот образ, она вспоминала одного из своих друзей — египтянина из Александрии Хамди Селяма, памяти которого посвящена эта книга.

Повести Клары Моисеевой помогают лучше понять современную жизнь и отдать дань великому прошлому народов нашей родины. И разве мы не испытываем гордость от сознания, что народы нашей многонациональной страны внесли свой большой вклад в развитие

человеческой культуры. Читая повести К. Моисеевой, мы лучше понимаем и ту борьбу, которую ведут народы современного арабского мира, и движение за свободу на африканском континенте. Ее книги помогают понять высокое чувство Родины, интернационализма и пробуждают уважение к людям труда. Поэтому и переводят их на многие языки: немецкий, литовский, армянский, узбекский, каракалпакский, таджикский и другие.

Сотни благодарных писем от юных читателей идут в «Дом детской книги», по мере того как появляются новые произведения писательницы. Эти книги, написанные на основе самых последних археологических открытий, нередко появлялись тогда, когда ученые еще не завершили свои поиски и пребывали в спорах. А Клара Моисеева, побывав на раскопках и погрузившись в древние летописи, клинописи и папирусы, уже переносилась в тот загадочный мир, который существовал тысячи лет назад.

Е. Зубарева,
кандидат филологических наук

КАРАВАН ИДЕТ В ПАЛЬМИРУ

Светлой памяти моего друга
Хамди Селяма

ВСТРЕЧА У ВОРОТ БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

тарые платаны и ветвистые акации на краю безжизненной пустыни манили к себе, суля душистую тень и прохладу. Люди устали от долгого, трудного пути по знойным пескам. И вот долгожданный зеленый оазис, о котором так много говорил купец из бактрийцев, житель Балха. Он уже раз побывал здесь, воспользовался гостеприимством хозяев и знал, что они будут добры и внимательны к пришельцам.

— Я вижу золотые крыши дворцов, возможно ли это?! — воскликнул Хайран, купец из Пальмиры.— Значит ли это, что здесь живут кушанские вельможи?

— Я не встречал здесь богатых вельмож,— отвечал бактриец.— Я видел под золотыми пагодами бедных монахов. Это не дворцы, это храмы. Мы у ворот буддийского монастыря.

— И ты думаешь, что всем нам окажут гостеприимство? — поинтересовался скульптор из греков Феофил, который вместе с купцами держал путь в город Кушанского царства Капису.

— Уверен точно так же, как если бы сам был здесь хозяином. Ведь добрей и благородней этих людей нет на свете.

Караван верблюдов с поклажей и довольно большой партией рабов подошел к высоким бронзовым воротам. Не очень веря в гостепри-

имство, о котором так много говорил купец из бактрийцев, люди поспешили устроиться в тени высоких стен. Проводники стали снимать поклажу, чтобы дать животным отдохнуть, взять кожаные мешки с водой, корзины с провизией и войлочные шатры.

Хайран сам следил за тем, как слуги снимали поклажу. Они очень осторожно опустили на землю тщательно зашитые тканью корзины. В них был ценный груз: стеклянные сосуды из Тира и Сидона, искусно сделанные вазы, кубки, фиалы. Здесь были дорогие фляги для вина, расписанные на мотивы греческих мифов и отделанные цветным стеклом настолько ярких оттенков, что, казалось, они украшены драгоценными камнями. В больших широких корзинах, плетенных из тростника, были уложены алебастровые сосуды, серебряные и золотые блюда, сделанные в Ктесифоне[1] прославленными чеканщиками. Объемистый ларец с ювелирными изделиями и редкими камнями Хайран носил с собой. Помимо браслетов, перстней и диадем, украшенных жемчугом, изумрудами и рубинами, он вез с собой голубую и зеленую бирюзу из Ирана, отличный синий камень лазурит из Бадахшана и бактрийские гранаты.

Слуги Хайрана быстро раскинули войлочные шатры, устлали их коврами, разложили подушки и стали извлекать из походных запасов разную снедь. Тотчас же был зажжен костер, над ним повесили бронзовый котел с водой, повар зарезал ягненка. К тому времени, когда дочь Хайрана, Байт, удобно устроилась в своем шатре, уже запахло вкусной едой.

Неподалеку, в тени высокой стены, расположились рабы, которых Хайран вез для продажи в Капису. Усталые, запыленные, страдающие от жажды и голода, они терпеливо ждали, когда охранники дадут им давно обещанную воду. Но прежде чем получить воду, надо было проникнуть за ограду буддийского монастыря. Ворота были закрыты, и все купцы, следующие в Капису в этом караване, рассуждали о том, стучать ли в ворота, послать ли для переговоров бактрийца, просить ли прибежища для тех, у кого нет таких удобных шатров, какие вез с собой Хайран.

Но, пока они пререкались, открылись ворота, и к ним вышел сам настоятель монастыря, почтенный старец с бритой головой, с посохом в руках и в длинном красном одеянии.

— Вам угодно отдохнуть? — спросил старец спорящих.— Мы рады вас принять. Вы получите у нас воду и место для отдыха. Верблюдов с поклажей просим оставить у ворот святой обители.

— Мы и рабов оставим здесь,— сказал Хайран, решив покинуть свой шатер и отдохнуть вместе со своими спутниками за стенами монастыря.

---

[1] Ктесифо́н — так в древности назывался Багдад.

— О нет! — возразил настоятель.— Прежде всего мы хотим оказать внимание нищим и обездоленным. Сорок лет Великий Гаута́ма ходил со своей проповедью по родной земле и каждый день постоянно и неизменно оказывал внимание обездоленным. Мы следуем его заветам. В силу своей несчастливой судьбы эти люди — ваши пленники. Весь долгий путь они страдали от жажды и голода. Как же можно оставить их здесь, на знойном солнце, без еды и воды? Это великий грех!

Старый монах подошел к худенькой девочке, которая горестно склонила голову к коленям, явно мучаясь от боли.

— Ты голодна, бедняжка, или больна?

Девушка подняла свои большие печальные глаза, дрогнули длинные черные ресницы. Она с мольбой поглядела на незнакомца, не решаясь ответить ему. Неудачное слово могло сделать ее положение еще более тяжелым. Неподалеку стоял начальник рабов, которому Хайран поручил заботу о несчастных. Рабы боялись этого жестокого человека и называли его Тигром. Договариваясь с ним, Хайран предупредил, что оплата последует лишь тогда, когда все рабы здоровыми прибудут в Капису. Для рабов были припасены вода и провизия, но никто не проверял, достается ли им эта еда.

Начальник рабов и слышать не хотел о больных. Он злился и проклинал каждого, кто нуждался в помощи лекаря. А лекарь был в этом караване. Хайран предусмотрительно пригласил его, чтобы в долгом пути оказать помощь больным рабам. Больные могли погибнуть в дороге. Однако начальник рабов не думал о них, не избавил от жажды и голода, не позаботился о том, чтобы они были укрыты от знойного солнца. Теперь, когда оставалось уже мало дней до Каписы, он на всем экономил, будучи уверенным, что эти бездельники, как он называл рабов, все равно доберутся до Каписы.

Этой худенькой печальной девушке, Сфра́гис из Александрии, было уже семнадцать лет, но ей можно было дать не больше тринадцати. Ведь она была рабыней уже десять лет. Хозяйка харчевни продала ее Хайрану потому, что она плохо росла, долго оставалась маленькой и худой. Но как могла она расти и крепнуть, когда постоянно голодала! В последний раз она была сыта накануне того дня, когда ее разлучили с матерью. Ей было тогда семь лет. Она запомнила тот радостный день, когда они сели на корабль и мать рассказывала ей, как велико море и как далеко можно уплыть на этом корабле. Мать кормила ее апельсинами и жареной уткой. Когда она подала ей сладкие плоды манго, девочка отказалась. И вот уже десять лет она вспоминает плетеную корзину с желтыми плодами апельсинов, с большими сочными плодами манго и финиками. Они сидели на палубе, приятный морской ветер колыхал паруса, и рядом с ними на циновке стояла еда. Много всякой еды. Но девочка была сыта

и съела мало. Мать сказала: «Когда захочешь есть, скажи мне, доченька. А вот в этом кувшине сладкое питье, его приготовила в дорогу нянька. Она очень тревожилась, боялась, как бы ты не захворала в пути».

«Боже мой,— вспоминала потом Сфрагис,— нянька боялась, что я заболею на корабле, рядом с матерью, которая была так добра и заботлива, а я жива, голодая из года в год! Не умираю от того, что червь точит меня каждый день и каждый час».

Девочка запомнила корабль, на котором они плыли, запомнила пиратов, которые избили мать и требовали драгоценности. Она запомнила плачущую мать, которая протягивала к ней руки и кричала что-то на языке, понятном только пиратам. Она умоляла вернуть дочь.

Работорговец доставил девочку в Александрию и продал хозяйке харчевни. Сфрагис спала за печью, где стояли горшки и котлы. Ее руки никогда не просыхали и покрылись язвами. А одежда превратилась в лохмотья. Все десять лет она ела только остатки пищи, которые иной раз находила на дне миски, поданной усталому путнику. Харчевня стояла у дороги. Сюда приходили бедняки. Кроме сухой лепешки, хозяйка ничего не давала ей. Маленькую рабыню будили на рассвете пинком ноги, и девочка в испуге вскакивала и принималась за работу. Только поздним вечером ей удавалось причесать свои длинные черные косы и умыть лицо. Тогда она вытаскивала спрятанную в рукаве небольшую бронзовую пластинку, отполированную до блеска, и смотрелась в нее. Словно в тумане, она могла видеть большие печальные глаза. Они напоминали ей глаза матери в минуту прощания. Сфрагис тяжко вздыхала и прятала свою драгоценную пластинку. Она нашла ее на дороге и радовалась, что может увидеть свое лицо.

Хайран случайно попал в эту харчевню для бедняков. Он велел привести туда купленных в Александрии рабов, чтобы накормить их перед отъездом. Увидев богатого господина, девочка выбрала минуту, когда не было поблизости хозяйки, подошла к Хайрану, схватила его руку, унизанную драгоценными перстнями, и поцеловала.

— Купи меня,— взмолилась девочка.— Боги вознаградят тебя! Купи, добрый человек! Спаси меня!

Ей было безразлично, куда она попадет, но только бы уйти от злой и скаредной хозяйки. Девочка чем-то напоминала Хайрану его собственную дочь. Может быть, большими черными глазами под густыми ресницами. Он купил Сфрагис. Потом он спросил ее, что за странное имя и какого она племени. Девочка ответила, что предки матери были вавилонянами. Вспомнив мать, Сфрагис горько заплакала.

— Я увезу тебя отсюда в далекую страну, в Кушанское царство,— сказал Хайран.— Простись с хозяйкой.

— Вези куда хочешь, только вели сейчас накормить, я очень голодна. Прости меня, несчастную, добрый господин...

Сейчас Сфрагис была в числе рабов, которых должны были доставить к тому месту, где воздвигали буддийский храм. Хайран позабыл о ней, как только тронулись в путь. Он был озабочен своими делами и предоставил рабов своему помощнику. Сейчас, когда сам настоятель буддийского монастыря обратил внимание на изможденную и печальную девочку, Хайрану сделалось стыдно. Он тотчас же сказал, что рабы будут накормлены и отдохнут перед выходом в пустыню.

— Тогда прикажи освободить их от веревок и цепей,— предложил старик.— А мы, во имя Всемогущего и Всевидящего Будды, накормим их. Это он призывал нас к благодеянию, к защите обездоленных. Никто другой так не сочувствовал страданиям людским, как Великий Гаутама.

Хайран грозно посмотрел на своего помощника, и тот без лишних слов велел развязать пленников и отпустил их вместе с привратником за ворота монастыря. Хайран понимал, что святой старец действует согласно уставу общины и что устав этот незыблем, как незыблема вера буддистов.

На караванных путях Востока Хайран встречал купцов из разных стран. Он знал, что каждый народ имеет свои обычаи и верования, он привык уважать верования незнакомых ему людей и никогда не осуждал их за странные обычаи, ему непонятные. В Пальмире он както столкнулся с коптами, бежавшими из Александрии во время очередных раздоров. Это были христиане, которые, рискуя жизнью и благополучием, ходили на богослужение в христианский храм. Ему рассказывали о том, как они добры ко всем обездоленным, к больным и голодным и как делятся последним во имя своего бога. Впоследствии Хайран узнал, что христиане воздвигли в Пальмире маленький бедный храм на окраине города. И они были счастливы тем, что их никто не притесняет.

— Мы все сделаем, как скажут нам святые отцы,— сказал Хайран, обращаясь к бактрийцу, который, казалось, все здесь знал и понимал.

Купец из бактрийцев стал буддистом, подобно тому как приняли эту веру многие его соотечественники еще в те давние времена, когда Бактрия подпала под власть кушанских правителей. Он уважал людей этой веры, и порядки в этой святой обители были для него священны.

В доме для путников всем нашлось место, однако самую большую и прохладную комнату монахи предоставили рабам. Юные служки принесли им воду, чтобы умыться, а из кухни монастыря рабам была дана еда. Рабыня-гречанка Каллисфе́ния даже прослезилась. А бедная маленькая Сфрагис от обильной еды заболела.

— Как прекрасна вера, призывающая к такому человеколюбию! — сказал лекарь Клеон.— До сих пор я видел уважение со стороны людей, которым мне удавалось спасти жизнь, но такого бескорыстного отношения я нигде не встречал! Я рад, что буду жить среди людей этой веры.

— Не мешало бы тебе, лекарь Клеон, проявить человеколюбие к несчастной маленькой рабыне.

Размышления Клеона прервала молодая рабыня Каллисфения, которую Хайран купил за красоту. Ее тонкое красивое лицо и стройная, гибкая фигура приглянулись скульптору Феофилу, человеку свободному и знаменитому своими работами. Феофил знал, что Каллисфения, позируя ему, поможет создать чистый и прекрасный образ буддийской богини или бодисатвы, и он уговорил купца купить красавицу. Хайран прислушался к словам ваятеля, и Каллисфения отправилась в дальний путь. Красавица рабыня не знала, что Клеон, лекарь из Александрии, предпринял это трудное путешествие не только потому, что Хайран пообещал ему хорошую плату, но еще для того, чтобы следовать за ней. Клеон видел ее в греческом театре Александрии, оценил ее красоту и задумал выкупить ее. Но он ничем не выдавал своих чувств.

— Не о себе ли ты говоришь, прекрасная Каллисфения? — ответил Клеон.— Впрочем, ты вовсе не маленькая, ты длинноногая красавица. Я привык видеть тебя здоровой. Клянусь, как только мы войдем в ворота прославленной кушанской столицы, мы станем свидетелями чуда: к тебе прискачет на арабском скакуне молодой красивый вельможа и предложит пересесть в богато разукрашенные носилки; ты скроешься за занавесками из тончайшего золотистого шелка, и больше мы тебя не увидим.

— Твоя болтовня забавна, Клеон. Но речь идет о девочке Сфрагис. Всю дорогу она корчилась от боли в животе, но Тигр не звал тебя, а посадил бедную девочку в корзину и велел привязать к поклаже. Так она провела много дней, не всегда получая даже воду. Она может умереть, не добравшись до Каписы. Помоги несчастной. Посмотри, она спряталась за аркой. После еды ей стало совсем худо.

Лекарь Клеон вез с собой целебные травы, и каждый раз, когда к нему обращались за помощью, он вытаскивал из тростниковой корзины какую-нибудь настойку или просто сушеные листья, тщательно размельченные, тут же смешивал их с медом, водой или вином и нередко помогал больным. Как только он осмотрел девочку, он решил, что у нее болезнь печени, и дал ей целебную настойку. Монахи постлали циновку и уложили Сфрагис в тени ветвистых шелковиц. Тем временем привратник сообщил, что в храме начинается богослужение и гости могут посетить храм.

РАССКАЗ ИНДИЙСКОГО ПРОПОВЕДНИКА

В тенистом саду купцы увидели позолоченные пагоды и дивно разукрашенные стены буддийского храма. Вокруг цвели акации, а по стенам вились сиреневые глицинии, нежные и благоуханные. Позвякивали привешенные к крыше бронзовые колокольчики. Длинные пестрые ленты свешивались с крыш. Белые были символами облаков, голубые — неба, зеленые — воды, желтые — земли, красные — огня. Внутри храма, в таинственном полумраке, среди зажженных курильниц и множества глиняных светильников сияли позолоченные скульптуры Будды и бодисатв.

Шло богослужение, и священнослужители, сидя рядом на войлочных расшитых коврах, пели священный гимн Будде. Им вторили флейты, барабаны и маленькие позолоченные арфы. Все они играли слаженно и сопровождали пение необыкновенно тихой и приятной мелодией. Но вдруг в эту прекрасную музыку ворвался ураган все заглушающих звуков. Какой-то рев, тревожный и непонятный, нарушил гармонию. Казалось, сотрясается небо и колышется земля. Тревога охватила гостей. Они в испуге озирались по сторонам, пытаясь понять, кто издает эти странные звуки. И они увидели молодого монаха могучего сложения, который изо всех сил дул в белую витую раковину. Такие раковины можно увидеть только у восточного побережья Индостана. Индийский океан иногда выбрасывал на берег эти редкостные раковины, и тот, кому удавалось подобрать их, считал себя счастливым. Он знал, что за эти раковины могут уплатить даже больше, чем за хорошую лютню. Буддийские монахи считали, что она издает божественные звуки и Будда в своем новом воплощении слышит их.

— Какие же легкие у этого человека! — воскликнул Клеон, который никогда прежде не видел играющих раковин.— Поистине его легкие сделаны из меди, не иначе.

— Таинственно и красиво,— сказал купец из Согда.— Однако наши молитвы перед восходящим Солнцем, с ветками цветущего миндаля в руках, кажутся мне еще красивей. Мы тоже поем свои гимны перед благоухающими золотыми курильницами. Но мы обращаемся к самому Солнцу, к божеству, которое является источником жизни на Земле, а здесь обращаются к человеку, умершему сотни лет назад. Непонятно мне это.

— А мне понятно,— сказал скульптор Феофил.— Они последователи выдающегося человека, принца Гаутамы, который призывал к милосердию. Люди очень нуждаются в милосердии. Они устали от зла и насилия. Вот почему, я думаю, они преданы ему и чтут его память. Надо вам сказать,— продолжал Феофил,— что храм Аполлона в Афинах — один из прекраснейших в мире, я в этом убежден,

но здесь своя красота и свое величие. Эти люди обладают удивительным вкусом. Посмотрите, как красиво убран храм. Какая изысканная архитектура! А ваятели как искусны! Возможно, что каменные статуи изваяны греками, но эти ваятели уже отошли от чисто греческой скульптуры и сделали нечто новое, именно то, что нужно было для буддийского храма.

— Ты хорошо сказал о них,— согласился согдиец.— Так может рассуждать человек, который сам создает каменные изваяния, подобные этим. Однако все ли тебе понятно здесь?

— Мне все понятно, но и удивительно,— сказал Феофил.— Как же велик этот Будда, который заставил людей поверить в добро и повел за собой! Вот уже несколько сот лет, как строятся прекрасные храмы в его честь. И мы с вами в храме, воздвигнутом в пустыне для бедных монахов. Удивительно, не правда ли? — обратился он к паломнику из индийцев.

Паломника они встретили уже здесь, у ворот монастыря. Он хотел вместе со всем караваном добираться до кушанской столицы, чтобы увидеть храмы, воздвигнутые кушанскими царями в честь Будды.

— Я не случайно, не проездом оказался у ворот этой обители,— ответил индиец.— Я стремился к этой монашеской обители, чтобы в молитвах рядом со святыми отцами обрести надежду. Я расскажу тебе о Будде.

— Позволь и мне послушать тебя,— обратился к нему Хайран.— Я прежде не встречал людей этой веры. Но делаю для них добро. Я везу рабов: искусных мастеров ваяния, живописи и чеканки. Я продам их жрецам, которые заняты возведением нового храма в столице кушанских царей.

— Я верен Будде, и для меня не может быть дела более важного, чем просвещать. Ведь само имя «Будда» означает «Просветленный»,— сказал паломник.

В прохладе тенистого сада было приятно посидеть. Вокруг индийца собрались почти все купцы, которые держали путь в Капису. И хоть многие из них что-то знали о буддистах, увлекательный рассказ паломника произвел на них большое впечатление.

— Есть у нас в Индии гималайский кедр, удивительное дерево,— начал индиец.— Оно живет около тысячи лет, и в тени его ветвей размышлял когда-то принц Гаутама, чудесно рожденный из бока матери. Он родился в семье индийского князя из рода Шакья и с малых лет поражал всех своим умом, силой, ловкостью и красотой. Его юность была безмятежной. Ничто не омрачало его молодости. Он женился. У него родился сын. И казалось, что спокойная, беспечная жизнь продлится до самой старости. Ему было двадцать девять лет, когда он вдруг стал обращать внимание на вещи, которые, казалось, не имели к нему никакого отношения.

Раньше он, проезжая по городу на своем прекрасном белом коне в яблоках, видел только то, что было ему приятно. Он мог обратить внимание на красавицу, которая глянула на всадника из-за шелковой занавески своих богатых носилок. Он мог обратить внимание на дорогую одежду вельможи или на вновь построенный дворец. А тут он вдруг увидел прокаженного, голодного и совсем голого старика. Он долго рассматривал похоронную процессию и призадумался над молодым аскетом, который обрек себя на нищенское существование во имя справедливости. Эти встречи и размышления изменили жизнь принца. Он узнал, что люди несчастны, что они подвержены бесчисленным страданиям и что смерть неизбежна. Он оставил свой богатый дом, облачился в одежду бедного странника и пошел по дорогам своей страны, чтобы увидеть жизнь обездоленных и страждущих.

Гаутама стремился к просветлению, к постижению истины. Семь лет он странствовал, голодал, истязал себя, подавлял свою плоть. И вот случилось так, что, сидя под деревом Познания, Гаутама неожиданно постиг путь к спасению. Он познал тайну переселения душ и четыре священные истины: страдание — общий удел мира; причины его — желания, страсти, привязанности. Конец страдания — в нирване; существует путь к достижению нирваны. Гаутама, познавший священные истины и ставший Буддой, Просветленным, долго сидел возле дерева Познания, наслаждаясь мыслью об освобождении.

Прошло несколько дней, и злой дух Мара стал искушать Будду. Зная, что Будда стремится возвестить истину людям, он призывал Гаутаму сойти в нирвану, ни о чем не заботясь. Но Будда устоял перед искушением. Он пошел к людям, чтобы возвестить истину. В своей проповеди он говорил о том, что жизнь человеческая есть страдание. Рождение, старость, болезнь, смерть, разлука с любимым, союз с нелюбимым, даже недостигнутая цель, неудовлетворенное желание — все страдание. Страдание происходит от жажды бытия, сладострастия, желания, от жажды наслаждения, от жажды созидания и власти. Но есть путь к уничтожению страданий — уничтожить ненасытную жажду, отрешиться от земной суетности. И Будда провозгласил восемь путей истины, которые могут привести к просветлению и познанию. Он называл их: это вера, решимость, слово, дело, жизнь, стремление, помыслы и созерцание. Просветление — это путь к нирване.

Сорок лет Гаутама скитался,— продолжал паломник,— он нес свою проповедь людям. И сотни лет последователи Будды стремятся постичь истину, найти путь к нирване. Последователи Будды воздвигают ему храмы, буддийские монастыри и ступы. Богатые люди не жалеют золота и драгоценных камней, чтобы украсить изваяния Будды. Среди его последователей — народы многих стран мира. Его учение прекрасно!

— О нет, с этим я не согласен! — воскликнул Хайран.— Жизнь так хороша и многообразна! Если отказаться от земных радостей, то для чего же жить на свете? Богатый дом, вкусная еда, красивая одежда — как много удовольствия в этом! А разве не радостно подарить любимой драгоценный перстень? Как можно отказаться от всего этого? Все остановится, если люди будут всего бояться и уйдут в общины аскетов. А нам, купцам, и вовсе делать будет нечего. В моем доме произошло столько несчастий, я перенес столько страданий, что сказать трудно, но я бы не стал монахом. Я жив, и во имя моей жизни и жизни моей любимой дочери я совершаю это путешествие. И вот я встретил в пути вас, добрых людей. Это доставило мне радость. Я много страдал, но я по-прежнему люблю красивые вещи, доброе вино и веселых друзей.

— А я, принимая эту веру,— сказал купец из бактрийцев,— посчитал, что можно и отступить кое в чем. Я готов принести дары для буддийского храма и внести свою лепту в копилку буддийского монастыря, но я не хочу отказываться от радостей жизни и не делаю этого. Однако я считаю себя обязанным прислушаться к человеческому горю. И, если ты доверяешь нам, достойный человек из Пальмиры, расскажи о своих бедах, и мы по мере возможности постараемся тебе помочь, не правда ли, друзья?

— Святая истина!

Хайрану показалось, что так воскликнул не только индиец, благородное лицо которого напоминало святого в белоснежной чалме и в белом одеянии. Хайрану показалось, что вместе с ним это сказали решительно все, одни — словами, а другие — кивком головы. Хайран, человек общительный, но сдержанный, когда дело касалось его личности, проникся доверием к людям, собравшимся в этой святой обители. Он стал рассказывать.

— Вы видели, друзья, как мои слуги раскинули шатры у ворот монастыря? Они позаботились о моей дочери Байт. Кроме нее, у меня никого нет на свете. Байт осиротела, когда ей было пять лет. Я потерял жену. Я похоронил четырех дочерей. У меня осталась одна Байт. В моем богатом доме в Пальмире много слуг, есть экономки, живут учителя, они приглашены, чтобы сделать мою Байт образованной женщиной. Моя Байт умна, красива. И вот настал счастливый день, когда мы назначили свадьбу. Жених ее — достойный юноша из богатой семьи пальмирского купца, моего друга. Случилось так, что юноша оказался по делам своего отца в Александрии. Там он повстречал моего брата, которому предстояло отправиться на корабле в Неаполь по торговым делам. И вот мой будущий зять, Забда, задумал воспользоваться таким счастливым случаем посмотреть Неаполь, а заодно и бой гладиаторов в Риме. Он имел при себе достаточно денег, а в случае надобности мог позаимствовать у моего брата.

Они сели на корабль, и попутный ветер благоприятствовал их путешествию. Оставалось не более двух дней пути до Неаполя, когда пираты напали на корабль. Из всех людей, бывших на корабле, только одному удалось откупиться и уйти от пиратов. Это был богатый купец Никанор, сын Ксенокла из Книда. Все остальные были проданы работорговцам, которые подошли к кораблю на маленьком паруснике. Благородный Никанор сумел передать мне через людей ужасную весть. Об этом просил мой брат. Никанор узнал, что работорговец купил у пиратов невольников, чтобы доставить их в Капису. В своем послании ко мне Никанор дал мне добрый совет: закупить рабов, знающих хорошее ремесло, и доставить их в кушанскую столицу. Он точно знал, что правитель Кушанского царства стремится заполучить искусных ваятелей, художников, литейщиков, мастеров по обработке камня. Он пожелал воздвигнуть красивейшие в мире буддийские храмы. Вот почему я стремлюсь в Кушанское царство. В Каписе я надеюсь разыскать моих близких и выкупить их за любые деньги. На поиски любимого отправилась и моя дочь Байт. Мы уже полгода в пути. Все вы бывалые путешественники и знаете, как это трудно. Однако мы здесь. И вот уже близка цель нашего путешествия.

— Ты совершенно прав! — воскликнул Кудзула, купец из Каписы.— Никанор из Книда дал разумный совет. Я помогу тебе узнать, где находятся жених твоей дочери и твой брат. Поверь мне, Хайран, мы вызволим их из рабства. Но доколь будут свирепствовать эти пираты? Сколько зла они приносят людям! И нет той силы, которая могла бы их остановить.

— Когда я покупал искусных ремесленников на невольничьем рынке Александрии,— сказал Хайран,— я встретил больную худенькую девочку Сфрагис. Она просила купить ее, потому что попала в руки злой и скаредной хозяйки. Девочка постоянно голодала. Десять лет назад она вместе с матерью была продана в рабство пиратами, которые завладели кораблем. Ничего не изменилось.

— Обычная история,— заметил горестно индиец.— Если бы случилось так, что пираты приняли бы веру Будды, они бы прекратили свои злодейства. Если бы они призадумались над своей грешной жизнью, если бы сумели поставить себя на место своих несчастных жертв, они бы содрогнулись. Я уверен, что иные из них стали бы членами монашеской общины, а награбленное добро они бы отдали в монастыри. На эти деньги можно было бы воздвигнуть новые храмы, буддийские монастыри, построить ступы, где были бы похоронены останки святых нищих. Как печально, что души людские потонули в мерзости!

●

Покидая святую обитель, купцы сделали свои приношения. Настоятель монастыря остался доволен. Ему нужны были деньги и дорогие подарки, чтобы обновить позолоченные пагоды храмов, закупить благовонные курения. Для содержания монахов денег не нужно было — все они добывали себе пищу в странствиях, собирая подаяние. Так как обитель эта стояла в стороне от дороги, по которой шли караваны купцов, монахи по очереди отлучались для сбора подаяний. Они сами себя обслуживали. Готовили неприхотливую еду из овощей, следили за чистотой и порядком, ухаживали за растениями. Двенадцатилетние мальчики-послушники во всем подчинялись старшим и прислуживали им.

Обо всем этом купцы узнали уже в день своего отъезда, когда любознательный Хайран спросил мальчика-служку, трудно ли ему здесь. Мальчик тяжело вздохнул и ответил, что очень трудно. Он думал, что все дело в том, как бы лучше выполнять десять заповедей монаха: не убий, не воруй, не лги, не прелюбодействуй, не пьянствуй, не пой, не танцуй, не спи на удобных постелях, не ешь в неположенное время и еще что-то в этом роде. Оказалось, что есть еще двести пятьдесят запретительных обетов и три тысячи еще каких-то запретов.

«Бедное дитя! — подумал про себя Хайран и снова сказал себе: — Не приемлю я веру буддистов». В памяти его осталось бледное лицо худенького печального мальчика с умными карими глазами.

Наконец-то тронулся караван верблюдов, груженных бесчисленным множеством тюков, корзин, сундуков и оседланных людьми под зонтиками и рабами, которые изнывали от солнца и молили богов, чтобы скорее закончилось это мучительное путешествие. Каждый думал о том, что хорошо бы скорее добраться до Каписы. Они шли через пустыни, через горные перевалы и ущелья, словно пробитые мощной рукой великана. Это был великий торговый путь.

Прошло несколько дней, и караван оказался среди мрачных остроконечных гор Гиндукуша. Казалось, не будет конца этим темным узким ущельям, похожим на гигантские колодцы. Но вот караванная тропа привела их в долину, и вдруг ослепительно засияли белоснежные вершины, покрытые вечными льдами.

— Эти горы величавы и красивы,— сказал на привале Кудзула,— но я видел в этих краях статую Будды, изваянную из камня, она кажется даже более величавой, чем эти горы. Я думаю, она имеет не менее ста двадцати локтей в высоту.

В пути Хайран рассказал Байт о своем знакомстве с купцами и о том, что он питает надежду вызволить из рабства жениха Забду и дядюшку. Девушка оживилась. Улыбка озарила ее красивое и

печальное лицо. Путешествие было трудным для изнеженной, привыкшей к удобствам роскошного дома девушки. Но ей понравилось путешествие. Она многое узнала в пути. И хотя Байт не общалась с теми спутниками, которые шли вместе с ними в караване, она узнала о долгих беседах на привале по рассказам отца. А главное, она поняла, как обширна земля и как много племен живет в дальних, неведомых ей странах. И язык у них другой, и боги другие, и обычаи непохожие. И всюду встречаются добрые, участливые люди. Люди имеют так много общего! Их внимание и приветливость поразили девушку. Она по природе была доброй и отзывчивой, но ей так мало приходилось общаться с чужими людьми! Судьбы их были ей неизвестны. Чему они радовались? Чему печалились?..

Девушку очень заинтересовали рассказы о Будде, о монашеской обители, которую она не видела. Байт оставалась в своей палатке, и слуги оберегали ее, выполняя малейшие прихоти.

Когда Хайран сообщил ей про девочку Сфрагис, Байт очень удивилась.

— Почему ты, отец, не рассказал мне о девочке, похищенной пиратами? Я бы еще в Александрии могла взять ее к себе, тем более что в нашей судьбе есть что-то общее. Не пойму, как ты мог оставить девочку на попечение этого злодея работорговца, который помогает тебе доставить невольников в Каписy! Ты купил ее и тотчас же забыл. Как это горестно!

— Слишком много забот и печалей тревожат меня,— отвечал Хайран.— А рабы — это тоже товар. Я не привык думать о судьбе раба. Если вникать в горестную жизнь невольника, то надо отказаться от моего занятия — вести торговлю тем товаром, который приносит прибыль. Мое большое достояние исчезло бы, как растаявшее облако. Впрочем, если тебе хочется увидеть Сфрагис, я велю привести ее к тебе. Только не удивляйся, если она будет в лохмотьях. Нам невыгодно покупать одежду рабам. Ты сама знаешь, что я редко торговал таким неприятным товаром, а сейчас судьба заставила. Для спасения твоего жениха и моего брата я на все готов.

— Вели привести ко мне Сфрагис,— прошептала Байт, стараясь скрыть душившие ее слезы.— Мне казалось, что мы с тобой, отец, понимаем друг друга, но, может быть, я заблуждаюсь. Мудрецы говорят, что, сказавши первую букву алфавита, назови и вторую. Ты купил ее, потому что пожалел, а потом забыл и оставил ее голодную в знойной пустыне. Поистине не быть тебе буддистом. Да и христианином не быть.

— Не быть, дочь моя. Было бы ужасно, если бы я последовал их путем. Тебе же было бы плохо.

СФРАГИС ЗНАКОМИТСЯ С БАЙТ

За прошедшие несколько дней, с тех пор как покинули гостеприимный дом монахов, Клеону удалось немного облегчить состояние Сфрагис. Он поил ее настойкой и следил за тем, чтобы ей не давали грубой пищи, которая могла свести ее в могилу. Заботливый монах из послушников, молодой и отзывчивый, тайно от повара собрал овощей на огороде и дал их Сфрагис, чтобы она могла сварить себе немного еды во время остановок. Эти овощи, по мнению Клеона, должны были помочь бедной девушке.

Но дни шли, а желтизна не проходила. То жар, то озноб изводили Сфрагис. Клеон отчаялся. Он сказал Каллисфении, что девочка слаба и, возможно, не доедет до Каписы. Тогда Каллисфения обратилась к начальнику рабов и сказала, что рабыня погибает, но в караване могут быть люди, которые везут с собой целебные травы.

— Ничего не стоит добыть целебного зелья, надо лишь спросить у незнакомых людей,— сказала Каллисфения.

Начальник рабов побоялся гнева Хайрана и сообщил ему о беде. На привале купец обошел людей, примкнувших к каравану в пути, и столкнулся с человеком очень приятной внешности, на вид добрым и приветливым, но очень молчаливым. Этот человек ни с кем не знакомился, отдыхал в стороне от всех других, пользуясь услугами своих людей, на вид похожих на нубийцев. Одежда этого человека была простой, но удобной для дороги, и трудно было сказать, паломник он, ученый или поэт. И откуда он. Чем-то он напоминал египтянина, но хорошо говорил на греческом и тотчас ответил, когда Хайран попросил у него помощи.

— Пусть лекарь из греков подойдет ко мне,— сказал неизвестный.— Впрочем, пусть приведет рабыню.

Клеон привел Сфрагис, и этот человек, видимо лекарь, очень внимательно ее осмотрел, послушал сердце, спросил, давно ли она заболела и на что жалуется. Он сказал Клеону, что девочка больна лихорадкой, измучена невзгодами, истощена голодом. Он дал несколько настоек и велел пить их три раза в день, а в конце пути сообщить ему, помогли ли эти лекарства. Клеон усердно выполнял указания незнакомца, понимая, что перед ним лекарь, который превосходит его в знаниях болезней. Ведь он, Клеон, не разгадал лихорадки.

Настойки, предложенные Сфрагис незнакомцем, помогли ей.

Когда слуга Байт потребовал для госпожи невольницу Сфрагис, начальник рабов забеспокоился. Он решил предложить другую девушку, здоровую и крепкую. Однако слуга вернулся с требованием доставить именно Сфрагис. Пришлось выполнить приказание.

Посылая слугу, Байт предупредила, что во время остановки надо дать Сфрагис вдоволь воды помыться, а потом передать ей одно из

платьев Байт, чтобы рабыня предстала перед госпожой в опрятном виде.

Все было сделано, как велела Байт. Хайран, встревоженный обидой дочери, приказал выполнить все ее распоряжения.

Когда охранник велел Сфрагис оставить корзину и пойти со слугой, девушка в первый момент подумала, что ее хотят бросить на дороге из-за ее болезни. Ей было страшно. Она едва держалась на ногах и боялась, что, если ее оставят, она погибнет здесь, на пыльной дороге.

«Какая я несчастливая! — думала Сфрагис.— Впервые я встретила участие за десять лет рабства, а теперь всему конец».

— Добрый человек, не бросай меня на дороге, я хочу жить! Я больше не буду болеть, Клеон вылечит меня. Пожалей несчастную...

Сфрагис бессвязно повторяла одни и те же слова, а слуга слушал ее и не понимал.

— Почему ты плачешь, когда тебя зовет к себе госпожа? Она велела дать тебе вдоволь воды помыться и приказала принести для тебя свое платье. Тебе привалило счастье, а ты плачешь, глупая девчонка!

— Ты правду мне сказал, добрый человек? Ты не бросишь меня на дороге за то, что я больна и слаба? Спасибо тебе, добрый человек!

Сфрагис неожиданно схватила обеими руками его большую руку и прижалась к ней лицом.

— Зачем же?..— пробормотал смущенный слуга.— Я вижу, ты хлебнула горя из большой чаши.

— Ты прав, добрый человек. Я хлебнула яду. Несчастливая моя судьба!

Байт с нетерпением ждала девочку с таким странным именем. «Сфрагис...— повторяла она.— Какое необычное имя. Я попрошу ее вспомнить о том дне, когда на корабле появились пираты. Я узнаю, как они вели себя и что делали с пленными. Это было давно, но пираты вряд ли изменились. Разбойники всегда одинаковы».

Когда привели Сфрагис, Байт усадила ее рядом на парчовых подушках, велела подать ей виноград, финики и разных сластей. А потом очень ласково спросила ее:

— Ты нездорова, девочка?

— Теперь все хорошо,— улыбнулась Сфрагис.— Лекарь из Александрии Клеон дал мне целебной настойки. Потом меня лечил толстый добрый лекарь. Уже проходит желтизна. Я больше не страдаю от страшных болей, которые мучили меня все дни, пока мы не попали в этот буддийский монастырь. Спасибо добрым монахам. Они приняли нас как настоящих людей. Не как скот.

Байт пожала худенькую руку Сфрагис и молча кивнула. Рабыня увидела слезы на глазах госпожи.

— Прости меня, прекрасная госпожа! Я не хотела тебя печалить. Прости меня, несчастную. И спасибо тебе за твою доброту... Какое красивое платье ты прислала мне! Я такого никогда не видела. Когда мне было семь лет, я не заботилась об одежде. Моя мать покупала мне красивые платья. Я была единственной дочерью, а мой отец был знаменитым ювелиром в Сидоне. Он был добрым и красивым человеком, из греков. В тот ужасный год он отправился в поездку, чтобы доставить ко двору князя в дальней стране свои изделия. Зная, что отец не скоро вернется, мать решила поехать со мной к бабушке. И вот в пути мы попали к пиратам.

Сфрагис говорила медленно, захлебываясь от слез, но Байт ее не останавливала. Она понимала, что надо дать возможность несчастной излить свое горе. Но когда зашла речь о пиратах, Байт сказала девушке:

— Передохни и постарайся вспомнить возможно более точно, как все было. Для меня это очень важно. Такое же бедствие случилось с моим женихом и с братом моего отца, богатым купцом: пираты продали их работорговцу в Капису.

— Какое несчастье! — воскликнула Сфрагис.— Ужасное несчастье! Я все вспомню и все расскажу тебе. Я знаю, что самое главное — чтобы близкие узнали, кому проданы рабы, и смогли бы их выкупить. Мой отец ничего не мог узнать о нас. Может быть, он жив. Может быть, жива моя матушка. Отец богат. Он мог бы нас выкупить, но ведь он не знает, где мы. А вы знаете, где ваши любимые.

Сфрагис долго и подробно рассказывала свою печальную историю. Вспоминала тех людей, которые тогда попали к пиратам, рассказала, как выглядели разбойники.

Обнявшись, девушки плакали. Горе сблизило их.

— Сколько тебе лет, Сфрагис? — спросила Байт.— Ты еще совсем юная. Есть ли тебе пятнадцать? Ты такая худенькая и слабая! Впрочем, тебе было семь лет, когда ты стала рабыней, и десять ты провела у этой злодейки в харчевне. Она нисколько не лучше тех пиратов. А может быть, даже хуже. Это чудовище. Но если тебе уже семнадцать, то я старше тебя всего на два года и мы будем с тобой настоящими подругами. Не называй меня госпожой, называй Байт. Я прикажу устроить тебя рядом со мной, и нам будет очень хорошо. Но самое главное — я возвращаю тебе свободу. Сейчас, сию минуту ты уже свободна и будешь такой же госпожой, как и дочь Хайрана. Мало того. Как только мы прибудем в Капису, я велю связаться с именитыми ювелирами кушанской столицы, и мы узнаем, нет ли человека, который имел дела с твоим отцом. Мы попросим хранителя сокровищ при дворце кушанского царя вспомнить, не давал ли он заказов твоему отцу в Сидоне. Там был ваш дом?

— Там был наш прекрасный дом,— ответила Сфрагис.— А моя

мать считалась самой красивой женщиной Сидона, и она любила повторять, что ее далекие предки были вавилонянами. А вавилонские женщины были очень красивы и образованны.

— Бедная моя маленькая Сфрагис! Ты была рождена для счастливой жизни, и как жестоко ты пострадала! Но все страшное позади. Я позабочусь о тебе, и счастье вернется.

— А тебя боги вознаградят, добрая госпожа. Твой жених вернется, и вы отпразднуете веселую свадьбу.

— Жених вернется,— рассмеялась Байт,— свадьбу мы отпразднуем. Но какая я тебе госпожа? И как хорошо, что ты говоришь по-гречески!

Когда Хайран заглянул в шатер Байт, он радостно улыбнулся.

«Бог вознаградил меня за доброе дело,— сказал он сам себе.— Как хорошо, что я купил Сфрагис. Очень хорошо! Теперь Байт не будет так одинока. Отвлечется от своих дурных мыслей».

●

Пребывание в буддийском монастыре, увлекательные рассказы паломника-индийца, разговоры с купцами из Балха и Каписы — все это внесло такое оживление в жизнь каравана, что, казалось, началось новое путешествие. Люди как-то сблизились, стали интересоваться судьбой друг друга. А Хайран обрел новую надежду на встречу с близкими и был в таком радостном настроении, что каждый вечер собирал у своего костра новых друзей. И хотя долгие годы странствий на караванных путях Востока сделали его общительным, он никогда прежде не испытывал такого удовольствия от хорошей беседы, как сейчас. Может быть, потому, что на этот раз собрались очень хорошие люди, а может быть, остался след от проповедей паломника-индийца. И это заставило по-новому слушать людей.

Хайран очень заботливо обставил путешествие своей дочери, но он не мог изменить обычая, какой существовал в таком путешествии. Юная Байт не могла присутствовать во время бесед, которые проводились в часы отдыха и которые очень украшали путешествие. Обычно она сидела одиноко в своем шатре и бывала рада, когда отец приходил и рассказывал ей обо всем том новом и удивительном, что он узнал в пути. На этот раз Хайран во всех подробностях рассказал ей о своих беседах с кушанским купцом Кудзулой.

— Удивительные вещи рассказывает кушанский купец! — говорил Хайран дочери.— Оказывается, ему дали имя в честь основателя Кушанского царства Кудзулы Кадфиза.

— Никогда не слышала я об этом Кушанском царстве,— отвечала Байт,— а ведь мой ученый грек рассказывал мне о многих странах и народах. Правда, больше всего он любил рассказывать о греках,

римлянах и египтянах. А вот кушанские цари, должно быть, ему неведомы.

— Я как раз и хочу рассказать о них, дочка. Как говорит мой кушанский купец, его далекий предок Кудзула Кадфиз был князем кочевого племени из Бактрии. Он владел небольшим княжеством, которое называлось Кушанским. Надо сказать, что кочевники были бедны и владели лишь скотом. Не было у них ни городов, ни храмов, ни дворцов. Но был этот князь отважным воином, и удалось ему подчинить себе четыре соседних княжества. И когда войско его стало многочисленным, он одержал победу над многими соседними странами. Сын его Вима Кадфиз унаследовал от отца могущественное царство. А потомки его уже басстрашно шли войной на прославленные царства Индии, Согда и Персиды. Они подчинили себе богатые и красивые города. Им стали подвластны индийские княжества, знаменитые красивейшими в мире городами. Кушанские цари объединили земли кочевников, многочисленные города и селения, и страна их стала равной Великой Римской империи. Но при этом никого не угнетали, не выгоняли из городов искусных ремесленников, не убивали жрецов, приносящих жертвы чужим богам. А сами правители Кушанского царства стали покровителями буддийской веры. Они построили красивые города, воздвигли буддийские храмы и монастыри, украсили их золотом, серебром и драгоценными камнями. Купец Кудзула говорит, что и по сей день кушанские цари щедро оплачивают труд искусных ваятелей, художников, чеканщиков и ювелиров. Они всегда покровительствуют купцам, и торговля с ними процветает.

— Как хорошо, что мы увидим это богатое царство! — воскликнула Байт.

— И вот люди кочевого племени,— закончил свой рассказ Хайран,— создали одно из самых великих царств на земле. Паломник-индиец, который так пришелся мне по душе, рассказывал, что Кушанское царство может равняться лишь с Великим Ханьским царством. Индийцы, которые стали подвластны царям кушанским, нисколько не жалеют об этом. Они говорят, что не было на свете царей, которые бы с таким тщанием воздвигали буддийские храмы, не жалея на это десятки тысяч рабов, дорогого дерева, золота, серебра и драгоценных камней. Вот о чем рассказал нам прошлой ночью благородный кушанский купец Кудзула. Он дал слово помочь нам. Ты довольна, Байт?

— Очень довольна, отец. Всем довольна. И тем, что узнала о Кушанском царстве. Когда я вернусь в нашу Пальмиру, я расскажу моим мудрецам об этом. Возможно, что они не знают о том, откуда взялось это Кушанское царство, куда нам пришлось отправиться, чтобы выручить из рабства своих близких.

ВЕЧНЫЕ КОЧЕВНИКИ

Караван шел по выжженной солнцем степи. В полдень, когда солнце стояло в зените и жгло немилосердно, было решено сделать привал и переждать томительные часы. Байт теперь всегда радовалась этим остановкам, потому что к ней в шатер прибегала Сфрагис. За несколько дней худенькая и немощная рабыня преобразилась. С каждым днем она становилась бодрее. Глаза у нее засверкали веселыми огнями, лицо посвежело, а нарядная одежда сделала ее неузнаваемой.

Каждый раз, когда Сфрагис появлялась в шатре Байт, она получала подарок. Так у бедной девушки появились бирюзовые серьги, серебряный браслет и голубые бусы из Сидона, что было особенно дорого Сфрагис. Байт рассказала ей, что самые красивые стеклянные бусы привозят из Сидона.

— Никто лучше Сидонцев не делает цветного стекла,— сказала Байт.— Оно подобно драгоценным камням.

— А ты откуда это знаешь? — удивилась Сфрагис.— Я этого не знаю. А ведь я жила в Сидоне.

— Ты была мала, когда жила в Сидоне. А мой отец всегда рассказывает мне о вещах, которые привозит из разных стран. Он говорит, что, когда знаешь подробности происхождения вещей, они обретают душу. А ведь это делает их еще дороже и значительней. Рассматриваешь какое-либо украшение, привезенное издалека, и представляешь себе этих неведомых людей.

— Как хорошо, что твой отец так много ездит по земле и так много всего знает! Какой он мудрый человек! — восхищалась Сфрагис.— А какой добрый! Я никогда не забуду его доброты. Никогда не забуду того часа, когда он купил меня. И даже если найдется мой отец и если я увижу снова мою любимую мать, я все равно буду любить Хайрана и буду стараться делать ему добро.

— А как ты будешь делать ему добро? — смеясь, спрашивала Байт.

— Я буду дарить ему редкостные вещи. Ты не знаешь, какие красивые перстни с драгоценными камнями умеет делать мой отец. Я выпрошу у отца самый дорогой сапфир — синий камень удивительной красоты. Я велю оправить его в большой золотой перстень. А вокруг сапфира попрошу посадить самые красивые жемчужины. Ах, Байт, скорее бы найти моего отца! Как это нужно, если бы ты знала...

Сфрагис посмотрела в смеющиеся глаза Байт и продолжала:

— А для тебя, моя добрая госпожа, для тебя я попрошу сделать серьги с большими рубинами. Я помню, у моего отца была шкатулка с красивыми камнями. Иногда он брал меня на руки и показывал эти

камни. Я запомнила рубины, они были цвета красного вина. Знаешь, как вино красиво при горящих светильниках в прозрачной стеклянной чаше? Рубины были продолговатые. Отец сказал, что их гранили специально для серег. Их заказала важная госпожа из Александрии.

— Ты так хорошо рассказала мне о камнях, милая Сфрагис! Ты говорила так, как говорят поэты. Как-то отец пригласил к нам в дом знаменитого пальмирского поэта, и он читал стихи. Это было очень красиво.

— Байт, я признаюсь тебе. Мне не довелось учиться. Я чуть-чуть умею читать большие греческие буквы. Я совсем не умею писать. А если бы умела, то писала бы стихи. Они слагаются в моей голове по всякому случаю.

— Как это прекрасно! Милая Сфрагис... Я научу тебя писать и читать. Ты будешь сочинять стихи. А теперь ты прочтешь мне то, что запомнила.

Сфрагис не успела прочесть свои стихи. Они услышали крики и бросились из шатра. На горизонте бескрайней, выжженной солнцем степи показался нескончаемый караван. Удивительный караван! Вереница повозок, громадное количество верблюдов с поклажей, осликов и даже быков, запряженных в какие-то немыслимые тележки. Небо на горизонте потемнело от облаков пыли. Позади людей пастухи гнали скот. Казалось, что целые селения собрались воедино и двинулись в счастливые земли.

— Какие-то племена переселяются куда-то? — спросила Байт у своего слуги.

— Это вечные кочевники, они идут к новым пастбищам. Говорят, что такое переселение происходит у них два раза в году и точно так же всегда перевозится весь скарб, все их достояние, вся живность и птица.

— И давно они так кочуют? — поинтересовалась Байт.

— Мне говорили, что тысячи лет так кочевали их предки. А они живут по законам своих предков. У них нет городов, нет жилищ, и с ними в караване все их достояние.

Слуга был рад поделиться своими знаниями.

— Какое же это достояние — две курицы да ишак?

— Мне кажется, что самое большое достояние, помимо скота, который их кормит,— это дети. Таких красивых детей я никогда нигде не видел.

Байт и Сфрагис пошли навстречу этой толпе, чтобы получше увидеть детей и разглядеть женщин.

Впереди этого странного каравана они увидели высокого красивого старика с длинной белой бородой, в запыленном тюрбане, с громадным посохом в руках. Он был похож на погонщика верблюдов, который вел их караван. Он важно и неторопливо открывал шествие.

За ним шли нескончаемой вереницей привязанные друг к другу верблюды. И чего только не было среди бедной поклажи этих кочевников! Свертки войлока, бронзовые котлы, глиняные кувшины, мешки конского и верблюжьего помета, заботливо собранного в дороге, чтобы потом использовать его для костров. Забавно болтались связки белых кур.

Байт и в самом деле увидела множество смуглых черноглазых детей, которые возвышались на поклаже и весело щебетали, словно это самое удобное место на свете.

Женщины в темной одежде с блестящими украшениями выглядели величаво. Серьги, браслеты, перстни, маленькие защипки на крыльях ноздрей — все сверкало на солнце и очень украшало этих истомленных и запыленных в пути женщин. Старухи с маленькими детьми на руках передвигались на верблюдах, а молодые шли рядом и весело о чем-то переговаривались.

— Они привыкли, видимо, к этой трудной и неустроенной жизни,— сказала Байт,— им хорошо. Посмотри, Сфрагис, как весело смеется эта молодая красивая женщина с младенцем на руках. Вот та, с замысловатыми длинными серьгами. Подойдем поближе, посмотрим на младенца.

Они подошли и восхищенно рассматривали пухлого, румяного мальчугана с большими темными глазами и немыслимо длинными ресницами. Прижав руку к сердцу, Байт кланялась этим женщинам и говорила: «Вы очень хороши!»

Облако пыли скрыло идущих позади. Их было так много, что еще долго-долго раздавались голоса людей, детский плач и лай собак.

— Когда живешь в таком большом красивом городе, как Пальмира, когда перед тобой удивительной красоты дворцы и храмы, высокие дома среди зелени садов и шумные базары, тебе и в голову не придет, что где-то люди живут вовсе без крыши. А ведь их много, не правда ли, Сфрагис? Бедные кочевники!

— Они не бедные, они счастливые и свободные,— прошептала Сфрагис.— Самые бедные и обездоленные люди на свете — рабы. А большие красивые города построены для счастливцев. Я бы хотела увидеть Пальмиру.

— Так и будет, Сфрагис. Когда ты приедешь к нам в Пальмиру, ты глазам не поверишь. Да и невозможно представить, что эти высоченные арки, портики и гигантские колонны сделаны человеческими руками. Кажется, что их воздвигли великаны. Только великаны могут поднять такие громадные каменные плиты. А вот мой учитель, мудрец из греков, говорил мне, что и в самом деле джинны воздвигли этот чудесный город. Они построили его для царя Соломона. Как бы я хотела, Сфрагис, чтобы ты скорее увидела нашу Пальмиру! Наш дом и лавка, где торгуют заморскими товарами, находятся вблизи театра.

Ты пройдешь мимо колоннады театра и увидишь много каменных строений, целый ряд лавок. А за ними — дом и сад, где я буду тебя ждать. Но если ты захочешь зайти в лавку, то подойди к строению справа и там увидишь пять ступенек, ведущих вниз. Спустишься и войдешь в прохладное помещение самой большой лавки. И там ты можешь встретить Хайрана, моего отца.

— Пять ступенек вниз — и лавка Хайрана! — воскликнула Сфрагис.— А рядом — колоннада театра. Увижу ли я все это? Возможно, ты, Байт, пригласишь меня в театр. Ведь я никогда не была в театре и понятия не имею, что это такое.

— Бедняжка Сфрагис! Я много раз бывала в театре. Это так прекрасно! Я приглашу тебя в театр, Сфрагис. В Пальмире самый красивый театр на свете. И актеры из греков так хороши! С ними и посмеешься и наплачешься.

Сфрагис слушала как зачарованная, стараясь себе представить то веселых, то грустных актеров греческого театра. Но как ни старалась, так и не представила себе. Она даже мимов не видела. Чем больше она слышала о Пальмире, тем больше ей хотелось попасть в этот необыкновенный город. А главное, хотелось быть рядом с Байт и никогда с ней не разлучаться. И она сказала:

— Я видела дворцы и храмы в Сидоне и в Александрии. Но то, что воздвигли джинны, я думаю, еще красивее. Когда я увижу все это, я напишу стихи про джиннов. Хочешь, Байт? Но сначала ты научишь меня писать.

— Научу, милая Сфрагис. Ты мне почти сестра. Я поделюсь с тобой своими нарядами и своими знаниями. Мне всегда недоставало доброй и заботливой сестры. Когда нет матери, сестра очень нужна.

●

— Мне жаль этих вечных кочевников,— сказала Байт отцу, когда громадное облако пыли, окрашенное солнцем в красный цвет, скрыло за собой тысячи кочевников с их верблюдами, мулами и связками белых кур.

— Напрасно. Они довольны своей судьбой. Ведь это не первый переход в их жизни. Если бы они впервые отправились в такой утомительный и дальний путь, им было бы трудно. Но если так делали их предки две тысячи лет назад, то, право же, эти трудности уже незаметны. Они привычны. Наоборот, эти люди свободны от тягот городской жизни. Они не должны тратить силы, чтобы строить себе дома, покупать дорогую одежду. Они свободны от стяжателей и от страха перед богами. Нет у них монастырей, нет дорогих скульптур из мрамора и не нужно им золота для украшения храмов. Они любуются восходами и закатами, а когда на пути у них встречается

зеленый оазис и прохладный источник, это уже праздник. Может быть, так лучше, дочь моя. Но мы привыкли к городу, да еще к лучшему из всех городов на земле. Нам жизнь кочевников была бы тягостной. Даже это путешествие трудно для тебя, Байт. Я тревожусь о твоем здоровье. Каждое утро я просыпаюсь с тревогой, здорова ли моя девочка. Ты ведь у меня одна на свете. И для тебя я тружусь и стараюсь изо всех сил увеличить свое достояние. Скажи мне, Байт, тебе нравится Сфрагис, ты с ней дружна? Ты говорила, что в первую же встречу подарила ей свободу. Очень щедро, Байт. А что будет дальше?

— Я назову ее сестрой и увезу с собой в Пальмиру. Она так добра и внимательна ко мне! Я полюбила эту девочку. В Каписе я буду просить тебя узнать, живет ли в Сидоне отец Сфрагис. Если он не покинул свой город, где жил со своей семьей, надо будет сообщить ему, что Сфрагис жива.

И Байт рассказала отцу все, что узнала о ювелире из Сидона Мерионе.

— Что же она мне раньше не сказала о своем отце? Я знаю многих людей в Сидоне. Я не имел дела с ювелиром Мерионом, но знал других ювелиров, а среди стекольных дел мастеров многие мне знакомы. Даже в этом караване есть один купец из Сидона. Надо с ним поговорить и просить его разыскать Мериона. Представляешь, как будет счастлив ее отец... А пока все это свершится, мы увезем ее в Пальмиру. Тебе этого хочется, Байт, я не буду препятствовать.

— Спасибо тебе, отец. Я всегда ценила твою доброту и щедрость. А в этом трудном путешествии ты показал себя еще добрее. Если бы были живы мои сестры, ты бы поделил любовь между нами. А так все достается мне. Боги жестоки. Подумать только — у меня было четыре старших сестры, и все умерли! Не стало моей матери. Мы осиротели. Как это жестоко! Но мы с тобой живы, отец, и нам надо утешать друг друга. А если бы ты слышал, что говорила о тебе маленькая Сфрагис, как она любит тебя и как хочет тебя порадовать чем-нибудь!

— Мог ли я предполагать подобное, когда купил эту бедную девочку! Судьба милостива, и в этом трудном пути прислала нам утешение. Мы все сделаем для Сфрагис. Тяжелая ей выпала доля. Когда выручим из беды наших близких, мы обо всем подумаем. А пока я поищу купца из Сидона. Скоро уже конец нашего путешествия. Мы прибудем в Капису и затеряемся среди многолюдной толпы. У всех дела и заботы, а у нас больше, чем у других. Тяжелым камнем лежит на мне забота о брате, о твоем женихе. Здоровы ли они? В Каписе ли? А может быть, далеко отсюда строят такой же буддийский монастырь, какой мы видели в пути...

Купец из Сидона Мелон был тоже из греков и потому знал решительно всех людей греческого происхождения, которые жили в Сидоне.

Когда Хайран спросил его о судьбе ювелира Мериона, купец весело рассмеялся:

— Я видел его накануне своего отъезда из Сидона. Это было три месяца назад. Он был здоров, и вся его семья была в полном благополучии.

— Какая же у него семья, когда жена и дочь были проданы пиратами?

— Ты знаешь, что они проданы пиратами? Он этого не знает. Два года он горевал, искал их повсюду. Они словно в воду канули. Ему ничего не удалось узнать. Он даже не узнал, при каких обстоятельствах они погибли. Он только знал, что жена и дочь отправились к бабушке в гости, но туда не добрались, а обратно не вернулись. И вот он женился. С тех пор прошло восемь лет. У него растут дети от второй жены. Трое сыновей и две дочери.

— Что же будет с его первой дочерью, Сфрагис? — спросил Хайран.— Как ее примут в этом чужом доме? Думаешь ли ты, что надо ему сообщить о дочери?

— Думаю, что надо,— ответил купец из Сидона.— Ведь это его дочь, которую он считал погибшей. И если через десять лет он может обнять свою дочь, так это ведь счастье. Я все ему расскажу и велю связаться с тобой, чтобы забрать Сфрагис. Я мог бы ее взять с собой, когда буду возвращаться, но у меня еще много остановок в пути. Пусть отец сам позаботится о своей дочери. Я буду рад передать ему добрую весть.

Потом Сфрагис и Байт долго расспрашивали о жизни ювелира Мериона, о его жене и детях. Сфрагис была так обрадована неожиданным известием, что от счастья стала еще красивей и оживленней.

— Какое счастье ты принесла мне, моя прекрасная Байт! — повторяла девушка и каждый раз бросалась целовать свою подругу.— Ты избавила меня от голода и нищеты. Ты спасла мне жизнь. А твой отец помог мне найти мой дом. Могла ли я надеяться на такое чудо?.. И вот уже скоро, скоро настанет день встречи. Пусть бы это свершилось!

— Но тогда мы расстанемся с тобой, Сфрагис. Тебе не печально это? — спрашивала Байт.— Я бы не хотела терять свою сестру, Сфрагис.

— Ты считаешь меня сестрой? — удивилась Сфрагис.— Ведь я никто — пока не встретила своего отца, пока не получила своего достояния, пока остаюсь нищей...

Байт не позволила своей подруге продолжать этот печальный

разговор. Она ее остановила и сказала, что дело вовсе не в достоянии отца.

— Разве друзей выбирают по одежде и по их достоянию? — спросила Байт.— А если бы я оказалась на твоем месте и вот так встретилась с тобой в пути, разве ты стала бы выяснять мое достояние? Мне дорога твоя душа. И вовсе ты не нищая. Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя в бедности, не поделюсь тем, что имею! Отец мой щедро открыл свой кошель. Он сказал, что рад помочь тебе во всем. И больше не говори мне о своей бедности, Сфрагис. А отца твоего мы попросим переехать в Пальмиру. Разве в Пальмире не нужны искусные ювелиры? Очень нужны!

В ДОМЕ КУДЗУЛЫ

В конце путешествия, когда уже можно было разглядеть красивые бронзовые ворота Каписы, Кудзула спросил Хайрана, где он намерен остановиться. Ведь с дочерью ему невозможно устроиться в доме у дороги.

— Я впервые здесь,— ответил Хайран.— Ты, Кудзула, пожалуй, единственный знакомый мне человек из Каписы. Нам некогда думать об удобствах, мы переночуем и в доме у дороги. Ведь наша забота — найти пленников.

— В том-то и дело! — воскликнул Кудзула.— Я помню о твоем несчастье и хочу тебе помочь. Я предлагаю тебе отправиться в мой дом. Караван твой со слугами останется в доме у дороги, а ты с дочерью, захватив ценную поклажу, прибудешь ко мне. Я окажу вам гостеприимство и тотчас же узнаю, как найти твоих близких среди десятков тысяч рабов, которые трудятся по велению кушанского правителя.

— Помилуй, добрый человек, как же я могу принять такое гостеприимство от человека незнакомого? Твое предложение так заманчиво.

— Чего не бывает на караванных путях! Я от чистого сердца пригласил тебя, Хайран. Так меня учил Просветленный. Я по-своему понимаю учение Будды. Я не стал аскетом и не брожу с чашей для подаяния, как делают это буддийские монахи, но то доброе, что я могу сделать человеку, я делаю. Да и ты отплатишь мне добром, когда мои торговые дела приведут меня в прекрасную Пальмиру. Давняя у меня мечта — прибыть в твой город со своими кушанскими товарами.

— Брат мой, Кудзула, добрые боги способствовали нашей встрече. Когда я покидал Пальмиру, я помолился в храме бога Бела.

В Пальмире нет храма прекрасней. Я сделал щедрые приношения жрецам, и это помогло! Я принимаю твое приглашение. Поверь мне, я буду с нетерпением ждать того дня, когда ты прибудешь в мой город со своим караваном.

Постоялый двор с домом у дороги, где обычно останавливались купцы и паломники, был полон людей, но тут же нашлось место для всего каравана пальмирского купца. У высокой глиняной ограды был раскинут большой шатер для рабов, рядом улеглись верблюды, освобожденные от поклажи. У большого глиняного корыта столпились мулы. В кожаных мешках рабы доставляли им воду из колодца.

Давая последние распоряжения своим помощникам и слугам, Хайран вдруг столкнулся с индийским паломником и радостно приветствовал его.

— Что-то хорошее осталось в моем сердце от встречи с тобой,— сказал Хайран индийцу.— Я запомнил твои рассказы о Будде и сообщил их моей дочери, человеку редкостного благородства.

— Я рад был этой встрече. Я не проповедник, но моя вера призывает меня делиться своими знаниями с каждым встречным. И если на этом караванном пути хоть один из встречных призадумался над тем, что такое добро и что такое зло, я посчитаю себя счастливым. Познание истины — великая наша цель.

Они расстались добрыми друзьями, и Хайран вместе с дочерью и Сфрагис отправились в дом Кудзулы. Слуги тащили вслед за ними ценную поклажу.

Дом Кудзулы, расположенный вблизи торговых рядов Каписы, был окружен тенистым садом. Высокая глиняная ограда скрывала от глаз прохожих редкостной красоты цветы, которыми гордился хозяин дома. Старый привратник, из рабов Кудзулы, низко склонился перед хозяином, а затем долго кланялся гостям. Серебряный колокольчик у калитки возвестил обитателям дома о том, что кто-то пришел, и мигом сад наполнился детскими голосами. Гордость Кудзулы — семеро детей, все бежали к калитке. Впереди всех — старшая дочь, Сита, ровесница Сфрагис. Она прижимала к груди сиамскую кошечку с шерстью, отливающей золотом. За ней, обгоняя друг друга, бежали мальчики и девочки. Самому младшему мальчугану, с черной курчавой головой, было шесть лет. Кудзула подхватил его на руки и крепко расцеловал. Мальчуган радостно смеялся. Он повис на шее отца и не хотел расставаться с ним. А тут уже столпились его братья и сестры, желая получить свой поцелуй. Сита подставила щеку, а затем протянула кошку.

— Поцелуй ее, отец. А что ты привез мне?

— Аравийский ладан и ароматные масла из Египта,— ответил

Кудзула.— Пожуешь ладан и почувствуешь, как рот твой расточает дивное благоухание. Им пользуются знатные женщины Египта.

На пороге ждала жена Кудзулы, толстая, румяная, улыбающаяся, такая же приветливая, как и Кудзула. Она пригласила гостей в дом и тут же занялась убранством комнаты для гостей. Сита остановила ее и с кислым выражением лица поспешила сообщить, что отец привез ей какую-то чепуху вместо ожидаемых золотых браслетов с зелеными камнями.

— Но у тебя уже так много браслетов и перстней, что не хватит рук, зачем же еще? — спросила мать.

— Браслеты — это ценность, а что такое аравийский ладан, который жуют знатные египетские женщины! И пусть жуют. А мне он не нужен.

— Не вздумай огорчать отца,— предупредила мать.— Он от всего сердца купил тебе дорогой подарок. Этот ладан — очень дорогая вещь. Что может быть лучше для невесты? Но мне некогда обсуждать твои подарки. Мне надо принять гостей.

— Подумаешь, подобрал на дороге проходимцев и привел в дом! Какая от них польза? — пробормотала Сита вслед уходящей матери. Она прижалась к кошке и поцеловала ее в зеленые глаза, отливающие золотом.

Комната для гостей, устланная мягкими коврами и уставленная драгоценными ларцами, была просторной и светлой. Слуги разбросали мягкие парчовые подушки, принесли большие блюда с причудливой чеканкой, на которых были уложены лучшие сорта винограда, финики, изюм, румяные яблоки и еще какие-то неизвестные пальмирцам фрукты. Сюда же были принесены круглые деревянные столики, а на них — горы замысловатых яств, каких Байт никогда прежде не едала. Напитки в серебряных кувшинах, сладкие медовые лепешки на глиняных расписных блюдах, жареные утки и целый барашек на вертеле — все было так заманчиво красиво и благоухало пряностями.

— Твоя щедрость неописуема! — воскликнул Хайран, когда к гостям пришел Кудзула, умытый и по-домашнему одетый в шелковый халат.— Поверь, я запомню этот счастливейший день моей жизни.

— Я рад принять достойного человека, располагайтесь. Ведь путь наш был долгим и трудным. Надо отдохнуть, прежде чем приняться за дела. Когда отдохнешь и отведаешь свежей еды из моей кухни, я научу тебя, как вести переговоры во дворце. Хорошо бы тебе представиться самому правителю. У тебя много ценных товаров, твои ювелирные изделия из разных стран могут соблазнить царя. Это большое дело — добиться благосклонности самого великого, чьи изображения стоят на площадях.

— Прошу сестер окунуться в бассейн,— предложила жена Кудзулы, обращаясь к Байт и Сфрагис.— Право же, вся усталость пройдет в одну минуту. Я велела положить для вас свертки мягкого полотна. Рабыня поможет вам умыться.

— Зачем ты пустила их в бассейн! — воскликнула Сита, когда мать вернулась в свои покои.— Какие-то проходимцы полезут в мой мраморный бассейн, отец сделал его для меня. Отмени приглашение, я не согласна.

— Я не хочу слышать эти глупые речи! — ответила мать.— С чего это ты взяла, что бассейн принадлежит тебе? Он сделан для всей семьи. А если мы можем доставить удовольствие своим гостям, тем лучше. Как это — отменить приглашение? Ты подумала, о чем говоришь?

— Я-то подумала, а ты, умная женщина, моя мать, не подумала. Тебе ничего не жаль. Ты расточаешь все богатства отца и готова любому встречному отдать свое достояние. Это скверно. Ты подумай о своих детях. Они останутся нищими.

— Дочь моя, откуда эти мысли? Кто научил тебя подсчитывать каждый кусок, проглоченный гостем? Почему ты так занята подсчетами? Что выгодно и невыгодно, тебе известно больше отца. Ты ничему не радуешься, а все подсчитываешь. Почему?

— Очень просто. Я разумный человек. Я невеста. Скоро будет свадьба, и вы, мои родители, отдадите мне мою часть, что положено. Я хочу, чтобы эта часть была побольше. А вы безрассудно тратите свое добро. Какой же разумный человек пустит в свой дом чужих людей и станет их кормить, будто они самые дорогие гости? Зачем?

— О боги, помилосердствуйте! Откуда у меня такая дочь? Мы так лелеяли тебя, Сита. Мы любовались твоей красотой и думали, что душа твоя так же прекрасна, как и твое лицо. Когда ты улыбаешься, можно подумать, что ты добра, но это заблуждение. Боюсь, что твой будущий муж пожалеет о своей женитьбе. Ты будешь отравлять ему жизнь своими подсчетами. Не хочу больше говорить с тобой. Ступай, Сита!..

— Я права, я права...— повторяла Сита, утирая слезы.

Она пошла к себе, чтобы пожаловаться старой рабыне, своей наперснице. Сита дружила с этой вздорной старухой и прислушивалась к ее советам. Зерна злобы и зависти, брошенные старухой еще в раннем детстве, попали на благодатную почву.

— Ничего не поделаешь,— сказала старая рабыня, когда Сита пожаловалась ей на расточительность своих родителей.— Возможно, что отцу выгодно принять у себя богатого купца,— заметила она.— А ты приглядись к его дочкам, может быть, и тебе будет польза от этой встречи.

— А какая может быть польза? — Глаза у Ситы загорелись.— Подскажи мне, моя верная служанка. Ты у меня умная и рассудительная. Подскажи!..

— Посмотри, какие у них украшения, похвали,— может быть, подарят. Бывает и так,— сказала со вздохом рабыня. Сама она очень любила подарки, умела их ценить и прятала в глиняном кувшине под сухими листьями шелковицы; правда, ей не приходилось получать подарки от юной госпожи, но жена Кудзулы была доброй женщиной и по праздникам всегда дарила что-то своим служанкам и невольницам.— Только знай: чтобы заслужить подарок, надо быть приветливой и не говорить глупостей.

— Разве я говорю глупости? — вспылила Сита и тут же хлопнула по щеке свою рабыню.— А теперь принеси мой праздничный наряд и помоги надеть его,— приказала Сита.— Я покажу этим девчонкам, как умеют наряжаться красавицы Кушанского царства. Принеси мой серебряный ларчик с драгоценностями. Все нацеплю, пусть завидуют!

— Ты умница! — Рабыня поцеловала подол шелкового платья своей госпожи и поторопилась выполнить ее приказание.

Когда Сита появилась в комнате для гостей, Кудзула как раз собирался уходить, чтобы выяснить, где строятся буддийские храмы и где искать рабов.

— Вот и Сита пришла повидать вас,— сказал Кудзула, усаживая дочь рядом с Байт.— Поговорите о своем. Моя Сита уже невеста.

Вместе с Кудзулой собрался и Хайран. Он решил пойти во дворец, чтобы узнать, купит ли у него драгоценности хранитель сокровищ.

Девушки остались одни.

— У нас в Каписе много красавиц,— начала Сита, поглаживая свою золотистую сиамскую кошечку.— Говорят, нигде нет таких красавиц.

— Возможно,— ответила Байт,— но у нас в Пальмире тоже много красавиц, и лучше всех — царица Зенобия.

— А у нас в Сидоне еще больше красавиц,— вмешалась Сфрагис.— Я не говорю о вавилонянках — я не знаю, много ли их в Сидоне,— но гречанки так красивы! Они похожи на рабыню Каллисфению. Ты видела ее, Байт?

— А разве вы не сестры? — удивилась Сита.— Вы так похожи, и украшения у вас одинаковые.

— Байт почти сестра мне,— призналась Сфрагис.— Она подарила мне эти украшения. Не правда ли, они красивы?

И простодушная Сфрагис, видя улыбающуюся Ситу, стала во всех подробностях рассказывать свою историю. Время от времени голос Сфрагис заглушал истошный крик кошки. Она ерзала в объятиях Ситы, пытаясь вырваться. Но Сита упрямо прижимала ее к груди и всем своим видом говорила: «Посмотрите, чем я владею. Ведь это

редкость. Во всей Каписе, должно быть, не больше пяти таких кошек». Она еще не успела рассказать о том, что отец привез ее издалека и этот необыкновенный подарок удивил всю улицу.

Когда Сфрагис кончила свой рассказ, наступила тишина. Байт сидела какая-то печальная и, как казалось Сфрагис, с укором смотрела на нее. А Сита от изумления просто лишилась дара речи.

Она понять не могла, как можно было подобрать на дороге больную ничтожную рабыню, подарить ей одежду и украшения, да еще дать ей свободу без денег. Ей хотелось обо всем этом спросить, но она вдруг вспомнила совет своей служанки, не стала спрашивать и молча улыбалась.

— Настанет счастливый день, когда я смогу отблагодарить мою прекрасную сестру Байт,— сказала Сфрагис.— Мы уже знаем, что мой отец жив и по-прежнему богат. Я вернусь в свой дом в Сидоне и буду просить отца покинуть Сидон и построить дом в Пальмире. Мы будем жить рядом с моей любимой Байт. Я буду дарить ей самые красивые вещи и буду любить ее всю жизнь. Когда я была маленькой, я не понимала, что такое дружба и забота, а позднее, когда стала рабыней, я была всего лишена. Я не имела ни дружбы, ни заботы, я ничего не имела. Я думаю, что теленок в хлеву был счастливее меня.

Сфрагис посмотрела в глаза Байт и умолкла. Она вдруг поняла, что все то сокровенное, о чем ей хотелось говорить, можно было сказать только Байт, а Сите не следовало говорить об этом. Но уже было поздно.

— Ты так хорошо обо всем рассказала, Сфрагис,— сказала, улыбаясь, Сита,— все это похоже на страшную сказку, в которой много злых духов. И еще мне понравились твои украшения,— обратилась Сита к Байт.— Таких нет в Каписе. Ну, хотя бы твои голубые бусы. Могу признаться тебе, Байт, у меня таких никогда не было. Из чего они сделаны? Похоже, что это целое состояние. Должно быть, это бирюза. Из драгоценных камней — целая связка бус! Я никогда не видела такого богатства.

— Представь себе, Сита, это не бирюза, это искусные изделия сидонских мастеров. Я их очень люблю. У меня их было много, и я часть своих украшений подарила Сфрагис. Она ведь жила в Сидоне, а не знала о существовании таких искусных мастеров.

— Я попрошу отца, чтобы он добыл мне такие же точно бусы,— сказала Сита.— Но возможно, что он не поедет в Сидон и не сможет этого сделать. А мне бы так хотелось в день свадьбы иметь эти украшения! Может быть, Байт, ты обменяешь их на что-либо из моих вещей? Это было бы очень хорошо. Но только если ты пожелаешь сделать мне это одолжение, то никому не говори, не выдавай моей тайны. Я не хочу, чтобы твой отец или мой узнали об этом.

Байт была смущена и огорчена. Ей очень нравились эти бусы

и не хотелось их отдавать, а отказать было неловко. Она не могла придумать, как ей ответить. Сфрагис, которая не меньше Байт огорчилась, подумала было о том, чтобы отказаться от подарка Байт и отдать его Сите, но побоялась обидеть подругу. Да и самой хотелось пощеголять в этих бусах. Это ведь были первые украшения, какие достались ей за всю жизнь.

Тем временем Сита сняла с пальца серебряный перстенек с маленьким рубином и предложила в обмен. Она протянула колечко Байт и сказала:

— Возьми и дай мне в обмен твои бусы. Это хорошее колечко, оно дорогое. Возьми.

Байт ничего не оставалось, как отдать свои бусы. Она взяла колечко, хоть и видела, что оно маленькое и не налезет даже на мизинец. Она могла бы предложить Сите взять эти бусы в подарок, но попрошайка так не понравилась Байт, что она не хотела делать ей подарка. Она молча взяла колечко и стала прощаться с Ситой.

— Я устала,— сказала Байт.— Сфрагис нездорова. Мы отдохнем и вместе с отцом пойдем в город, говорят, Каписа очень красива.

Байт не хотелось рассказывать Сите о своем несчастье. Эта девушка с кошкой показалась ей хищницей. Ей было жалко, что Сфрагис так доверчиво раскрыла свою тайну. Она видела, что судьба Сфрагис нисколько не встревожила Ситу.

Когда Сита ушла, прижимая к груди кричащую кошку, Байт протянула Сфрагис колечко Ситы и предложила померить. Перстенек пришелся впору на худенький пальчик Сфрагис, и Байт, улыбаясь, сказала:

— Сестрица, пусть это колечко напоминает тебе о нашем путешествии в Капису, но постарайся забыть Ситу, она мне не нравится.

Девушки заснули на мягких подушках и были разбужены уже поздно вечером, когда вернулся Хайран, сопровождаемый гостеприимным Кудзулой.

— Завтра мы отправимся за город, в каменоломни. Возможно, что там нас ждут наши любимые,— сказал Хайран дочери.— А ты, Сфрагис, поблагодари нашего доброго Кудзулу: он нашел купца, который отправляется в Сидон через несколько дней. Возможно, что он согласится взять тебя и доставить в дом твоего отца.

— Какое счастье! Как мне благодарить тебя, благородный Хайран? Мне тяжко расставаться с тобой и Байт, но, видит бог, я уговорю отца купить дом в Пальмире. Я приеду к вам, и мы уже никогда не расстанемся. Не правда ли, милая сестрица Байт?

— Я и рада и опечалена,— говорила Байт, утирая слезы.— Я надеюсь, что купец не увезет тебя прежде, чем найдутся наши любимые. Иначе ты будешь тревожиться, не правда ли, Сфрагис?

— Как я хочу, чтобы мы завтра же нашли их! — воскликнула Сфрагис.— Вот когда я посчитаю себя счастливой. Могу ли я уехать так далеко, не зная, какова твоя судьба, милая сестрица!..

Сфрагис бросилась к Байт и стала целовать ее в глаза, в щеки, хватала ее руки и прижимала их к сердцу.

— Сестрица Байт, госпожа моя,— шептала Сфрагис, и слезы мешали ей рассмотреть Байт, ее печальное лицо.

Никто не уснул этой ночью в красивой комнате для гостей. С тревогой ждали утра, чтобы скорее отправиться в каменоломни и искать...

В ПОИСКАХ БЛИЗКИХ

На рассвете Хайран уже покинул дом. Слуги привели верблюдов и вместе с хозяевами отправились в дорогу. Хайран заботливо приготовил для пленников одежду и еду. Он пожалел, что не успел поговорить о своем деле во дворце правителя. А Кудзула сказал, что, возможно, это к лучшему. Почему надо было верить добрым побуждениям кушанского царя? Неужто только потому, что он принял буддийскую веру и должен следовать добрым советам Великого Гаутамы? Он бы послал к хранителю сокровищ. Узнав, как богат и чем торгует купец, хранитель сокровищ прежде всего стал бы искать выгоду. Он бы потребовал немыслимый выкуп за рабов, объявив, что и они достались не дешево. Кудзула уверял, что правитель редко соглашается вести разговоры с приезжими купцами. Он больше интересуется паломниками и святыми, которые прибывают сюда из дальних стран, чтобы увидеть храмы и монастыри, воздвигнутые кушанскими царями. А теперь, когда болен его любимый сын, будущий наследник, и вовсе нельзя рассчитывать на его благосклонность.

Ранним свежим утром улицы Каписы показались особенно красивыми и нарядными. То и дело сверкали золотые пагоды многочисленных буддийских храмов, а в тени зеленых рощ виднелись стены монастырей, дворцы вельмож, богатые дома купцов. Верблюды шли медленно и важно, словно озирая окрестности. Их вел старый седобородый погонщик, с которым Хайран совершил много путешествий. Погонщик шел молча и величаво, опираясь на свой видавший виды посох. Он с удовольствием рассматривал богатые и красивые строения Каписы. Смотрел и молча восхищался. Большая часть его жизни прошла в пустыне. Но и там, в безмолвии и однообразии скудной природы, он находил свои красоты. Старый погонщик любил восходы и закаты, любил нежную зелень ранней весны в пустыне и радовался

зеленому оазису, когда наставал час отдыха. Он с благодарностью окунал усталые ноги в прохладный источник, а потом, освежив себя, с удовольствием принимался за еду и пил воду, как нектар, посланный богами.

За пределами города тропа, исхоженная верблюдами, изрезанная высокими колесами повозок и истоптанная маленькими копытами мулов, привела их к серым скалам, где слышался грохот молотов. Тогда Хайран велел остановиться, предложил своим спутникам остаться на дороге, а сам отправился к начальнику работ узнать обо всем. Он взял с собой мешочек со звонкой монетой и задумал начать свои переговоры с того, чтобы вручить этот мешочек. Так его учил Кудзула.

Хайран застал начальника работ за утренней трапезой. «Как нельзя лучше»,— подумал купец. Он подошел и представился.

— Купец из Пальмиры? — переспросил начальник, человек с красным и жирным от обжорства лицом.

Глянув на его самоуверенную и наглую физиономию, увидев, как он самодовольно поглаживает свои пышные черные усы, Хайран решил не говорить ему о своем родстве с пленниками, а сделать вид, что ему нужно купить двоих для работы в его собственной каменоломне в Пальмире. А чтобы выбрать подходящих, он хотел бы посмотреть, как они работают.

— Я занят, мне некогда водить тебя по каменоломне,— ответил грубо начальник.— Я должен дать много камня для нового храма, больше, чем могут добыть эти ленивые твари.

Протягивая кошелек, Хайран предупредил его, что не пожалеет денег, если начальник поможет посмотреть, как работают эти ленивцы. А за двоих ничтожных камнерезов он уплатит вполне достойно. Ведь не каждый день прибывает в Капису богатый купец из Пальмиры. Каписе далеко до этой удивительной столицы, воздвигнутой в пустыне. Только джинны могли соорудить те прекрасные строения, которые возвышаются сейчас в Пальмире и радуют глаз каждого человека.

Начальник даже не слушал. Он не знал, что есть на свете богатый город Пальмира. Но кошелек возымел свое действие, и Хайран получил в провожатые охранника, который должен был провести купца по всей каменоломне.

Маленькие глиняные светильники давали неверный тусклый свет, позволяющий рубить плиты. В глубине пещеры слышен был стук молотов, сопровождаемый стонами, иной раз вздохами или проклятиями. Хайран был озабочен: как здесь найти своих, в этой темноте, в этой пыли и грохоте? Это было невозможно. Все были почти голыми, запыленными, потерявшими человеческий облик. Он прошел несколько вырубок и понял, что здесь ему никогда их не найти.

Просто потому, что они уже стали совсем другими, неузнаваемыми. Сердце сжималось, глядя на этих несчастных. Он подошел к вырубке, где не слышно было стука молотов, потому что большая плита была уже выбита и ее надо было вытащить на поверхность. Несколько человек, напрягая все силы, пытались столкнуть ее с места. Он ждал, удастся ли им это сделать или охраннику придется позвать людей на помощь; тогда ему, Хайрану, можно будет спросить у этих несчастных имена своих близких. Хайран долго стоял вблизи и ждал. И он дождался своего. В самом деле, охранник, увидев, что работа остановилась, с проклятиями пошел звать на помощь. А Хайран быстро задал вопрос этим пленникам, протянув каждому по монете.

О почтенном брате Хайрана они не слышали, а молодой пальмирец работает в пятой пещере. Там еще трудней, но он сильный и пока здоров.

— Купи нас, добрый человек,— взмолились бедные рабы.— Купи для другой работы, мы уже потеряли здоровье и здесь погибнем.

Тусклый свет падал на плечо самого пожилого. Оно превратилось в сплошную кровоточащую рану и было засыпано серой пылью. Не было даже тряпки завязать эту рану. Несчастный уже много дней страдал от страшной боли, умолял позволить ему делать другую работу, просил немного целебной настойки и тряпицу, чтобы смазать настойкой из трав, но на все получил отказ. И вот он терпеливо сносил свои мучения.

— Купи меня! — просил несчастный.

— Я вас не куплю,— решительно ответил Хайран.— У меня другие заботы.— И пошел к пятой пещере.

К этому времени охранник привел несколько молодых здоровых рабов, и все вместе сдвинули плиту и потащили ее к выходу из пещеры, где работали каменотесы.

ЛЕКАРЬ ПЕТЕХОНСИС ИЗ ЕГИПТА

Хайран встретил его у входа во дворец кушанского правителя, когда пришел туда после неудачных поисков брата и жениха Байт. Он не нашел Забды в пятой пещере. Купец из Пальмиры лелеял мечту представиться самому правителю, хотел угодить ему редкими товарами, которые, как ему казалось, никто еще не догадался привезти сюда. Он хотел просить его о помощи. Но здесь же, в прекрасном саду, который окружал дворец, он узнал, что это невозможно. Увидеть правителя нельзя, он в печали: тяжко болен его любимый сын, наследник престола.

Люди, прибывшие во дворец кушанского царя с разными делами, в нетерпении ждали добрых вестей. Но вот появился человек, о котором все заговорили: «Он призван спасти царевича», «Он лучший из лекарей Египта», «Посмотрите, какой он важный, слуги несут драгоценные ларцы с египетским снадобьем... Он вылечит царевича». Это Петехо́нсис...

Хайран увидел пожилого человека в одежде египетского вельможи. Он приветливо раскланивался, и на его круглом добром лице вовсе не было никакой суровости. Просто он внушал доверие. Его темные веселые глаза приветливо смотрели на людей. Когда лекарь прошел мимо Хайрана, купец уловил запах аравийского ладана, какой он привез ко двору кушанского правителя. Ему было приятно узнать, что такой знаменитый лекарь использует этот ладан, как египетские красавицы. Вероятно, жует, чтобы рот наполнялся благоуханием.

«Хочет быть приятным,— подумал Хайран,— так и должно быть. Лекарь должен быть приятным и должен располагать к себе. Ведь человек отдает в его власть свою жизнь, а что может быть дороже?.. Но где я мог видеть этого человека? Не в Александрии ли? Мне знаком этот широкий нос древнего египтянина и веселые огоньки в глазах. Нет, не в Александрии я видел его, где-то здесь. Я говорил с ним. Что за наваждение!»

— В этих ларцах — редчайшие целебные травы, они растут только в Египте,— говорил своему собеседнику какой-то важный господин.

И Хайран вспомнил своего спутника по каравану, к которому он обратился, когда Сфрагис было очень плохо и надо было добыть целебной настойки. «Это он разгадал лихорадку у маленькой рабыни и помог ей своим лечением»,— подумал Хайран.

Стоящий неподалеку почтенный старец, настоятель буддийского монастыря, на вопрос собеседника, каковы надежды, ответил:

— Мне известно, что гонец его высочайшего величества был послан в Персиду на поиски искусного лекаря. Там, при дворе Сасанидов, он встретил египетского лекаря, который спас невестку царя царей. Гонец умолил египтянина поехать ко двору кушанского правителя в Капису. Ведь лекари Египта знают тайны врачевания фараонов, эти тайны записаны в древних папирусах. Тысячи лет оберегали эти тайны жрецы египетских храмов. Они записывали во всех подробностях редчайшие случаи заболеваний и усердно перечисляли те целебные травы, коренья и плоды, которые оказались чудодейственными. Имея эти папирусы, лекарь владеет бесценным кладом. Я думаю, что Петехонсис знает тайны египетского врачевания. Тем он и прославлен.

— Мне говорили,— отвечал собеседник,— что в очень давние времена фараоны посылали своих лекарей в другие страны и эти

посланцы фараона делали свое доброе дело. Нередко это приводило к дружбе прежде враждующих стран. Наберемся терпения. Посмотрим, что сделает Петехонсис. От этого человека зависит и наше благополучие.

«Вот он кто, этот скромный, приветливый человек. Он призван спасти царевича, а в пути помог рабыне. Удивительно это!» — подумал Хайран.

Глядя на белую мраморную лестницу, которая вела в покои царевича, Хайран размышлял о судьбе человеческой и о судьбе жениха Байт, который, быть может, тащит сейчас на своей спине такие же громадные плиты из белого мрамора, какими был выложен двор. Лестницу охраняли нарядно одетые молодые воины с копьями в руках, подобно тому как они ровными рядами стояли у священной лестницы персидского царя Дария во дворце Персеполя. Но то было так давно, что и забыто. Только рельефы, сделанные рукой искусного мастера, напоминают о том времени. И Хайран, видевший эти рельефы, вспомнил сейчас о них.

Тем временем Петехонсис поднялся по этой лестнице в сопровождении своего слуги и вошел в просторные покои, сверкающие мрамором, золотом, драгоценными камнями. Высокие окна с золотыми решетками пропускали мягкий приятный свет. Лучи солнца освещали деревянные колонны, украшенные причудливой резьбой, отражались в золотистых сердоликах и лиловых аметистах, которыми были выложены спинки удобных мягких кресел, ножки и подлокотники были выточены из драгоценного черного дерева и украшены резьбой из слоновой кости. Тисненные золотом мягкие кожи были использованы для сидений. Повсюду стояли маленькие столики, уставленные прохладительными напитками в золотых и серебряных сосудах. Посреди этой большой и красивой комнаты журчал фонтан, а вокруг него стояли кадки с редкостными растениями, привезенными из Греции, Эфиопии и Италии.

В глубине алькова на ложе с золотыми спинками лежал царевич. По обе стороны мерно и ритмично опускали свои опахала слуги. Было прохладно и благоуханно, но больной стонал, и сидящий у его изголовья отец не спускал глаз с худого, изможденного лица царевича.

Петехонсис склонился в низком поклоне перед царем. Суровое и властное лицо, обрамленное длинной черной бородой, богато расшитая золотом и жемчугами царская мантия, сверкающие драгоценными камнями перстни и браслеты — все должно было вызывать трепет. Но Петехонсис без всякого волнения, очень спокойно, с достоинством попросил великого правителя оставить его наедине с больным, чтобы лучше вникнуть в причину недуга.

Когда альков покинули слуги с опахалами и старый лекарь,

который жил при дворце и опекал царевича со дня рождения, Петехонсис стал осматривать больного царевича. Юный принц был покрыт красной сыпью с головы до пят. Страшный зуд мучил его и не давал уснуть. Чтобы успокоить себя, он велел слуге стоять у постели с золотым ножом в руках и время от времени чесать ему пятки. На расчесанных пятках образовались раны. Старый лекарь, решив, что перед ним разновидность страшной черной болезни, от которой никто никогда не выздоравливал, обрек принца на гибель. Врачеватели, приглашенные издалека, выслушав рассказ старого лекаря, соглашались с ним. И получилось так, что никто не предложил принцу того лечения, которое могло бы ему помочь. В полном отчаянии по совету настоятеля буддийского монастыря обратились к колдуну из брахманов. Он и лечил принца этим утром.

Выслушав жалобы больного, полуголый старик с амулетом на груди прежде всего установил причину болезни и назвал ее. Оказалось, что накануне того дня, когда царевич заболел, на него упала тень голодной птицы. Уберечся от этого невозможно, но можно вылечить. И колдун принялся за лечение. Он взял корешок пальмировой пальмы, потер его куркумой, вымыл в воде и положил на поднос; потом старик обвязал корешок пятицветным шнуром и стал обкуривать его кадилом. После этого он сто восемь раз повторил заклинание, положил корешок в коробочку и, потребовав золотую цепочку, повесил эту коробочку на шею больного царевича. Уходя, он пообещал, что болезнь отступит, потому что сказанное им сто восемь раз заклинание всегда помогает в таких случаях. Впрочем он попросил, чтобы заказали ювелиру золотой валик, куда будет положено новое заклинание в случае, если это не поможет. Новое заклинание колдун обещал произнести над больным тысячу восемь раз.

Петехонсис внимательно осмотрел больного, прислушался к его дыханию, приложил прохладную руку ко лбу царевича и, убедившись в том, что жара нет, попросил его вспомнить, не съел ли он перед болезнью каких-либо заморских плодов, какие ему прежде не приходилось есть.

— Это не имеет отношения к моей болезни! — ответил сердито царевич.

Он был зол на весь белый свет. С тех пор как он заболел, прошло уже двенадцать дней, а ему никто не сумел помочь. Неужто великое Кушанское царство не имеет искусных лекарей? И зачем привезли к нему этого улыбающегося египтянина, который и представления не имеет, как ему, царевичу, все надоело и как он устал от бессонницы и непрестанного зуда.

— Однако я прошу его величество вспомнить, не было ли за столом заморских плодов накануне болезни,— повторил Петехонсис.

— Мне и вспоминать нечего,— отвечал так же сердито царевич.—

Я ем каждый день сочные, ароматные плоды, доставленные мне из Эфиопии. Они мне нравятся, и я предпочитаю их всяким другим плодам из царского сада.

— Когда же эти плоды были доставлены его величеству? Может быть, две недели назад?

— Пожалуй, так,— согласился царевич.— Это было в тот день, когда я собрался на охоту, ровно тринадцать дней назад.

— Я очень благодарен его величеству за точный и прекрасный ответ. Больше мне ничего не нужно. Я принимаюсь за лечение. Но, ваше величество, у меня будет покорнейшая просьба, прошу в ней не отказать. Я попрошу ваше величество, начиная с сегодняшнего дня, больше не прикасаться к эфиопским плодам. Я думаю, что они стали причиной несчастья. Они вызвали эту сыпь с зудом, зуд стал причиной бессонницы, бессонница стала причиной слабости, а слабость стала причиной дурного состояния и печали. Все это пройдет, ваше величество. Я принимаюсь за лечение.

С этими словами Петехонсис позвал своего слугу с резными ларцами и стал извлекать оттуда всевозможные вещи, необходимые ему для исцеления больного царевича. Он взял маленькую алебастровую чашу, положил в нее растертые в порошок листья мандрагоры, прибавил немного пшеничной муки и залил все это ароматным маслом, которое хранилось в ларце в темном стеклянном сосуде с пробкой. Смешав все это маленькой ложкой из слоновой кости, он стал смазывать раны на ногах больного.

— Этого мало, чтобы смазать все тело! — воскликнул царевич, чувствуя успокоение от приложенной к ранам мази.

— Этого снадобья и не нужно для всего тела,— ответил Петехонсис,— для рук и лица мы возьмем другое снадобье.

И лекарь взял из другого ларца натертый мелко корень цикламена, смешал его с медом и оливковым маслом, тщательно растер в большой серебряной чаше и стал смазывать руки и плечи царевича. Вызванные звоном серебряного колокольчика слуги тотчас доставили царевичу виноградного сока, печеного цыпленка и свежайшую форель из царских прудов. Все это лекарь велел съесть тут же, при нем. И когда царевич весело рассмеялся, Петехонсис понял, что все сделано хорошо, точно так, как сказано в древнем папирусе. Этот папирус сохранился со времен царствования царицы Хатшепсу́т, которая была прославлена необычайной красотой, а умом и смелостью превосходила многих потомков. Единственная женщина-фараон в истории Египта, она первая догадалась отправить свои корабли в загадочную страну Пунт, чтобы получить для своих дворцов и храмо́в драгоценное черное дерево, слоновую кость, страусовые перья, золото и серебро да еще черных рабов. Папирусы жрецов, сохранившиеся со времен Хатшепсут, давали бесценные советы египетским лекарям. Петехон-

сис, изучивший эти папирусы, на опыте убедился в том, что в них много полезного.

— А теперь позовем великого и могущественного кушанского царя и порадуем его доброй вестью,— сказал Петехонсис царевичу.— Я знаю, что все дурное пройдет и молодой царевич вернется к своим занятиям здоровым и веселым. Впрочем, я готов побыть здесь несколько дней, пока залечатся раны и исчезнет сыпь.

— Один ученый человек из греков приходит ко мне через день,— сказал царевич.— Он рассказывает мне о разных странах и народах, чтобы я знал, какие послы из каких стран желательны для Великого Кушанского царства. Мы ведем торговлю со многими странами. Наши купцы торгуют с городами Сасанидов и Рима, возят товары в далекую Ханьскую империю, бывают в греческих городах Понта. Посмотри на эту золотую чашу со скифами, ее привезли из Пантикапея, а вино — из Ольвии. Отличное вино, попробуй!

Царевич протянул лекарю золотую чашу, которая стояла на столе у постели, и продолжал:

— Среди других почетное место занимает великая древняя страна Египет. Я слышал от своего мудрого грека много примечательных историй о древних фараонах, о пирамидах и сфинксах. Настанет день — и я прибуду с посольством в эту великую страну. И тогда я вспомню твое искусство врачевателя, почтенный Петехонсис. А пока я велю вознаградить тебя по достоинству. Не покидай наш дворец до того дня, когда я почувствую себя полностью здоровым. Но и сейчас мне лучше, хоть и прошло немного времени с тех пор, как ты открыл свои волшебные ларцы.

РАБЫ СПАСЕНЫ

День показался им бесконечным. Байт и Сфрагис напрасно ждали Хайрана вблизи каменоломни. Напрасно они старались представить себе, как на пыльной дороге покажутся трое: двое грязных и оборванных. Впрочем, нет. В таком виде их нельзя будет водить по улице без охраны. Должно быть, Хайран взял одежду. Он велит слугам доставить туда воды и еды, накормит несчастных, поможет им помыться и надеть чистое платье, припасенное вчера на базаре в Каписе.

— Знаешь, Сфрагис,— говорила Байт,— мой Забда был самым красивым юношей в Пальмире. Признаюсь тебе, я люблю красивых людей. И тебя я полюбила за твою красоту. Правда, не только за красоту лица, еще — за красоту души, милая Сфрагис, я вся дрожу от нетерпения. Дождусь ли я встречи с моим милым Забдой?

Я так тревожилась, когда узнала, что он отправляется в Александрию. Но это было нужно для благополучия всей их семьи. А отец Забды должен был уехать в Афины, там были какие-то дела. Все куда-то ездили, куда-то торопились, а я сидела дома и всех ждала. Я даже не знала о том, что мой милый Забда вздумал поехать в Рим смотреть бой гладиаторов. Еще год назад он говорил мне, что мечтает увидеть это зрелище, как печально, что это скромное желание стало причиной его гибели.

— Нет,— сказала Сфрагис.— Только принесло несчастье, но это несчастье уже скоро пройдет. Вот-вот они покажутся на дороге. Как я буду рада, моя сестрица Байт! Я представляю себе, какую свадьбу вы отпразднуете, когда вернетесь в Пальмиру. Мне хотелось бы побывать на таком большом празднике, но так получилось, что надо торопиться в дом отца. Байт, моя прекрасная сестрица, прошу тебя, если они покажутся сейчас очень грязные, голые и несчастные, какими были мы, не пугайся. Знай, что все дурное уже позади. Пусть бы только показались. Не правда ли, Байт?

Когда на дороге показался Хайран, уныло опустивший голову, Байт горько заплакала.

— Все пропало, сестрица Сфрагис. Нет мне счастья! Погиб мой милый Забда! Ах, как я несчастна! И зачем только он вздумал покинуть Александрию! Милая Сфрагис, все пропало... Как я несчастна!

— Не все пропало,— сказал Хайран, увидев плачущую дочь.— Наоборот, я узнал, что молодой человек из Пальмиры работал на этой каменоломне и был здоров всего лишь несколько дней назад. Я уверен, что это Забда. Сейчас его перевели на другие работы. Рабы прокладывают дорогу в горах. Завтра на рассвете мы отправимся туда и найдем наших дорогих. Не плачь, Байт. Ты так хорошо вела себя в пути — не плакала, не причитала, не жаловалась. Я гордился тобой, моя доченька. Я многое сделал, чтобы спасти наших любимых, и мы их найдем.

Они вернулись в дом Кудзулы уставшие и опечаленные еще больше прежнего. Кудзула всячески утешал их. Он пообещал помочь, если в горах не отыщутся бедные пленники.

Когда уснула заплаканная Байт и задремал Хайран, вдруг появилась Сита с кошкой и, усевшись рядом со Сфрагис, стала рассказывать о своем богатом женихе, о нарядах и украшениях, которые куплены ей к свадьбе. Сфрагис слушала, с трудом сдерживая желание убежать. «Лучше слоняться по улице, чем слушать эту хвастунью»,— подумала Сфрагис.

А Сита говорила, говорила и вдруг поднялась, злобно посмотрела на Сфрагис и ушла. Сфрагис была этим озадачена даже больше, чем противной болтовней.

Потом Сита много раз заглядывала в комнату для гостей: она явно искала Байт. И когда она застала ее одну, она заговорила горячо и убежденно, словно то, о чем она говорила, нужно было для спасения жизни:

— Байт, я хочу тебе помочь в одном важном деле. Может быть, ты не знаешь, что твоя подруга Сфрагис настоящая воровка? Рабыня не может быть другой. Она тебя обворовала после того, как ты сделала ей столько добра. Ты не должна отпускать ее без выкупа. Отец у нее богат, пусть платит тебе побольше. Но прежде чем он это сделает, ты прогони ее на задворки. Не пускай в свою комнату.

— Остановись! — крикнула Байт.— Как ты смеешь говорить такие дурные слова! Как ты можешь так обращаться с гостями, которых пригласил в дом твой отец? И тебе не стыдно порочить хорошего человека? Почему ты назвала маленькую Сфрагис воровкой? За воровство полагается тяжелое наказание. И ты, не щадя людей, возводишь клевету...

— Она стащила перстень, который я тебе дала! — крикнула Сита, разозленная словами Байт.— Я увидела свой перстень на ее руке. Она украла! А ты говоришь — клевета.

Сита залилась слезами. А потом завизжала, швырнула кошку и стала рвать на себе платье. Она возненавидела и Байт, и Сфрагис, и отца, который привел в дом этих людей. Она не слушала слов Байт, которая говорила ей, что перстень подарен девушке, что он слишком мал и не полез даже на мизинчик. Сита рыдала.

— Успокойся,— говорила Байт, растерянная и опечаленная случившимся.— Не плачь, Сита. Прими от меня в подарок вот этот индийский браслет с золотистыми сердоликами. Он принесет тебе счастье.

Невозможно было придумать лучшего способа успокоить жадную Ситу. Подарок сразу же привел ее в чувство. Она поблагодарила, взяла браслет и, подобрав испуганную кошку, пошла к себе.

●

На следующий день ранним утром слуги Хайрана вместе с верблюдами ждали у калитки дома Кудзулы. Снова все отправились в путь. На дороге, ведущей к горному перевалу, они должны были найти рабов, посланных чинить обвалы. Здесь уже легче было рассмотреть работающих. Одни таскали огромные валуны, принесенные селем, другие расширяли дорогу, разбивая молотом твердую породу скал.

Снова, как и вчера, Хайран пожелал оставить Байт неподалеку, а сам со слугой пошел к начальнику работ. Как и вчера, он протянул полупьяному начальнику работ кошелек с монетами кушанских ца-

рей и попросил разрешения посмотреть и подобрать себе двоих рабов, чтобы купить их. На этот раз Хайран не стал рассказывать про Пальмиру, не стал объяснять, для чего ему нужны рабы. Он только сказал, что и сам привез в Капису искусных ремесленников, рабов, купленных в Александрии.

— А кому ты уплатишь за этих ничтожных? — спросил охранник.— И кто прикажет мне выполнить твое желание?

— Разве мой кошелек не приказал тебе выполнить мое желание? — спросил купец.— Если ты сделаешь все как надо, я уплачу тебе за двоих. Это будет побольше того, что ты получил сейчас. Я-то знаю цену этому товару. Ты подумай, да поскорее! Я тороплюсь.

— А мне и думать нечего, я согласен. Дай мне все, что положено за двоих.

— Так надо же выбрать! — воскликнул Хайран, потеряв терпение.

Человек, от которого зависела судьба его близких, был настолько пьян, что с трудом произносил слова. «Но если он в этот ранний час уже ничего не соображает,— подумал Хайран,— что же будет потом?» Он с опаской посмотрел на пьяницу — как тот поднял тяжелый глиняный сосуд и приложил горлышко ко рту.

— Я занят, я не пойду показывать тебе товар,— рассмеялся начальник работ.— Мои помощники пошли выполнять мое поручение. Ступай сам и выбирай себе красавчиков. Только не обижайся, они облиняли на этом знойном солнце... А если попросят у тебя еды и воды, не обращай на них внимания. Эти попрошайки всегда недовольны. Они плохо работают и мрут, мрут. Они мне надоели. Почему ты пожелал купить только двоих? Купи десяток. Я продам дешево. Право...

Такой долгий и непривычный разговор с тяжелым сосудом вина в руках оказался не по силам начальнику работ. Он вдруг повалился на бок, кувшин грохнулся о землю, и глиняные осколки оказались в большой луже вина.

Хайран не стал дожидаться, когда очнется охранник и, может быть, предложит по дешевке двадцать или тридцать рабов. Он пошел к работающим, довольный тем, что рядом нет охраны и можно свободно разговаривать с рабами. Когда он очутился за поворотом дороги и увидел узкую тропу, нависшую над глубоким ущельем, он понял, почему не нужна охрана. Там некуда бежать: с одной стороны узкой тропы — высокая обрывистая скала, с другой стороны — глубокое темное ущелье.

«Но если раб рассердит властелина, который целыми днями опустошает амфоры вина,— подумал Хайран,— то такому рабу угрожает верная смерть. Достаточно его столкнуть вниз. Неужели здесь, среди этих несчастных, находится Забда? В пещерах было страшно. Было темно, душно, пыльно, было тяжко. Но здесь еще хуже...»

Тут же, у края тропы, трудились какие-то пожилые бородатые люди. Когда Хайран подошел к ним, самый старый из них — человек с всклокоченной бородой, с красным шрамом на лбу, почти голый, с грязной повязкой на бедрах — вдруг прошептал что-то странное:

— Хайран, ты ли это? Мой спаситель, мой избавитель!..

Протягивая руки, несчастный повторял эти слова и шел на Хайрана, словно лунатик. Хайран испугался: ему показалось, что раб хочет столкнуть его в пропасть.

— Остановись! — закричал Хайран.— Кто ты такой? Откуда ты меня знаешь? Но если ты знаешь меня, то, может быть, ты знаешь несчастного Забду... или моего дорогого брата?.. Я за ними пришел.

Человек со шрамом упал на землю и зарыдал громко и отчаянно, содрогаясь всем телом. Когда Хайран подошел к нему, он поднял свое изуродованное лицо и сказал не очень внятно, но так, что можно было его понять. Он сказал:

— Всмотрись в мое лицо, разве ничего не осталось от прежнего красавца Забды, жениха твоей дочери? Посмотри...

Хайран поднял его, потрогал искалеченное лицо и стал его рассматривать. Лицо было в болячках, неузнаваемо, но полные слез глаза были глазами Забды. Хайран понял это. И перенести такой удар было так тяжко, что ему вдруг показалось, будто горы закружились вокруг него в какой-то дикой пляске. Он сказал Забде:

— Держи меня! Я могу упасть в ущелье. Выйдем на широкую дорогу, и ты скажешь мне, где мой брат.

Они обошли поворот, и тогда Забда сказал, что брат повредил ногу и уже много дней лежит неподвижно. Если охранник позволит, то они пойдут сейчас туда, ко второму повороту: там стоит навес, и там ночуют рабы, выполняющие эти дорожные работы.

Когда они проходили мимо начальника работ, Хайран увидел, что пьяный властелин спит. Его храп оглашал окрестности. Купец сделал знак Забде, чтобы тот молча прошел мимо. Они отправились к месту ночлега рабов. Хайрану не терпелось увидеть брата. Он думал о том, как страшно изменился молодой, здоровый Забда и что могло случиться с пожилым братом, который не имел сил выполнять такую тяжелую работу.

Они пришли под навес и увидели седого, изможденного человека, покрытого болячками, с ногой, сильно распухшей и посиневшей.

— Брат мой! — воскликнул Хайран.

Он бросился обнимать грязного незнакомого человека, который нисколько не был похож на всегда веселого брата с румяным круглым лицом.

— Брат мой, я вызволю тебя, ты будешь свободен и будешь здоров. Но можешь ли ты подняться, мой бедный брат?

— Увы! — прохрипел несчастный. Он был так же простужен, как и Забда, и настолько лишился голоса, что его с трудом можно было услышать.— Я уже несколько дней не могу подняться. Нога превратилась в бревно, она мне не послушна. Боюсь, что мне никогда уже не подняться. Спасибо, брат, за то, что ты пришел проститься со мной. Ты похоронишь меня. А если оставишь, не дождавшись моей смерти, то знай, что рабов не хоронят, а выбрасывают шакалам.

— Не говори о смерти, брат мой. Я заберу тебя. На носилках... Ты будешь доставлен в дом, где лучшие лекари Каписы будут лечить тебя. Не думай о смерти, мой бедный брат. Только горестно мне показывать вас моей Байт. Боюсь, что она лишится разума от горя. Впрочем, мои слуги принесли одежду для вас, а воду мы потребуем у начальника работ. Если уж он хочет поживиться, то пусть выполнит все наши требования.

Забда молча слушал Хайрана. Он уже перестал плакать и ждал того мгновения, когда начальник работ отпустит его вместе с Хайраном. Он боялся, что тот не захочет его отпустить и приезд Хайрана окажется напрасным.

— Ты уверен, Хайран, что все сбудется, что я снова увижу мою Байт? — спросил он тихим, слабым голосом.

— Во всем уверен! Еще немножечко терпения. За деньги можно многое сделать.

Хайран позвал слугу и велел попросить у охранника побольше воды да позвать брадобрея, который обслуживает охрану. Сам он поспешил к начальнику работ. Хайран застал его уже сидящим на коврике и поедающим жирные куски баранины. При виде увесистого кошелька начальник работ оживился и очень приветливо пригласил Хайрана присесть. Он обрадовался просьбе Хайрана соорудить носилки для больного раба, который не может подняться.

— Ты не бойся покупать больного раба. Он выздоровеет. Я уступаю тебе его дешево и носилки велю сделать сейчас же. И этого пальмирца уступаю. Я добрый и покладистый человек. Со мной легко договориться,— сказал он, перебирая монеты кушанских царей.

Подсчитав содержимое кошелька дважды, он улыбнулся Хайрану и спрятал кошелек за пазуху.

— Боюсь уронить,— сказал он Хайрану.— Тружусь здесь целыми днями с больной головой. Здоровье потерял на этой работе. Однако я велю сделать носилки. И воды дам много: я добрый человек...

Он было поднялся, чтобы позвать кого-либо из охраны, но тут же повалился на свой коврик и, уже сидя, стал кричать, чтобы скорее пришли помощники.

Когда брадобрей срезал длинные космы у бывших рабов и побрил их, когда слуга Хайрана помыл их и надел на них привычную им

одежду, Хайран увидел, что вызволенные им из рабства пленники все же похожи на себя, хоть и очень больны и замучены. Он решил привести их в дом Кудзулы и тотчас же отправиться во дворец, чтобы найти египетского лекаря Петехонсиса. Хайран был уверен, что такой искусный лекарь вернет здоровье и брату и Забде. Сейчас, в чистой хорошей одежде, Забда уже не выглядел таким ужасным, но лицо было в болячках и шрам на лбу мешал узнать прежнего Забду.

Вскоре принесли носилки для брата, слуга привел верблюдов. Все двинулись в путь навстречу Байт и Сфрагис.

Наконец-то они встретились, Байт и Забда. Байт бросилась к своему возлюбленному и горько заплакала. Как ни предупреждала ее Сфрагис, что можно ждать самого неожиданного, но, когда Байт услышала едва уловимый шепот Забды, увидела его израненное лицо, когда склонилась к носилкам с беспомощным дядюшкой, которого она знала веселым и деятельным человеком, она испугалась.

— Это пройдет, это пройдет,— повторяла Сфрагис, пытаясь утешить плачущую Байт.— Не горюй, сестрица, я видела и похуже больных, а они при мне выздоровели. Право же, через несколько дней ты их не узнаешь. Хрипота так естественна для человека, лишенного всякой одежды прохладной ночью. Не плачь, милая сестрица, прошу тебя! Раны заживут. Они не страшны. Все будет хорошо. Главное — свобода.

Они двинулись в путь. Байд и Забда — рядом. Они не спускали глаз друг с друга. Забда улыбался, любуясь красивым лицом Байт. Сфрагис сопровождала носилки. Она то и дело останавливалась и спрашивала, не хочет ли больной пить, удобно ли ему. Ответа она не слышала. Больной стонал и был в забытьи. Хайран едва держался в седле. Силы вдруг покинули его, и, когда желаемое было достигнуто, он не почувствовал себя счастливым — слишком много горя перенесли его близкие. Как им помочь?

У ХРАНИТЕЛЯ СОКРОВИЩ

Ранним утром Хайран прибыл к воротам дворца. Он не знал о том, что кушанский принц уже здоров и что можно добиться встречи с самим правителем Кушании. Хайран решил показать свои драгоценности хранителю сокровищ. Он задумал продать их, если тот согласится сделать такую дорогую покупку, и, когда он добьется расположения господина, он попросит его помочь встретиться с Петехонсисом. Он хотел просить лекаря за любые деньги взяться за лечение брата и Забды. Хайран боялся увозить с собой в дальнее путешествие больных и беспомощных. Он боялся нового несчастья.

Когда они прибыли в дом Кудзулы, когда он услышал стоны брата и рассмотрел кроваво-красный шрам Забды, когда он увидел заплаканную Байт и растерянную Сфрагис, он понял, что спасение несчастным принесет только египетский лекарь Петехонсис. Он всю ночь не спал, дожидаясь утра и страшась неудачи. Ведь египетский лекарь мог покинуть Капису еще вчера. Что же будет?

— Я готов отдать ему все свое достояние, все, что привез ко двору кушанского правителя,— говорил Хайран Кудзуле.

Кушанский купец соглашался с Хайраном. Он принял горячее участие в судьбе этих людей, и ему было не безразлично, чем закончится вся эта печальная история. Кудзуле очень хотелось, чтобы его новый друг из Пальмиры уехал от него довольным и счастливым. Это было и в его интересах. Ведь он, Кудзула, стремился в Пальмиру. С тех пор как он встретился с Хайраном, у Кудзулы возник план обогащения. Он задумал доставить ко двору пальмирской царицы Зенобии редкостные драгоценности, какие умели изготовлять только индийские ювелиры. Они покупали драгоценные камни у купцов Балха и Мерва и отдавали их гранильщикам из брахманов, лучше которых никто нигде не умел гранить драгоценные камни. И вот из этих прекрасных сверкающих камней индийские ювелиры делали такие украшения, каких не было даже у царских жен.

«Доставить бы эти украшения красавице Зенобии — как было бы славно!» — думал Кудзула. Но пока это были только мечты. Столько было сейчас забот с Хайраном... Казалось, что одно несчастье следует за другим и нет этому конца. Каждый день приносил новую заботу. А Кудзула терпеливо выслушивал обо всех злоключениях Хайрана, давал советы, помогал вести переговоры. Он с радостью предоставил дом родственникам Хайрана, которые оказались больными и беспомощными. Он терпеливо выслушивал капризные жалобы Ситы, которая возмущалась щедростью отца и каждый день спрашивала, скоро ли оставят их дом эти несчастненькие, как она презрительно их называла.

Провожая Хайрана к хранителю сокровищ, Кудзула объяснил, как лучше вести переговоры, и предупредил, что во всем дворце вряд ли найдется более умный и знающий человек.

Хайран убедился в этом, как только начал показывать свои драгоценности.

Хранитель сокровищ при дворе кушанского царя был пожилым мудрым царедворцем. Он был сыном вельможи, получил образование, достойное его знатности, и в ранней юности даже писал стихи. Он умел видеть и ценить произведения искусных живописцев, ваятелей, ювелиров, и, долгие годы занимая должность хранителя сокровищ, он редко ошибался. Чаще всего он покупал вещи, ценные не только количеством затраченного на них золота, серебра и драгоценных

камней, но прежде всего удивительные своими художественными достоинствами.

Когда Хайран открыл корзины, вытащил и расставил на белом мраморном столике изящные сосуды из Тира и Сидона, когда развернул большое серебряное блюдо со сценами военных действий согдийских воинов, когда протянул хранителю сокровищ редкой красоты браслеты, сделанные египетскими ювелирами по образцу старинных браслетов, найденных в разграбленных гробницах фараонов, старый мудрый вельможа воскликнул:

— Это прекрасно!

Хайран во всех подробностях рассказывал, где что было куплено, с каким трудом доставлено сюда, с каким риском добирался он в Каписту, а хранитель сокровищ, улыбаясь, молча рассматривал эти красивые вещи.

— Все это мне знакомо, уважаемый купец из Пальмиры. Всегда трудно ездить по белу свету. Всегда есть риск встретиться с пиратами или разбойниками, но не всегда удается купцу отобрать вещи не только дорогие, но и ценные своей неповторимой красотой. У тебя большой вкус, и потому все, что ты предлагаешь мне, я куплю. Говори свою цену. Я думаю, что доставлю удовольствие его величеству и юному принцу, который не меньше своего великого отца любит красивые вещи. Я думаю, что и он не пожалеет затрат, чтобы украсить свой прекрасный дворец.

— Я был в буддийском храме и видел не только прекрасные украшения, но и благовонные курения, столь нужные во время богослужения. Я привез самые редкостные воскурения. Тебе ли их предложить или обратиться к жрецам вашего храма? — спросил Хайран.

Он уже показал хранителю сокровищ все привезенные драгоценности, сосуды и парчовые ткани. О цене они договорились. Оставалось лишь получить деньги и, кстати, узнать о лекаре Петехонсисе.

— Говори, чем ты еще можешь нас удивить,— спросил хранитель сокровищ.

— Вот мендесская мирра в маленьких свинцовых сосудах, вот благовонный гальбан из Персиды, а вот масло из лилий... Его добывают в той части Аравии, которая отделяет Иудею от Египта; это отличное притирание.

— А что еще? — спросил удивленный хранитель сокровищ. Он не признался Хайрану, что эти воскурения доставят правителю Кушанского царства бо́льшую радость, чем все остальное.

— Еще могу предложить египетское умащение, изготовленное из горького миндаля, масла недозрелых олив, кардамона, верблюжьего сена, тростника, меда, вина, мирры, бальзамового семени, гальбана и смолы.

— Как ты только запомнил все это! — рассмеялся хранитель сокровищ и протянул обе руки, чтобы взять стеклянный голубой сосуд с этим редким умащением.— Поистине ты удивил меня,— сказал хранитель сокровищ, открывая объемистый бронзовый ларец, в котором лежали в мешочках уже подсчитанные деньги.

— А теперь я обращусь к тебе с покорнейшей просьбой — помочь мне в одном важном деле,— сказал Хайран, когда сделка уже состоялась и деньги из бронзового ларца перешли в его кошель.— Помоги мне увидеть египетского лекаря. Тяжело болен мой брат. Боюсь за его жизнь.

— Ты вовремя обратился ко мне,— ответил хранитель сокровищ.— Петехонсис завершил свое дело во дворце и ждет попутчиков, чтобы вернуться домой. Он великий искусник. В минуту опасности, когда человек тяжело болен, он может принести спасение. Ступай в отведенное ему жилище. Оно расположено рядом с судилищем. Ему отведено несколько комнат с фонтанами и редкими растениями. Ведь он спас царевича.

Прощаясь с хранителем сокровищ, Хайран обстоятельно расспросил его, к кому обратиться по поводу доставленных сюда рабов — искусных ремесленников, купленных в Александрии. Он был доволен своей сделкой и теперь мечтал только о том, чтобы договориться с Петехонсисом и помочь брату подняться. Забда его меньше беспокоил. Он считал, что молодой, крепкий юноша и сам может поправиться. Однако и о нем тревожился.

— Большие ли деньги потребуются лекарю из Египта? — спросил Хайран.— Я готов на большие траты, но может быть, что и не хватит моего достояния? Я никогда не пользовался услугами царского лекаря.

— Все зависит от твоей совести,— ответил хранитель сокровищ.— Его величество сам назначил оплату лекарю, да еще велел подарить редкой красоты ларцы, отделанные слоновой костью и золотом. Их умеют делать только наши мастера. Петехонсис был доволен. Но купец не имеет царской казны. Плати по своим возможностям.

— Так и будет,— сказал Хайран.

— Если соберешься к нам еще раз, то знай, что правитель Кушанского царства — великий покровитель торговли. Купцы многих стран прибывают к нам, и никогда никто не пожалел об этом. А с твоим вкусом и умением, право же, стоит еще разок предпринять это трудное путешествие,— сказал на прощание хранитель сокровищ.

Хайран поспешил к лекарю Петехонсису и, чтобы не вести лишних разговоров, попросил слугу показать ему судилище.

Хайран шел в сопровождении слуги и потому мог узнать, для чего предназначены прекрасные строения, столь изысканно украшенные, что даже ему, жителю Пальмиры, они показались удивительными.

— Вот здесь помещения и купальни для придворных дам, комнаты с фонтанами, танцевальные и музыкальные залы,— говорил слуга, то и дело останавливаясь у стен и колоннад.

Они остановились у бронзовых кружевных ворот сада, который принадлежал супруге повелителя. Помимо удивительных растений, доставленных сюда из Индии, Персиды и Греции, здесь были устроены загоны для львов, пантер и рысей, причудливые навесы для пестрых попугаев. Белые лебеди плавали по глади маленьких озер. Веселые певчие птички разливались трелями среди зеленой листвы. Из сада веяло прохладой и доносились запахи цветов.

— А вот и судилище,— сказал слуга и, поклонившись, ушел.

Хайран очень быстро нашел жилище лекаря Петехонсиса. Купец застал его за свитками пергамента. Стол был уставлен замысловатыми маленькими сосудами, в которых хранились целебные настойки, мази, порошки.

— Прими меня, благородный Петехонсис, я твой должник и твой проситель. Случилось так, что ты спас в пути мою рабыню, девочку Сфрагис. Ты вылечил ее от лихорадки, которая могла бы свести ее в могилу. А ведь я так и не отблагодарил тебя. Когда стал искать — не нашел. А потом я увидел тебя во дворце, когда ты шел к царевичу спасать его от страшной болезни. Ты торопился.

— Вспоминаю твое лицо,— улыбнулся Петехонсис.— Что привело тебя ко мне? Ты застал меня накануне отъезда домой. Я отправляюсь с караваном купцов через несколько дней. А здорова ли девочка Сфрагис?

Хайран стал рассказывать о своих несчастьях. Он просил Петехонсиса сейчас же осмотреть брата и Забду. Он предложил ему любую сумму денег, но только бы помочь им, чтобы можно было отправиться в обратный путь. Хайран, видя участливое отношение египетского лекаря, рассказал ему о пиратах, о рабстве и о том, в каких страшных обстоятельствах оказались его близкие.

— А ведь ты тоже привез рабов,— сказал Петехонсис.— Твой лекарь Клеон рассказал мне о том, какими болезнями мучились твои рабы в долгом и тяжком пути. У тебя не пробудилось чувство сожаления к несчастным, когда ты столкнулся с этим злом? Не подумал ли ты, что и они такие же люди, только глубоко несчастные.

— Должен тебе сказать,— ответил Хайран,— что девочка Сфрагис, которую ты спас в пути от лихорадки, получила свободу. Моя дочь даровала ей свободу, и мы позаботились о ней. Мы узнали, что жив ее отец, и она скоро прибудет к нему в Сидон.

— Но вряд ли ты собираешься даровать свободу всем своим рабам,— улыбнулся Петехонсис.— Это невыгодно, это разорительно, и ты этого не сделаешь. Но во имя справедливости не позволяй морить голодом и жаждой своих рабов. Я не поучаю тебя, я призываю

к справедливости. Пожалей людей. Их жизнь коротка. И твоя жизнь тоже не вечна. Надо любить человека и жалеть его.

— Клянусь, ты из коптов! — воскликнул Хайран.— Я встречал их в Александрии и был покорен благородством христианского учения. Но, может быть, ты принял веру буддистов? В долгом пути из Пальмиры в Капису я наслышался об удивительном принце Гаутаме, который призывал людей к любви и справедливости. Должен признаться, я над многим призадумался, услышав проповеди монахов, аскетов и благородных последователей Будды.

— Ты прав, я принял христианскую веру еще в молодости, когда изучал человеческие недуги, и проникся жалостью к человеку. Я не искал в этом выгоды, я искал справедливости. И своим служением человеку я утверждаю справедливость и благородство. Моя любовь к человеку заставила меня с большим тщанием изучать недуги и целебные травы. Мне повезло. В моих руках свитки древних папирусов, которые говорят о великих делах моих предков. Но ты не подумай, что я похитил папирусы из царской сокровищницы. Нет. Я прочел их с помощью жрецов и сделал себе записи. Вот, посмотри. Это папирусы, записанные мною на греческом языке. Я изучил этот язык, чтобы прочесть мудрую книгу древнего грека Феофраста. Его опыт через сотни лет пригодился мне. А мои записи, я надеюсь, не пропадут, а достанутся потомкам. Впрочем, у меня растут два сына, которых я хочу научить своему искусству. Мы будем исцелять бедных.

— Какое тебе дело до этих неимущих? Ты знатный человек, признанный царями. Я видел, как тебя встретили во дворце. Богатые вельможи говорили друг другу: «Вот сам Петехонсис идет. Он спасет царевича. Посмотрите, какой он важный, какой он богатый. Посмотрите, какие ларцы несут за ним слуги. А в них всякие снадобья, спасение от тяжких болезней». А ты думаешь о бездомных. Удивительно!..

— Христианская вера призывает меня к этому. То, что я познал в юности, стало уделом моей жизни. Да и сам я из этих бездомных. Уж не думаешь ли ты, что я сын вельможи?

— А почему бы и нет?

— А вот представь себе небывалое: отец мой был искусным мастером упряжи. Он тяжко трудился, чтобы прокормить большую семью. И если мы, его дети, выжили, то это только потому, что он своими руками добывал нам пропитание. Мой отец рано умер. Он тяжко болел. И я, тогда еще юноша, дал слово стать лекарем. Я стал лекарем. Но не для того, чтобы стать богачом, а чтобы спасать жизни таких же тружеников, каким был мой отец. Но время идет, и нам надо поторопиться к твоим больным. Иной раз опоздание ведет к несчастью. Пойдем. Я согласен помочь тебе. Я не скрою: мне нужны деньги, не для себя. Я задумал построить коптский монастырь.

Я хочу, чтобы там жили монахи, которые будут заниматься исцелением больных. Я хочу, чтобы туда приходили бедные люди, у которых нет ни дворцов, ни слуг и которым нечего уплатить лекарю.

Они поспешили в дом Кудзулы, и вскоре Петехонсис осматривал распухшую ногу бывшего раба. Брат Хайрана стонал и жаловался на нестерпимую боль в ноге. Когда он увидел лекаря, он сказал:

— Если меня можно спасти, лишив ноги, я согласен. Не хочется умирать. А я чувствую, что близок мой последний час.

Петехонсис долго и внимательно осматривал больного. Он много раз ощупывал ногу, пытался ее согнуть, тыкал пальцем в опухоль, спрашивал, где больше всего ощущается боль и давно ли появился жар. Он узнал, что жена Кудзулы давала больному хорошие настойки трав и что они помогали снизить жар, но потом все возвращалось. Жар и озноб мучили больного. За больным ухаживала Сфрагис. Она очень тщательно выполняла все указания доброй женщины, и больной с благодарностью говорил о ней.

— Я рад, Сфрагис,— сказал Петехонсис девушке,— что вовремя помог тебе. В дороге болеть опасно, а у тебя была скверная болезнь. Лихорадка изнурительна. Она может извести. Но ты здорова и теперь поможешь мне лечить больного.

— Какое счастье мне выпало! — сказала Сфрагис, вся зардевшись. Если бы она не постеснялась, то бросилась бы на шею царскому лекарю и крепко бы его поцеловала.

ПОМОГЛИ ЕГИПЕТСКИЕ ПАПИРУСЫ

— Вначале мы попробуем полечить опухоль,— сказал Петехонсис и тут же приказал своему слуге раскрыть ларец из черного дерева с инкрустациями из слоновой кости и золотых пластинок.

Он извлек из ларца небольшой глиняный сосуд с вином, положил в глиняную чашу размельченные листья сирийского растения панак и сказал, что через час они размокнут и тогда, смешанные с медом, помогут снять опухоль.

— А пока мы приготовим настойки для лечения головной боли. Ты, девочка Сфрагис, внимательно слушай меня. Когда я оставлю больного и дам ему целебные настойки и мази, ты должна будешь потом следить за его состоянием, вовремя давать ему лекарства и еду. А главное, запоминать все, что касается его самочувствия. Когда я снова осмотрю его, мне надо будет знать, как он вел себя после моего посещения.

Петехонсис извлек из деревянной коробочки белый толстый корень величиной с ладонь, с небольшим стеблем в узлах и засохшими

листьями. Он велел при нем натереть немного этого корня, смешал его с водой и медом и дал выпить больному. Потом он взял сероватый порошок сухого панака, велел согреть немного вина, протереть этим вином мокнущую язву на плече больного и присыпал порошком.

Сфрагис следила за каждым движением лекаря, стараясь запомнить все, что он делал.

Настойка из другого корня, привезенного из Египта, должна была уничтожить кровоподтеки и синяки под глазами.

Когда размокли листья панака, лекарь смешал эту кашицу с медом и велел Сфрагис очень осторожно и аккуратно смазать опухшую ногу.

— Три раза в день ты будешь смазывать этой примочкой опухшую ногу,— говорил Петехонсис девочке,— а через три дня, когда я увижу, что опухоль спала, я смогу продолжить лечение. Если нет перелома, то все будет хорошо; если есть перелом, то посмотрим, не стала ли кость срастаться неправильно. Но этого сейчас не узнаешь, опухоль мешает. Все, что мы сделали сейчас для больного, поможет ему окрепнуть, избавит его от бессилия,— сказал Петехонсис.— Я надеюсь, что больной подымется и свободно сядет в седло. Только позаботься, Хайран, чтобы верблюд был спокойным, нельзя тревожить больную ногу, твоему брату нужен покой.

Потом Петехонсис осматривал Забду. Он пожалел, что ярко-красный шрам нарушил красоту юноши. Но тут же пообещал дать средство, чтобы исчезла краснота.

— Шрам останется,— сказал он.— Слишком глубокий. А чтобы не болела голова, покормите Забду вареной капустой и капустным семенем.

— Так просто? — удивилась Байт.— Почему же мы не знаем таких простых и умных вещей?

Петехонсис оставил Байт несколько маленьких сосудов с примочками и мазями, которые должны были исцелить царапины, язвы и опухоли, приобретенные Забдой в рабстве.

Лекарь наставлял Байт точно так же, как несколько времени назад наставлял Сфрагис. У ложа больного был поставлен столик со всеми снадобьями, теплым вином и ключевой водой в стеклянном сосуде. Тут же было положено маленькое серебряное зеркало, чтобы Забда мог каждый день видеть, как меняется к лучшему его внешность.

●

Прошло всего три дня, но, когда Петехонсис снова пришел в дом Кудзулы, чтобы посмотреть больных, он сам удивился тому, насколько они стали лучше. Обе девушки так усердно выхаживали больных, что большего и нельзя было желать. Дядюшка Байт с восхищением

рассказывал о том, как добра к нему Сфрагис. Девочка не покидала его ни днем, ни ночью. Когда больной просыпался, она тут же давала ему попить, спрашивала, не болит ли сердце, не ноет ли нога. На столике у изголовья больного стояли все снадобья, оставленные египетским лекарем, и Сфрагис точно знала, что нужно делать, если больному плохо.

В свою очередь Байт заботилась о Забде. Постепенно, когда заживали гнойные раны, полученные во время побоев в пещере, когда исчезли синяки под глазами и проходила боль и краснота на шраме, Байт стала узнавать прежнего Забду и уже перестала его оплакивать.

— Байт, сокровище Пальмиры,— говорил Забда,— всей жизни моей не хватит, чтобы отблагодарить тебя за твою доброту! Ты совершила такое трудное путешествие, чтобы облегчить мои страдания. Скоро уже полгода, как ты покинула свой дом в Пальмире. Ты терпела зной, жажду и неудобства, а теперь ты сидишь у моего изголовья, и каждое твое прикосновение целебно. Вся моя жизнь, все мое достояние принадлежит тебе. Я буду неутомим, я буду множить свое достояние, чтобы доставить тебе много прекрасных вещей из самых дальних стран. Но знаешь, Байт... Я не уверен, что смогу покупать и продавать рабов. То, что со мной случилось, изменило мое представление о жизни. Я призадумался над некоторыми вещами, которые прежде считал обыденными.

— Друг мой Забда, я так рада услышать твои слова о рабах! С тех пор как ко мне привели маленькую рабыню Сфрагис, а оказалось, что она дочь богатого ювелира и равна мне во всем, я не могу видеть рабов. Будь моя воля, я бы их отпустила на свободу. Отец говорил мне, что не любит торговать людьми и сделал это для того, чтобы иметь побольше денег для поисков наших любимых. Ведь твой отец, покинув дом за несколько дней до этого ужасного известия, не знал, какая беда случилась с тобой. Мать твоя — слабая женщина, обременена малыми детьми, можно ли было сообщить ей об этом несчастье? Нельзя было. И мы решили отправиться в это далекое Кушанское царство, чтобы найти вас. Купец из Книда оказал нам большую услугу. Иначе мы бы никогда не узнали о вашей судьбе. А вы, несчастные, увы, не смогли ничего сообщить о себе. Теперь я понимаю, что человек, попавший в рабство, перестает быть человеком. Ты сам в этом убедился, мой Забда. Никогда не занимайся торговлей рабами. Ведь их доставляют пираты и разбойники. Как это ужасно!

Их беседу прервал Петехонсис. Он похвалил Байт за умелое обращение с больным, дал еще какие-то лекарства и сказал, что теперь может спокойно покинуть Капису. Все, что нужно, уже сделано.

Брат Хайрана был обрадован, когда узнал, что ему не угрожает

хромота и потеря ноги. Просто был сильный ушиб и вывих. Когда спала опухоль, Петехонсис увидел, что нога цела и лечить ее нужно лишь повязками и покоем. Он оставил Сфрагис свои чудодейственные примочки и присыпки и велел еще несколько дней давать настойку, которая укрепит сердце, чтобы не было той слабости, которая так пугала больного и заставляла думать, что дни его сочтены.

— Тебе больше не о чем печалиться,— сказал Петехонсис, закончив свои указания больным.— Ты счастливый человек, Хайран: твои близкие были в опасности не потому, что неизлечимы их болезни. Важно вовремя разгадать болезнь и подобрать нужное лекарство. Так и случилось. Твой брат не сломал ногу в каменоломне, а только ушиб ее и получил небольшой вывих. Но попадись он к скверному знахарю, тот бы посчитал нужным отнять ногу. А там неизвестно, чем бы кончилось такое трудное дело. Бывает, человек умирает от потери крови или от грязного ножа. Я умею это делать безвредно, но радуюсь за вас, что не понадобилось. У Забды тоже могли быть скверные последствия. Эти раны гноились и могли привести к заражению крови, а это последнее дело. Вот почему я рад, что вовремя подоспел к твоим больным и помог менее сложным способом. Теперь уже все дурное позади. Кормите их повкуснее да пожирнее, следите, чтобы они вовремя пили свои настойки и были бы в добром настроении. А там, глядишь, и сядете в свои верблюжьи седла. Доброго вам пути!

Хайран слушал Петехонсиса со слезами на глазах. Как только он представил себе все последствия неправильного лечения, так возблагодарил верховного бога Пальмиры, доброго Бела, и решил, что в день возвращения в Пальмиру принесет богатую жертву.

— Вот этот кошель тебе, мой друг,— сказал Хайран, протягивая Петехонсису объемистый кошель серебра.— А еще я хочу тебе подарить перстень с дорогим рубином. Пусть он принесет тебе счастье в твоем добром деле. Я понимаю, что деньги ты отдашь на сооружение коптского монастыря вблизи Александрии. Делай как знаешь. Я желаю тебе добра.

— Если судьба приведет тебя в благословенную Александрию, поищи меня вблизи дворца. Я буду рад увидеть тебя в полном здравии, Хайран.

Они расстались добрыми друзьями, и Хайран снова благословил судьбу за счастливую встречу в пути. Ведь могло быть и так, что Забда и брат были бы выкуплены, а домой бы не добрались. Вот как могло быть.

— Удивительный человек этот египетский лекарь! — сказал Хайран, проводив Петехонсиса к воротам дома, где его ждал слуга с лошадью.— Можешь себе представить, брат, что деньги ему нужны для блага других, а вовсе не для себя. Потратив столько времени на путешествие в дальнее царство, он намерен все полученные деньги

отдать на сооружение коптского монастыря. Он желает, чтобы христианские монахи научились исцелять больных. И хочет, чтобы этот монастырь принимал обездоленных, которые нуждаются в исцелении от тяжких недугов. Он задумал устроить это дело вблизи Александрии, чтобы время от времени приезжать туда и учить монахов этому доброму делу. Я верю, что он так сделает. Ведь он научил Байт и Сфрагис ухаживать за вами, и они смогли. Почему же не смогут монахи?

— Хороший человек,— согласился брат Хайрана.— Он вернул мне здоровье. Но, признаюсь тебе, брат мой, мне непонятны суровые боги этих народов. Эти буддисты, эти христиане занимаются самоистязанием. Они во всем себе отказывают. Если дальше так пойдет, то купцам и делать будет нечего. Кому понадобится наше усердие? Однако скажи мне, куда поведет тебя караванная тропа? Мы отправимся к себе в Пальмиру или по пути будут у нас дела?

— Чуть в сторону пройдем, до Мерва. Мне нужно кое-что доставить принцу. Больше никаких дел у меня нет. Я со всеми рассчитался, а у меня еще не проданы рабы, искуснейшие мастера из Александрии. Я их дорого продам. И хоть знаю, что моя Байт хотела бы даровать им свободу, я этого не сделаю. Это противоречит моему купеческому разуму. Торговля требует настойчивости и не терпит слюнтяйства. Слава великому Белу, который благословил меня в это далекое путешествие. Слава, что вы свободны, мои дорогие. Теперь мы и свадьбу сыграем, как только вернемся в Пальмиру. Ты рад этому, брат мой?

— Нельзя быть счастливей. Я не помню, когда бы так радовался жизни, как в эти дни, лежа беспомощным в чужом доме, пользуясь услугами маленькой рабыни, которую ты так разумно освободил, Хайран. Счастливей меня не сыщешь!

— Я рад,— сказал Хайран.— Я изрядно натерпелся, чтобы вызволить тебя из плена. Ох, и тяжкая эта штука — рабство. Но поверь мне, брат, я не могу позволить себе поддаться чувству жалости и отпустить рабов на волю, потеряв при этом большие деньги. Если вдуматься, то каждый человек имеет свою судьбу. Возможно, что среди моих рабов, которых я завтра продам жрецам буддийского храма, есть люди, подобные тебе. Возможно, что они случайно попали в эти страшные сети. Но ведь я купил их, чтобы иметь возможность совершить это долгое и трудное путешествие. А знаешь, каких денег стоило возить с собой Байт целых шесть месяцев?.. Только я знаю, чего это стоило. Как же отказаться от таких денег?

— Не оправдывайся, Хайран. Я не христианин, я не монах буддийского монастыря. Я тебя не осуждаю. И хоть я знаю их тяжкую долю, я не смогу отказаться от своего занятия, и, когда представится случай купить партию рабов, которые принесут мне прибыль, я не откажусь. Пока я был среди рабов, пока я разделял их тяжкую долю,

я иной раз думал, что не надо торговать людьми. Когда в каменоломне камень обрушился на мою ногу и мне показалось, что я погибаю, я про себя подумал: если выживу, никогда не буду покупать людей. Я дал себе клятву — никогда не торговать рабами. А теперь я отказываюсь от этой клятвы. Я купец, мне это невыгодно.

СФРАГИС ПРОЩАЕТСЯ С БАЙТ

Настал час расставания. Купец из Сидона собрался в путь и предложил Сфрагис прийти к воротам Announcements Announcements Announcements Announcements

— Сестрица, госпожа моя, прекрасная Байт, как мне тяжко покидать тебя! — плакала Сфрагис.— Будто я знала тебя всю жизнь. Будто никогда не расставалась с тобой. Как ты мне мила и дорога!

— И ты мне дорога, милая Сфрагис. Я бы не хотела отпускать тебя в Сидон, но ты ведь должна увидеть своего отца. И потом, я надеюсь, что он переедет в Пальмиру. Ты скажешь ему, что мой отец обещает ему покровительство, а в нашей большой лавке возле театра будет продавать его браслеты и кольца. Все скажи ему, Сфрагис. И тогда мы снова встретимся, чтобы никогда уже больше не расставаться.

Они обнимались, целовались, давали друг другу клятву в дружбе и верности. А Сфрагис много раз повторяла свою благодарность за то, что ей была дарована свобода, и за то, что Байт назвала ее сестрой. Так искренни были их слезы, обещания и заклинания, что даже Забда, которому хотелось видеть Байт постоянно и жаль было тех мгновений, которые его невеста проводила с подругой,— и то был растроган. Прощаясь со Сфрагис, Забда просил ее скорее прибыть в Пальмиру и обещал свое покровительство. Он видел настоящую дружбу, знал о том, что Сфрагис любила Байт.

— Мы будем ждать тебя в Пальмире, Сфрагис,— говорил Забда.— И хотя свадьба уже будет сыграна до твоего прибытия, мы в твою честь устроим великое пиршество.

И Сфрагис снова утирала глаза, и ей казалось, что в них целые озера слез.

Дядюшка Байт, преисполненный благодарности за доброту и внимание Сфрагис, обещал ей дорогие подарки, как только она прибудет в Пальмиру. А Хайран, смеясь, вспоминал, как Сфрагис просила его купить ее.

— А ты ведь тогда не была такой красивой,— смеялся Хайран.— Тебя сейчас и узнать нельзя. В новом платье, что Байт купила тебе в Каписе, ты стала похожа на кушанскую принцессу. Вот обрадуется твой отец!

Кудзула, его жена и все мальчишки кушанского купца — все очень трогательно прощались со Сфрагис. Только Сита молча поклонилась. Ей было стыдно за себя, за свои подозрения. А стыд прибавил ей злости, и она не нашла ни единого доброго слова на прощание.

Хайран проводил Сфрагис к воротам Каписы, где уже стояли верблюды сидонского купца. Девушка отправилась в далекое путешествие, наконец-то она увидит отца. Ей представлялось, что, как только отец узнает все подробности похищения его жены и дочери, он поймет, как искать мать Сфрагис. «А что он сделает с новой женой, с новыми детьми?» — спрашивала себя Сфрагис и не находила ответа.

Эти мысли появились у Сфрагис в самом начале пути, как только они оказались в пустыне, и ей вспомнились те мучения, которые она перенесла на пути в Капису. Теперь, когда она была здорова, сыта, сидела в удобном седле, имела шаль, чтобы укрыться от палящих лучей солнца, она все больше думала о своей матери, которая, возможно, подвергается таким же лишениям, а может быть, еще большим.

«Как ужасны лишения раба в такой дальней дороге! — думала Сфрагис.— И как случилось, что я перенесла эту дорогу, страдая от лихорадки и мучаясь голодом и жаждой?.. Какое счастье, что рядом была эта красавица Каллисфения! Она прислала Клеона, а потом Клеон привел этого доброго египетского лекаря, который разгадал лихорадку. Живут же такие люди на свете — от них исходит только доброта. А рядом с ними бродят настоящие тигры, подобные начальнику рабов, которому Хайран поручил свой живой товар. Как же случилось, что добрый человек призвал на помощь злодея?»

Сфрагис много размышляла над своей судьбой и столь неожиданными счастливыми встречами. «В чем же счастье? — спрашивала себя девушка.— Для меня счастье обернулось встречей с Байт, а потом в получении свободы. А что было бы, если бы Байт была такой же жадной и жестокой, какой оказалась Сита, что бы тогда было? Даже страшно подумать. Не было бы свободы, не было бы поисков отца и рабство было бы моим уделом на всю жизнь. Будь благословенна твоя доброта, моя госпожа, моя Байт! — повторяла Сфрагис.— Как я желаю тебе счастья! Чтобы ты всегда была радостной и светлой. Чтобы ты могла жить в дружбе и согласии со своим Забдой. И чтобы добрый Хайран радовался за вас».

Дорога была долгой и трудной. Солнце жгло неумолимо. Не всегда погонщик верблюдов правильно предсказывал местонахождение колодца. Бывало и так, что томились от жажды. Но еды было достаточно. Купец из Сидона был внимательным и участливым. У него росли две дочери, и он понимал мысли и заботы бедной девушки, оставшейся без крова десять лет назад.

— Может быть, ты боишься встречи с мачехой? Не бойся, дочень-

ка,— говорил сидонец.— Я знаю твоего отца, он человек благородный и, я думаю, не привел в свой дом коварную женщину. Ты будешь старшая в семье, и тебя полюбят твои младшие братья и сестры.

Так он утешал Сфрагис, а сам тревожился, все ли будет ладно. Уж очень скорбная история у этого ювелира. Небывалая история.

•

Она потеряла счет дням, и, когда наконец их караван оказался у ворот Сидона, ей даже не верилось. Сфрагис не хотела появляться у дома вместе с караваном. Она условилась с купцом, что пойдет одна к своему отцу, а потом заберет свою поклажу.

Она вспомнила свою улицу, вспомнила дом парфюмера рядом с лавкой ювелира. И когда увидела все это, стала искать слепого старика, который постоянно стоял здесь с протянутой рукой. Но старика не было, и она подумала: «Прошло десять лет, давно уже нет в живых старика. А я уже не маленькая Сфрагис, которую мать ведет за руку. Узнает ли меня отец?»

Она вошла в лавку отца. Все — как было давно. У окна небольшой стол с молоточками и маленькими наковальнями. На своем месте стоит большой бронзовый ларец, где лежат готовые вещи. За вторым столом постоянно сидел юноша, помощник отца. Сейчас здесь какой-то бородатый человек склонился над работой. За прилавком стоял седой человек. Он держал в руках щипчики с большим лиловым камнем и внимательно рассматривал грани. «Это отец»,— подумала Сфрагис и почувствовала, что слезы застилают ей глаза. Это был и он и не он. Черные курчавые волосы исчезли, под глазами морщины и лицо какое-то печальное, чужое.

— Что угодно молодой госпоже? — спросил отец, мельком взглянув на Сфрагис, и, явно не узнавая ее, продолжал свое занятие.

На прилавке лежал золотой браслет, и Мерион подбирал к нему камни.

— Ты не узнаешь свою Сфрагис, свою дочь? — спросила девушка, бросаясь к прилавку.

Отец в испуге отбросил щипчики с камнем и, кинувшись к Сфрагис, стал молча рассматривать ее. На лице его изумление, испуг и радость — все вместе. А волнение так велико, что он не в состоянии вымолвить ни слова.

Наконец он справился с собой: «Сфрагис, дочь моя!» — обнял ее и стал целовать, громко всхлипывая.

— Дочка, ты ли это?! Да, это Сфрагис, я не ошибся. Ты так похожа на мать! Что с вами случилось? И как ты смогла вернуться, откуда? Я так долго вас искал! Никто не смог сказать мне, где вы.

— Нас похитили пираты,— ответила Сфрагис.— Меня увезли в

Александрию и продали хозяйке харчевни у дороги. Мать осталась на корабле у пиратов. Мы должны ее найти, отец. Я теперь знаю, как это делают. Надо только пожелать и надо иметь деньги.

— Мы будем искать, Сфрагис. Я ничего не пожалею. Но как ты могла спастись? Ты была в Александрии? А ведь я приезжал в Александрию, когда ездил покупать бирюзу в горах Синая и красную египетскую яшму. Это было пять лет назад. Боже мой, ведь я мог тебя встретить и выкупить! Почему же я не встретил тебя, Сфрагис?

— Не будем печалиться, отец. Я здесь, и теперь все будет хорошо. Ты ведь не оставишь свою Сфрагис? Купец из Сидона, который привез меня, говорил, что у тебя новая семья. Я вам не помешаю? Мне так мало надо, отец! Я хочу научиться грамоте и еще хочу просить тебя — оставь этот город Сидон, купи дом в Пальмире, и там мы заживем счастливо с моей дорогой подругой, с моей сестрой Байт. Это она даровала мне свободу, спасла мне жизнь и помогла найти тебя.

— Мы обо всем подумаем,— сказал Мерион.— А сейчас пойдем в дом, я познакомлю тебя с твоими братьями и сестрами и с матерью этих детей, она хорошая женщина, не бойся ее.

Пока они говорили, человек с черной бородой, отложив работу и сидя к ним спиной, молча слушал. Потом он обернулся и, обратившись к Сфрагис, спросил:

— Ты не узнаешь меня, маленькая Сфрагис? Помнишь, как я водил тебя на базар, покупал тебе орехи?..

— Да ведь это юноша, который работал у тебя, отец! Должно быть, и я очень изменилась за эти десять лет, если вы все так не похожи на себя.

— Ты стала красавицей, Сфрагис,— сказал отец, погладив ее длинные красивые волосы.— И одета ты как знатная госпожа. Это позаботилась о тебе Байт?

Сфрагис с волнением поднялась по трем ступенькам, ведущим в дом, отворила дверь и увидела ту же комнату, устланную большим ковром, которую она покинула десять лет назад. В углу — та же красная греческая амфора. На ней по-прежнему красуется большая красивая птица. На окнах бронзовые решетки. И Сфрагис показалось, что в дверях сейчас покажется мать, смуглая красивая женщина с большими черными глазами. Но в это мгновение появилась совсем другая женщина — белокожая, румяная, с лукавыми карими глазами и ямочками на щеках.

— Нашлась моя старшая дочь Сфрагис,— сказал Мерион.— Та самая, которая исчезла десять лет назад.

Сфрагис, не спуская глаз с женщины, прочла в ее взоре испуг и недоумение, которые тут же сменились улыбкой, и женщина сказала приятным голосом:

— Очень рада, доченька. Будем вместе с тобой растить малышей.

Теперь ты самая старшая в нашем доме, и пятеро младших будут рады твоим заботам.

Только в первый день, день встречи, Сфрагис сидела за трапезой с отцом и мачехой. Уже на следующий день мачеха приказала ей покормить детей. А потом, заглянув в миски, подумала и сказала:

— А то, что останется, хватит и тебе.

Сфрагис словно ударило молнией. Она вспомнила скаредную хозяйку харчевни, которая говорила ей такие слова, давая на целый день одну тонкую сухую лепешку. Девушка ничего не сказала мачехе. Она сделала все, как было велено, и почти не получила еды, потому что дети были прожорливы, особенно мальчишки.

Отец сидел в лавке и совсем не знал, что делается в доме. Когда он приходил, он получал сытную еду, и жена, улыбаясь и стараясь ему угодить, рассказывала о проделках детей и о том, как она разумно ведет хозяйство, не тратит лишних денег, бережет его добро.

Сфрагис вспоминала, как в доме матери ничего не закрывалось, не пряталось. Вспоминала старую няньку, которая заботливо кормила девочку. Эта женщина выгнала няньку. И когда Сфрагис узнала об этом, она снова всплакнула. Сейчас в доме были совсем другие порядки. Всякая еда хранилась в помещении, которое было закрыто, и никто не имел права туда ходить. В комнате мачехи стояли сундуки, в которых хранилась одежда и были припрятаны дорогие ткани, украшения. Об этом рассказала старшая дочь, которой было уже восемь лет и которая была недовольна тем, что мать не позволяла ей копаться в этой сокровищнице. Эта девочка умела за себя постоять и пискливым голосом, а иной раз и криками умела потребовать то, что ей нужно. Сфрагис стеснялась спросить у чужой женщины еду и одежду, а жаловаться отцу считала недостойным. Что ей было делать?

А тем временем мачеха все больше втягивала Сфрагис в круг своих обязанностей. Сфрагис звали на кухню, Сфрагис поручали готовить еду вместе с поварихой, Сфрагис посылали на базар вместе со служанкой. Дни неслись каким-то сумасшедшим ураганом, и Сфрагис чувствовала, что жизнь ее немногим отличается от жизни рабыни в харчевне.

Как-то, застав отца одного, Сфрагис спросила его, хочет ли он поехать в Пальмиру. Она призналась, что ей очень трудно угождать мачехе и что, если бы они переехали в Пальмиру, она стала бы жить у Байт, потому что Байт непременно забрала бы ее к себе, и они были бы счастливы.

Отец слушал Сфрагис с лицом печальным и унылым. Он долго молчал, а потом признался, что, живя среди сирийцев, он никогда не знал, как вздорны сирийские женщины.

— Ты права, Сфрагис. Эта улыбающаяся женщина, мать пятерых

моих детей, в сущности, вздорная и злая. Мне и самому очень трудно. Я стараюсь не показывать этого. Но изменить ничего нельзя. Она никогда не согласится покинуть Сидон, здесь ее родичи. А может быть, ты останешься, Сфрагис? Ты невеста, мы отдадим тебя замуж...

— Я должна покинуть Сидон, отец. Я устала от тяжкой жизни в рабстве и теперь очень нуждаюсь в любви и согласии. Байт любит меня, и отец ее, Хайран, очень добр ко мне. Мне было с ними хорошо. Я отогрелась после страшной голодной жизни в харчевне. Ты и представить себе не можешь эту страшную жизнь. Десять лет я страдала оттого, что голодный червь точил меня. И разве справедливо, что я не могу взять себе вдоволь еды? Все закрыто в твоем доме. Ты знаешь об этом?

— Знаю. Но ничего сделать не могу. Я не переношу криков и ссоры. Я стараюсь не думать об этом. Но как помочь тебе, Сфрагис? Ведь я не могу ее обидеть. Она мать моих детей. Я бы хотел отдать тебя замуж.

Они долго говорили. Каждый рассказывал о своей тяжелой жизни за прошедшие годы. Сфрагис говорила о том, что если ей нельзя будет вернуться в Пальмиру, то она лучше будет служанкой в чужом доме, чем жить рядом с этой улыбающейся злодейкой и страдать от голода, боясь взять лепешку.

— Я подумаю, дочь моя. Не обижайся, Сфрагис. Ты была еще маленькой, когда мы расстались. Но мать твоя знала, что я никогда не отличался решительностью. Я всегда умел хорошо работать, а вот защитить свое достоинство я никогда не умел. Твоя мать была добрым, хорошим человеком, и мне с ней было хорошо. А что есть сейчас — ты видишь сама. Я виноват, но изменить ничего не могу. Должен признаться тебе, Сфрагис, что эта женщина завладела всем моим достоянием. В ее ларцах драгоценности, которые я мог бы продать, чтобы иметь деньги для поисков твоей матери. Но мне их не получить. Я богат и беден одновременно. И еще я боюсь, Сфрагис, что дети мои унаследуют от нее дурные черты. И настанет день, когда я буду стоять с протянутой рукой, как тот слепец, который стоял много лет с протянутой рукой у дверей моей лавки.

— Но даже по законам Сидона каждый имеет право на какую-то часть достояния,— ответила Сфрагис.— Я имею право хоть на какую-то малость? То, что мне положено, я хочу получить. И я потрачу это на поиски матери. Но прежде я отправлюсь в Пальмиру. Прости меня, отец, но там мой дом. Там меня ждут и будут мне рады.

Мерион не сразу решился на разлуку с дочерью, которая была ему дороже всех его детей. Но он понимал, что несчастье, случившееся с девушкой, обязывает его уступить ей, выполнить ее желание. Ведь он не может устроить ей спокойную, обеспеченную жизнь, которую Сфрагис заслужила своими страданиями. Он не признался дочери, но

деньги на учителей он дал жене на следующий же день. Он просил ее договориться с одним старым мудрецом, который учил грамоте сыновей соседа. Сам Мерион не сделал этого, желая оказать доверие жене и надеясь на ее доброе отношение в ответ. Однако деньги, оставленные ей для учителя Сфрагис, были положены в ларец, а Сфрагис было сказано, что она уже стара для того, чтобы учиться грамоте: «Поздно, доченька, учиться. Тебе надо замуж выходить».

ПОБЕГ КАЛЛИСФЕНИИ

Уже много дней дожидались своей участи рабы, принадлежавшие Хайрану. Он оставил их в доме у дороги. Хайран был так занят поисками своих близких и так озабочен их судьбой, когда нашел их больными, что совсем забросил свои дела, связанные с продажей рабов. Он отпустил на все четыре стороны своего помощника, который помог ему доставить пленников в Капису, и поручил охранять их двоим стражникам, нанятым у Главных ворот Каписы. Двое его слуг, сопровождавших караван, выдавали рабам еду. Никогда еще рабы не чувствовали себя так хорошо и привольно. Они отдыхали после тяжкой и долгой дороги, и каждый помышлял о счастливой случайности, которая позволит ему не очень утруждаться и быть сытым, а может быть, и сбежать...

Лучше всех чувствовала себя красавица Каллисфения. Ее довольно часто навещал Клеон, лекарь, которому она приглянулась еще в Александрии. Он приносил ей фрукты, сласти и жареных уток. Клеон даже не пожалел денег на одежду и в один прекрасный день принес Каллисфении такое нарядное платье, что все вокруг ахнули и стали говорить о том, что судьба Каллисфении решена: лекарь Клеон ее выкупит и женится на ней.

— Ты добрый и щедрый человек,— говорила Каллисфения Клеону.— Я люблю тебя и пойду с тобой на край света.

Охотно принимая все знаки внимания Клеона, Каллисфения с нетерпением ждала прихода скульптора Феофила, который собирался лепить изваяние буддийской богини в храме. Она узнала, что будет натурщицей и Феофил увековечит ее облик в камне. Ей это нравилось. Это напоминало театр.

Феофил не видел ее на сцене греческого театра в Александрии и не знал, что она достаточно талантлива, чтобы сыграть любую роль, какая ей будет предоставлена в театре и в такой же мере в жизни. А Клеон, который видел ее в театре, преклонялся перед ней. И когда приходил к ней, любил расспрашивать, кого она играла и что ей нравится в театре.

Как-то она сказала:

— У Еврипида есть пьеса «Алкеста». В ней дан образ преданной жены, решившейся отдать свою жизнь за жизнь мужа. Я играла Алкесту, эту верную жену. Это моя любимая роль. Я играла себя.

— Я не знаю этой пьесы, расскажи,— попросил Клеон.

И она рассказала:

— В награду за благочестие фессалийского царя Адмета Аполлон добился для него от дев Судьбы Мойр особой милости: когда придет день его смерти, он сможет остаться в живых, если кто-либо из близких ему людей согласится умереть вместо него. Этот день наступил, но никто из близких Адмета не пожелал отдать за него свою жизнь, и только его верная жена Алкеста добровольно идет на смерть ради жизни мужа. Это очень трудная роль. Надо было во всех подробностях представить себе эту беспредельно любящую и преданную жену. Очень трудно было показать прощание с близкими и умирать на глазах у публики. Представь себе, Клеон, мой муж царь Адмет выводит меня из дворца, нежно поддерживая в своих объятиях. Нас сопровождают слуги и служанки, с нами рядом — наши дети, мальчик и девочка. Я обращаюсь к небу, к дневному свету, к бегущим в небе облакам, к кровле дворца и к девичьему ложу своего родного Иолка. Я прощаюсь с жизнью. И вдруг передо мной видение! Перевозчик в царство мертвых Харон торопит меня поскорее отправиться с ним в путь. И я прошу опустить меня на ложе. Я обращаюсь к царю Адмету с последней волей. Я говорю, что считаю его жизнь достойнее своей и потому решила умереть за него. Ведь жизнь мужчины как отца семейства и воина дороже женской жизни. Я готова умереть, а ведь могла бы еще пользоваться дарами молодости и выйти замуж после смерти Адмета. Но я не хочу счастья в разлуке с любимым. И я прошу, чтобы в оплату за мою жертву Адмет не привел новой жены, чтобы не было у детей мачехи. Я сказала свою последнюю волю и умираю. Адмет дает распоряжение о похоронах. Все должны облачиться в траурную одежду. Меня уносят во дворец.

А потом на орхестре появляется Геракл. Он зашел в город Феры по пути во Фракию. Он станет участником счастливой развязки. Геракл видит знаки траура. Но Адмет скрывает от друга правду: не говорит ему, что умерла жена, а говорит, что умерла близкая семье женщина. Он счел нужным солгать, чтобы не изменить обычаю древних эллинов, у которых гостеприимство было священно. Я не стану говорить обо всех подробностях действия. Скажу только, что Гераклу было оказано такое гостеприимство, какого он был достоин, и, когда он узнает от слуг, что умерла жена Адмета, Алкеста, Геракл в благодарность за гостеприимство хочет возвратить Адмету его жену. Он решается отправиться на могилу Алкесты. Он бросается на демона Смерти, сжимает его в своих могучих объятиях, чтобы вернуть

Алкесту. И Геракл отбивает Алкесту у демона Смерти. Публика в амфитеатре неистовствовала от удовольствия.

— Как же случилось, Каллисфения,— спрашивал Клеон,— что ты, такая красивая и талантливая, пребываешь в рабстве и не нашла способа избавиться от этого несчастья?

— Все дело в том, что меня купил владелец греческого театра в Александрии, когда я была еще маленькой девочкой и когда никто не знал, на что я буду способна и буду ли я красивой. Я была худой и жалкой. Потом я выросла и стала играть в таких прекрасных пьесах: в драмах и трагедиях. Я имела красивую одежду и была накормлена. Мне было хорошо. Меня не обижали. Правда, я не могла иметь денег для выкупа. Но мне не на что было жаловаться. А когда меня купил Хайран — надо тебе сказать, что это случилось только потому, что владелец театра разорился, от него ушли многие исполнители главных ролей,— тогда мне обещал хорошую жизнь скульптор из греков Феофил. Вот все, что я могу тебе сказать.

Слушая Каллисфению, Клеон подумал, что, может быть, эта красивая женщина вовсе не так коварна, какой она ему кажется, а наоборот, способна быть такой же самоотверженной и преданной, какой была Алкеста. И он мечтал о том времени, когда сможет ее купить и сделать своей женой. А пока он должен был ждать, чтобы узнать, куда уведут Каллисфению. И он решил для себя непременно жить в том городе, где будет жить Каллисфения, и там своими трудами лекаря заработать деньги для выкупа. Сейчас у него было мало денег. И он точно знал, что их недостаточно для выкупа этой красавицы. Клеона очень огорчало, что так затянулась вся эта история с продажей рабов. Он не ожидал, что они будут ждать своей участи в доме у дороги чуть ли не тридцать дней. Но он ждал. У него было много терпения. Каллисфения очень нравилась ему.

Тем временем стал помышлять о побеге молодой раб Полемон, сын Стратона из Македонии. Рассказывая о своей судьбе скифу Феагену, он вспоминал, какие полезные вещи ему приходилось делать из кожи, когда он был рабом одного предприимчивого человека в Александрии.

— Мы обрабатывали шкуры домашних животных стручками акаций,— рассказывал Полемон.— Получив мягкие, как хорошее сукно, кожи, мы делали из них мешки, помочи, наволочки для подушек, ножны для кинжалов, упряжь, сидения для стульев и табуреток. Белые кожи мы красили в разные цвета и украшали вышивками. Я думаю, что такую работу сумеют оценить в этом большом богатом городе. Говорят, в этом городе много купцов и вельмож. Если бы удалось бежать, я бы скоро вышел в люди и стал владельцем лавки. Я бы там продавал все эти вещи, сделанные моими руками. А если хочешь, Феаген, я научу тебя своему мастерству. Может быть, удастся нам бежать.

— Если окажемся вместе, то я готов,— соглашался Феаген.— А здесь мы в закрытом помещении, и охранники не оставляют нас ни днем, ни ночью. Это можно сделать только потом, когда мы будем на работе. Я бы с радостью научился твоему искусству вырабатывать кожи, делать ножны для кинжалов. Всю жизнь я должен был таскать тяжести. Я был грузчиком. Мне очень надоело это занятие.

— Мое занятие всюду нужно, даже в степи,— сказал с гордостью Полемон.

— Ты прав, добрый человек. Если бы мне научиться твоему мастерству, а потом, если бы я смог бежать и вернуться в родные степи к своим, я бы многих научил этому полезному занятию. Только все это в мечтах. Жалкая судьба — судьба раба. Мы во власти неведомых нам людей. А эти люди — во власти богов. И у них бывают горести. Только беда могла заставить нашего господина бросить нас здесь. Ведь он привез нас для того, чтобы выгодно продать. А тут и про выгоду забыл. Вот как бывает!

Среди десяти камнерезов, купленных Хайраном на невольничьем рынке в Александрии, был искусный камнерез Трифон из Пантикапея. Сын раба-камнереза, он с малых лет был предан своему делу. Когда его увезли в Александрию, он горевал, потому что не знал, какому хозяину достанется и какую работу получит. Сейчас, в ожидании того часа, когда решится его судьба, он рассказывал меднику из Согда о своей жизни, о своем занятии. Он вспоминал, как красиво море, когда смотришь с высокой горы, на которой раскинулся город Пантикапей. Вспоминал богатые украшениями храмы и дворцы, где ему приходилось работать.

— Последние годы,— говорил он,— я все больше занимался капителями. Если бы ты видел, согдиец, какие причудливые узоры вырезал я по мрамору! А как-то раз мне пришлось сделать небольшие колонки вокруг алтаря. Они были невысокими, из известняка, а капители пришлось резать по довольно мягкому белому камню, откуда-то привезенному. И вот было решено украсить эти капители цветным узором. Представь себе: фон синий, а чашечки окрашены в красный цвет. Листья цветка оставались белыми, а бутоны были позолочены. Когда все было готово, так это было красиво, что и уйти не хотелось. Хотел бы я знать, что ждет меня в этой Каписе. Оставят ли меня здесь или отправят куда-нибудь далеко?

— И мне бы хотелось знать, что ждет меня впереди,— отвечал согдиец.— Я был отличным медником в маленьком городке вблизи Смараканды. Мы делали работы для князя. Отличная была у нас чеканка. А незадолго до того, как меня продали, я сделал превосходные бляхи с изображением бога Диониса. Это греческий бог вина и веселья. Я сделал его веселым, смеющимся.

— Ну, бога Диониса мы знаем в Пантикапее. Да его всюду знают. Всюду, где есть виноградники и где пьют вино.

— А я всю жизнь был мозаичником,— вмешался в разговор македонец Стратон.

И он стал рассказывать о тех пестрых мозаиках, какие ему пришлось делать для храмов и богатых домов Македонии.

— Мне давали разноцветные гальки, и я укладывал их в известковый раствор, покрытый слоем мелкого камня. А галька была разных цветов — белая, серая, желтая, коричневая, зеленая, синяя. Можно было целые картины собирать. Иной раз увлечешься и даже забудешь о том, что голоден. Хочется скорее увидеть, что получится из этой гальки. Меня продали, увезли в Александрию, а моя работа осталась. Она, как скалы у моря, будет долго жить. Интересно, есть у них тут галька, есть ли, из чего собирать такие мозаики... Или заставят делать другую работу?..

Тридцать рабов, доставленных Хайраном с помощью жестокого смотрителя, названного рабами Тигром, с нетерпением ждали, когда определится их судьба. И в одинаковой мере они все удивлялись тому, что хозяин не торопится их продать. Они не знали причин, и кто-то из них даже пустил слух, что хозяин внезапно скончался и теперь ими владеет человек, которому принадлежит этот постоялый двор.

— Узнать бы об этом хозяине двора,— говорил Трифон согдийцу.— Если не очень жадный и не очень жестокий, то, может быть, прислушается к нашим мольбам и продаст в добрые руки.

●

Тем временем искусный скульптор Феофил принялся за работу. Ему было поручено сделать изваяния бодисатв для огромных ниш буддийского храма, только что воздвигнутого в Каписе. Главный жрец согласился с оплатой, назначенной греком Феофилом, но отказался купить рабыню Каллисфению, которая должна была позировать скульптору во время его работы. Жрец сказал, что в Каписе достаточно много красивых женщин и нет нужды покупать красавицу гречанку. Да и нет надобности изображать бодисатву в виде гречанки. Скорее, нужна женщина Индии. А может быть, красавица персианка? Главный жрец и слышать не хотел о требованиях Феофила. А скульптор заупрямился и каждый раз, когда к нему присылали натурщиц из местных женщин, он отвергал их.

Феофил, живший прежде в Александрии и наслышавшийся о щедрости кушанских правителей, которые ничего не жалеют для блага своей буддийской веры, был уверен, что никакие траты не остановят хозяев. Однако ошибся. И теперь очень неохотно принялся за работу. Он стал думать о том, что, возможно, стоило покинуть этот

прославленный город Каписуи уехать в менее прославленный, но более для него подходящий город. Феофил был искусным ваятелем, он привык к похвалам и к полной самостоятельности. Вздорный нрав главного жреца раздражал его и мешал работе. Он стал размышлять над тем, как покинуть Каписуи, но покинуть вместе с Каллисфенией. Уж очень ему хотелось сделать скульптуру с лицом красивой и благородной гречанки. У него не было денег, чтобы купить Каллисфению. В пути, пока он добирался в Каписуи вместе с караваном Хайрана, он успел познакомиться с богатым купцом из Пальмиры и понял, что тот не уступит, тем более что сам Феофил обещал ему хороший барыш за рабыню Каллисфению.

Навещая рабыню и стремясь узнать о ее будущем, Феофил придумал способ похищения. Он принес Каллисфении одежду охранника и оставил ее, сказав, что она пригодится для побега. Каллисфения, истинная артистка, соскучившаяся по театру, не прочь была сыграть роль беглой рабыни. План Феофила очень ей понравился. Обсуждая его во всех подробностях, она и сама кое-что придумала. Было решено, что в какой-то вечерний час Феофил посетит ее, как обычно, но при этом принесет большой кувшин доброго вина. Каллисфения угостит охранников, а потом, переодевшись в одежду, которую Феофил принес, сыграет полупьяного охранника. Один из молодых воинов сидел у дверей того помещения, где жили рабы, а другой сидел у ворот дома у дороги. Феофил решил, что вначале Каллисфения притворится, будто она и есть тот охранник, который сидит у ворот. Она предложит собрату еще немного вина, а потом пойдет к воротам и предложит вина второму. Когда сидящий у ворот будет уже совсем пьян, она пробормочет несколько слов о том, что ей надо кого-то встретить у дороги, и выйдет. А там ее будет ждать Феофил, готовый в дорогу, с двумя мулами, которых он купит для этой цели. Переодетая охранником Каллисфения бесстрашно покинет Каписуи, а пьяные охранники проснутся лишь к полуночи, когда будет уже поздно искать беглецов.

Феофил очень хорошо подготовился в дорогу. Он закупил достаточно припасов, наполнил бурдюки водой, купил хороших мулов, а главное — сумел узнать, где ему можно получить работу. Он выбрал город Тармиту[1], где строился большой монастырь для буддийских монахов. Добраться до Термиты было недолго, а в небольшом городе, далеко от правителей, жрецы должны были быть более покладистыми.

Побег им удался как нельзя лучше. Ничто не помешало Каллисфении сыграть роль пьяного охранника и покинуть в сумерках дом у дороги. Так рабыня греческого происхождения получила свободу.

[1] Так в древности назывался Термез на юге Узбекистана.

— Ты увел рабыню и будешь наказан,— смеялась Каллисфения.— Благородный скульптор украл рабыню! Ха-ха-ха! — Она корчилась от смеха.

— Я освободил тебя, сделал великое благо для тебя, а ты смеешься, неблагодарная! Неужто ты думаешь, что я могу увести рабыню и скрыться? Ты ошибаешься. Я взял в долг рабыню. И как только соберу деньги, как только получу за первые же свои работы, я уплачу купцу Хайрану. И тогда попрошу простить меня. Уж очень мне захотелось сделать изображение благородной гречанки. Однако признаюсь тебе, Каллисфения: твое благородное лицо ничего не говорит о твоей душе. Боюсь, что душа твоя не так благородна. Это мы узнаем позднее.

Феофил не сомневался в том, что сможет уплатить за рабыню и что Хайран не пострадает. Он только не знал, как это сделает. Пальмира далеко, поехать туда дорого и трудно. Но стоит ли сейчас ломать голову над этим, когда все так хорошо удалось?

Хайран собрался продавать рабов через два дня после побега Каллисфении. Ни один из рабов, ни охранники не могли ему сказать, кто способствовал побегу рабыни. Хайран обратился к Клеону, но тот был просто ошарашен этим известием: все его планы рухнули, и он понял, что имел дело с коварной красавицей, которая могла сыграть любую роль. Клеон стал помышлять об отъезде из Каписы.

Тогда Хайран стал искать Феофила в том большом буддийском храме, для которого он привез искусных ремесленников и где, он знал, должен был делать каменные изваяния Феофил. Но главный жрец храма, ведающий всеми работами, сказал, что Феофил исчез. И тогда Хайран понял, что почтенный скульптор из греков похитил рабыню.

— Непостижимо...— говорил он.

Теперь уже нельзя было больше откладывать продажу рабов, надо было торопиться, да и пора было покинуть Каписау и отправиться в дорогу. Ведь Хайрану предстояло еще заехать в древнюю Маргиану, в Мерв, как стали называть этот город иранские правители Сасаниды, подчинившие его себе.

Главный жрец нового храма закупил всех рабов, предложенных ему Хайраном. Он очень нуждался в искусных ремесленниках. Вместе с другими был продан македонец Полемон, сын Стратона, и скиф Феаген. Они так истомились в ожидании того часа, когда решится их судьба, что были рады, когда их вывели из дома у дороги и погнали к большой площади, где стоял опоясанный деревянными лесами, еще не достроенный буддийский храм. Когда главный жрец стал выяснять, на какие работы способны купленные рабы, он обратил внимание на Полемона, который взялся делать самые лучшие изделия из кожи. В помощники ему был дан скиф Феаген. Они радовались тому, что будут заниматься хорошим делом и будут лелеять мечту о свободе.

КАРАВАН В МЕРВЕ

Покинув Капису, Хайран, его брат и Байт с Забдой долго еще вспоминали благородного и щедрого кушанского купца Кудзулу. Все они искренне хотели принять его в своей богатой Пальмире и, прощаясь, долго рассказывали ему, что ждет его, когда он прибудет туда с караваном.

— Путь долгий и утомительный,— говорил Хайран,— но разве торговые дела купцов были когда-нибудь легкими и безопасными? Всегда и всюду нас подстерегает опасность встретить разбойников или пиратов, заболеть неведомой тяжкой болезнью или вдруг потерять все свое достояние. Однако это не является препятствием, и мы продолжаем свое дело. Иначе люди потеряли бы связь друг с другом, не знали бы, как живут другие племена и народы, какие есть на свете города. Каждый сидел бы в своей норе. Я за то, чтобы путешествовать, пренебрегая опасностью, и ты, я думаю, такого же мнения.

— Я объездил полсвета,— смеялся Кудзула,— и докажу свою преданность торговому делу тем, что прибуду в твою благословенную Пальмиру.

Путь до Мерва был недолгим и благополучным. Верблюдов было мало, поклажа невелика, погода благоприятствовала, все были в добром настроении. С каждым днем Забде становилось все лучше. Постепенно зажили раны, посветлел шрам на лбу, лицо стало попрежнему свежим и гладким. Перед Байт был прежний Забда. Когда он повязывал голову белой шелковой чалмой, то и вовсе исчезали следы ужасных побоев. Забда почти не вспоминал дней, проведенных в рабстве, и все больше говорил о будущем. Он рассказывал Байт, каким он представляет себе новый дом в Пальмире, каким будет убранство и как они отпразднуют свадьбу. Они весело смеялись над каждой шуткой, и дни проходили так спокойно и приятно, что хотелось продлить это путешествие.

— Посмотри, как славно воркуют наши голуби,— говорил Хайран брату.— Даже не верится, что позади все эти несчастья. И твоя нога совсем зажила; каким молодцом ты вскакиваешь в седло! Как вспомню наши тревоги и мучения, так диву даюсь. Словно в страшном сне прошли месяцы вашего рабства.

— Для нас это был не сон, для нас была погибель. Счастливцы мы, брат мой Хайран. Только твои настойчивость и щедрость помогли спасти нас. Никогда бы мы не выбрались из рабства. Считай, что свершилось необычайное. А я, так чудесно спасенный тобой,— вечный твой должник. Все для тебя сделаю, Хайран. Поверь, что такое не забудется. Сейчас мне даже совестно вспомнить, как я был прежде невнимателен к тебе. Бывало, месяцами не заходил повидаться. Никогда не привозил тебе подарков из дальних стран. Все думал, что

в следующий раз. А сейчас мне хотелось бы одарить тебя щедро и красиво. Когда вернемся, все будет сделано, поверь! Да и долг мой велик. Траты твои неимоверны. Я в ужасе, когда думаю об этом.

— Мы с тобой разные, хоть одна мать нас родила,— отвечал Хайран.— Ты всегда был очень расчетлив и благоразумен. Ты всегда боялся, что обеднеешь, и складывал в кошель побольше. Я иначе устроен, но привязан к тебе. Ты брат мой, и больше нет у меня родни. Так сложилась моя судьба. Ты да Байт. Как же мне было не позаботиться о тебе в дни несчастья? Разве мог я считать деньги и думать о том, что дорого обойдется поездка в далекое Кушанское царство! Мне было не до размышлений. Надо было действовать, чтобы не опоздать, не правда ли? А траты оправданы. Не в деньгах счастье!

Хайран увидел слезы на глазах брата и подумал, что брат стал мягче и сердечней. Его всегда коробила необычайная расчетливость брата, его суровость в обращении. Он был человеком честным и порядочным, но уж очень часто задумывался над тем, можно ли потратить серебряную монету. Он был бездетным. Его жена была тихой, неприхотливой женщиной. Она всегда боялась мужа, во всем ему угождала и никогда ничего не просила у него, довольствуясь немногим. Хайран удивлялся тому, что брат не находил нужным оказывать сколько-нибудь внимания Байт, единственной племяннице. Но, зная характер брата, принимал это за должное и не укорял. Так они жили — близкие и далекие. Насчастье сплотило их, и Хайрану казалось, что, когда они вернутся домой, все будет иначе. Ему не терпелось вернуться домой, скорее войти в свои богатые лавки, расположенные рядом с театром. Он любил нарядно разодетых людей и сам иногда показывал ювелирные изделия своим знатным покупателям. Нередко бывало и так, что перед самым представлением в театре ювелирная лавка Хайрана наполнялась покупателями, и он с выгодой продавал то, что ему довелось привезти издалека.

— Мне так хочется домой,— признался Хайран брату,— что я уже не рад своей затее. Мог и не заезжать в Мерв. Но хотелось сбыть дорогие изделия из слоновой кости, закупленные у индийских купцов. В Мерве знать очень любит ритоны из слоновой кости. Если эти странные и неудобные кубки украшены резьбой индийских мастеров, то за них платят очень дорого. Я поиздержался в этой поездке, захотел восполнить расходы.

Брат соглашался с Хайраном и считал, что иначе и быть не может. Какой же купец откажется от барыша? Какой разумный торговец обойдет богатых покупателей? Этого быть не может, и говорить об этом просто смешно.

Они прибыли в Мерв уже в сумерках и тут же у привратника, стоящего у главных ворот, узнали, что можно остановиться в большом дворе с бассейном и хорошим садом. У них были шатры и вовсе не

нужен был дом с крышей. Они легко нашли этот двор, расположенный рядом с базаром, и вскоре слуги Хайрана раскинули шатры, а повар стал готовить ужин.

В саду, у бассейна, под ветвистыми яблонями было приятно отдохнуть. Байт была в восторге, когда проснулась утром от плеска в бассейне и увидела, как падают в воду большие румяные яблоки.

— Как здесь хорошо, как спокойно и приятно! — говорила девушка Забде.— Я вспоминаю гостеприимного Кудзулу и противную Ситу, которая портила нам жизнь своими дурными разговорами и попрошайничаньем. Так обидно за Кудзулу и его добрую жену! Эта девушка порочит дом своих родителей. Отцу и в голову не приходит, что у него дочь — попрошайка. Представь себе, она выпросила у меня мои любимые голубые бусы из Сидона. Просто пришла и выклянчила. В жизни не встречала более противной девчонки! А ведь личико хорошенькое. Невинная овечка... Мне нравится здесь.

— Мы славно отдохнем перед трудной дорогой в пустыне,— соглашался Забда.— Я рад, что твой отец задумал заехать в Мерв. Пока он будет вести свои торговые дела, мы отлично отдохнем и отправимся в дорогу, полные сил. Я совсем уже окреп и постоянно твержу про себя слова благодарности тебе, моя Байт, и благородному Хайрану. Теперь мне уже не верится, что я был в такой большой опасности и мог погибнуть. Боюсь, что не скоро забуду эти страшные дни и не захочу путешествовать на корабле. Самая страшная пустыня покажется мне раем после моего путешествия в Неаполь. Знаешь, Байт, я и слышать не могу сейчас о гладиаторах.

— Постепенно забудутся эти беды, и мы с тобой, Забда, когда-нибудь поедем в Рим и увидим гладиаторов и много всего удивительного. В этом путешествии я поняла, что, помимо выгоды, есть еще много привлекательного в занятиях купцов. Они познают мир. А это прекрасно. Я о многом узнала от своих мудрецов-греков, которые учили меня уму-разуму. Но когда я увидела своими глазами вечных кочевников в пустыне и узнала об их тяжкой жизни, я по-новому оценила свою жизнь и была рада, что открыла для себя другой, неведомый мне мир. А если бы ты знал, Забда, о чем рассказывал мне отец в часы досуга! Купцы, поломники, аскеты и монахи, которых мы встретили в пути, рассказывали удивительные вещи. Их жизнь так не похожа на нашу жизнь! И молитвы у них такие странные, а обычаи непонятные. И представь себе, я вдруг поняла, что эти люди мечутся в поисках справедливости и правды. Не знаю, так ли это?

— Как ты умна, моя Байт! Какие мудрые мысли бродят в твоей хорошенькой головке! Даже трудно поверить, что такая красивая девушка с томными глазами способна думать о таких сложных вещах. Я старше тебя, но мне они непонятны, прости меня, Байт. Мои

учителя не были такими мудрыми и не смогли меня увлечь в неведомый мир. Но теперь я пойду по твоим стопам. Мне так нравится все, о чем ты думаешь и говоришь! Я просто счастлив, Байт, что впереди у нас целая жизнь. Клянусь, мы никогда не расстанемся!

Хайран тем временем знакомился с именитыми купцами Мерва. Он хотел узнать о ценах на те товары, которые привез. Ему хотелось найти людей, которые смогли бы его представить принцу. Он считал, что дорогие покупки может сделать только принц. Уж очень редкие вещи привез Хайран в Мерв.

В одной из самых больших ювелирных лавок Мерва Хайран встретил старейшего из купцов этого города. Он узнал, что ему принадлежат лавки на всей этой улице. Старший сын торговал китайскими шелками, хлопковыми тканями из Смараканды, седлами и упряжью из Хорезма. Второй сын имел парфюмерную лавку, которая благоухала на всю улицу. Здесь продавались душистые травы для воскурений в храмах зороастрийцев, благовонные масла из Сирии и Египта, всевозможные мази и притирания от разных болезней. А третий сын имел превосходную торговлю гончарными изделиями мервских мастеров, а еще он торговал стеклом из Тира и Сидона, греческими амфорами и серебряными блюдами, сделанными мастерами Балха.

Услышав о древней и богатой Пальмире, старый купец очень обрадовался и сердечно принял собрата из далекой земли. Хайран почувствовал, что перед ним человек благородный и его советы пригодятся в этом чужом городе.

— Я вижу богатый и красивый город,— говорил Хайран.— Я думаю, что купечество благоденствует здесь под покровительством сасанидской знати.

— Не очень благоденствуем,— признался купец по имени Левша.

Левшой был не он и даже не его отец, а прадед, но все потомки унаследовали это прозвище, которое потом стало именем, и довольно знаменитым. Род Левши был удачлив. Из поколения в поколение купцы из рода Левши множили свое богатство и всегда отличались большой изобретательностью. Они были бесстрашными путешественниками, объездили многие страны Востока и сделали много добрых дел для своего города. Мерв, древний город, когда-то входил в состав богатой Парфянской империи. Но то было давно. А сейчас жизнь Мерва менялась на глазах у его жителей. Никогда прежде никто не терпел здесь таких притеснений, какие теперь стали обычными. Вся власть над людьми принадлежала теперь жадным и жестоким магам зороастрийских храмов.

Согласно вере зороастрийцев, в мире есть два начала. Светлое начало олицетворяется Ормаздом, а темное начало — духом зла Ахриманом. Добрый дух Ормазд борется с духом зла Ахриманом, и

человек обязан всю жизнь помогать Ормазду. Но прежде всего верующий должен выполнять множество сложных обрядов. В городе воздвигли большое количество зороастрийских храмов, где постоянно горел неугасаемый огонь, курились благовонные травы, читались священные книги, а богослужение сопровождалось песнопением. Плохо приходилось людям, которые не выполняли ритуала. За ними следили подручные жрецов, которые постоянно делали донесения о нерадивых, и бедный человек, попавший в список нерадивых, мог поплатиться не только имуществом, но и жизнью.

Верховные жрецы-маги были ненасытны. Они отбирали у земледельцев земли, прилегающие к храмовому хозяйству, отбирали скот и продукты сельского хозяйства. Служители храмов брались выполнять за верующих всякие обряды и за это взимали большую плату. Трудовой люд Мерва и окрестностей был в полном подчинении у жрецов. Но не только материальные блага принадлежали храму. Если возникало судебное дело, то его решали жрецы, если отец семейства желал дать образование своим сыновьям, он снова зависел от жрецов. Народ стонал от гнета, и всякий, кто мог покинуть свой дом и уйти в такое место, где власть религии не так велика, уходил.

— Врагу своему не желаю такого благоденствия,— жаловался Левша.— Не далее как вчера жрецы прислали служек в лавку моего сына и забрали без денег большое количество курений и благовоний. Сын даже не осмелился возражать. Сопротивление могло стоить ему жизни, а полное разорение — неминуемо.

— Послушал я тебя, Левша, и подумал, что в Кушанском царстве просто райское житье. Там никто никого не принуждает принимать веру Будды. А если ты добровольно принял эту веру, то живи себе по своему разумению. Никто не станет проверять, моешь ли ты руки, подходя к вечному огню, и даришь ли последний кусок хлеба на пропитание жрецов.

— Однако знать по-прежнему стремится к роскоши,— сказал с усмешкой Левша.— Я посоветую тебе пойти во дворец князя и там предложить свои заморские товары. Надо тебе сказать, что в твоем деле многое зависит от жены правителя. Она женщина властная и умная. Она знает, чего ей хочется, и потому ей легко продать хорошие вещи. Попробуй попасть на ее половину дворца. Или договорись с князем, чтобы она присутствовала при продаже.

Хайран был очень благодарен Левше за его добрые советы. Он узнал у него такие подробности, без которых хорошо не управишься со своим делом. В самом деле, почему бы не попросить князя пригласить госпожу, чтобы она увидела те вещи, которые могут ей понравиться?

— Если караван купцов из Мерва прибудет в Пальмиру и ты

будешь с ними,— сказал на прощание Хайран,— я прошу тебя, приходи в мои лавки возле театра — я во всем тебе помогу.

На следующий день Хайран отправился во дворец. Князь принял его в квадратном зале, напоминающем дворцовые строения Нисы, богатого города Парфянского царства. Белые колонны с капителями в виде листьев аканфа на фоне красных стен выглядели торжественно. В нишах стояли раскрашенные статуи мужчин и женщин в царском одеянии. Стены были украшены причудливой росписью, которая переливалась в лучах солнечного света, падающего из окна в потолке. Князь сидел на возвышении в резном кресле из красного дерева. Рядом с ним сидела госпожа, которая поразила Хайрана своей богатой одеждой и привлекательной внешностью. Ее тяжелое шелковое платье красного цвета было украшено золотыми бляшками, а на шее красовалось ожерелье — несколько нитей крупного красивого жемчуга. Из такого же жемчуга были браслеты на руках, а головной убор был украшен не только жемчугом, но и рубинами. Ее длинные черные волосы ниспадали шелковым покрывалом, закрывая плечи.

«Настоящая царица»,— подумал Хайран. Он низко склонился, пожелал благоденствия и процветания, а потом спросил разрешения раскрыть свои корзины и ларцы. По мере того как он извлекал из них разные вещи, в глазах госпожи появлялись огоньки. Она долго и внимательно рассматривала тончайшую резьбу на ритоне из слоновой кости, потом взяла в руки статуэтку богини Сарасвати с лютней и другие изображения индийских богинь, искусно вырезанные из слоновой кости. Ей очень понравились деревянные кушанские ларцы с обкладкой из слоновой кости, где были сделаны изображения прелестных юных женщин, полуодетых красавиц. Госпожа несколько удивилась тому, что они плохо прикрыты, но когда услышала, что это героини знаменитого индийского сказания «Махабхарата», она заулыбалась и сказала князю:

— Мне помнится, ты читал мне кое-что из этой древней книги.

— Читал, госпожа моя,— ответил князь и, подумав, прочел на память несколько подходящих строк:

...и вьющиеся кудри,
и стан изящный, тонкий
приносят, без сомнения,
немалое страданье
мечтателям влюбленным...

— В Каписе живут искуснейшие мастера — резчики по дереву и кости,— говорил Хайран.— Это их работа. Подобной работы я нигде не видел. Мне говорили, что подобную резьбу по кости можно увидеть только в далеком Ханьском царстве, китайцы искуснейшие резчики

по слоновой кости. Но оттуда я могу предложить вам только шелка.

Китайские шелка не заинтересовали именитых покупателей, а вот изделия из слоновой кости индийских и кушанских мастеров, ювелирные изделия и сидонское стекло — все было куплено, и Хайран покинул дворец в благодушном настроении, радуясь, что не поленился заехать в старинный Мерв.

«Здесь давняя любовь к роскоши,— подумал Хайран,— никакие зороастрийские маги не изменят привычек местной знати!»

Хайран поспешил к своим шатрам, чтобы готовиться к отъезду, не откладывая и не задерживаясь. А тем временем Байт и Забда, гуляя в саду, обратили внимание на детей хозяина, которые срывали яблоки для продажи на базаре. Байт захотелось помочь детям. Она предложила Забде принять участие в этом занятии, и вскоре они уже весело переговаривались, наполняя корзины большими красными яблоками. Вместе с детьми они продвигались в глубь сада, где высокая трава достигала ветвей и мешала срывать яблоки.

— Забда, подойди возьми большой нож и срежь траву вокруг этой яблони. Сад запущен, давно им не занимались, а здесь сочные, сладкие плоды.

Забда пошел за ножом, а Байт, раздвинув руками траву, приблизилась к тяжелым ветвям яблони и стала срывать плоды. Вдруг кольнуло в ногу и что-то тяжелое, холодное придавило носок башмака. Байт отпрянула в сторону и увидела хвост ускользающей змеи. Она закричала, позвала Забду и тут же почувствовала страшную боль в ноге и увидела, что нога распухает невероятно быстро. Когда подошел Забда, Байт уже теряла сознание. Прибежавшие на крик Байт дети позвали отца, побежали за знахарем. Они боялись, что бедную Байт укусила ядовитая змея.

Байт становилось все хуже.

— Ты спасла меня, Байт. Не уходи... Не оставляй меня!..— плакал над девушкой Забда.— Не покидай меня!..

Когда пришел знахарь и увидел посиневшую ногу, уже распухшую выше колена, когда увидел следы двух больших ядовитых зубов и похолодевшее тело девушки, он сказал, что нет спасения. Ее укусила гюрза.

Хайран вернулся поздно. Байт была уже мертва.

Словно оцепеневшие, стояли у ложа Байт Хайран, Забда и дядюшка. Они были так потрясены, что лишились дара речи, и никто из них не смог сказать и слова. Долго они стояли в полном безмолвии, не веря своим глазам. Хозяин сада проклинал тот час, когда пустил к себе этих путешественников. Он винил себя в том, что давно не заглядывал в заброшенную часть сада, не срезал сорной травы и словно приготовил логово для ядовитой змеи, которая любит мокрую глину; а там как раз была сплошная глина.

— Что делать с этими несчастными людьми? — спрашивал хозяин жену.— Как им помочь? Они окаменели от горя и даже не понимают, что в такой знойный день нельзя долго прощаться с умершим.

— Пойди и предложи им помощь,— сказала жена.— Скажи, что у тебя есть хороший мастер, резчик по камню, который может сделать надгробие. Как мне жаль несчастного отца! Потеряв такую дочь, он уже и сам не захочет жить на свете.

Говоря все это, женщина всхлипывала, а дети завывали, как завывают побитые собачки. У них на глазах произошло это несчастье, и они устрашились той злой силы, которая может в одну минуту лишить жизни здорового, веселого человека.

— Она сама пришла к нам и сказала, что поможет собирать яблоки,— рассказывала матери старшая из девочек.— Она была такой доброй и приветливой... Она так весело смеялась...

И девочка снова заплакала.

Хайран надолго окаменел. Все заботы взял на себя Забда. Он выбрал тенистое место под старой чинарой на кладбище, заказал надгробие и сам отобрал одежду и украшения, чтобы достойно проводить в последний путь свою Байт. Жена хозяина была отличной помощницей. Она так хорошо одела и украсила Байт, что, прощаясь с ней, Хайран не верил тому, что дочь уже не проснется. Этому не верил и Забда. И когда они стояли, склонившись над белым надгробием с изображением головки Байт, им не верилось, что они не увидят больше свою любимую Байт, не услышат ее веселого смеха.

Прошло много дней, прежде чем Хайран решился покинуть Мерв. Каждый день трое неутешных приходили к могиле Байт и молча стояли у белого надгробия. Хайран вспомнил все свое путешествие в Кушанию, и ему казалось, что, если бы он вернулся в Капису, в дом Кудзулы, он снова увидел бы свою Байт, озабоченную поисками жениха. Все задуманное свершилось. Забда и брат найдены и возвращаются в Пальмиру. А Байт, единственное утешение его жизни, его любимая дочь, уже никогда не вернется в Пальмиру. Пережить такое горе невозможно. И для чего жить на свете? Для чего трудиться и преодолевать все те бесконечные трудности и опасности, которые поджидают купца каждый день и каждый час?..

«Зачем я поехал в этот Мерв? Зачем прельстился новыми барышами? — спрашивал себя Хайран.— И почему боги так жестоки? Моя добрая, благородная Байт никому никогда не сделала зла, за что она так наказана?»

Хайран был неутешен. Таким он покинул Мерв — молчаливым, словно окаменевшим. Брат его и Забда не находили слов утешения, да и сами они нуждались в этих словах. А старый погонщик, собрав в дорогу свой караван, сказал Хайрану:

— Мы бессильны перед могуществом богов. Но кто знает, может

быть, такая неожиданная смерть в минуту веселья и радости — это благо. Дети хозяина говорили мне, что за минуту до несчастья Байт весело смеялась и усердно срывала румяные яблоки. Она не знала, что смерть уже стоит рядом. И умерла она в полном неведении.

— Веди нас в Пальмиру, мой старый, верный друг,— отвечал Хайран.— Нет мне утешения, и не ищи ты нужных слов. Веди нас в Пальмиру, в последнее наше путешествие. И знай, что нет больше купца Хайрана, который так отважно отправлялся в далекие, неведомые страны. Поистине удел человека — страдание. Может быть, Будда был прав?

ОДИНОКИЙ ХАЙРАН

Весна сменилась летом. Пришла осень, а за ней и зима. Только к следующей весне Мерион, видя, как грустна Сфрагис, как худеет и бледнеет, словно ее подтачивает болезнь, решился наконец отпустить ее в Пальмиру. Ему стоило больших трудов выпросить у жены кое-что из своих драгоценностей, чтобы снарядить дочь в дорогу. Он долго выбирал спутников и очень обрадовался, когда узнал, что тот же купец, который привез Сфрагис в Сидон, собрался в Пальмиру.

— Я сделал все, как ты хотела, Сфрагис,— говорил Мерион дочери.— Я даю тебе дорогой перстень с сапфиром и жемчугами для благородного Хайрана. Тайно от мачехи я сумел сделать очень красивые серьги для твоей подруги Байт. Я даю тебе дорогие, из золота, браслеты, чтобы ты продала их в Пальмире и справила себе одежду. Все, что нужно в дорогу, ты будешь иметь. Об этом я позаботился, заняв у соседа нужную мне сумму денег. Только ты знаешь, как тяжело мне живется и как много я терплю зла от этой женщины. Она недостойна нашего дома, но я не могу ее выгнать. Я обречен влачить жалкое существование. Ты была мала, Сфрагис, и не знала, что у меня есть братья и сестры. Они жили тогда в Тире. И сейчас там. У них большие семьи. Тир близко от нас. Мы могли бы видеться и радоваться друг другу, но я лишен этого. Они не имеют права войти в дом: эта женщина не примет их и не даст им поесть. Очень редко мне удается тайно побывать у них во время моих поездок. Это единственная радость. У меня нет друзей, я боюсь позвать их в свой дом. Я все сказал тебе, Сфрагис. Я мог бы просить своих братьев взять тебя к себе, но тогда я должен раскрыть им тайну моей тяжкой жизни. Мне трудно это сделать, Сфрагис. Я и так уничтожен. И все же я соберу деньги, чтобы искать твою мать. Прости меня, Сфрагис... Я несчастный, безвольный человек.

И настал день, когда Сфрагис снова отправилась в путешествие. На этот раз — в Пальмиру.

Купец из Сидона, взявшийся доставить Сфрагис в Пальмиру, сказал девушке:

— Возвращаясь из рабства, ты была здоровее и веселее, чем сейчас. Неужто мачеха оказалась такой злобной и коварной женщиной, что тебе, бедняга, пришлось покинуть дом своего отца?

— Мне горестно говорить об этом,— призналась Сфрагис.— Я бы не хотела позорить отца перед жителями Сидона. Если услышишь досужие речи, не поленись, вставь свое слово и скажи, что меня увез богатый жених из Пальмиры. Пусть думают так и не знают о злодействе моей мачехи.

— Не тревожься, все будет по-твоему. Я не выдам твоей тайны, но мне печально за тебя, девочка. Где ты найдешь себе кров?

— Моя подруга Байт как сестра мне. Она меня звала, и к ней я приеду. Я знаю, что там меня любят. А в Сидоне я никому не нужна. Теперь мой отец неволен распоряжаться своей судьбой. У него пятеро детей, большие заботы. Он во власти мачехи. Слишком добрый и мягкий человек. А она — базальтовая женщина. Я смотрю на ее ямочки на щеках и думаю: «А ведь ты сделана из твердого черного камня».

— И все же ты увидела своего отца и знаешь, что он жив. Это очень хорошо. Он ведь добрый человек, благородный. Я уверен, что он соберет нужную сумму денег и попытается найти твою мать, выкупить ее. Поверь, девочка, он все сделает. Тем более он будет стараться теперь, когда он подлинно узнал, какая злая женщина водворилась в его доме. Да и не простит он ей обиды за тебя. Ведь душа у него болит от печали за тебя, дочка.

Сфрагис горько плакала, слушая сердечные речи доброго человека. И она так думала. Но все же мало надеялась на такое чудо. Нет, не может быть такого, чтобы отец вдруг нашел мать и купил ее.

Путешествие в Пальмиру оказалось таким коротким, таким быстрым, что Сфрагис даже удивилась. Она и понятия не имела о том, как близко от Сидона Пальмира. Ей казалось, что путь будет таким же долгим, как в Кушанскую Капису. Близость этих городов — Сидона и Пальмиры — даже обрадовала ее. Получалось, что отец будет жить совсем недалеко и, возможно, когда-либо тайно от мачехи навестит ее.

Когда они вошли в главные ворота Пальмиры и двинулись к базару по широкой красивой улице, по обе стороны которой высились гигантские белые колонны, у Сфрагис забилось сердце. Как сумела Байт так образно, так верно рассказать о своем городе? В самом деле — сказочный город. Байт была права. Такую колоннаду могли воздвигнуть только джинны. Скорее бы добраться до ее дома! Как

красива Пальмира! Купец из Сидона согласился с девушкой. Да, он объездил многие города мира, но подобного не видел нигде.

— Это великий город! Нет на свете таких широких красивых улиц. А вот посмотришь на храм Бела, тогда и вовсе удивишься.

Когда они приблизились к театру, Сфрагис уже с трудом сдерживала волнение. Вот они, лавки Хайрана вблизи театра. Вот пять ступеней.

— Пойдем сюда,— сказала Сфрагис,— здесь я уже все знаю. Сейчас мы войдем в прохладную лавку и увидим Хайрана. Этот благородный человек даст тебе самый лучший совет, где сбыть твои товары. Ты не пожалеешь о том, что привез меня сюда.

— Я бы не пожалел и без знакомства с богатым купцом,— ответил сидонец.— Я для тебя старался, доченька. Ведь ты ровесница моей младшей дочери.

Они вошли в лавку, и Сфрагис в страшном смущении остановилась у порога. У прилавка сидел Хайран, совсем седой, согнувшийся. Нисколько не похожий на себя Хайран. Он поднял глаза, увидел девушку и зарыдал так громко и отчаянно, что Сфрагис в ужасе бросилась к нему.

— Что случилось, Хайран? Где Байт? Какое несчастье тебя сразило? Я не узнаю тебя, Хайран. Прошло совсем немного времени, а ты так переменился...

— Горе великое случилось в моем доме... Нет больше Байт. Нет твоей подруги Байт. Она осталась в Мерве. Все вернулись, мой брат и Забда благоденствуют, а моей дочки нет.

Его состарившееся лицо было залито слезами. Он сидел согнувшись, старый, сраженный горем человек. Он смотрел на плачущую Сфрагис и вспоминал свою Байт, веселую, красивую.

— Какое несчастье! Какое ужасное несчастье случилось! — шептала Сфрагис.— Все было так прекрасно. Все удалось. Рабов выкупили. Больных вылечили. Ничего не пожалели для спасения близких... и перед свадьбой умерла Байт. Как же ты будешь теперь жить, бедный Хайран? Как ты приходишь в свой опустевший дом? Или брат живет в твоем доме? А может быть, и Забда здесь? Бедный Хайран!

— Прежде чем говорить об этом, скажи своему отцу, чтобы он присел, отдохнул. Я потом представлюсь ему.

— Увы, меня привез к тебе чужой человек. Я покинула дом отца и отправилась к Байт, спасаясь от злобной мачехи. В доме отца я оказалась такой же рабыней, какой была в той бедной харчевне. Я решила уйти из дома отца. Я решила, что лучше буду служанкой в вашем доме, но не рабыней у злодейки мачехи.

— И ты обижена судьбой, бедная Сфрагис. Надо тебе сказать, что брат оставил меня, как только мы вернулись в Пальмиру. Ведь он потерял много всякого добра, когда был пленен пиратами; ему

захотелось восполнить свое достояние. А Забда ушел в дом своего отца, который вернулся из долгого путешествия и теперь ищет сыну новую невесту. Они не бывают у меня. Зачем печалиться в доме бедного одинокого Хайрана? Я один. Я провожу свои дни в лавке. Но я не прежний Хайран, я убитый горем отец, и люди, привыкшие встречать в этой лавке веселого человека, избегают меня. Вот так, в одиночестве, живет теперь богатый пальмирский купец Хайран.

— Я буду твоею служанкой, Хайран, и буду о тебе заботиться. Ты не должен приходить в пустой дом. В твоем доме должны быть люди. Скажи мне, как мог твой брат забыть твои заботы и жертвы? Как мог Забда забыть, что ты и Байт спасли ему жизнь? Ведь он любил Байт и в память о ней должен был заботиться о тебе, Хайран!

— У каждого свои заботы. Но если ты, Сфрагис, станешь жить в моем доме, то ты будешь дочерью, а не служанкой. Боги отобрали мою единственную дочь, но они дали мне Сфрагис, которая призвана утешить меня. Если это не тягостно тебе, то двери моего дома открыты для тебя, девочка. И ты будешь учиться грамоте и читать те книги, которые любила Байт. А я буду рассказывать тебе о своих путешествиях. И мы вместе с тобой будем вспоминать нашу любимую Байт.

Сфрагис плакала и не могла ответить Хайрану. И она повторила тот жест, который запомнился купцу из Пальмиры: она схватила его руку, унизанную дорогими перстнями, и поцеловала ее.

— Ты согласна, Сфрагис? В добрый час ты пришла в мой дом. Нет ничего страшнее мысли, что ты никому на свете не нужен. А вот теперь, когда я знаю, что нужен тебе, я смогу снова приняться за свои торговые дела. У меня будут новые заботы: отдать тебя замуж хорошему человеку, скопить тебе достояние, чтобы ты не знала больше нужды. Я знаю, если бы Байт была жива, она бы захотела того же. А мне хочется одного: делать так, как хотела Байт. Знаешь, девочка, я уже твердо решил, что желание Байт, которое я отверг при ее жизни, сейчас будет выполнено. Я никогда не буду покупать рабов. И торговать людьми не буду — в память о Байт. Я все чаще вспоминаю индийского паломника, который рассказывал о Будде, о человеческих страданиях. Мои страдания невыносимы. И почему боги обрекли меня на вечные страдания? Кто ответит?

— Благородный Хайран, я еще мало жила на свете. И сколько я помню себя, с тех пор, когда меня взяли в рабство, я не знала светлого дня. Только встреча с Байт была единственным светлым лучом в моей жизни. Я тоже могу спросить тебя, за что мои страдания? Ведь я еще не успела никому сделать зла в свои семь лет, когда пираты забрали меня и продали. А потом мои мучения были ужасны. Я хотела умереть. Но каждый раз говорила себе: потерпи, несчастная, может быть, завтра случится удивительное и ты будешь спасена. Я так говорила себе каждый день. Если бы ты знал, что это

такое голод, когда постоянно сосет под ложечкой и думаешь только о кусочке лепешки, чтобы утихомирить червя! Если бы я не вылизывала миски с остатками пищи, я бы умерла в этой харчевне. Но боги смилостивились и прислали тебя, Хайран, в эту проклятую богом дыру. Ты спас меня, и я всю жизнь буду о тебе заботиться.

Они долго молчали. Каждый думал о Байт. Но Сфрагис вдруг оживилась: она вспомнила о подарке, привезенном в Пальмиру.

— Знаешь, Хайран, а ведь отец выполнил мою просьбу и прислал тебе перстень, о котором я мечтала.

С этими словами Сфрагис извлекла из-за пояса золотой перстень с большим сапфиром, обрамленным жемчугами. Перстень был хорош, он был сделан искусным ювелиром и очень понравился Хайрану.

— Спасибо тебе, доченька,— сказал он растроганно.— Я отблагодарю тебя за твою доброту.

В ПАЛЬМИРЕ

— Сегодня мы пойдем с тобой, Сфрагис, в храм Бела и сделаем свои приношения на алтарь. Попросим милостивого бога, чтобы даровал нам благополучие и силы примириться с нашими горестями и несчастьями. В комнате Байт ты найдешь, Сфрагис, много всякой одежды. Выбери что-либо себе и надень. В храме у нас торжественно и красиво.

Они пошли вдоль широкой улицы в направлении храма Бела и по дороге остановились у площади, обрамленной колоннами, где стояли две мраморные статуи — царицы Зенобии и ее мужа Одената. Они остановились у этих статуй и долго их рассматривали.

— Это был великий царь,— сказал Хайран, показывая на скульптуру Одената.— Он одержал победу над персидским монархом Шапуром, и сам римский император даровал ему титул самодержца. Вот когда Пальмира и все окружающие ее оазисы вздохнули немного; и все же они подчинялись Риму. Когда умер Оденат, власть перешла к царице Зенобии. Посмотри, какая красавица. А умна и отважна более любого правителя.

Они вошли в храм через величавые ворота и подошли к трем священным статуям. Яргибола было солнечным божеством, Аглибола — лунным божеством. В большой нише стояла статуя верховного божества Бела. Она была большая, но ее можно было поднять, и во время процессии жрецы обносили ее вокруг святилища. Сфрагис положила на алтарь охапку алых душистых роз и вместе с Хайраном опустилась на колени, чтобы просить милости и покровительства бога Бела. Они долго молились и, когда вышли на залитую солнцем улицу,

удивились тому, как много веселых и беззаботных людей на площади у этого храма. А в храме полумрак и мрачные песнопения жрецов.

Хайран вернулся в свою лавку с заморскими товарами, а Сфрагис отправилась домой, где у нее было множество всяких забот. Ей надо было следить за порядком в большом богатом доме. Она, бывшая рабыня, теперь сама управляла слугами и служанками, поваром и двумя рабынями, которые ухаживали за большим садом, раскинутым вокруг дома Хайрана. Все обращались к Сфрагис, и она очень деловито и толково говорила, что нужно делать. Когда она не знала, что нужно делать, в таких случаях спрашивала Хайрана, и тот терпеливо ей объяснял. Она узнала, какую еду любит Хайран, и всегда старательно заказывала повару то, что нравится хозяину. Она следила за тем, чтобы слуга подавал ему одежду соответственно тому, идет ли он в лавку, спешит ли во дворец для переговоров о каких-либо торговых делах или отправляется в храм. Сфрагис была очень толковой и смышленой хозяюшкой. Ей было трудно, но горячее желание быть нужной и полезной Хайрану помогало ей.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Сфрагис появилась в этом доме, и ни разу ей не пришлось встретить здесь ни брата Хайрана, ни Забды. Вспоминая о них, она удивлялась и очень огорчалась. Ей было непонятно, как они могли так быстро забыть добро, что сделал им Хайран. И как могли с таким равнодушием отнестись к его ужасному несчастью. Ведь они не знали о том, что в доме Хайрана появился человек, который заботится о нем. «Как же они жестоки! — говорила сама себе Сфрагис.— Хайран мог умереть в этом пустом доме, и они даже не узнали бы об этом. Разве что кто-нибудь из слуг догадался бы позвать бессердечного брата. А там, в Railise, он все говорил о том, что никогда не забудет, как Хайран спас ему жизнь. Где же справедливость?»

Но вот как-то в день поминовения умерших, когда Хайран отправился на могилу своей жены Бельтихан, вдруг пришел его брат, и Сфрагис увидела его впервые после Railisы. Он настолько помолодел, был таким здоровым, цветущим, что Сфрагис даже не сразу его узнала. А он был очень удивлен, увидев ее здесь. Не ожидал, хоть и сам в свое время приглашал приехать в Пальмиру.

— Ты здесь в гостях, девочка? Давно приехала? Дома ли Хайран?

Он не сразу придумал, о чем можно говорить с этой девушкой. Она смотрела на него строго и внимательно. Его охватило какое-то смутное беспокойство. Сознание своей вины, к которому он не хотел прислушиваться, но которое жило где-то внутри него.

— Я здесь уже полгода. Я приехала к Байт. И вот Хайран предложил мне жить в его доме и считать себя его дочерью. Никто никогда не заменит ему Байт, но я стараюсь. Мне очень хочется помочь Хайрану.

— Очень хорошо, Сфрагис, что ты приехала. Я так занят, что целые полгода не смог навестить брата. Жизнь полна забот. Да и чем я могу помочь ему?

— Добрым словом! — воскликнула Сфрагис.— Что может быть дороже доброго слова! Ведь Хайран не нуждается в куске хлеба.

— Ты права, девочка. Такому человеку, как Хайран, не нужна та помощь, в какой нуждается раб. Вот когда я был рабом, Хайран мне оказал бесценную помощь — он выкупил меня. Возможно, что если бы он нуждался в такой помощи, я бы поспешил к нему. А вот подарить доброе слово не догадался... Представь себе, Сфрагис.

Отворяя дверь своего дома, Хайран услышал знакомый голос брата, он говорил:

— Ты права, Сфрагис. Бывает так тяжко на душе, что доброе слово нужнее насущного хлеба. Поверь мне, я буду часто бывать в доме Хайрана. Мое невнимание непростительно.

«Эта маленькая рабыня обладает большим богатством,— подумал Хайран,— у нее доброе, любящее сердце, и оно помогает ей быть более мудрой, чем, к примеру, мой брат, старый человек, умудренный жизненным опытом, объездивший многие земли и вроде бы знающий жизнь».

— Давно мы не виделись, брат,— сказал Хайран.— Как видишь, кое-что изменилось в моей жизни. И вот перед тобой Сфрагис, которая выхаживала тебя, когда ты лежал беспомощным в Каписе. Бог сделал так, что ей постоянно приходится расточать нам свое внимание и заботу. Вот и сейчас мы угостим тебя обедом, который заказала Сфрагис нашему повару.

— Я искренне рад, Хайран. Сфрагис вовремя приехала в Пальмиру. В память о Байт, которую она так нежно любила, она будет заботиться о тебе. Теперь ты уже не будешь одиноким. Должен тебе признаться, что сейчас, когда мы встретились с этой маленькой рабыней, я кое-что понял и раскаиваюсь. Прости меня, брат. Я окунулся в свои дела и был невнимателен к тебе в самые трудные дни твоей жизни.

Они воспользовались отсутствием Сфрагис и поговорили по душам — два родных брата, одинаково богатых и очень разных по характеру. Хайран, у которого всегда была склонность оказать внимание человеку, помочь тому, кто в нужде, проявить заботу о собственных детях, после всех несчастий, случившихся с ним, стал еще мягче и добрее. А брат его, внешне такой же приветливый, улыбающийся и располагающий к себе, был человеком холодным и равнодушным. И это мешало сердечным отношениям между братьями. Хайран был очень рад и этой встрече и разговору, который произошел за обедом.

— Слышал ли ты,— спрашивал брат Хайрана,— о том, что царица

Зенобия предприняла большие работы по укреплению крепостных стен Пальмиры и для этого велела разобрать старинные гробницы, потому что не хватает камня?

— Только сегодня я узнал об этом,— ответил Хайран.— Я ходил на могилу Бельтихан и увидел, что разобраны древние гробницы неподалеку. Сторожа говорили мне, что было приказано разобрать те гробницы и унести те надгробия, которые поставлены двести лет назад и которые уже не имеют сторожей, потому что близкие давно умерли. Как это несправедливо! Меня очень огорчило, когда я увидел, как разорили надгробие большой римской семьи. Там стояли скульптуры десяти человек. Отец, мать, юноши и девушки — видимо, их дети. Они сделаны искусным скульптором и удивительно похожи друг на друга, словно живые. Так вот, скульптуры пока стоят, а все каменные сооружения снесены и не осталось даже надписей. Не знаешь ли ты, почему это делают?

— Знаю,— отвечал брат.— Есть у меня знакомый военачальник, один из тех, кто возглавляет отряды пальмирских мегаристов. Он сказал, что Зенобия предприняла наступление на римское войско, что она хочет полностью освободиться от покровительства римских императоров и даже собирается подчинить себе земли Египта. Вот что он сказал. Но если уже начато такое и за пределами Пальмиры ведутся бои, то надо быть готовым и к нашествию. Римское войско может и к нам прийти, вот и нужно укреплять стены города и бастионы.

— Отважна наша Зенобия! Кто бы мог подумать, что эта красавица, которая, говорят, может заменить искуснейшую арфистку, у которой руки унизаны драгоценными браслетами от плеча до кистей, что она пойдет во главе войска! Должно быть, нам следует гордиться своей правительницей, но как бы мы не пожалели о ее храбрости. Говорят ведь, римское войско непобедимо...

Братья еще долго рассуждали о том, какая польза и какие невзгоды ждут их в связи с честолюбивыми планами царицы Зенобии. А Хайран вспомнил свои разговоры с индийским паломником в Каписе и стал рассказывать брату о том, как увлечен правитель великого Кушанского царства строительством буддийских храмов, настолько увлечен и занят этим, что ему и в голову не идут военные походы, и достояние всей страны с ее многочисленными богатствами он тратит лишь на служение Будде.

— Может быть, это лучше? — сказал Хайран.— Такое честолюбие, как у нашей Зенобии, может привести и к великим бедам. А зачем затевать войну, когда можно жить в мире и вести торговлю со странами всего света?..

●

Прошел год с тех пор, как Сфрагис переступила порог дома Байт. Она привыкла уже к своим обязанностям хозяйки дома, привыкла распоряжаться деньгами, которые давал ей Хайран, и привыкла к мысли о том, что она нужна и полезна Хайрану и что она ему как дочь. Как-то, вспоминая о Сидоне, о своем отце и злобной мачехе, Сфрагис сказала Хайрану, что ждет вестей от отца и надеется, что он сообщит, что им сделано для поисков матери.

— Как ты думаешь, Хайран, можно надеяться, что мать моя еще жива и найдется? Ведь не всегда рабы попадают в такие страшные условия, когда им приходится голодать и болеть. Ведь бывает и так, что условия жизни этих несчастных не так уж плохи... А от печали не умирают, не правда ли, Хайран?

— Как ты знаешь, Сфрагис, в моем доме только две рабыни — женщины в саду. Им совсем не плохо. Они сыты, не очень утруждаются, сажают цветы, приносят тебе розы в дом. Так можно прожить долгую жизнь. Если твоей матери посчастливилось, то она жива. Мне только странно, что за столько лет ей не удалось сообщить о себе. Может быть, она оказалась в какой-либо далекой стране, а оттуда невозможно передать послание в Сидон? Мне трудно ответить на этот вопрос. Я только думаю, что твоему отцу нужно интересоваться работорговцами и говорить с ними повсюду, где бы он их ни встретил. Может быть, кто-нибудь из них запомнил красивую вавилонянку, которую ему удалось продать. Если он продал ее с выгодой, то запомнил навсегда. Так устроен купец. Если ты уже способна написать письмо отцу, напиши ему обо всем этом. А я в свою очередь подумаю, чем тебе помочь.

Весь этот год Сфрагис очень усердно училась грамоте. Старый учитель-грек, который несколько лет обучал Байт, вел с ней занятия и нередко хвалил ее за усердие. Когда он давал ей задания переписать что-либо из Вергилия, переведенного на греческий, Сфрагис это делала особенно старательно, а потом, отдавая ему кусочек пергамента, исписанный греческим письмом, она выразительно читала на память стихи, чем приводила в восторг старика, большого поклонника великого римского поэта.

Сфрагис понравилось предложение Хайрана, и девушка принялась за письмо к отцу, первое письмо в ее жизни:

«Я приветствую тебя, отец, из Пальмиры, прекраснейшего из всех городов. Я могу сообщить тебе, что в доме Хайрана я живу так хорошо, как никогда в жизни. Одно только прискорбно: я не застала Байт. Байт умерла от укуса змеи в городе Мерве, когда они возвращались в Пальмиру, чтобы сыграть свадьбу с Забдой. Великое горе в этом доме. Я застала Хайрана в большой печали. Он жил один в своем богатом доме, и ему не хотелось жить. Ты знаешь, отец,

я приехала в этот дом, чтобы быть здесь служанкой, но Хайран сказал, что я буду ему дочерью, и я пользуюсь всеми благами его дома. Однако, отец, я не могу просить Хайрана тратить деньги на поиски моей матери, а ты обещал, что будешь искать. Я хочу знать, искал ли ты мою мать. Я хочу знать, что ты сделал, чтобы ее найти. А еще я хочу передать тебе совет благородного Хайрана: ищи знакомства с работорговцами и спрашивай у них о своей жене, о моей матери. Рассказывай им, какая она была в тот год, когда ее похитили пираты, и, может быть, ты найдешь ее. А если найдешь, я буду просить Хайрана взять ее в экономки. Я знаю, она согласится. Ведь тогда она будет жить рядом со мной, и все мы будем счастливы. А тебе, отец, не придется заботиться о нас. И мать твоих детей не будет тревожиться о том, что твое достояние потрачено на других, на нас. Я жду от тебя вестей».

Сфрагис несколько раз переписывала начисто свое послание. И когда убедилась, что все написано хорошо, без ошибок и красиво, она приготовила пакет и попросила Хайрана помочь ей найти купца, который едет в Сидон и сумеет передать ее послание отцу.

— Вот за это я тебя похвалю, Сфрагис,— сказал Хайран.— Очень хорошо, что ты не перестаешь думать о своей матери, что всегда готова ей помочь. Должен тебе признаться, при всей своей молодости ты проявляешь больше мудрости, чем твой отец.

•

Хайран нашел купца, едущего в Сидон, но и сам принял меры к поискам матери Сфрагис. Он попросил Сфрагис подробно описать наружность матери, вспомнить точно, в каком месяце произошло несчастье и в каком месте корабль встретил парусник. Получив все эти данные, Хайран приготовил письма для знакомых ему работорговцев и попросил Сфрагис аккуратно переписать их.

— Как ты думаешь, Хайран,— спрашивала Сфрагис,— могут твои знакомые помнить, кому и когда они продавали рабов? Прошло так много лет. Мне кажется, что все уже забыто. А если так, то поиски наши бессмысленны.

— Бывают чудеса, девочка. Обычно работорговец интересуется тем, откуда попал к нему раб и какого он племени. Человек, которому досталась красивая женщина из вавилонянок, мог запомнить, кому она продана. А еще могло быть такое стечение обстоятельств, что и сам работорговец пожелал оставить себе рабыню для услуг дома. Если произошло подобное, то и через много лет можно найти человека. Но как это трудно, ведь прошло двенадцать лет с того злосчастного дня.

Этот разговор с Хайраном очень воодушевил Сфрагис, вселил

в нее надежду. В самом деле, ведь могло случиться такое. Задумал работорговец купить себе хорошую служанку или экономку; для такой цели очень подошла красивая вавилонянка, а если так случилось, то письма Хайрана могут сделать многое.

И Сфрагис предавалась мечтам. Представляла себе тот день, когда ее мать, уже состарившаяся, может быть, поседевшая, но прежняя — добрая и веселая,— присядет с ней на ковре и станет рассказывать о себе. А она, Сфрагис, расскажет ей о Байт. О девушке Байт, которая прожила недолгую жизнь, но успела сделать много добра.

Надо сказать, что Сфрагис помнила Байт постоянно и неизменно. Не проходило дня, чтобы она не перечитывала ее папирусов, которые Байт изучала и сама иной раз переписывала, когда старый грек, ее учитель, задавал ей урок. Каждый день Сфрагис заходила в комнату Байт и рассматривала изображения индийских богинь, сделанные из мрамора и слоновой кости. Маленькие скульптуры стояли на резном деревянном столике рядом с вазами цветов. Сфрагис приносила сюда свежие розы, и ей казалось, что она приносит их самой Байт.

Индийские богини были привезены Хайраном из далекой Индии. Они доставили девушке столько радости, что Хайран даже удивился. Он знал, что его Байт начитанна и многое знает о разных странах и народах, но не думал Хайран, что чужие боги обрадуют его дочь. Оказалось, что этот подарок был самым драгоценным, более драгоценным, чем лучшие золотые украшения. Оказалось, что Байт отлично знает, кто такая богиня Лакшми и кому покровительствует богиня Сарасвати. Когда Байт рассказала отцу индийскую легенду о Сарасвати, Хайран был в полном восторге. Он запомнил эту легенду на всю жизнь. И теперь, когда уже не было с ним Байт, он вспоминал эту легенду. Это происходило довольно часто. И вот почему.

Легенда говорит о том, что великий бог Брахма появился на свет из золотого яйца, плававшего по безбрежным первозданным водам всемирного океана. Как только Брахма появился на свет, он встретил богиню мудрости Сарасвати и женился на ней. У них родилось семь сыновей, семь мудрецов. Это звезды Большой Медведицы.

Глядя на звездное небо, Хайран неизменно вспоминал эту легенду и свою Байт, которая любила древние сказания и запоминала их.

Сфрагис не знала этой легенды, не знала имен тех богинь, изображения которых ей очень нравились и были дороги как память о Байт. Но случилось так, что, вспоминая о Байт, Хайран рассказал об этих подарках и вспомнил легенду о Сарасвати. Вот когда Сфрагис задумала добыть священную книгу индусов «Махабхарата», чтобы узнать их древние легенды.

— Теперь я вспоминаю золотые пагоды буддийского храма, где молились добрые монахи,— сказала Сфрагис.— Я помню священные

изображения на стенах храма. Возможно, там была и Сарасвати?..

— Только индийский паломник смог бы ответить нам на этот вопрос,— рассмеялся Хайран.— Одно только скажу тебе. В последнем путешествии, когда я повстречал людей разных верований и обычаев, меня больше всего привлекли индусы. Их бескорыстное служение людям, их благородство и великое прошлое привлекли мою душу. Я не удивляюсь, что именно у них появился этот благородный принц Гаутама, ставший святым Буддой. Я говорю с тобой, а мысленно вижу индийского паломника, который рассказал нам о Будде. Если бы я был моложе и сильнее, я бы, возможно, принял эту веру. Особенно она стала привлекать меня после гибели моей Байт. Я часто задумываюсь над этим. Но я уже стар...

Сфрагис долго в задумчивости размышляла над словами Хайрана. Она не все поняла. Но еще в Каписе ей пришлось много раз слышать о Будде, о его проповедях добра, и она сказала:

— Если смысл этой веры в том, чтобы делать людям добро, то, право же, Хайран, ты можешь считать себя последователем Будды. Разве нельзя делать добро, обращаясь к богу Белу? Я думаю, что, когда человек делает добро, это видят не только боги, но и люди. И люди любят такого человека. Вот ему и награда.

— Ты умница, Сфрагис. Боги наделили тебя добрым сердцем и дали тебе разум. Ты все отлично понимаешь, словно прожила долгую жизнь. Может быть, твоя тяжкая жизнь в рабстве научила тебя этому?

Много дней Сфрагис занималась перепиской писем, которые Хайран приготовил для работорговцев. Чтобы найти купцов, едущих с караваном в большие торговые города, он целыми днями бродил на окраине города, где останавливались караваны, и договаривался с купцами. Он не жалел времени, не боялся, что прозевает барыш. Он хотел во что бы то ни стало помочь Сфрагис найти свою мать.

ПЕЩЕРНЫЙ МОНАСТЫРЬ В ТАРМИТЕ

Его строили бактрийцы, принявшие буддийскую веру. Этот монастырь с буддийскими молельнями и богато разукрашенной ступой должен был соперничать с лучшими строениями, созданными в годы царствования великого кушанского царя Канишки.

Феофил прибыл в Тармиту, когда значительная часть зданий была уже построена и шла отделка помещений. Работали художники, мозаичники, ваятели.

Так нарядно, с таким художественным вкусом отделывались помещения тармитского монастыря, что даже взыскательный скульптор

Феофил похвалил строителей и художников. Он сказал, что почтет за честь поставить посреди крытой колоннады каменные изваяния святых.

Большой квадратный двор был опоясан крытыми колоннадами, которые были украшены причудливой резьбой. Стены двора, выкрашенные в красный цвет, имели ниши для статуй, которые еще не были поставлены. Здесь предполагалось поставить изваяния бодисатв и дарителей в человеческий рост. Дорожка, выложенная белоснежными плитами, вела в центральное святилище, стены и пол которого были также красного цвета. Очень торжественно выглядела позолоченная статуя Будды, недавно поставленная, а вокруг этой статуи предполагалось поставить еще несколько скульптур. Их-то и должен был делать Феофил.

Двор этот примыкал к склону холма. Величественные арки вели к длинным сводчатым коридорам. Эти темные коридоры вели к маленьким кельям монахов, сделанным в толще пещеры. Чтобы найти келью монаха, надо было зажечь глиняный светильник, наполненный растительным маслом. Взяв в руки такой светильник, Феофил направился по коридору, тонущему во тьме, к дальней келье молодого монаха, с которым уже успел познакомиться. Монах оказался способным художником. Он сам расписал стены коридоров гирляндами пестрых цветов, изобразил фантастических животных с крыльями птиц. Оранжевое пламя светильника то и дело вырывало из тьмы причудливые росписи, пестрые и красивые.

Феофилу предстояла большая работа. Он видел, что в превосходных красных нишах сможет поставить дивные каменные изваяния буддийских святых. Одного из бодисатв он решил изваять с лицом Каллисфении.

Феофилу хотелось поскорее приняться за работу. Он договорился с главным жрецом о хорошей оплате. Вскоре он уже стал лепить стройную фигуру Каллисфении. Она покорно сидела или часами стояла в той позе, которую задумал скульптор, и беспрекословно выполняла его приказания. Она была ему благодарна за то, что он освободил ее, рискуя своим благополучием. При всей ее беспечности и удивительном легкомыслии Каллисфения понимала, что увод рабыни мог кончиться печально, если бы хозяин настиг похитителя. Правда, Феофил продолжал утверждать, что вернет Хайрану стоимость рабыни, но Каллисфения не очень верила в это. Да и считала ненужным. Она говорила ему, что не стала бы платить, если все так хорошо удалось и можно было скрыться незаметно.

Первое время Феофил хорошо работал и ладил с капризной рабыней. Кстати, она считала себя свободной, с тех пор как ушла от Хайрана. Впоследствии Феофил сказал ей, что дарует ей свободу. Пока Каллисфения вела себя тихо и покорно, все было хорошо. Но

прошло несколько месяцев, и она стала капризничать. Ей не понравился город Тармита. Она сетовала на зной и пыльные бури, на жилище, которое показалось ей недостаточно удобным. Она хотела новых нарядов. И, наконец, пожелала вернуться в театр. В один знойный день, когда горячий ветер заставил всех попрятаться в своих домах, Каллисфения сказала Феофилу, что умрет здесь от скуки и что напрасно она бежала. Лучше было бы остаться рабыней в Каписе, чем свободной женщиной в этом ничтожном городе Тармите. Феофилу было обидно слышать такие несправедливые речи. Он так много сделал для того, чтобы освободить эту коварную красавицу. Он унизил свое достоинство перед Хайраном. Он во всем себе отказывал, чтобы собрать нужную сумму денег и расплатиться, а она была недовольна и вовсе не ценила его жертв. Что же делать?

«Вот что надо сделать,— подумал Феофил.— Прежде всего надо найти человека, который едет в Пальмиру, и отослать Хайрану долг, чтобы он не считал его, Феофила, вором и мошенником. А потом, когда наберется какая-то сумма денег, надо будет купить Каллисфении новые наряды, и этого будет достаточно, чтобы она на какое-то время обрела покой, вела себя смирно и давала бы возможность хорошо поработать».

Первая скульптура, которую он сделал, пользуясь услугами Каллисфении, получилась удачной и понравилась жрецам. Сам Феофил остался доволен, когда закончил отделку этой скульптуры в мраморе. Этот бодисатва с лицом Каллисфении напоминал Венеру своим спокойным, значительным и необыкновенно обаятельным обликом. На этот раз Каллисфения хорошо сыграла роль богини. А дальше было все хуже и хуже. Капризы красавицы раздражали Феофила. Он давно уже перестал думать о том, что женится на ней, устроит богатый и красивый дом, наберет учеников, которые унаследуют его искусство ваятеля. Иногда он жалел о своем увлечении. Но увлечение красавицей было так естественно для скульптора. Он понимал, что это была дань его профессии. Увидев натуру, которая казалась ему совершенством, он пожелал ее увековечить в мраморе.

Настал день, когда у Феофила собралась нужная сумма денег, и он стал узнавать о купцах, которые ходят с караванами в далекие страны. После долгих поисков он нашел одного богатого купца из согдийцев, который должен был отправиться с караваном в Пальмиру. Семья купца жила в Тармите, его знали здешние вельможи и чиновники, он был человеком надежным. Феофил просил его назвать стоимость рабыни и нужную сумму отдал ему для передачи Хайрану. Вместе с деньгами он послал Хайрану письмо, в котором объяснил свое странное поведение и просил прощения за те неприятности, которые он доставил благородному человеку.

«Теперь я имею возможность расплатиться с тобой, благородный

Хайран, и я прошу забыть тот несчастный день, когда это случилось,— писал Феофил.— Получилось, что ты против воли дал мне в долг большую сумму, но ты не пострадал, а боги вознаградят тебя».

Когда Феофил узнал, что согдийский купец отправился в путь, он вдруг почувствовал себя необыкновенно легко и приятно, словно какой-то груз свалился с плеч и он освободился от гнетущей тяжести. Теперь, когда Каллисфения уже не была такой кроткой и милой, какой она казалась ему прежде, он был не рад своей затее, но не мог же он отправить Каллисфению обратно в руки хозяина, который собирался ее продать. Если он, Феофил, подарил ей свободу, то это уже навсегда и никаких перемен не будет. Пусть бы она только не покидала его, пока он не сделал задуманные работы. А работ было задумано много. Нужны были скульптуры святых в каких-то сценах на барельефах, нужны были отдельные фигуры. Он задумал сложные композиции. Для них он приглашал позировать мальчиков и девочек из местных жителей.

Прошло больше года, прежде чем Феофил собрал достаточно денег, чтобы одарить Каллисфению. Он предложил ей пойти с ним в торговые ряды Тармиты и выбрать себе все самое лучшее, что ей понравится. Он предложил купить не только одежду, но и украшения, на которые она была падка. Надо сказать, что у нее было мало золотых украшений. А она любила золото и драгоценные камни.

Все предположения Феофила оправдались удивительным образом. Красавица так оживилась, так мило улыбалась, была в таком добром настроении, когда возвращалась домой с покупками, что узнать ее было трудно. Это была другая женщина. Милая и добрая. Она говорила:

— Феофил, я так благодарна тебе за твои заботы! Я так счастлива здесь, в Тармите, что никогда не покину тебя. И если ты пожелаешь жениться на мне, то я буду счастлива. Я буду терпеливо выполнять работу натурщицы, буду стоять целыми часами и никогда не пожалуюсь на усталость.

Феофил с улыбкой внимал речам красавицы, понимая, что это игра. Он давно уже понял, что Каллисфения всегда играет. За неимением театра она успешно играет различные роли в жизни. И при этом бывает вполне правдивой. В тот момент, когда она что-то изображает, она верит и говорит правду. На следующий день эта мысль исчезает, и все у нее выглядит по-новому. Бывает совсем наоборот.

— Я рад, Каллисфения, что доставил тебе удовольствие этими покупками. Я бы давно одарил тебя, если бы не должен был потратить так много денег на выкуп. Я знаю, что ты не считала нужным вернуть эти деньги Хайрану, но я не мог порочить свое доброе имя. Достойный человек не должен воровать, а это выглядело настоящим

воровством. Слава богам, что мне удалось возвратить мой долг довольно скоро. Я надеюсь, что деньги были переданы Хайрану и он только улыбнулся.

Феофил начал новую работу и радовался доброму расположению Каллисфении.

«Нет, нет, она не коварная красавица, она испорчена условиями своей жизни. С такой внешностью она могла бы быть придворной дамой и пользоваться покровительством самого царя» — так думал Феофил. В порыве добрых чувств он уже готов был простить ей капризы и дурное поведение. Но тут произошло новое событие, которое снова повлияло на работу скульптора.

В Тармиту прибыл сборщик податей из Каписы. Он уже объездил всю Бактрию и посетил многие города. Если удавалось собрать большие деньги от богатых купцов, ремесленников и чиновников, а также от владетелей богатых земель, то бывало и так, что часть собранных денег он оставлял на сооружение новых храмов и монастырей для буддийских монахов.

Правители Кушанского царства из рода в род покровительствовали буддийской вере и тратили огромные деньги на то, чтобы вера эта процветала среди разных народов обширного царства.

На этот раз сборщик податей пообещал главному жрецу изрядную сумму денег. А чтобы это обещание осуществилось, главный жрец пригласил сборщика податей посетить вновь строящийся богатый буддийский монастырь. Он привез гостя в тот день, когда Феофил лепил скульптуру богатой дарительницы. Снова перед ним стояла Каллисфения.

Сборщик податей похвалил работы Феофила и сказал, что считает их достойными лучших храмов кушанской столицы. Но, увидев Каллисфению, он уже потерял интерес к каменным изваяниям и пожелал встретиться с красавицей. Он попросил жреца позаботиться об этом. Как только Феофил приостановил свою работу, чтобы передохнуть и дать отдых натурщице, главный жрец тут же позвал к себе Каллисфению.

— Не скрою, мне было приятно встретить здесь красавицу гречанку,— сказал сборщик податей, глядя на Каллисфению, которая тут же решила сыграть роль скромной и милой девушки.— Не ты ли послужила моделью для мраморной скульптуры, которая украшает этот богатый буддийский храм?

— Я рада, что скульптор смог увековечить мой лик,— рассмеялась Каллисфения.

Улыбка, озарившая ее красивое лицо, была так хороша, что сборщик податей не устоял и тут же предложил ей покинуть Тармиту и вместе с ним отправиться в Капису.

— Ты достойна лучшей доли,— сказал он Каллисфении.— Быть

натурщицей у скульптора может каждый, а придворной дамой может быть только очень достойная госпожа. Я уверен, что ты очень скоро станешь придворной дамой при дворе кушанского царя, но для этого ты должна покинуть Тармиту.

Каллисфения нисколько не удивилась и нисколько не смутилась. Она тут же решила скрыть свое недостойное происхождение. Ее родители погибли в цепях рабства. Сохраняя на лице кротость и простодушие, она сказала:

— Я польщена, прекрасный господин. Но род мой не очень знатный. Мой отец был чиновником, а после его смерти меня взял в свою семью почтенный дядюшка, переписчик, который и отпустил меня на время со скульптором Феофилом, добрым знакомым нашей семьи.

Она так быстро и складно придумала свою новую историю, что и сама удивилась тому, как все хорошо получилось.

— Мой дядюшка в Александрии, и если я отправлюсь в Каписy, то я пошлю ему письмо с проезжим купцом. Я надеюсь, что он не рассердится и позволит мне отлучиться в Капису. Я согласна, мой господин. Только надо это сделать тайно от скульптора Феофила. Ведь он отвечает за меня перед дядюшкой и очень огорчится, когда узнает о моем отъезде.

— Отлично,— сказал сборщик податей.— Будь готова к отъезду и жди меня возле лавок ювелиров в полдень. Перед тем как покинуть Тармиту, я хочу купить для тебя золотые украшения. Здешние ювелиры очень искусны. Эти украшения пригодятся тебе и во дворце Каписы.

Каллисфения ничего не сказала Феофилу о встрече со сборщиком податей. Но лицо ее сияло таким счастьем, что Феофил залюбовался ею и сказал:

— Наконец-то я вижу тебя в добром настроении, Каллисфения!

Утром следующего дня Каллисфения попросила Феофила позволить ей отдохнуть денек и заняться барельефом, для которого были приглашены юноши и девушки Тармиты. Феофил согласился, и Каллисфения была свободна. В полдень она надела свой лучший наряд, взяла золотые украшения, купленные ей Феофилом, и, оставив несколько строк на клочке пергамента, пошла в торговые ряды к лавкам ювелиров. Сборщик податей ждал ее и тотчас же повел к знаменитому ювелиру, где Каллисфения купила себе самые дорогие, самые красивые серьги, браслеты и перстни.

Они покинули Тармиту в жаркий час дня, когда большая часть людей отдыхала и улицы были пустынны. Караван сборщика податей охранялся большим отрядом вооруженных копьями воинов и производил внушительное впечатление. Каллисфении было жаль, что Феофил не видит, с каким почетом ее усадили в нарядное седло

двугорбого верблюда, под белоснежным зонтиком, сделанным из лучшей хлопковой ткани. Рядом шел верблюд сборщика податей, за ним следовали слуги и целый отряд воинов. Сборщик податей, бывалый путешественник, знал, как сделать свое путешествие в пустыне удобным и не очень утомительным. Каллисфения принялась за роль знатной дамы.

В этот день Феофил отлично поработал над сложной композицией барельефа и только на закате захотел увидеть Каллисфению. В доме, где она жила, на маленьком столике с ящичком для украшений он увидел обрывок пергамента с несколькими строками на греческом языке. Он прочел:

«Не сердись, благородный Феофил. Судьба оказалась милостивой. Я имею случай стать придворной дамой в Каписе, где ты хотел увековечить мой лик. Не ищи меня, я никогда не вернусь к тебе и не буду натурщицей для скульптора. Когда я стану очень богатой и знатной, я верну выкуп и пришлю его тебе точно так же, как ты сделал это, расплачиваясь с Хайраном. Я всегда буду помнить твою доброту и благородство, Феофил».

— Какова актриса! — рассмеялся Феофил.— Талантлива и щедра на выдумки. И как мог ее продать владелец театра в Александрии? Поистине ей уготована судьба придворной дамы. Надо думать, что она с блеском сыграет свою роль.

КАК НАЙТИ РАБЫНЮ?

В письмах, которые рассылал Хайран знакомым работорговцам, он писал:

«Помнишь ли ты, друг мой, купца Хайрана? Мы виделись на невольничьем рынке Александрии...» И далее — просьба вспомнить про вавилонянку по имени Син-Нури, которую продали пираты в таком-то году в таком-то месте.

Хайран писал о том, что вавилонянки встречаются редко и потому он надеется, что человек, купивший ее, запомнил. А сам он очень интересуется судьбой этой Син-Нури и если найдет, то непременно выкупит. Хайран просил при первом же случае прислать ему ответ, а купцы и работорговцы бывают в Пальмире часто, и прислать такое письмо совсем не сложно.

Сфрагис усердно переписывала начисто эти письма. Теперь она уже писала уверенно, не боясь сделать ошибки и не страшась того, что не поймут ее письма.

Тем временем до отца Сфрагис дошло ее письмо, посланное Хайраном в Сидон. Хайран был прав, когда сделал наказ купцу, едущему

в Сидон, чтобы послание это было доставлено в руки Мериона в ювелирной лавке и чтобы ни в коем случае не вздумали отдать это послание его жене.

Когда Мерион прочел письмо дочери, ему стало горько и больно от мысли, что он, отец, проявил куда меньше заботы и внимания к своей дочери, чем Хайран, совершенно чужой человек. Ему было стыдно, что ответить ему нечего, потому что он все еще не собрался поговорить с женой об этом деле. А без этого разговора он ничего не мог сделать, у него не было денег и нечего было продать. К тому же для поисков было необходимо выехать в дальние большие города, где есть невольничьи рынки и где можно было бы поговорить с работорговцами.

Когда Мерион решился наконец забрать у жены драгоценности, которые были ему нужны, он твердо решил, что не отступит, пока не получит необходимое и пока не выполнит свой долг перед бедной Син-Нури и дочерью Сфрагис.

Выбрав благоприятный момент, Мерион рассказал жене, что ему предстоят долгие и трудные поиски Син-Нури. Он сказал, что больше не может жить с мыслью о том, что он ничем не помог ни жене, ни дочери и даже не попытался искать Син-Нури в течение целого года, с тех пор, как он узнал, что есть хоть малейшая надежда ее найти.

— И ты надеешься найти эту женщину и привести ее в наш дом? — злобно спросила жена.— Вначале ты хотел заняться Сфрагис и, конечно, собирался отдать ей все свое достояние и оставить нищими наших детей. Но ты сам знаешь, как я люблю детей. Я не позволю их грабить и оставлять в бедности. То, что хранится у меня,— всё для них. Ты сам видишь, что я во всем себе отказываю. Я не покупаю дорогих нарядов, не ношу золотых украшений. Не думаю, чтобы где-либо на свете жена искусного ювелира была так обездолена, как я. А ведь я люблю тебя, Мерион.

Сквозь всхлипывания, обливаясь слезами, коварная женщина угрожала, умоляла, отказывалась отдать драгоценности. Но на этот раз Мерион был непоколебим. Он потребовал немедленно открыть ларец с браслетами и серьгами, которые стоили больших денег, потому что были украшены отличными рубинами и изумрудами. К тому же они были очень искусно сделаны и изумляли тонкой ювелирной работой.

— Ты отдашь мне все, что потребуется для этого дела, и я поеду в Александрию, в Пантикапей, в Мерв, в Балх — куда угодно поеду и буду искать несчастную Син-Нури. Наши дети не будут голодными, не будут нищими. Я достаточно поработал на своем веку. Но я не намерен сейчас готовить приданое дочерям, которые еще так малы, что нуждаются лишь в еде и мягкой постели. Я потрачу все свое достояние, чтобы выполнить долг перед Сфрагис и ее матерью. Видит

бог, я им очень задолжал! И все это произошло по причине моего малодушия и по причине твоего злодейства. Если ты будешь мне мешать в этом деле, я займу деньги и поеду. Но когда вернусь, не скажу тебе. А мое покровительство нашему дому очень пошатнется.

— Я нисколько не боюсь того, что пошатнется твое покровительство нашей семье,— ответила жена.— Но я не хочу, чтобы ты тратил деньги понапрасну. И потому я сообщу тебе тайну, которую хранила долгие годы, потому что считала, что выше всего — благополучие моей семьи. В первый же год моего пребывания в этом доме случилось так, что в твое отсутствие в наш дом прибыл заезжий купец и спросил о тебе. Узнав, что тебя нет и что я хозяйка дома, он подал мне послание. Поскольку я не смогла его прочесть и очень хотела узнать, что написано в этом письме, я попросила его прочесть. Увы, я не училась грамоте, и мне это недоступно. Он прочел и оставил его мне. Я назвалась твоей сестрой.

— Говори скорей, что ты там прочла, злобное существо!

— Потише! Не оскорбляй меня, а то не расскажу! Я уже не помню сейчас подробностей, но запомнила самое главное. Син-Нури писала, что жива, что живет у римского вельможи в Александрии. Что если ты, Мерион, не пожалеешь денег на выкуп, то сможешь освободить ее из цепей рабства. Но если ты посчитаешь, что это слишком дорого, то можешь забыть ее, но непременно займись поисками дочери, Сфрагис, которая, возможно, тоже где-нибудь в Александрии. А может быть, где-нибудь в другом месте... Она просила привезти драгоценности для выкупа...

— Куда ты девала это письмо? Есть ли предел женскому коварству? — закричал Мерион.— Немедленно отдай мне это письмо! Боже мой, прошло уже девять лет с тех пор, как было прислано это письмо! Бедная Син-Нури решила, что я негодяй. И она была права. Что мне делать?

— Я не могу дать тебе этого письма. У меня его нет. Заботясь о благополучии нашей семьи, я его порвала.

— Что ты наделала! Как ты могла! В страхе, что я потрачу деньги на выкуп, ты сотворила злодейство, равного которому нет на свете! Ты причинила такие страдания невинным людям. Жила припеваючи, в полном довольстве, в то время как несчастные рабыни голодали, мучались от болезней, страдали от сознания, что некому им помочь. Как перенести это несчастье? Когда я считал их погибшими, убитыми, я долго плакал о них, но я был бессилен. А теперь, когда я знаю, что сам виноват в их несчастье, как же мне жить на свете?!

Впервые в жизни Мерион не сдержался, стал кричать, громко рыдал, рвал на себе волосы. Лицо его налилось кровью и так изменилось, что его нельзя было узнать. Вбежали дети. Они стали кричать

и плакать, цепляясь за подол матери. А Мерион в исступлении кричал:

— Злодейка! Грабительница! Убийца!

Трудно сказать, чем бы кончилось это объяснение, если бы жена Мериона в порыве гнева не вытащила свои ларцы с драгоценностями и не швырнула их к ногам мужа.

— Я покину твой дом. Я уведу с собой детей. Я пойду к судье Сидона и потребую отобрать у тебя все, что нам положено, раз ты отказываешься от нас.

— Иди к судье! — закричал Мерион.— Если он справедлив, то накажет тебя, тяжко накажет за твое злодейство. А пока вспомни, где искать дом римского вельможи. Вспомни сейчас же!

— На берегу моря,— пролепетала сквозь слезы жена Мериона, утирая лица плачущих детей.

Мерион собрал ларцы с драгоценностями, пошел в свою ювелирную лавку и поручил помощнику найти покупателей, чтобы кое-что продать. Затем он засел за письмо к дочери Сфрагис. Он, не таясь, рассказал ей правду о злодействе мачехи. Посетовал на то, что случилось такое несчастье, покаялся в том, что связал свою судьбу с такой ничтожной женщиной, и просил Сфрагис сообщить ему поскорее, сможет ли она прибыть в Александрию, и если сможет, то они встретятся у знакомого ювелира на улице, прилегающей к базару. Кривая маленькая улочка, справа от торговых рядов ювелиров, а там небольшой дом с левой стороны.

Мерион был сокрушен признанием своей жены. Он был унижен и не видел для себя спасения, потому что не мог ее выгнать. Он должен был помнить о своих детях, которые нуждаются в ее заботах и которых она бы не оставила, если бы он ее выгнал. «Какой я несчастный! — повторял Мерион.— Я великий грешник, но, видит бог, я не мог предвидеть такое».

Целыми днями и целыми ночами Мерион не переставал думать о судьбе Син-Нури. Теперь, когда уже можно было отправиться в Александрию, он с ужасом думал о том, что может быть, уже опоздал. Ведь прошло уже девять лет с тех пор, как написано письмо. За это время Син-Нури могла погибнуть. Он вспоминал рассказы Сфрагис о том, как она голодала и как ждала чуда. Бедная девочка была уверена, что отец будет ее искать и выкупит. И она не дождалась. Если бы не благородный Хайран, то Сфрагис уже не было бы в живых. Время мчится. А ведь прошло двенадцать лет. Целая вечность!

Мерион ждал письма от Сфрагис, но с трудом представлял себе, как ему удастся найти Син-Нури, когда неизвестно имя вельможи, у которого она жила, неизвестно, где его дом. Эта злодейка, эта великая грешница запомнила лишь, что в письме сообщалось о богатом доме римского вельможи на берегу моря. А ведь Александрия

так велика! За эти годы, должно быть, многое изменилось, построены новые дома. И римский вельможа мог покинуть город, покоренный римлянами, и вернуться в Рим. Тогда все пропало. В Риме уже не сыскать Син-Нури.

●

Когда Сфрагис получила письмо отца, она была потрясена злодейством мачехи. Она тотчас же показала это письмо Хайрану и прочла на его лице изумление, гнев, возмущение.

— Бедная Сфрагис! Как же случилось такое? Если бы мачеха отдала письмо отцу, то вы были бы избавлены от всех горестей и несчастий. Хорошо, если твоя мать перенесла все лишения рабства и жива. Тогда мы ее спасем, мы ее выкупим. Не беспокойся, Сфрагис, у меня есть деньги. Я выкуплю твою мать, и она будет жить в нашем доме. А твоего отца мне искренне жаль. Он слишком доверчив и слишком мягок. А с такой тигрицей нужно и самому быть тигром. Пиши отцу о том, что мы с тобой встретим его в Александрии, и, если Син-Нури жива, мы найдем способ вызволить ее из рабства. Как ты думаешь, Сфрагис, что сказала бы Байт в таком случае?

— Она бы сказала, Хайран, что ты добрейший и благороднейший из людей и все, что ты делаешь, прекрасно! Спасибо тебе, Хайран! Всю жизнь я буду твоей должницей и никогда не расплачусь. Но я буду очень стараться.

Сфрагис пыталась сдержать слезы и не выдавать своего страха перед будущим. Все это время, пока она мечтала о встрече с матерью, она была уверена, что мать жива. Она не сомневалась в этом. А сейчас, когда она узнала, что ее нужно искать в Александрии, она вдруг испугалась и стала думать о самом ужасном. Ей не верилось, что возможно такое счастье, что через много лет к ней вернется ее мать, с которой она рассталась маленькой девочкой.

«Жалкая наша судьба,— думала Сфрагис.— Мы были в одном городе и не знали об этом. Если бы мы были рядом, нам было бы легче переносить все страдания, все муки. Мне было тяжко, а бедной моей матери было еще тяжелей. Все эти годы она оплакивала меня, боясь за мою жизнь, ждала вестей от отца... Как все это страшно!..»

Хайран видел тревогу и страх Сфрагис и старался ее утешить. У него была возможность отправить девушку в Александрию со знакомыми купцами. Однако он решил, что будет ее сопровождать, хотя бы для того, чтобы на месте помочь. Он уже знал, какие трудности предстоят в таком сложном деле.

— Не тревожься, девочка,— говорил он Сфрагис,— мы уже близки к радостному дню встречи. Право же, твои дела устроились лучше, чем наши, когда мы с Байт отправились на поиски Забды и моего

брата. Мы ничегошеньки не знали о них, кроме того, что они должны быть в этой Каписе.

— Все верно,— соглашалась Сфрагис,— но как мне обидно, все могло сложиться по-иному, если бы в это дело не вмешалась мачеха! Благородный Хайран, я и представить себе не могу что было бы со мной, если бы ты не выкупил меня. Боюсь, что меня бы уже не было на свете. Не беспокойся, я больше не позволю себе ни слез, ни причитаний. Я буду заниматься делом.

Настал день, и они получили письмо от Мериона, в котором он сообщил о дне своего прибытия в Александрию. Было решено выехать немедленно, тем более что Хайран задумал кое-что купить в Александрии, пополнить свои лавки прославленными стеклянными изделиями александрийских мастеров. Он хотел также купить там слитки золота для ювелирных изделий и, по возможности, драгоценные камни, которыми торговали александрийские купцы. С тех пор как появилась Сфрагис в доме Хайрана, пальмирский купец все больше втягивался в сложные торговые дела. Это давало ему возможность отвлечься от печальных мыслей о своей дочери Байт.

Пальмирские купцы были связаны с Александрией множеством торговых сделок. Караваны шли непрестанно. Не стоило труда найти караван на самый ближайший день и присоединиться к нему. У Хайрана на этот случай не было товаров для Александрии, и он отправился почти без поклажи. Ему и не понадобилось брать с собой в дорогу старого погонщика верблюдов, который обычно сопровождал его повсюду. На этот раз Хайран и Сфрагис были гостями в чужом караване.

Никогда еще Хайран не видел Сфрагис такой печальной, какой она была в этом путешествии. С тех пор как она появилась в доме Хайрана, у нее была одна забота — никогда не показывать своей печали. Она старалась всегда быть веселой, постоянно расспрашивала Хайрана о его делах, сама рассказывала о событиях, происшедших в его доме. А вот сейчас она не смогла себя сдержать. Страх перед неизвестным мучил ее и не давал покоя. Она даже не радовалась тому, что увидит своего отца, что сможет с ним поговорить, не боясь мачехи. Она должна бы порадоваться тому, что ее отец встретится наконец с Хайраном и, как она думала, непременно полюбит его. Мысль о матери, о том, что ее может не оказаться в богатом доме неизвестного вельможи, страшила ее.

Но вот настал день, когда караван вошел в ворота древней Александрии.

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СИН-НУРИ

В тот день, когда жена Мериона была разлучена со своей дочерью Сфрагис, в тот самый день она была увезена работорговцами в Александрию. Не ведая о том, что в этом городе останется ее дочь, она с ужасом думала о том, что будет, если ее оставят здесь, если ее купят в прислужницы для богатого дома, а дочь отправят далеко. Внешность ее была очень привлекательна, и уже на следующий день, как только она очутилась на невольничьем рынке, ее тут же купили для богатого дома римского вельможи. В том доме было множество рабов, женщин и мужчин, купленных на этом рынке. Но, по всей видимости, Син-Нури пришлась по вкусу молодой красивой хозяйке, и благородная вавилонянка стала экономкой.

— Тебе оказана большая честь,— сказала красавица Камилла своей рабыне Син-Нури.— Я не стану унижать тебя черной работой. Я вижу, ты достойна доверия и сможешь быть хорошей экономкой в моем доме. Откуда ты, женщина?

Син-Нури расплакалась и долго не могла ответить на вопрос хозяйки. Она не знала, нужно ли ей сказать правду о себе, отнесется ли та с уважением к ней как к человеку, который только вчера потерял свою свободу. И потерял не во время великого бедствия, когда покорен мирный город и свободные люди попадали в рабство. Она так случайно, так неожиданно оказалась рабыней! Лучше всего рассказать правду.

— Еще два дня назад я была женой богатого ювелира из Сидона и вместе с дочерью, семилетней Сфрагис, путешествовала на корабле, любуясь морскими далями. А сегодня я уже вещь, которая принадлежит тебе, благородная госпожа. Пираты продали меня с дочерью работорговцам. Я не знаю, куда девалась моя дочь. Не знаю, увижу ли ее когда-нибудь. Со мной случилось великое несчастье. Непоправимое несчастье...

— Почему же! — воскликнула Камилла.— Ты не права! Уже одно то, что ты оказалась в моем доме, принесет тебе счастье. Ты не будешь голодать. Тебя никто не унизит, не оскорбит. От тебя только потребуют хорошей работы. А дочь свою ты найдешь. Напиши мужу, чтобы он искал ее. Я помогу тебе найти людей, которые поедут в твой город Сидон. А ты постарайся быть внимательной к своим обязанностям. О них тебе расскажет моя старая тетка, которая ведает хозяйством в моем доме и следит за порядком.

Старая Дидона обстоятельно рассказала Син-Нури, как вести хозяйство, познакомила ее со слугами и служанками и предупредила, что за ними нужно следить и держать их в строгости, иначе они распустятся и разорят весь дом. А если разорят, отвечать будет не кто иной, как Син-Нури, экономка.

Син-Нури была польщена доверием, но столько забот и тревог свалилось на ее плечи, что она предпочла бы сама быть служанкой и чтобы кто-то другой думал обо всем, что происходит в этом большом богатом доме.

С первого же дня выяснилось, что забот так много, что до поздней ночи некогда и подумать о себе. Каждый день гости и заботы о пышном убранстве стола, о разнообразной вкусной еде. Нужно было хлопотать о том, чтобы были хорошо одеты слуги, прислуживающие за столом, чтобы комнаты были прибраны, чтобы в вазах благоухали свежие цветы. То и дело госпожа вызывала к себе Син-Нури и давала новые распоряжения, забыть которые было просто опасно. Красавица Камилла была приятной и приветливой женщиной, но, как и всякая молодая госпожа, она была капризной, вспыльчивой и беспечной. Син-Нури вскоре убедилась, что вследствие своего беспечного нрава госпожа многое забывает, у нее часто меняются желания и потому она бывает несправедливой. Она может потребовать того, о чем прежде не говорила, и удивиться чему-либо такому, о чем строго наказывала. Надо было привыкнуть ко всему этому, чтобы не потерять голову и не попасть в скверную историю. Старая Дидона нисколько не управляла домом. Она говорила о том, что управляет, а заботы предоставляла экономке. И Син-Нури завертелась в таком водовороте, что некогда было думать ни о своей судьбе, ни о судьбе дочери. Поздно ночью, укладываясь спать в своей маленькой каморке, Син-Нури мысленно сочиняла письмо домой и думала о том, что завтра она его напишет и попросит госпожу помочь ей отправить это письмо в Сидон.

Син-Нури была свободна, занимаясь хозяйством в доме, но она не имела права покинуть дом ни на один час. Заниматься своими делами она и вовсе не имела права. Тем более она не имела права где-либо работать, чтобы получить сколько-нибудь денег и, может быть, откладывать их для выкупа.

Если бы Син-Нури рассказала о своей жизни в доме римского вельможи рабыне, которая возделывает землю в долине Нила или прикована к жерновам и не имеет права разогнуться, спрятаться от знойного солнца, она бы услышала странные слова. Ей бы сказали: «Какое счастье выпало на твою долю! Ты не голодаешь. Ты живешь в тепле и чистоте. Тебя не бьют и не называют собакой. С тобой обращаются, как с порядочным человеком. Мало того, ты сама распоряжаешься служанками. Ты экономка в богатом доме и недовольна?»

Син-Нури не голодала и не страдала от побоев. Но она была несчастна. Она понимала, что если ее не выкупят, то ей уготовано рабство на всю жизнь, до последнего вздоха. Когда она была свободной и жила в своем доме, она нередко слышала о рабах-

вольноотпущенниках, которые смогли накопить достаточно денег, чтобы купить себе свободу. Но здесь ей не давали денег. Она была постоянно занята заботами о доме. Ей нельзя было заработать, даже если бы она хотела трудиться постоянно, не отдыхая, не останавливаясь. Она думала об этом каждый день и каждый час. И все же прошло полгода, прежде чем Син-Нури собралась написать письмо в Сидон. У нее не было свободной минуты и не было случая, чтобы она могла сесть за письмо и подумать, как написать мужу.

Когда Син-Нури отдала свое письмо госпоже, та сказала, что непременно отошлет его в Сидон со знакомым купцом. Она положила письмо в один из своих многочисленных ларчиков и спросила:

— Ты просишь, чтобы тебя выкупили, или заботишься о дочери?

— Сейчас я прошу только о дочери. Поймите, как я несчастна. Моей маленькой Сфрагис всего семь лет. Как легко ее обидеть. Мое сердце разрывается от печали!

Камилле стало жалко рабыню, и она сказала ей, что, если станет известно, где находится ее дочь, она, пожалуй, купит эту малютку — и пусть тогда мать с дочерью живут в ее доме и благоденствуют.

В эту минуту Камилла говорила совершенно искренне. Она была очень богата, ей ничего не стоило выполнить свое обещание. Но беда в том, что она была слишком занята собой, своими нарядами и своими украшениями. Она очень заботилась о том, чтобы понравиться гостям, произвести впечатление женщины необыкновенной, не только красивой, но и умной. Она тут же забыла о письме Син-Нури и не отправила его. Прошло много дней, в этот ларец были сложены другие вещи. Письмо бедной Син-Нури оказалось на дне ларчика и никогда более не попалось на глаза госпоже. А рабыня ждала ответа, ждала каждый день и каждый час. Иногда ей удавалось выйти за ворота дома на одну минутку, тогда она смотрела по сторонам, нет ли Мериона. Она была уверена: если он получил письмо, то должен примчаться сюда. Она ему подробно написала, где искать этот дом, назвала имя господина и сообщила, что госпожа добра к ней и не выгонит его, если он придет по такому важному делу.

Дни шли за днями, а ответа не было. Не было и Мериона. А ждать становилось все труднее и труднее. По ночам Син-Нури мучили страшные сны. Ей снилась маленькая Сфрагис, которую уносили куда-то работорговцы. Как-то Син-Нури осмелилась спросить госпожу:

— Как ты думаешь, госпожа, человек, которому дали мое письмо, доставил его? Это хороший человек? Он не мог обмануть?

— Как ты можешь сомневаться, ничтожная женщина! — ответила грубо и неприветливо Камилла и вся покрылась алой краской: она вспомнила, что не выполнила просьбу рабыни и письмо где-то у нее, но где, в каком ларце?..

Надо сказать, что госпожа хотела найти письмо. Она в тот же день принялась его искать в своих многочисленных ларчиках. Вытаскивала куски пергамента, обрывки папируса, ненужные вещи. Письмо не нашлось, а признаться в этом рабыне было унизительно.

Прошло еще полгода, прежде чем Камилла, видя печальную и нередко в слезах Син-Нури, предложила рабыне снова написать письмо, чтобы дать его одному знакомому купцу. Может быть, тот, первый, потерял послание? Бывает и так...

— Ведь муж твой не оставил бы без внимания твое письмо, если бы прочел, как ты думаешь? — обратилась она к Син-Нури.

— Он бы примчался сюда, госпожа. Мало того, он бы привез тебе прекраснейшие изделия из золота и драгоценных камней. Я вижу на тебе много дорогих украшений, но таких, какие делает Мерион, у тебя нет.

— Что ты говоришь! — загорелась Камилла.— Пиши немедленно новое письмо, я отдам его в верные руки. Напиши, что ты просишь захватить с собой кольца, браслеты и серьги. Все лучшее я куплю у него. А может быть, и отдам тебя взамен. Кто знает...

С какой надеждой писала это письмо Син-Нури! Ей казалось, что свобода вот-вот придет к ней. Ее принесет Мерион. Нужно только, чтобы он получил от нее весточку и знал, куда надо ехать.

«Приезжай скорее, благородный Мерион,— писала Син-Нури,— как только ты вызволишь меня из рабства, я вместе с тобой стану искать нашу малютку Сфрагис. Я так тоскую о ней! И тебя постоянно вижу во сне...»

Син-Нури просила мужа захватить с собой драгоценности, все лучшее, что он когда-либо сделал. И он получит взамен свою Син-Нури, а вместе они очень скоро найдут Сфрагис. «Умоляю, поспеши!»

Это письмо, залитое слезами, Камилла и в самом деле отдала одному купцу, который должен был побывать в Тире, в Сидоне и в Пальмире. Она просила его непременно отдать в руки Мериона это письмо. Сейчас она уже беспокоилась не о рабыне, а скорее о том, чтобы получить украшения, сделанные искусным ювелиром. Но случилось так, что купец побывал в Пальмире и в Тире, а в Сидон не заехал — оказалось, не нужно. И письмо осталось у него. Ему не хотелось огорчать знатную покупательницу. Он не сказал ей о том, что не передал письма. Он решил передать его в другой раз. Но поездки в Сидон у него не было в течение целого года, и мольбы бедной Син-Нури не дошли до Мериона.

А Син-Нури ждала. Она трудилась неустанно и очень старательно. Старая Дидона не имела случая побранить ее, Камилла была ею довольна. Однако она удивлялась, почему эта красивая рабыня так неутешна. И еще удивлялась тому, что Мерион не ответил на письмо жены.

●

Когда пошел третий год пребывания Син-Нури в доме римского вельможи, случилось так, что собрался в Сидон тот самый купец, который хранил у себя письмо рабыни. Он его не читал, не знал, чье это письмо. Он думал, что это письмо знатной госпожи Камиллы, которая нередко покупала у него дорогие вещи. Он был честным человеком и помнил о просьбе богатой покупательницы. Он взял с собой злосчастное письмо, привез его в Сидон и в первый же день по прибытии разыскал дом Мериона. Ювелира не было дома, а жена его была так приветлива, что сразу же внушила доверие купцу. Она попросила его прочесть письмо, чтобы скорее сообщить Мериону новости. Узнав, о чем писала Син-Нури, миловидная женщина чуть не лопнула от злости. Она тут же сообразила, что не надо называть себя женой, лучше назвать сестрой, поблагодарила купца, сказала, что немедля передаст письмо брату и все будет сделано.

— Как хорошо, что ты доставил нам это письмо, добрый человек! — сказала плутовка.

Как только незнакомец покинул дом, злодейка, не раздумывая, порвала в клочья письмо и бросила его в очаг. Она была уверена, что поступила справедливо. Смешно было бы тратить деньги на поиски девчонки и отдавать все драгоценности на выкуп Син-Нури. «Что тогда будет со мной? — подумала она.— Не отдавать же мне моего Мериона в руки неведомой Син-Нури. Должно быть, она великая грешница, если боги так наказали ее».

Покинув дом Мериона, купец из Александрии долго размышлял над письмом Син-Нури. Ему было горько от мысли, что бедная женщина напрасно ждала вестей больше года. «Но теперь все будет хорошо. Сестра Мериона так добра и заботлива, она сейчас же передаст письмо брату, и Син-Нури будет довольна».

ВСТРЕЧА В АЛЕКСАНДРИИ

Прошло двенадцать лет с тех пор, как молодая красивая рабыня вавилонянка Син-Нури попала в дом римского вельможи. Все эти годы она была экономкой. Все эти годы она усердно трудилась и угождала господам. И все эти годы она не теряла надежды встретить своих родных, снова увидеть маленькую Сфрагис и Мериона. Она не могла себе представить Сфрагис подросшей и разумной, она в мыслях видела веселую, забавную малютку. Когда мысли о ней были особенно печальны, когда ее преследовал страх, что Сфрагис голодает, что ее избивают жестокие люди, и сердце сжималось от боли, она старалась себя утешить. Она говорила себе: «Сфрагис так прелестна,

так смышлена и весела, ее пожалеют и накормят. Даже работорговцы имеют сердце. Ведь у них тоже растут дети».

Годы шли, и печаль словно съедала душу Син-Нури. На глазах у хозяев рабыня так быстро старилась, что, равнодушные к судьбе невольницы, они все же удивлялись. Камилла нередко спрашивала Син-Нури, почему она так худеет?

— Ведь я не прячу от тебя еду. Ешь сколько хочешь,— говорила госпожа.

— Ты добра ко мне,— отвечала с поклоном Син-Нури,— я благодарна за все, но, видит бог, мне ничего не надо. Жизнь мне не мила. Я жду смерти. Когда я вижу в зеркале свои седые волосы и мертвые глаза, я думаю, что прожила уже долгую жизнь и мне пора на покой.

В тот день, когда Сфрагис вместе с Мерионом и Хайраном прибыли в Александрию, Син-Нури была уже так слаба и немощна, что попросила у Камиллы разрешения прилечь и несколько дней не работать. Она не призналась госпоже, что давно уже задыхается от кашля и что много раз шла горлом кровь. Госпожа догадывалась о болезни своей рабыни и разрешила ей полежать. Син-Нури осталась в своей каморке со своими печальными мыслями.

А в это время Сфрагис и Мерион искали дом богатого римского вельможи, имя которого было им неизвестно. Вместе с Хайраном они заходили в роскошные виллы, спрятавшиеся в зелени садов. Мерион, придя к господину, владеющему богатым поместьем, предлагал свои ювелирные изделия, а потом справлялся, нет ли в доме рабыни по имени Син-Нури.

В другом случае к привратнику обращался Хайран. Одарив стража монетой, купец спрашивал о рабыне Син-Нури и, получив отрицательный ответ, разочарованный, говорил, что, видимо, их усилия напрасны. Ведь прошло так много лет. Римский вельможа мог давно покинуть Александрию.

Как-то после неудачных поисков, когда Сфрагис была особенно угнетена, Хайран спросил Мериона:

— Повтори, Мерион, все, что рассказала тебе жена. Повтори все слова. Может быть, ты что-то упустил. Чтобы найти неизвестного вельможу, надо хоть что-нибудь знать о нем.

— Богатый дом на берегу моря — вот все, что было сказано о нем. Да, вот еще: после долгой перебранки, когда я в гневе чуть было не убил ее, она крикнула, что в письме было имя госпожи — Камилла. Но это нисколько не лучше, чем имя рабыни.

— Ты не прав! — закричал Хайран.— Имя госпожи должен помнить каждый привратник, а имя рабыни он может забыть или просто не знать его.

Весь следующий день они заходили в богатые дома, раскинутые

вдоль берега моря. У каждого привратника спрашивали, можно ли видеть госпожу Камиллу, и неизменно получали ответ, что здешняя госпожа имеет другое имя.

Сфрагис и Мерион побывали во всех домах, где можно было искать Син-Нури. Оставался только один дом на берегу моря, куда они не успели зайти. Уже не было никаких надежд, и Сфрагис расплакалась от отчаяния и печали. Все это время она старалась не думать о мачехе, которая была виновницей их несчастий, но мысли девушки каждый раз возвращались в дом отца, и она снова вспоминала розовое лицо с ямочками на щеках и плутоватые томные глаза мачехи. Она представила себе, как эта женщина бросает в очаг залитое слезами письмо матери, и сердце ее сжималось от боли. «Как же она коварна,— думала Сфрагис,— как жестока и жадна, если совершила злодейство только для того, чтобы предотвратить траты на выкуп несчастной Син-Нури! Боги породили настоящее чудовище с обликом приятной женщины. Зачем?»

Думая об этом, Сфрагис все больше восхищалась благородством и щедростью Хайрана. Она была рада, когда Мерион, всегда молчаливый и нерешительный, высказал Хайрану свое восхищение и благодарность.

— Ты спас мою Сфрагис, Хайран, и я твой вечный должник. Распорядись мною как хочешь. Если я смогу сделать для тебя что-либо хорошее, я буду счастлив.

Слушая Мериона, Хайран думал о том, что отец Сфрагис добрый и честный человек, но так неудачлив и нерешителен, что постоянно находится в бедственном положении. И как осудить его за дурные поступки второй жены? Он не виноват. Как можно было предвидеть все козни, какие принесет в дом новая жена — приветливая, веселая и внешне очень покладистая? «Бедный Мерион!»

Они подошли к дому, скрытому в густой зелени сада, и постучались в калитку. Сонный привратник спросил, что им угодно, и, когда Мерион нерешительно назвал имя госпожи Камиллы, привратник распахнул калитку и сказал, что госпожа дома.

— Скажи, добрый человек,— попросила Сфрагис,— есть ли в вашем доме рабыня по имени Син-Нури?

— Есть у нас экономка Син-Нури,— ответил привратник и, не глядя на обомлевших и потерявших дар речи людей, позвал слугу и приказал сообщить госпоже, что к ней пришли люди издалека.

— Откуда ты знаешь, что мы издалека? — поинтересовался Хайран.

— Здешние ни о чем не спрашивают, они всё знают,— рассмеялся привратник.— Скажите же, откуда приехали, и я сообщу госпоже Камилле.

— Скажи — из Сидона,— попросил Мерион.

Он тронул плечо Сфрагис и знаком показал, что надо держаться.

— Сейчас мы увидим мать,— прошептал он.

Отойдя от Сфрагис, он смахнул слезу и сказал Хайрану:

— Вот мы и дождались!

На дороге показались две женщины. Одна из них высокая, красивая, в одежде из дорогой шелковой ткани, а другая — маленькая, худенькая и совершенно седая. В ее облике ничто не напоминало Син-Нури, и Мерион был озадачен. Может быть, ее еще не позвали? А может быть, госпожа хочет узнать, для чего они пришли...

Прежде чем госпожа обратилась к ним с вопросом, седая женщина бросилась к Мериону и, обливаясь слезами, сказала лишь одно слово:

— Поздно!..

В это мгновение к ней бросилась Сфрагис.

— Мама, мамочка, ты не узнаешь свою Сфрагис? Я твоя Сфрагис, твоя маленькая дочка! Это меня увели работорговцы. Посмотри мне в глаза.

Она обняла мать, гладила ее седую голову и сквозь всхлипывания повторяла:

— Мама, мамочка! Красивая вавилонянка Син-Нури! Как я счастлива! Мы встретились, все будет прекрасно.

— Все будет прекрасно! — повторила Син-Нури и закашлялась. Она долго не могла остановить свой кашель, и все смотрели на нее и ждали.

— Кто из вас желает поговорить о деле? — спросила Камилла, которой надоели эти слезы и причитания.

Она решила продать рабыню, как только услышала, что пришли люди из Сидона. Син-Нури была неизлечимо больна. Камилла видела это, и ей хотелось от нее избавиться. К тому же, услышав имя Мерион, она вспомнила давний разговор о драгоценностях и подумала, что кое-что возьмет за эту несносную Син-Нури. «Если, живя в такой роскоши, распоряжаясь всеми припасами дома и слугами, эта Син-Нури умудрилась заболеть неизлечимой болезнью, то чего можно ждать от такой рабыни?» Так думала Камилла, обращаясь к Хайрану, который показался ей наиболее симпатичным. «Мерион стоит молча, тараща глаза на свою Син-Нури, а Сфрагис, эта девчонка, которой тогда было всего семь лет, потеряла голову. И как только она узнала свою мать в этой несчастной седой старушке?» — размышляла Камилла без всякого чувства жалости.

Хайран тут же начал переговоры о покупке рабыни. Мерион понял, что сию минуту можно решить этот вопрос. Он подошел к Камилле и Хайрану.

— Благородная госпожа! Письмо, посланное мне женой несколько лет назад, дошло до меня только сейчас. Я привез с собой хорошие вещи и думаю угодить тебе, госпожа. Они со мной, и, если тебе угодно, я покажу.

— Я предлагаю всем войти в дом,— сказала громко Камилла и пошла рядом с Мерионом, который очень заинтересовал ее. Ей не терпелось узнать, что он предложит ей за эту неизлечимо больную рабыню.

Син-Нури увела Сфрагис в свою каморку, а Мерион и Хайран пошли в покои госпожи. Когда Мерион вытащил из-за пояса заветный мешочек и стал извлекать содержимое, сердце Камиллы забилось от радости. Син-Нури была права. Такой тонкой, такой изысканной ювелирной работы она никогда не видела. Мерион покорил своим мастерством капризную госпожу Камиллу.

Он положил на стол отличный золотой браслет с рубинами, несколько колец с хорошими камнями и серьги, каких госпожа никогда не видела. Они были сделаны по образцу старинных изделий греческих ювелиров. На золотом лунном серпе стояла колесница в упряжке с богиней Афродитой. На тонких золотых цепях свешивались маленькие золотые амфоры, такие изящные и красивые, что хотелось смотреть на них бесконечно. Это была редкостная работа.

Камилла загребла все это, прикрыла рукой и, глядя на Мериона смеющимися глазами, сказала, что с трудом расстанется со своей любимой рабыней. Но ведь она давно знала, что Син-Нури должна вернуться к своему мужу и к своей дочери. И она отпускает Син-Нури.

— Надо тебе сказать, Мерион,— говорила Камилла,— я всегда относилась с доверием к Син-Нури. На ней был весь мой дом. Мало того, я говорила ей, что если она найдет свою дочь, то я готова купить малышку, чтобы они вместе жили в моем доме. Но это не осуществилось. Теперь вы нашли друг друга, и я не могу мешать вашему счастью.

Госпожа поднялась и дала понять гостям, что больше им здесь делать нечего. Мерион и Хайран покинули покои Камиллы и попросили служанку позвать Син-Нури и Сфрагис.

Они покинули дом римского вельможи, когда Син-Нури уже с трудом стояла на ногах. К счастью, лавка знакомого Мериону ювелира находилась неподалеку, и они смогли дойти до нее, бережно поддерживая Син-Нури с обеих сторон. Сфрагис и Мерион вели Син-Нури под руки, но им часто приходилось останавливаться, потому что Син-Нури задыхалась от кашля.

Хайран, глядя на это печальное зрелище, думал о Петехонсисе. Он решил искать его в коптском монастыре, где египетский лекарь хотел устроить лечебницу для бедных коптов.

Как только они пришли в дом ювелира и расположились там, Хайран рассказал Сфрагис о своем намерении полечить Син-Нури, прежде чем все они тронутся в обратный путь.

— Все будет так, как я обещал,— сказал Хайран Сфрагис.—

Мы увезем с собой Син-Нури в Пальмиру, а Мерион будет нас навещать. К счастью, Сидон и Пальмира совсем близко расположены.

В глазах Сфрагис Хайран прочел такую благодарность, что без всяких слов понял, как нужна сейчас помощь бедной девочке. Он подумал: теперь, когда нашлись отец и мать, ничего, в сущности, не изменилось. Одни горести. Больной, умирающей матери негде голову приклонить, а отец мечется между любимой им первой семьей и нелюбимой — второй.

Син-Нури обрела дар речи лишь после того, когда хозяйка дома предложила ей выпить горячего молока. Кашель немного утих, и можно было поговорить с дочкой, полюбоваться ею.

— О боги, как ты прекрасна, моя Сфрагис! Какое счастье обнять тебя, моя девочка! Какая ты большая! Какая умная и красивая! Боги милостивы! Они подарили мне самую большую радость. Все эти годы я радовалась, когда видела тебя во сне. Но ты всегда была маленькой Сфрагис. И видела я тебя только в руках работорговца, когда он уносил тебя с корабля, плачущую. Сердце у меня сжималось от горя. Но я готова была терпеть эту боль бесконечно, только бы увидеть тебя, моя девочка.

— Мы никогда теперь не расстанемся, мы будем рядом,— утешала ее Сфрагис.— Добрый Хайран пошел искать лучшего на свете египетского лекаря Петехонсиса. Этот удивительный лекарь может вылечить от самой тяжелой болезни. Ты будешь здорова, Син-Нури.

Они снова обнимались, снова целовались, а Мерион, глядя на них, украдкой смахивал слезы, чтобы женщины не видели его страданий. Он еще не рассказал Син-Нури о своей новой семье, о том, что она не может жить в своем прежнем доме. Он не находил слов для объяснения и молчал, прислушиваясь к разговору матери с дочерью.

— А ведь мы поедем в Пальмиру,— сказала весело Сфрагис,— Хайран зовет нас в свой богатый дом, и мы не откажемся. Отец еще не устроил свои дела в Сидоне и поедет туда, а мы подождем его.

«Как умна наша Сфрагис! — подумал Мерион.— Догадалась, что нельзя говорить о моих несчастьях, чтобы окончательно не убить бедную Син-Нури. А ведь я мог рассказать о своей новой семье. Как хорошо, что не успел!..»

А Син-Нури и Сфрагис рассказывали друг другу о своих злоключениях. Больше всего они удивлялись тому, что целых десять лет прожили в одном городе, не ведая об этом и мучаясь от тоски. Сфрагис рассказала матери о своем чудесном спасении, о Хайране и Байт, которые стали для нее самыми близкими людьми на свете.

— Как я рада за тебя, Сфрагис! — говорила Син-Нури.— И как прискорбно мне, что нет уже Байт! Смерть такой доброй и благородной девушки — великое несчастье для каждого, кто ее знал. Но в память о ней люби Хайрана. Почитай его, как отца родного, и никогда

не забывай то доброе, что он для тебя сделал. Благодаря ему мы встретились... Мерион, поговори с нами, почему ты так молчалив?

Мерион сидел в стороне, согбенный, печальный, подавленный своей беспомощностью. Он думал о том, как будет теперь жить вдали от своих любимых. Как примирится с коварством и лицемерием женщины, которая сделала столько зла. Он думал о своих детях. И не мог решить, как жить дальше, как их растить. Он ответил:

— Я любуюсь на вас, мои дорогие. Я слышу ваши голоса и словно уношусь к дням своей молодости, когда Син-Нури была самой красивой женщиной в Сидоне, а маленькая Сфрагис была самой веселой девочкой на свете. Сейчас мне кажется, что все это было вчера и не было долгих мучительных лет. Я отпущу вас в Пальмиру, но очень скоро приеду к вам...

Он говорил медленно, словно подыскивая слова, не спрашивая Син-Нури ни о чем. Ему было стыдно и горько. Его прервал кашель Син-Нури. На этот раз долго не удавалось остановить этот страшный кашель.

●

Хайран искал коптский монастырь в Александрии. Он был уверен, что найдет там Петехонсиса и тогда Син-Нури будет спасена. Хайран верил Петехонсису, как богу. Ему казалось, что он всемогущ, что он все может. Но не так-то легко найти этот монастырь. Жители Александрии из египтян, верные своей древней религии, ничего не знали о коптах. К тому же оказалось, что копты боятся преследований римлян, которые были теперь хозяевами страны. И все же он нашел небольшой монастырь коптов за пределами города. Когда Хайран спросил о лекаре Петехонсисе, он услышал, что Петехонсиса нет, но есть его сын Яхмос, а это все равно, что Петехонсис.

Хайран прошел за глиняную ограду. Большой квадратный двор с легким тростниковым навесом вдоль стен давал прибежище многим беднякам из коптов. Больные лежали на циновках из камыша. Мужчины — в набедренных повязках, полуголые, женщины — прикрытые тряпьем, совершенно голые дети. Одни стонали, звали на помощь, другие дремали на своем убогом ложе, третьи копошились у очага, устроенного посреди двора. На лице каждого — печать голода и лишений.

«Поистине эти несчастные нуждаются в помощи,— подумал Хайран.— Петехонсис хорошо сделал, что собрал их у стен коптского монастыря, чтобы исцелить и вернуть к жизни. Их облик напоминает мне рабов в Каписе, но ведь это не рабы. Это свободные люди, и каждый из них добывает свой хлеб посильным трудом. Недуг сделал их беспомощными».

Хайран искал глазами молодого лекаря Яхмоса, но не находил.

Молоденький служка из помощников лекаря пообещал найти Яхмоса, и, пока он искал его где-то за пределами ограды, Хайран имел возможность понаблюдать за больными.

В стороне от других он увидел молодую женщину с младенцем на руках. Младенец жалобно просил попить. Он разбросал свои маленькие пухлые ручонки, сучил ножками и задыхался от слез.

Женщина озиралась по сторонам и с мольбой обратилась к девочке, которая лежала неподалеку. Но девочка показала на распухшую ногу и сказала, что не может подняться.

Хайран подозвал мальчугана, который вел к очагу хромого старика, и попросил подать воды несчастной матери. Он побоялся, что ребенок не дождется помощи лекаря.

Истощенный, худой мальчуган выполнил просьбу Хайрана и, спрятав за пазуху монету, вернулся к хромому старику. Он с трудом дотащил старика к огню, и тот трясущейся рукой поставил на золу свой глиняный горшок с вареными бобами.

— Сегодня счастливый день,— говорил он мальчику,— добрые соседи принесли нам поесть. Как это благородно! Я и тебя накормлю, малыш. Ты не горюй, лекарь поможет тебе, и твоя рука заживет. И как это случилось, что тебя укусила твоя же собака, которой ты отдавал последнюю корочку?

— Присядь, я скажу тебе хорошую новость,— прошептал на ухо старику мальчик.— Я подошел вот к этому господину, который позвал меня и велел подать воды младенцу, а он взял и сунул мне в руку вот эту монету. Посмотри!

Мальчик показал монету и пообещал угостить старика свежей лепешкой, как только ему позволят выйти за ограду.

Был час дневной трапезы, и к очагу потянулись даже самые немощные. Каждый тащил с собой горшок, кувшин или миску. Было невероятно жарко, и вареная пища портилась, скисала и приносила вред больным. Лекарь требовал, чтобы каждый ел свежую пищу, но приготовить ее было некому. Когда больного приводили на исцеление в монастырь, ему наказывали приносить с собой еду, воду и циновку. Если больной приходил с открытой раной, то лекарь просил доставить кусочек чистого полотна для повязки. Монастырь мог дать больному только целебные травы и лекаря. Но и это было недоступно многим беднякам богатого города Александрии.

Служка привел Яхмоса, но молодой лекарь, поклонившись Хайрану, сказал, что должен тотчас же помочь малышу. Для него он готовил сейчас целебное питье. Мальчик может задохнуться, он тяжко болен. Яхмос поспешил к женщине с младенцем на руках, присел на корточки и стал поить его какой-то душистой настойкой. Она была приготовлена из десяти целебных трав и уже много раз помогала вернуть к жизни малюток, почти обреченных.

В это время из другого конца двора раздался крик старой женщины. Она просила спасти ее, чтобы не оставить сиротами своих внуков.

— Сын умер молодым и сильным, невестка ушла вслед за ним, а дети на мне. Помоги, добрый лекарь, и господь не оставит тебя. Он вознаградит тебя за...

Дальше ничего нельзя было разобрать, старуха кричала что-то бессвязно и хваталась за живот. Даже на расстоянии было видно, что живот у нее огромный.

Когда Яхмос подошел к Хайрану, тот уже сам предложил ему поспешить к старухе и спросил лекаря, чем она больна.

— У нее водянка, и мне предстоит трудное дело: это не обходится без прокола, это больно. Я думал, что помогу ей настойками, но не смог. Поговорим, и я займусь старухой. У нее пятеро внуков, а старшему всего лишь семь лет.

Старший сын египетского лекаря очень приветливо встретил Хайрана и был рад, когда пальмирец рассказал об искусстве его отца.

— Я больше всех знаю об искусстве моего отца, Петехонсиса,— сказал Яхмос.— Но каждый раз, когда я слышу о том, как умело он взялся за исцеление и как мудро поступил, столкнувшись с большой бедой, я восхищаюсь им. И не только радуюсь, но и учусь у него.

Хайрану очень понравился молодой лекарь, необыкновенно похожий на своего отца. Он рассказал ему о Син-Нури и просил немедленно посмотреть ее и сказать, можно ли сколько-нибудь облегчить ее состояние, чтобы она смогла перенести путешествие в Пальмиру.

— Сейчас я займусь старухой,— сказал Яхмос,— а потом поспешу к вам. Мой младший брат должен сменить меня, тогда я буду свободен.

Сфрагис была счастлива, когда увидела Яхмоса. Она и мечтать не смела о таком чуде. Вера в Петехонсиса была так велика, что и сын был освещен этим сиянием.

Яхмос долго и внимательно знакомился с болезнью Син-Нури. Он терпеливо ждал, когда кашель мешал ей рассказывать о себе, о своем недомогании. Он спрашивал больную, когда у нее бывает жар и когда озноб. Спрашивал, чувствует ли она непреодолимую слабость, хочет ли она есть и ест ли с удовольствием. Сфрагис и Мерион, которые присутствовали при этом, удивлялись вниманию и терпению молодого лекаря. Когда он узнал обо всем, что его интересовало, он сказал больной, что лечение будет проводить Сфрагис, а он научит ее, что делать.

— Не печалься, Син-Нури,— сказал Яхмос, прощаясь с больной.— Есть множество целебных трав и кореньев, которые помогут тебе. Самое главное — выполняй указания лекаря и никогда не отказывайся от еды, когда дочь будет тебе что-нибудь предлагать. Она будет знать, что тебе полезно. Если вы еще побудете в Александрии не-

сколько дней,— сказал Яхмос Хайрану,— то вы дождетесь отца, и он, надеюсь, подтвердит все это. А пока я оставлю для больной целебные травы и попрошу Сфрагис очень усердно кормить больную, поить ее горячим молоком, смешанным с медом. Больной нужно каждый день съедать кусок горячего жира от только что забитого ягненка; жир этот надо смешивать с медом, собранным в садах. Это не причуда, это нужно для исцеления. Больной трудно дышать, ее легкие очень истощились и повреждены. Ей надо лежать, побольше спать и совсем не трудиться.

Яхмос дал еще много полезных указаний. Он сказал, что все в руках божьих. И если господу будет угодно, то больная почувствует облегчение и сможет совершить путешествие.

Яхмос понравился не только Хайрану, но и Сфрагис. А Син-Нури и Мерион не могли им нахвалиться. Все поверили лекарю. Решили побыть в доме ювелира несколько дней, пока Син-Нури немного окрепнет и сможет поехать в Пальмиру. Тем временем надеялись дождаться Петехонсиса.

•

Целый месяц Сфрагис выхаживала Син-Нури, а Яхмос следил за ее выздоровлением. Больной становилось лучше. Она меньше кашляла, у нее появились силы передвигаться без чужой помощи, но все же она была очень больна. Яхмос хотел непременно показать ее отцу. Он уговаривал Сфрагис задержаться еще немного в Александрии. И не только забота о больной Син-Нури заставляла его просить об этом. Яхмос очень привязался к Сфрагис, которая, несмотря на все тревоги, расцвела, как цветок под теплыми лучами солнца. Впервые в жизни она, будучи взрослой, жила вместе с отцом и матерью. А рядом был добрый Хайран, от которого исходило столько тепла и заботы, что вся семья Мериона словно купалась в этом тепле.

А Хайран тем временем занимался своими торговыми делами. Он сделал много закупок и стал уже помышлять о возвращении домой. И вот как-то раз, когда он пришел в лавку знаменитого в Александрии ювелира, чтобы забрать купленные им золотые украшения, он встретил Кудзулу. Они страшно обрадовались этой неожиданной встрече. Хайран говорил о том, что ждал его в Пальмире, а Кудзула, какой-то расстроенный и невеселый, признался, что уже побывал в Пальмире и оттуда приехал сюда.

— Я огорчился, когда не застал тебя,— говорил он Хайрану.— Но меня ждало еще одно огорчение. Все, что я привез для царицы Зенобии, осталось при мне. Я не увидел ее, я опоздал.

— Не понимаю. Что значит «опоздал»? — удивился Хайран.

— Поистине опоздал. Возможно, ты не знаешь, что произошло у вас в Пальмире...— сказал Кудзула.— Ваша царица Зенобия не побоялась вступить в сражение с прославленным римским полководцем Аврелианом. Она потерпела поражение, и, когда узнала, что Аврелиан приказал доставить ее в Рим, чтобы в цепях провести ее по городу во главе триумфального шествия, она приняла яд. Нет более царицы Зенобии.

— Боже праведный! — воскликнул Хайран.— Погибла наша Пальмира! И кто бы мог подумать, что свершится такое бедствие. Горе нам!

— Однако я не видел никакого траура на улицах Пальмиры,— сказал Кудзула.— Жизнь продолжается. Просто вы по-прежнему подчиняетесь Риму. И если бы Зенобия не вздумала бунтовать, то все оставалось бы по-прежнему.

Если трагедию царицы Зенобии кушанский купец воспринял спокойно, то собственную неудачу он воспринял более горячо и жаловался сейчас Хайрану на то, как невыгодно было ему предпринимать это далекое путешествие и как печально, что он решился на это в такое трудное время.

Хайран даже почувствовал себя виноватым, поскольку он уговаривал Кудзулу решиться на путешествие в Пальмиру, чтобы доставить ко двору Зенобии ювелирные изделия индусов. И Хайран решил купить у Кудзулы все, что тот привез.

— Не горюй, Кудзула. Я все закуплю у тебя, а потом предложу во дворце. Будет новый правитель, будет царская жена. Я знаю, как хороши золотые изделия индийских ювелиров, и думаю, что они понравятся царской жене. Она их оценит, потому что будет занята только собой. А бедная Зенобия была занята войнами. Я сам был свидетелем тому, как по велению царицы разоряли древние надгробия пальмирцев, чтобы этим камнем укреплять стены города. Я вижу в этом великий грех. Мы не знаем, но возможно, что всемогущий бог Бел наказал царицу за это кощунство.

Кудзула с радостью согласился на предложение Хайрана. Он целиком доверился ему, потому что знал, какой знаток и ценитель украшений Хайран. Кудзула был уверен, что Хайран назначит самую справедливую плату. Но и помимо выгоды Кудзуле была радостна встреча с другом. Однако она омрачилась, когда Хайран рассказал о гибели Байт в Мерве. Кудзула был потрясен несчастьем Хайрана.

— Как же ты живешь один, друг мой Хайран? И как нашлись у тебя силы ездить по торговым делам? Человеку всегда надо знать, для чего он трудится.

Пришлось Хайрану рассказать печальную историю Сфрагис. Он напомнил ему о маленькой рабыне, которую Кудзула помог отправить в Сидон. Он рассказал о том, как девушке пришлось отказаться

от дома отца, потому что жизнь с мачехой ничем не отличалась от рабской жизни в харчевне, где ее купил Хайран.

— И случилось так,— рассказывал Хайран,— что год спустя после нашего возвращения из Каписы в Пальмиру приехала Сфрагис. Она решилась воспользоваться приглашением Байт и пришла в дом подруги. Но Байт уже не застала. И я оставил ее в своем доме. Эта девочка не знала светлого дня. А у нее доброе сердце и постоянное желание заботиться о ком-то. Но тут мы принялись искать ее мать. Вместе с отцом Сфрагис мы нашли эту женщину. К сожалению, она настолько больна и немощна, что лекарь боится даже отпустить ее в дорогу. И вот мы задержались здесь, а сын того самого Петехонсиса, который был у вас в Каписе, молодой лекарь Яхмос, пытается восстановить ее здоровье.

— Мне понятны твои тревоги,— сказал Кудзула.— Если эта женщина так беспомощна, как ты говоришь, то ей, видимо, недолго осталось жить... Что же будет с ее дочерью?

В сердечной беседе Хайран рассказал Кудзуле о том, как ему дорога Сфрагис и как он старается помочь ей. Рассказал, как эти заботы скрашивают ему дни и заставляют трудиться.

— Как видишь, Кудзула, я снова предпринял большие торговые дела — закупил у тебя целое состояние и здесь, в Александрии, приобрел много хороших вещей. Все это я собираюсь продать в Пальмире. А барыш пригодится мне для Сфрагис. Я вижу, что отец ее беден и не сумеет помочь своей дочери. Он связан второй семьей. У него пятеро маленьких детей. Он не может взять в свой дом мать Сфрагис. Все эти заботы на мне. Вот я и тружусь для этого.

Хайран и Кудзула много раз обсуждали свои торговые и семейные дела. Кудзула тоже был озабочен невзгодами в семье. Он рассказал Хайрану о том, какая была богатая и веселая свадьба у Ситы. Но очень скоро молодой муж Ситы сбежал от нее и вернулся к своим родителям. И когда он сказал, что ему невыносимо жить рядом с такой вздорной и расчетливой женой, какой оказалась Сита, жена Кудзулы призналась, что давно замечала за дочерью дурные наклонности, но, боясь огорчить мужа, не говорила ему об этом. К тому же она рассчитывала, что после замужества Сита остепенится.

— Этого не случилось, друг мой Хайран,— жаловался Кудзула.— Сита с нами, и в доме сущий ад. Я стараюсь уезжать. Не могу же я выгнать на улицу собственную дочь.

●

Как ни трудно было, но Сфрагис удалось поправить здоровье матери, и настал день, когда Яхмос сказал, что Син-Нури может отправиться в Пальмиру и что такое путешествие не повредит

ее здоровью. Однако сам он не хотел, чтобы семья Мериона покинула Александрию. Ему нравилась Сфрагис, он полюбил ее и не мыслил, как будет жить, когда она навсегда покинет Александрию.

«Что мне делать? — спрашивал себя Яхмос.— Сейчас они дожидаются отца, но отец приедет, и Сфрагис покинет Александрию. Как же быть?»

Судьба Яхмоса должна была решиться в тот день, когда приехал его отец. Яхмос рассказал Петехонсису всю историю Син-Нури, рассказал все, что ему было известно о ее болезни, и сообщил отцу, что подозревает самое тяжелое заболевание легких, которое не поддается исцелению.

— Знаешь, отец, если бы я мог оставить копский монастырь, я бы поехал с ними в Пальмиру и хорошим уходом за больной я бы продлил ей жизнь... Это нужно для Сфрагис.

Петехонсис вспомнил красивую и добрую девушку Сфрагис, и его веселые глаза загорелись огоньками.

— Я понимаю тебя, Яхмос. Когда посмотрю больную, подумаю, как тебе помочь.

Лечение Яхмоса взыскательный Петехонсис одобрил и похвалил. Он был доволен тем, как сын правильно понял тяжелую болезнь Син-Нури и как хорошо и верно назначил целительные травы и коренья. Все было так, как сделал бы сам Петехонсис.

— Я думаю, ты сумеешь принести пользу жителям Пальмиры, если поедешь туда,— сказал Петехонсис.— Но прежде чем дать тебе благословение, я поговорю с Хайраном.

Настал день, когда Хайран признался Кудзуле, что очень не хочет расставаться с молодым лекарем и намерен пригласить его в Пальмиру.

— Мне кажется, что Яхмос создан для Сфрагис, а она родилась для того, чтобы украсить его жизнь. И как славно мы заживем все вместе в моем доме! И если Яхмосу удастся продлить жизнь бедной Син-Нури, то это будет великим благом. Это будет угодно всем богам — и нашему великому Белу, и богу коптов Иисусу Христу. Надо тебе сказать, что копты очень преданы своей вере и всеми силами стараются угодить своему богу, который требует от них бесконечного терпения и любви к человеку. Мне кажется, что знаменитый Петехонсис и его сын Яхмос угождают своему богу в полной мере, а людям от этого великая польза.

Когда Петехонсис стал расспрашивать Хайрана, пригодится ли искусство лекаря в Пальмире, стоит ли Яхмосу покидать Александрию, Хайран радостно схватил руки Петехонсиса и так долго тряс их, что лекарю пришлось силой вырываться из крепких объятий Хайрана.

— Я хотел тебя просить об этом, благородный Петехонсис. Я вижу, ты научил своего сына великому искусству исцеления и, возможно,

переписал для него священные папирусы фараонов. Он надежный человек и может принести большую пользу людям. Если ты отпустишь его, право же, он расцветет в нашем городе и прославит знания египетских лекарей. А если он попросит руку Сфрагис, то могу тебя заверить, что ее родители вместе со мной благословят их для счастливой жизни. А в честь такого события, весьма радостного для меня, я оставлю для коптского монастыря кошель с серебром пальмирских царей. Я знаю, что нет конца заботам о больных и немощных и деньги эти пригодятся для доброго дела.

В тот день, когда караван Хайрана покидал Александрию, на пыльной дороге, ведущей в сторону Пальмиры, в последний раз прощались с уезжающими Мерион и Петехонсис. Мерион не смог скрыть свои слезы, потому что надолго, а может быть, и навсегда расставался с женой и дочерью. А Петехонсис хоть и был весел, но уронил слезу, расставаясь с сыном, которого он очень любил и ценил; они были большими друзьями.

— Великое счастье выпало на мою долю,— говорила Син-Нури, когда узнала о предстоящей свадьбе Сфрагис и Яхмоса.

Они прибыли в Пальмиру, когда все еще говорили о царице Зенобии, но не столько печалились о ней, сколько радовались тому, что кончились военные походы и сыновья не рискуют жизнью на полях сражений.

К свадьбе готовились долго и тщательно. Не очень торопились. Яхмос хотел дождаться того дня, когда Син-Нури окрепнет и сможет вместе с молодыми радоваться и веселиться. Он понимал, что Син-Нури в опасности, но, согласно учению Петехонсиса, он знал, что воля к жизни может преодолеть самый опасный недуг. Он видел, как радостно встречает больная каждый новый день, и это говорило ему о многом. Он был полон надежд.

Хайран, вспоминая свою любимую дочь, не мог не печалиться. Он каждый день думал о Байт, но никогда не позволял себе скорбных разговоров. Он был рад, что может осчастливить Сфрагис, что полон жизни его богатый дом. Ему было о ком заботиться, и потому стоило водить караваны.

Как-то, продав с выгодой дорогие александрийские вазы из полупрозрачного алебастра, Хайран вспомнил Александрию, бедную харчевню, где он купил Сфрагис и рабов, предназначенных для строительства буддийского храма в Каписе. Он вспомнил красивую гречанку Каллисфению и скульптора Феофила, который уговорил его купить эту рабыню, чтобы сделать ее натурщицей для ваятеля.

«А ведь хитер был благородный грек. Уговорил меня купить красавицу гречанку, задумав ее похитить. Впервые меня так одурачили»,— подумал Хайран.

Но в тот же день случилось не менее удивительное. В лавку

Хайрана зашел неизвестный ему человек, сказал, что он купец из Тармиты, и положил на стол кошель с деньгами:

— Это прислал тебе ваятель Феофил, твой должник. Он просил уплатить за рабыню Каллисфению.

— Вот не ожидал! — Хайран весело рассмеялся.— Выходит так, что ваятель Феофил взял взаймы рабыню, а теперь вернул ее мне. Это похвально. Было бы глупо порочить свое доброе имя из-за прихоти. Каково было бы ему встретиться со мной где-либо на караванном пути? Ему так же свойственно скитаться, как и нам, купцам. В поисках хорошей и выгодной работы он путешествует по белу свету и оставляет людям добрую память о себе, о своем народе. Греки — великий народ. И вдруг достойный грек украл рабыню. Передай ему, что я рад такому исходу. Это дело чести. И мне, кстати, пригодятся эти деньги на доброе дело. На пиршество.

Син-Нури дождалась радостного дня свадьбы. Она увидела свою дочь счастливой и веселой, а рядом с ней стоял самый прекрасный на свете юноша, Яхмос, сын египетского лекаря. Для такого пиршества прибыл в Пальмиру и Петехонсис.

Он появился перед гостями в своей парадной одежде, какую надевал, отправляясь в царский дворец. За ним шел слуга. Он нес в руках драгоценный черный ларец, украшенный золотом и слоновой костью. Увидев удивленный взгляд Хайрана, Петехонсис поспешил объяснить, что в ларце сегодня нет целебных трав и настоек, в ларце подарки новобрачным.

Взоры гостей обратились к волшебному ларцу. Все ждали, что извлечет оттуда Петехонсис. А египетский лекарь не торопился. Он посмотрел на счастливое лицо Яхмоса, полюбовался на Сфрагис, которая в этот час была так нарядна и красива, что походила на принцессу из дворца кушанского царя; он взглянул на Хайрана, на седую Син-Нури, на именитых купцов, собравшихся по случаю торжества, и сказал:

— Друзья мои, в этот радостный час мне пришли на память строки из древнего папируса египетского мудреца. Это удивительно, но кажется, что мудрый Птахотеп думал о моем сыне, записывая свое наставление. Он был главным советником фараона Исеси, который правил Египтом тысячи лет назад. Никто не помнит имя фараона, а вот изречения его мудрого советника никогда не забудутся.

Петехонсис обратился к Яхмосу:

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
Как подобает, его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
Кожу ее умощай благовонным бальзамом,
Сердце ее услаждай, доколе ты жив!..

— Отец мой! — воскликнул взволнованный Яхмос.— Ты научил меня мудрости наших предков. Поистине я склонен к добру. Моя госпожа Сфрагис узнает это! Впереди у нас долгая жизнь, пусть она будет радостной!

— Пусть она будет радостной! — подхватили слова Яхмоса гости.

Когда наступила тишина, Яхмос сказал отцу:

— Благородный Петехонсис, ты обратился к поэту очень древнему и очень мудрому, а я хотел бы прочесть моей Сфрагис несколько строк неизвестного мне поэта. Мне говорили, будто он жил во времена фараона Сети Первого, это было давно, однако мысли наши совпадают:

Любовь к тебе вошла мне в плоть и в кровь
И с ними, как вино с водой, смешалась,
Как с пряною приправой — померанец
Иль с молоком — душистый мед...[1]

Яхмос читал стихи, глядя на Сфрагис. Но рядом с ней стояла Син-Нури, и юноша увидел залитое слезами лицо седой женщины. И хотя он понял, что это слезы радости, он прервал свое чтение и в смущении поднял старинный парфянский ритон, полный красного вина. Ему захотелось сказать что-то веселое, но его опередил отец.

— Однако надо открыть ларец,— сказал Петехонсис.

С этими словами он извлек из ларца маленькую золотую лютню и подал ее Сфрагис. Затем он прикрыл ларец крышкой и протянул его Яхмосу.

— На крышке ларца ты увидишь прекрасный лик богини Хатор,— сказал он.— Ты знаешь, сын мой, что в Древнем Египте Хатор была богиней любви. Помни, что любовь — самое великое украшение жизни. Я знаю, что ты будешь любить не только Сфрагис, но и каждого человека, который обратится к тебе за помощью. Любовь поможет тебе исцелить и старика и младенца. Она поведет тебя по пути добра и правды. Ты наполнишь ларец целебными травами, Яхмос, и пойдешь к людям. Они ждут тебя в слезах и в надежде. Ты испытаешь много горечи и разочарований, сын мой, но кто сказал, что жизнь состоит из одних радостей?

Петехонсис поклонился новобрачным и, подавая золотую чашу Хайрану, промолвил:

— Мы слушаем тебя, добрый человек. Прости нас, мы увлеклись... Может быть, это заблуждение, но иной раз кажется, что доброе слово обладает силой колдовства.

— Я согласен с тобой, мудрый Петехонсис. Доброе слово обладает

[1] «Лирика Древнего Египта», перевод В. Потаповой.

великой силой. Однако не каждый умеет сказать это слово. Иной чувствует и понимает, а сказать не может. Так и я. Скажу слово скитальца на великих дорогах жизни.

Он призадумался, хлебнул глоток вина и сказал:

— Жизнь наша подобна каравану в пустыне. Мы терпим зной и жажду, мы знаем, что нас ждут лишения, но не страшимся трудностей, мы идем к зеленому оазису. Мы верим, что найдем его. И эта вера вселяет в нас силы. Пусть же движется вперед наш караван!

ЗАБЫТОЕ КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Послесловие

Герои этой повести жили в III веке н. э., в ту пору, когда процветали города великой Кушанской империи, которая была равной Римской империи или государству Хань, созданному китайскими императорами.

Торговые караваны кушанских купцов шли через горные перевалы в богатые города Индии. Они пересекали пустыни и добирались до прославленной Пальмиры — города-княжества, воздвигнутого в Сирийской пустыне еще в XVIII столетии до нашей эры.

Город Пальмира в древности назывался Тадмор. Это очень древний город. Он упоминается в анналах ассирийского царя Тиглатпаласара в XI веке до н. э. и в библейской «Книге царств», возникшей в VI веке до н. э. На протяжении столетий Пальмира славилась своим богатством. Город, расположенный на пути караванов между Персидским заливом и портами Средиземного моря, был перевалочным пунктом для купцов, ведущих торговлю со странами юга и севера.

Товары из Индии, Китая и Аравии обменивались здесь на товары Греции и Рима. Пошлины, взимаемые городом от ввозимых товаров, давали возможность строить храмы, театры, площади с колоннадами и арками. В 137 году н. э. сенат Пальмиры издал декрет о пошлинах. В центре города была поставлена пятиметровая стелла с «пальмирским тарифом» — четыреста строк текста. Сто лет назад известный русский путешественник и ученый С. Абамелек-Лазарев открыл эту стеллу в Пальмире и доставил ее в ленинградский Эрмитаж, где она хранится до наших дней.

Руины древней Пальмиры так величественны и прекрасны, что производят неизгладимое впечатление на путешественников, которым посчастливилось увидеть этот мертвый город в пустыне. Коринфские колонны с роскошными капителями, святилища, украшенные барельефами, резные карнизы, украшавшие термы и богатые дома, удивительная монументальность строений — все поражает взор. Работа археологов продолжается и каждый год дает новые находки. Среди них поразительно живые изображения людей на древних надгробиях. Эти скульптуры и рельефы позволяют увидеть древних пальмирцев, увековеченных безвестными скульпторами. Кушанские цари чеканили монеты со своими портретами, и эти монеты распространились до далеких городов Средиземноморья, до античных городов Причерноморья, разошлись по странам Ближнего и Дальнего Востока. Торговые связи Кушанского царства были обширны.

В городах Кушанского царства процветали искусства и ремесла. Убранство дворцов кушанской знати славилось далеко за пределами страны. А богатство буддийских храмов и монастырей не имело себе равных. Кушанские правители покровительствовали буддизму, и потому по всей необъятной стране воздвигались величественные скульптуры Будды. Цари не жалели золота и драгоценных камней для буддийских святилищ. Верующие замаливали свои грехи. Кушанские цари устраивали военные походы и завоевывали новые земли.

Но прошли столетия, и некогда могущественное царство перестало существовать и было забыто. Лишь скупые строки древних летописцев напоминали о былом величии этого царства. Бывало, что пытливый ученый призадумается над той ролью, какую сыграло в истории человеческой культуры это забытое царство. Но слишком мало было свидетельств прошлого, и перед ученым не могла возникнуть картина жизни той далекой поры. Казалось, что Кушанское царство кануло в вечность и никто никогда не вспомнит о нем.

Но случилось так, что археологи разных стран открыли множество памятников древней культуры, связанных единым временем. Они рассказали о забытых кушанских правителях, о культурных и торговых связях. Эти памятники самобытной и оригинальной культуры напомнили ученым о некогда могущественном царстве. Находки заставили по-новому понять свидетельства древних летописцев, надписи на постаментах древних памятников, легенды и сказания, записанные когда-то монахами. Можно понять, как велик интерес исторической науки к памятникам Кушанского царства, если учесть, что исследования в этой области ведут археологи и историки Индии, Афганистана, Пакистана, Японии, Франции, Италии, Англии, Соединенных Штатов Америки, Австрии, ФРГ, Венгрии, Нидерландов и большой отряд советских археологов и историков, которые сделали интереснейшие открытия за последние несколько лет.

В наши дни ученые уже знают, что с I века по IV век н. э. существовала великая Кушанская империя, которая покорила многие племена и народы. Она простерлась от Аральского моря до Индийского океана, объединив земли Афганистана, Северного Индостана, большую часть современного Узбекистана, Таджикистана, Восточного Туркестана и Кашмира. На этих землях сохранились многочисленные памятники кушанской культуры, которая развивалась под влиянием древних и прекрасных традиций античного искусства, искусства Индии, древней Бактрии и Ирана. Этот удивительный сплав способствовал рождению культуры, которая на долгое время утвердилась на землях Кушанского царства и существовала спустя многие столетия после гибели этого царства, когда оно было полностью забыто.

Сейчас уже раскрыты руины городов и селений, найдены развалины дворцов, буддийских храмов и монастырей, украшенных дивными скульптурами и стенными росписями. Рядом с дворцами знати открыты дома ремесленников, найдены остатки гончарной посуды, оружия, множество предметов искусства. Открыты оросительные системы, созданные древними земледельцами, остатки крепостей, воздвигнутых в пору военных походов. Ученые многих стран с увлечением ищут затерянное в веках Кушанское царство. И чем больше находок, тем больше новых вопросов.

Благодаря открытиям археологов стало известно, что кушанские купцы вели торговлю с городами Востока и Запада. Через земли Кушанского царства шел торговый путь из Китая до процветающих городов Римской империи.

Из Западной Индии, через Индийский океан и Красное море морским путем доставлялись товары к покоренному римлянами Египту. Торговые связи протянулись к античным городам Причерноморья. Кушанские купцы везли свои товары из столицы своего царства — Балха — в Пантикапей и Ольвию. Купцы большого торгового города Пальмиры, воздвигнутого на краю пустыни, вблизи Дамаска, вели торговлю с кушанскими купцами, а через них — с Индией, Бактрией и Ираном.

Кто же они, эти люди великого Кушанского царства? Откуда они пришли? Когда, в какое время появилось это царство? Известны ли его правители? Чем они примечательны? У историков возникает множество вопросов, которые нередко можно объяснить находками археологов.

Иной раз помогают легенды и сказания, записанные древними летописцами.

Легенда о Кушанах сохранила память о кочевых племенах, населявших земли Бактрии, которые имели несколько княжеств, объединившихся в единое и могучее государство. Древняя китайская

летопись «Хоу Хань-шу» рассказывает о первом Великом царе кушан Кудзуле Кадфизе:

«По прошествии ста с небольшим лет гуйшуанский [кушанский] ябгу [князь] Киоцзюкю [Кудзула Кадфиз] покорил прочих четырех ябгу и объявил себя государем; его царство называлось гуйшуанским [кушанским]. Он воевал с Аньси [Парфией], покорил Гаофу [Кабул] и затем победил и присоединил к своему царству Пуду [Арахосия или район Газни] и Гибинь [Кашмир]. Киоцзюкю умер в возрасте более восьмидесяти лет...»

Этот первый правитель Кушанского царства, по всей видимости, подчинил себе обширные земли Бактрии, в ту пору когда еще сохранилось влияние эллинизма, принесенного сюда походами Александра Македонского. Эта так называемая греко-бактрийская культура оказала большое влияние на всю цивилизацию народов Кушанского царства. Она не была изгнана, не была забыта, а слилась с культурой кочевых племен и точно так же с культурой народов Пакистана, Афганистана и Северной Индии. Взаимное влияние высоких самобытных цивилизаций отразилось на искусстве кушанского времени и послужило основой для рождения совершенно особенной, неповторимой эстетической мысли. Не случайно археологи находят на землях Кушанского царства удивительные скульптуры, в облике которых слились представления о красоте древних греков, художников Индии и Бактрии. Точно так же были открыты удивительные по своей красоте и изяществу барельефы в буддийских храмах и цветные росписи, где священное изображение Будды нередко напоминало облик прекрасного эллина.

Ученым известно, какую роль сыграло в развитии культуры народов, подчиненных кушанским правителям, взаимное влияние различных эстетических вкусов, обычаев и религий. Но им неизвестно, в какие годы нашей эры существовали кушанские правители, начиная от первого правителя Кудзулы Кадфиза. Найденные учеными надписи Кудзулы Кадфиза датированы от 103 до 136 года неизвестной эры. Одна из надписей его сына и преемника Вимы Кадфиза относится к 187 году неизвестной эры. Учитывая, что в 103 году неизвестной эры Кудзула Кадфиз назван «юным князем», ученые думают, что правление его было удивительно долгим: 50—60 лет. За этот период произошли большие перемены, и владетель небольшого княжества в Бактрии Кудзула Кадфиз стал правителем обширного царства, куда входили земли Бактрии, Западного и Южного Афганистана и Северной Индии.

Кудзуле Кадфизу приписываются завоевания обширных земель. О нем говорят, что он положил начало великому объединению Кушанской империи. И возможно, что не случайно он провозгласил себя Царем Царей, как это делали задолго до него великие правители

Персидского царства и греко-бактрийские государи. Монеты позволили определить подлинное имя его преемника Вимы Кадфиза. Они же дали в руки историков еще несколько имен кушанских царей. Но где были столицы этих царей, какие племена и народы им подчинялись, точно неизвестно.

Сто лет назад известный австрийский востоковед В. Томашек писал в изданной им истории средней Азии, что княжество Кудзулы Кадфиза было расположено в самом центре среднеазиатского междуречья, на берегу Зеравшана, между Бухарой и Самаркандом. Арабские географы и китайские летописцы также упоминают, что в средние века на этих землях существовало княжество, носившее название Кушании. Однако более поздние исследования противоречат утверждениям австрийского востоковеда, так как оказалось, что, помимо этой Кушании, на Зеравшане существовали еще две Кушании. Одна — в долине реки Кашкадарьи, а другая — в долине Ферганы.

На протяжении десятилетий ведутся исследования и споры по поводу времени существования тех или иных кушанских правителей; точно так же спорят о местонахождении их столиц. Однако известно, что самым примечательным и знаменитым был великий Ка́нишка. В Северном Афганистане, вблизи древнего города Баглана, на холме, известном сейчас как Сурх-Котал, археологи раскрыли храмовый комплекс с кушанской надписью греческими буквами, где речь идет о постройках, сделанных Канишкой. В долине Ганга, в Матхуре еще в начале нашего столетия было открыто святилище со статуями кушанских царей. Одна из статуй, судя по надписи, изображала Канишку. И хотя эта статуя без головы, она своей величественной позой как бы символизирует завоевателя. Но когда она поставлена, в какие годы он царствовал, пока еще неизвестно. Одни считают, что эра Канишки началась в 78 году нашего летоисчисления. Другие относят время царствования к более поздним годам. Больше всего свидетельств деятельности Канишки разбросано в религиозной и исторической литературе, посвященной буддизму. В тибетских источниках Канишка изображен как покровитель буддийских храмов в Кашмире.

Китайский путешественник Сюань-Цзян дает подробное описание Канишки в качестве короля индийской области Гандхары. Он пишет о том, что Канишка возглавил Большой Совет буддийской веры в Кашмире через четыреста лет после смерти Будды. Сюань-Цзян рассказывает о том, что Канишка был очень набожным, что он часто советовался с буддийскими священниками, совещался с советником, который был патриархом. С ним он решал спорные вопросы веры. Царь покровительствовал монахам из разных буддийских сект.

В летописях, оставленных буддийскими монахами, Канишке

приписывают сооружение большой ступы около Пешевара. Эту ступу китайские путешественники называли величайшей башней в мире и присвоили ей имя Канишки. Кстати, величие этого строения, вероятно, произвело большое впечатление на знаменитого хорезмийского ученого ал-Бируни, который, путешествуя по Индии около тысячи лет назад, записывал все примечательное, что встречалось на его пути, и дал описание этого сооружения в своей книге «Индия».

С Канишкой связывают сооружение буддийского монастыря заложников в Каписе, в городе, где обычно проводили жаркие летние месяцы правители Кушанского царства. Этот монастырь, как думают ученые, свидетельствует о том, что религиозные сооружения использовались кушанскими царями в политических целях.

Легенды говорят о том, что Канишка обладал силой побеждать своих врагов на большом расстоянии. А китайский путешественник Сюань-Цзян писал о том, что Канишка подчинил себе соседние провинции и управлял громадной территорией. Даже племена, живущие к западу от Желтой реки, посылали к нему заложников. И в каждой местности, где останавливались заложники, он основал буддийские монастыри. Зимой он держал заложников в Индии, летом — в Каписе, осенью и весной — в Гандхаре. Среди развалин древней Каписы археологи нашли изображенных на здании китайских заложников. Монастырь заложников, построенный в окрестностях города Каписы, был раскопан французским археологом Жаком Менье. Ученый предполагает, что этот монастырь и был описан Сюань-Цзяном.

Сохранились источники, где Канишка изображен как воинствующий монарх. Летописцы сообщают о войнах с Индией, о захвате Паталипутры. В летописях сообщается о победоносной войне против Парфии. Как сообщают летописцы, во время войны с парфянами Канишке было дано прозвище «Асокан-Гаис» («под маской Асоки»). Здесь говорится о том, что Канишка уничтожил 50 тысяч парфян, после чего ему представилось видение — муки в аду. И будто бы этому способствовал буддийский священник, который, узнав о злодействах кушанского царя, заставил его увидеть эти муки. Царь раскаялся и стал искать поддержки у своего патриарха Асвагхоша.

Три из четырех частей света были уже подчинены Канишке и жили в мире. Но, согласно летописи, кушанский царь пожелал завоевать весь Восток. Имея в авангарде воинов племени хью на белых слонах, он отправился в поход, но армия не захотела пересечь опасный перевал на Памире, и Канишка обратился к своей лошади: «Я ездил на тебе во всех моих войнах, а сейчас, когда три четверти света уже завоевано, почему ты не хочешь идти дальше по этой дороге?» Таким образом, Канишка раскрыл план завоевания. Ми-

нистр Матхара, сопровождавший Канишку, сказал, что Канишка скоро умрет, не выполнив своего слова. Царь, поняв, что он убил более трехсот тысяч человек воинов и что это принесет ему наказание в будущей жизни, признал свои грехи и стал их замаливать. Он воздвиг новые буддийские монастыри и стал давать пищу монахам. Но его приближенные сказали, что царь совершил слишком много ошибок в прошлом, убивая без всякой причины, и какая польза совершать добрые дела сейчас?

Чтобы научить приближенных и внушить доверие, Канишка взял большой кувшин, наполненный водой, который кипятился семь ночей и семь дней, и бросил в него кольцо, снятое с пальца. Царь потребовал от одного из своих сановников, чтобы кто-нибудь достал кольцо из кувшина. Сановники сказали, что это невозможно. Но царь настаивал. Он говорил, что должен быть найден способ достать кольцо. Тогда министры сказали, что если добавить холодной воды, то можно достать кольцо, не повредив рук. На это Канишка ответил, что он совершил множество несправедливых деяний в прошлом и вода в кувшине кипела, но, когда он сделал добро и раскаялся, это было подобно добавлению холодной воды. Таким образом он поправил то зло, которое он больше не будет причинять, и достигнет умиротворения. Сановники согласились с ним.

Поражение в восточном походе привело Канишку к смерти. Об этом написано в одном из древних текстов. Царь, по совету своего министра Матхары, предпринял поход на Восток. Во время экспедиции люди Канишки узнали о его стремлении к мировому господству и устроили совет. Они сказали, что царь жадный, жестокий и неразумный, что его военные походы слишком часты и утомили всех его подданных. Они обвинили его в том, что он хочет править всеми четырьмя частями света и гарнизоны его охраняют отдаленные границы, а семьи солдат брошены далеко. И вот люди Канишки решили избавиться от него. Когда царь заболел, они закрыли его одеялом и придушили.

Существует легенда о загробной жизни Канишки. Так как Канишка слушал притчи буддийского патриарха Асвагхоши, он был спасен от ада и возродился к новой жизни на дне глубокого океана в образе рыбы с тысячью голов. Но вследствие его грехов в прошлой жизни колесо с ножами немедленно отрезало все его головы. После этого в каждом из своих последующих рождений он постоянно лишался головы. Колесо продолжало вращаться, и его головы заполняли обширный океан. Но был один жрец, который являлся звонарем. И царь обратился к нему со словами: «Когда звонит колокол, колесо останавливается, и в эти минуты моя печаль и страдания смягчаются. Я хочу только одного — чтобы звонарь проникся ко мне жалостью и чтобы звон колокола повторялся как можно чаще и длился дольше».

Проникнутый сочувствием к царю, монах звонил в колокол. На вершине, где стоял монастырь для спасения царя, колокол звонил постоянно.

Многочисленные легенды и сказания, устные и письменные свидетельства современников, которые сохранились до наших дней благодаря записям паломников и буддийских монахов, говорят о том, что Канишка был не только великим завоевателем, но и покровителем буддийской религии. Он был также покровителем искусств, ремесел и торговли. Времени Канишки приписываются прекрасные произведения искусства, найденные археологами на развалинах древних городов, буддийских храмов и монастырей.

Можно ли представить себе облик этого кушанского царя, о котором собрано столько противоречивых данных? Пожалуй, лучше всего рассмотреть монеты Канишки. Вот одна из них. На ней изображен царь в низко надвинутой круглой шапке. Перед ним круглый алтарь. Царь стоит с копьем в руке. У него длинная всклокоченная борода. Он одет в длинную одежду, скрепленную на груди бляхой, и вооружен мечом. Кстати, при Канишке копье было символом королевской власти. Римские источники того времени свидетельствуют о том, что копье было одним из первейших символов императорской власти. С ним обращались как со священным предметом во время судилища. Вполне возможно, что во времена Канишки копье в руках царя рассматривалось как волшебный жезл. У ал-Бируни записана легенда, в которой говорится, что Канишка мог добыть воду в пустыне, воткнув копье в землю. Но ал-Бируни попал в Индию спустя семьсот или восемьсот лет после Канишки. Как же велика была слава этого правителя, если так долго жили в народе легенды о нем!

Надо сказать, что монеты Кушанского царства рассказали ученым не только о торговых связях с другими странами. Эти монеты рассказали о художественных вкусах правителей. И еще они рассказали о религиозных воззрениях того времени. Дело в том, что оборотная сторона каждой монеты сохранила изображение какого-либо божества, которое несомненно играло важную роль в пору царствования данного правителя. Так, на монетах Канишки и его сына Хувишки изображены: божество амударьинских вод Вахшу, иранский бог восходящего солнца Митра, богиня победы Хванинда, бог огня Фарро. Тут же — солнечный бог эллинов Гелиос, лунное божество Селена, индийские божества Шива и Будда.

Ученые отмечают, что изображение Будды встречается на очень немногих монетах кушанских царей. Это дает им повод сделать вывод, что буддизм, может быть, не был государственной религией кушанской державы. Можно предположить, что буддизм находился под особым покровительством кушанских царей, но правители не

преследовали другие религиозные верования и позволяли воздвигать храмы другим богам.

Монеты кушанских царей помогли узнать о важных переменах, которые отразились на языке и письменности, принятых при царском дворе. Монеты первого кушанского царя Кадфиза имеют наряду с греческой легендой надписи-карошти — разновидность индийского письма. Но этим письмом пользовались недолго. Во времена Канишки уже не встречаются монеты с надписями карошти, меньше пользуются греческим письмом. Судя по всему, официальным языком Кушанского царства становится бактрийский язык.

Монеты Канишки, найденные среди развалин древних городов Средней Азии, рассказали ученым, что при этом кушанском правителе многие районы среднеазиатского Междуречья вошли в состав Кушанского царства.

Историки не нашли письменных источников, которые сообщают о походах кушанских царей на север от Амударьи. Но есть археологические находки, которые дают возможность предположить, что под власть Кушанского царства подпали Северная Бактрия, Согд и Хорезм, а может быть, и Чач (район современного Ташкента). В надписях сасанидского царя Шапура I (241—272 годы н. э.) при описании побежденных им стран названо и Кушанское царство, границы которого в горах Чача.

Города Средней Азии, подвластные правителям Кушанского царства, вели оживленную торговлю с городами Римской империи, с Китаем и странами Ближнего Востока. При раскопках в погребениях Ферганы и Тянь-Шаня найдены китайские монеты и шелковые ткани китайских ткачей. На городище Хайрабадтепе вблизи Термеза найдена монета римского императора Нерона. Большой клад римских монет был открыт в Уратюбе, на севере Таджикистана. На городище древнего Самарканда, где была когда-то столица Согда, найдены глиняные римские светильники и египетские печати времен римского господства над Египтом. Эти торговые связи способствовали взаимному влиянию культур. Ученые проследили влияние римских мастеров на искусство ремесленников Средней Азии. Следы этого влияния заметны на гончарных изделиях, найденных среди руин древнего Хорезма, городов Бактрии и Согда.

Очень любопытные доказательства тому, что Хорезм входил в состав Кушанского царства, приводятся знаменитым советским археологом С. П. Толстовым. Во время работ хорезмийской археологической экспедиции среди многочисленных древних поселений, крепостей и городищ, занесенных песками, собрано около двух тысяч всевозможных монет. Среди них почти совсем нет денежных знаков, сделанных вне Хорезма. Единственными оказались монеты кушан, которых найдено более сотни, притом в некоторых поселениях были

найдены только кушанские монеты. Это дает повод ученым думать, что Хорезм входил в состав Кушанского царства. Об этом же говорят найденные на землях Хорезма буддийские статуэтки.

Взаимное влияние самобытных культур народов Средней Азии, Индии и Афганистана больше, чем что-либо другое, свидетельствует о том, что среднеазиатские области подчинялись правителям Кушанского царства. В эти годы на землях Средней Азии получило развитие своеобразное искусство, которое несет на себе следы гандхарской культуры. Самые значительные памятники искусства кушанского времени связаны с талантливыми художниками Гандхары — древней индийской земли, которая при кушанских правителях превратилась в священную землю буддизма.

Памятники Гандхары — земли нынешнего Пакистана — впервые были найдены во второй половине XIX века. Археологи нашли тогда большое количество предметов искусства — каменные изображения в виде скульптур и рельефов на зеленоватом сланце Пешаварской равнины. Эти находки рассказали историкам о забытой культуре Кушанского царства и заставили ученых призадуматься над многими вопросами, связанными с развитием искусства в странах Востока в первые века нашей эры. В это время родился термин «гандхарская школа». Она создала бесценные произведения реалистического искусства, которые позволяют словно увидеть живыми людей далекого прошлого. Эта школа испытала влияние античного искусства и искусства древней Индии. Созданные в ту пору художниками образы паломников, аскетов, будд и бодисатв настолько реалистичны, что кажется, будто это портреты подлинных людей с их мечтами, стремлениями и страданиями.

Что же способствовало рождению такого своеобразного искусства в Гандхаре? Дело в том, что с давних времен здесь жили греки, которые восприняли индийскую культуру. Многие из них приняли и религию Индии. Известно, что Илиодор, сын Диона, прибывший из Таксилы в качестве посла индо-бактрийского царя Антиалкида ко двору принца Беснагара, поставил там столб Гаруды в честь индийского бога Васудэвы (Вишну). Памятник был поставлен примерно в 150 году до н. э. Это говорит о том, что задолго до кушан в Гандхаре встречались греки, воспринявшие религию индусов.

Когда Гандхара стала одним из центров Кушанского царства, скульпторы из греков стали создавать множество каменных изваяний для буддийских святилищ. Их работы были совершенно особенными. Может быть, потому, что они несли на себе печать эллинизма и в то же время сочетали в себе все особенности индийской скульптуры. В память об этом времени в Тахт-и-Бахи, близ Пешавара, сохранилась прекрасная скульптура сидящего Будды. Пальцы рук сопри-

касаются в изящном положении «поучения». Он полон жизни и покоряет своей мудростью. Это один из шедевров гандхарского искусства.

В 1932 году возле холма, возвышающегося над Амударьей в пятнадцати километрах от Термеза (на юге Узбекистана), археологом Массоном М. Е. были найдены замечательные каменные рельефы. Их нашли в урочище Айртам и потому назвали айртамскими рельефами. Это были первые в советской археологии посланцы забытого Кушанского царства. На этих рельефах, в частности, изображены музыканты. Среди листьев аканфа — женщина с лютней, арфистка, барабанщик с барабаном в руках, человек с флейтой и музыкант с кимвалами. Удивительно живые лица этих музыкантов донесли до наших дней дыхание своего времени. На этих рельефах, напоминающих рельефы гандхарского искусства, можно изучить характер лица, причудливую одежду и украшения, характерные для кушанского времени.

Позднее в окрестностях Термеза, на правом берегу Амударьи, были открыты руины буддийского монастыря. По названию местности он называется «Кара-Тепе». Эти раскопки возглавляет Б. Я. Ставиский. Экспедиция организована Министерством культуры СССР.

Здесь открыты превосходные цветные настенные росписи, найдены надписи, сделанные на различных древних языках, что говорит о том, как буддизм привлек к себе людей различных племен и народов Средней Азии.

Археологи открыли большой квадратный двор, обрамленный крытыми колоннадами. Плоские деревянные кровли и колонны были украшены резьбой, а стены покрыты ярко-красной краской. С юга во двор выходило небольшое святилище, состоявшее из центрального помещения, опоясанного коридором; тут же была монашеская келья. Дорожка, выложенная белоснежными плитами известняка, вела со двора в центральное помещение. Эта дорожка подходила к порогу, сооруженному из камня и украшенному изображениями цветов лотоса. По сторонам от входа были нарисованы разноцветными красками дароносцы из местной знати. Стены и пол центрального помещения были выкрашены в красный цвет. В этом святилище, очевидно, когда-то стояли скульптуры. Куски крупных гипсовых статуй были найдены во время раскопок двора.

В западной части двора, который примыкал к холму, пробиты два входа, украшенных нарядными арочными нишами. Эти входы вели когда-то в большое пещерное помещение. Четыре длинных сводчатых коридора окружали святилище. На стенах коридоров сохранились остатки расписных бордюров, а в центральном помещении подобраны куски каменных рельефов с изображениями листьев аканфа, людей и животных.

Буддийский монастырь на берегу Амударьи был когда-то богато и красиво убран. Статуи эффектно выглядели на фоне красных стен святилища и ослепительно белых дорожек, по которым степенно шли процессии монахов. Среди развалин обнаружены глиняные крышки всевозможных коробок и сосудов, украшенных рельефными изображениями лотоса. Археологи подбирали обломки глиняных сосудов с дарственными надписями, выполненными черной тушью на священном языке буддистов — санскрите. Здесь же были надписи на местном бактрийском языке. Одна из них гласила: «Царский монастырь». Вот почему он был так богато украшен. Возможно, что этот монастырь был воздвигнут одним из самых известных кушанских царей — Канишкой.

Можно себе представить, как в те далекие времена по темным коридорам шла процессия монахов с горящими светильниками в руках, громко читая молитвы. Они совершали ритуальный обход святилища, а сопровождающие их юные служки разбрасывали цветы. Мерцающий свет освещал цветные росписи стен и священные статуи. Археологи собрали громадное количество обломков глиняных светильников. Среди обрушившихся стен и глиняных черепков нередко подбирали монеты кушанских царей. Они позволили установить, что буддийский монастырь возник в конце I века или во II веке н. э. и просуществовал примерно до IV века н. э.

Вокруг центрального монастыря были воздвигнуты небольшие буддийские монастыри со святилищами и ступами. В 1969 году ташкентский археолог Л. И. Альбаум открыл в предместье Термеза буддийское святилище, богато украшенное цветными росписями, каменными рельефами, раскрашенными глиняными скульптурами. Тут же кельи монахов и отлично сохранившаяся высокая ступа. Так через долгие столетия дошло до нас своеобразное искусство кушанского времени, созданное на землях древней Бактрии.

На протяжении многих лет ведет раскопки в песках Афганистана экспедиция И. Т. Кругликовой из Института археологии Академии наук СССР. Вместе с афганскими археологами советские археологи открыли руины древнего города. Здесь нашли развалины древнего храма, на стенах которого изображены легендарные юноши-близнецы, сыновья Зевса и Леды,— диоскуры. После эпохи греко-бактрийских царей этот храм использовали кушаны. Стены с античными росписями были загорожены барьерами со скульптурами и новыми росписями. На одной из них изображено индийское божество Шива и его жена Парвати на священном быке. В главном помещении храма был алтарь. Верхняя часть его из глины, средняя — из мрамора. В основании алтаря нашли куски каменной плиты с бактрийской надписью греческими буквами. Ученые считают, что эта надпись сделана во времена Канишки. После надписи из Сурх-

Котала это вторая такая надпись, найденная в Северном Афганистане.

Древний город был опоясан стенами с башнями из сырцового кирпича. У подножия древней крепости открыто здание, в котором были статуи из крашеной глины. На голове мужской фигуры — корона и ожерелье. На лице женщины сохранилась мушка между бровями, что характерно для изображений кушанского времени. Это говорит о влиянии индийского искусства. Мы знаем, что и сейчас многие индийские женщины делают такую мушку между бровей. Кстати, советские археологи находили такие скульптуры в различных районах Узбекистана.

Ученые-археологи Москвы, Ленинграда и Душанбе объединились в одной большой Южнотаджикской экспедиции, которую возглавляет Б. А. Литвинский. Эта экспедиция несколько лет назад сделала примечательное открытие недалеко от Курган-Тюбе. Там была найдена гигантская статуя Будды, длиной 14 метров. Ученые предполагают, что она создана спустя три-четыре столетия после гибели Кушанского царства.

В годы процветания Кушанского царства Средняя Азия стала центром буддийской культуры, которая распространилась отсюда в Китай, Японию и Корею. Китайские летописи сохранили имена буддийских монахов, выходцев из Бактрии, Согда и Парфии, которые переводили богословские сочинения на китайский язык.

В ту пору Средняя Азия была тем культурным центром, который связывал Передний и Дальний Восток. Письменные свидетельства многочисленных китайских путешественников, паломников, купцов говорят о взаимных связях городов Кушанского царства с ханьским Китаем. Китайский летописец Фа Сян около 400 года н. э. в своем посольском отчете сообщает о царстве Нагарахара (нынешний Джелалабад) с буддийским храмом и монастырем, среди реликвий которого будто хранились зубы и черепная кость Будды. Он сообщал о том, что в этом царстве насчитывается до 1000 ступ и что живет там большая община монахов.

Находки, сделанные на развалинах Беграма (город, который при кушанах назывался Announcement Announcement Announcement Announcement Каписой), говорят о культурных и торговых связях со многими странами мира. Здесь было найдено около 30 тысяч монет различных эпох и много разных предметов роскоши, доставленных в древнюю столицу Кушан из дальних стран. Здесь было найдено сирийское стекло — всевозможные сосуды, кубки, фиалы,— китайские лаковые изделия, изделия индийских резчиков из слоновой кости, бронзовые изображения эллинистической эпохи, гипсовые формы для отливки серебряных изделий, доставленные из стран Запада.

Кушанские купцы добирались до городов древней Италии. Ку-

шанские послы присутствовали в Риме на празднествах, устроенных Траяном по случаю победы над даками в конце I века н. э. В Помпеях была найдена небольшая индийская скульптура — статуэтка из слоновой кости богини Лакшми. А среди развалин дворца кушанских царей в Бeграме были найдены стеклянные изделия из Рима. Взаимные связи в годы правления кушан были обширны, и взаимное влияние культур Запада и востока было велико. Возможно, что с ними связаны серебряные чаши из Бадахшана, на которых можно увидеть изображение греческого бога Диониса. На одной представлен триумф Диониса. Полуобнаженный бог с чашей в руке едет в колеснице, влекомой четой в развевающихся туниках. Позади бежит пьяный Геракл с дубинкой и львиной шкурой, вверху и внизу порхают амуры. Сюжетом этой композиции явилось распространенное со времен Александра Македонского предание, будто великий завоеватель был третьим из греков после Диониса и Геракла, проникшим к границам Индии.

Греческий историк Арриан, описывая походы Александра Македонского, сообщает о распространенном в областях Гиндукуша культе бога Диониса. Он рассказывает о городе Нисе, расположенном близ поросшей плющом горы Мерос, основанном этим богом. Арриан пишет: «Будто бы он основал этот город в то самое время, когда покорял индусов, но что это был за Дионис, когда и зачем он воевал с индусами, я не могу понять... Нельзя с точностью проследить все мифы, которые издревле передают об этом божестве».

Есть еще одна серебряная с позолотой чаша из Бадахшана. На ней представлен сидящий с поджатыми ногами Дионис, кудрявый, с тяжелыми серьгами в ушах, с пышными усами, с ожерельем на шее, браслетами у запястий. В сапожках горца с загнутыми носами он скорее похож на афганца. Можно не сомневаться в том, что это Дионис, потому что на кудрях — виноградный венок, на коленях — бурдюк с вином и в руках — ритон, через который он тянет вино. Стоящая рядом с богом Дионисом «менада» напоминает бодисатв во многих буддийских храмах. Здесь смешалось искусство народов Азии и грекоримское искусство.

Каждый год приносит все больше примечательных находок, рассказывающих об искусстве народов Кушанского царства. В 1972 году на правобережье Сурхандарьи в Узбекистане работала узбекская искусствоведческая экспедиция под руководством Г. А. Пугаченковой. Экспедиция вела раскопки на городище Дальверзин-Тепе; здесь в древности был город, основанный еще в III веке до н. э., но переживавший расцвет как раз в годы правления кушанских царей. Здесь раскопаны мощные укрепления, стены, достигающие 8 метров толщины, массивные башни. Внутри стен были устроены галереи и казематы, а на гребнях — площадки для пращников, стрелков и

камнеметной артиллерии. В центральной части города были найдены дома с парадными и хозяйственными двориками, с большим количеством комнат, дома ремесленников, буддийское святилище, богато украшенное скульптурой, и другие храмы, так как в кушанской Бактрии сосуществовали разные культы.

Раскапывая один из больших домов, в котором было свыше двадцати помещений, археологи тщательно изучали каждую комнату. Вот гостиная и небольшая домашняя молельня — это в центре дома, а по обе стороны размещались сооружения для жилья. В северном крыле дома была небольшая полутемная комната, которая числилась у археологов за номером 13. Расчисткой этой комнаты занимались студенты-практиканты. Они очень горевали, что не найдено даже черепка. Но вот однажды, пробивая глинобитный пол, студент увидел горловину кувшина. Он запустил туда руку и извлек слиток золота. Студенты открыли бесценный клад — множество золотых слитков и ювелирных изделий, которые ученые относят к I веку н. э.— времени кушан.

Прежде всего ученых заинтересовали небольшие прямоугольные бруски золота. На десяти таких брусках были начертаны заостренным инструментом надписи древним письмом карошти. Известно, что этим письмом пользовались в северо-западной Индии в течение столетий со II века до н. э. Ранний стиль письма карошти дает повод думать, что клад был спрятан в этом доме в первом или втором столетиях н. э.

Клад был уложен в простом глиняном кувшине высотой чуть больше 30 сантиметров. С трудом туда втиснули 115 золотых предметов. Дисковидные литые заготовки — слитки и толстые, слегка разомкнутые браслеты. Браслеты со спиралеобразно закрученными концами и такие же спиралеобразные серьги. Здесь же превосходно сделанное мужское ожерелье в виде шнуров из золотых нитей, сплетенных в елочку. Они закреплены на двух цилиндрах, инкрустированных вставками из лиловых рубинов или альмандинов и бирюзы. Эти цилиндры некогда скреплялись очень крупным драгоценным камнем: есть для него и петельки. Ожерелий такого рода археологи еще не находили, но тип этих ожерелий им хорошо известен. Такого типа мужские украшения встречаются в буддийской скульптуре Гандхары. Вот и получается связь городов Бактрии с городами Индии. Возможно, что владелец клада, проживавший в своем богатом доме обширного бактрийского города на Сурхандарье, участвовал в походах на северо-западную Индию и привез оттуда военную добычу.

А вот шейные украшения — пектораль из трех спаянных обручей с фигурной пряжкой впереди — сделаны мастерами древней Бактрии. В центре пряжки вмонтирована гемма — инталия, резанная на сердолике. На ней профильное изображение бородатого мужа. Судя по

сюжету, это Геракл. Ученые считают, что эта гемма была исполнена в римских камнерезных мастерских, или в Бактрии, когда долина Сурхандарьи входила в состав Греко-Бактрийского царства.

Совсем по другому выглядит украшение, созданное фантазией кочевых народов древнего мира, которых греки называли скифами. Крупная фигурная бляха — деталь украшения мужского пояса или ножен. На ней отлито изображение фантастического ушастого зверя в обрамлении сердцевидных ячеек — для инкрустации драгоценными камнями. Такие бляшки известны от Сибири до Крыма. Это так называемый «звериный стиль». Найденная здесь бляшка намного моложе тех, что были в Сибири и в Крыму. Сохранившиеся в Крыму украшения «звериного стиля» относятся к V — IV векам до н. э., а эта бляха сделана на рубеже нашей эры.

Рассказывая о ценности Дальверзинского клада, Г. А. Пугаченкова отмечает, что даже на предметах этого клада отразился характер происхождения кушано-бактрийской культуры. Тут смешались культура индийская, азиатско-скифская и старо-бактрийская. В найденных здесь ювелирных изделиях кушанской эпохи ученые видят те же принципы развития изобразительного искусства, какие свойственны кушанской эпохе.

Особенно ярко видны эти черты кушанского искусства в многочисленных буддийских скульптурах, найденных в городах древней Бактрии. В Халчаяне, на берегу Сурхандарьи, экспедицией Г. А. Пугаченковой был открыт город, жизнь которого на протяжении столетий свидетельствует о времени расцвета и упадка Кушанского царства. Изумительные по своей красоте и выразительности халчаянские скульптуры составили целую эпоху в искусстве кушанского времени, а в буддийском святилище в окрестностях Дальверзин-Тепе была найдена голова статуи принца, напоминающая одновременно и изображения в буддийских храмах и скульптуры античных мастеров. Но это портрет живого человека. Властного и уверенного в себе принца. А рядом с ним найдена голова статуи вельможи, тоже портрет живого человека, внимательно слушающего своего господина. Голова женской статуи из этих же находок — вероятно, портрет жены владетеля. Причудливая прическа с завитком на щеке и повязка на голове, украшенная драгоценностями; портрет женщины с лицом властным и решительным. Эти реалистические скульптуры далекого времени нередко украшали ступы и ниши буддийских храмов.

Имя Канишки, одного из величайших правителей Кушанского царства, часто связывают с Кашмиром, расположенным среди покрытых снегами гор Каракорума. Северо-восточный Кашмир — район уединенных долин, непроходимых ущелий и обширных ледников. В древности эта страна была провинцией Кушанской империи.

Через нее пролегал путь из Индии в Среднюю Азию — великий шелковый путь. Древний город Ладакх стал одним из центров буддизма во II веке до н. э. Столетиями создавались здесь монастыри и буддийские храмы, украшенные прекрасными росписями и скульптурами. Согласно легенде, Канишка был покровителем буддийских монастырей и святилищ в Кашмире и заботился о том, чтобы искуснейшие художники, ваятели и камнерезы украшали святилище изображениями Будды, бодисатв и донаторов — дарителей, которые делали богатые приношения буддийским храмам и монастырям.

●

Археологи и историки Средней Азии ведут большую работу по изучению памятников Кушанского царства. Каждый год дает новые открытия и приносит новые находки. Все они говорят о той далекой поре, когда в кушанскую эпоху расцветали города Бактрии, Согда, Хорезма и Ферганы. Это была пора расцвета ремесел и торговли. Развивалось земледелие. Археологи раскопали древние земледельческие поселения, где уже много столетий заброшены пустынные земли. А в первые века нашей эры — в кушанское время — это были цветущие оазисы, где были сооружены сложные ирригационные системы. Такие поселения найдены в верховьях реки Зеравшан, в горных районах, где протекает река Матча. Оросительные каналы были проложены посреди полей и имели отводные арыки по обе стороны от главной магистрали. На древнем городище Тали-Барзу, вблизи Самарканда, был найден обломок железного сошника от сохи-омача. Это важнейшее сельскохозяйственное орудие, самое раннее в Средней Азии, просуществовало на этих землях до XX века.

Архитекторы, изучая развалины древних городов Средней Азии первых веков нашей эры, открыли, что в эту пору городское строительство было обширным, дома воздвигались с мощными стенами, улицы имели правильную планировку и, по всей вероятности, застраивались по заранее разработанному плану. Повсюду видны следы очень развитых ремесел. Открыты остатки металлических и гончарных мастерских, множество глиняной посуды, металлических изделий, разнообразных ювелирных украшений. Большое количество монет, которые то и дело находят среди древних руин, говорит о том, как развита была в ту пору торговля.

Так постепенно раскрывалась история забытого Кушанского царства, которое оставило большой след в культуре народов Средней Азии. Ученые бережно собирают в единое целое произведения древнего искусства скупые строки древних летописей, оставленные буддийскими монахами, легенды и сказания, сохранившиеся в устной традиции у различных народов Востока. Ученые стремятся нарисовать

четкую картину забытой жизни. Они хотят себе представить, каково значение этой жизни в истории человеческой культуры. Но как много противоречивых и неясных сведений! Как в них разобраться? Десятки лет ведутся споры о том, когда и где родилось сейчас уже знаменитое на весь мир гандхарское искусство, в какие годы нашей эры правил тот или иной кушанский царь. Они хотят добраться до истины и узнать, когда же правил легендарный Канишка, которому посвящены десятки томов научных исследований. Вполне возможно, что все это не скоро станет достоянием науки, потому что история Кушанского царства сложна и загадочна.

Однако, изучая прекрасное искусство кушанского времени, ученые узнали, что то самое искусство удивительной по своей выразительности скульптуры, которое было найдено в Гандхаре и приписывалось влиянию греков и римлян, на самом деле является искусством, рожденным кушанской культурой. Эта культура сохранила следы греческого влияния, но обогатилась искусством, рожденным в древних городах Средней Азии. Влияние этой культуры очень хорошо видно на памятниках древнего Хорезма. Примечательное открытие, сделанное С. П. Толстовым,— раскопки дворца Топрак-кала — позволило увидеть прекрасное искусство III — IV веков н. э. на землях древнего Хорезма. Как думают ученые, этот дворец был воздвигнут хорезмийским царем после того, как Хорезм отделился от Кушанского царства, но полностью сохранил влияние кушанской культуры.

Здесь открыты парадные залы, украшенные цветной росписью и скульптурой. Эти росписи иногда напоминают живопись Древнего Египта времен римского владычества, иногда схожи с живописью индийских храмов, но это не подражание чужой традиции, а своеобразное, по-своему прекрасное искусство хорезмийских художников, родившееся под влиянием кушанской культуры. Вылепленные из глины и раскрашенные скульптуры, которые стояли когда-то в нишах парадных залов, очень напоминают работы гандхарских скульпторов. Так отразились на произведениях хорезмийских художников творческие искания различных художественных школ.

Удивительно интересные памятники живописи и деревянной скульптуры были открыты археологами на раскопках древнего Пенджикента (город в 60 километрах от Самарканда). Этот согдийский город, погибший в огне пожарищ в VIII веке н. э., был забыт на долгие столетия. И когда начались археологические работы в 30-х годах нашего века, ученые вдруг увидели памятники прекрасного искусства, в ту пору еще не совсем понятного. Росписи, открытые среди развалин богатых жилищ и храмов древнего согдийского города, то напоминали живопись Индии, то говорили о временах господства греческих царей. Откуда все это взялось? — спрашивали себя ученые. И вот через десятилетия, когда археологами и историками проделана

большая работа, стало ясно, что прекрасная пенджикентская живопись и своеобразная деревянная скульптура сохранили на себе влияние кушанского искусства. И если верить тому, что великое Кушанское царство перестало существовать в IV веке н. э., то получается, что пенджикентские художники сохраняли традиции этого искусства по меньшей мере триста лет.

Раскопки древнего Пенджикента продолжаются. Руководитель археологической экспедиции А. М. Беленицкий выпустил несколько томов, посвященных искусству древних художников. Это искусство вызвало восхищение во многих странах мира.

Вы спросите, какое значение имеет, откуда пришло то или иное искусство и важно ли узнать, где оно родилось и кто хранил его традиции. Может быть, все это неважно, а важно лишь то, что найдены предметы прекрасного искусства, которое говорит о том, что в давние времена на нашей земле жили искусные художники, скульпторы, архитекторы? Оказывается, очень важно знать, кто создал искусство, которое вызывает чувство восхищения через 1700 лет. Еще важно, изучая памятники древнего искусства, узнать о том, как оно развивалось, как обогащалось талантами разных народов и как, созданное древними художниками и ремесленниками, дошло до наших дней. Найденные археологами памятники древнего искусства — свидетели забытой жизни. Изучая их, мы хотим знать, откуда это пришло, каковы истоки, каково взаимное влияние культур разных стран. Вот почему так много спорят о том, кто первым дал толчок к рождению гандхарского искусства, которое на тысячи лет сохранило свои прекрасные черты.

В наши дни, когда все меньше и меньше людей на земном шаре обращается к богам, скульптуры, созданные когда-то для священнодействия, воспринимаются как произведения искусства, в которых выразилось стремление людей к красоте. Ведь мы знаем немало случаев, когда росписи, найденные в пещерных храмах Индии или буддийских монастырях Средней Азии, рассказали нам не только о священнодействии, не о молитвах, обращенных к «Просветленному», как называли Будду верующие, а мы видим в них людей, живших на этой земле, людей, которые трудились, воевали, строили города, растили сады и точно так же, как и мы, любили и ненавидели, стремились к добру и счастью. Эти люди были великими тружениками — об этом говорят творения их рук. И мы хотим узнать о них как можно больше. Ведь они оставили нам добрую память о себе! Но еще — они многому нас научили, потому что, если бы они не создавали того прекрасного, что мы нашли сейчас среди руин, то потомкам нечего было бы унаследовать.

Вот почему с таким увлечением изучают эпоху великого Кушанского царства ученые нашей страны и многих стран мира. Настанет

время, когда древнее Кушанское царство перестанет быть загадочным и открытые археологами памятники этой забытой культуры помогут вписать новые страницы в обширную книгу истории человечества.

Поиски древнего царства продолжаются. Об этом пишут газеты и журналы, сообщает радио и показывает телевидение. Люди всей земли хотят знать о своем прошлом.

ТАЙНА ГОРЫ МУГ

Где высился чертог в далекие года
И проводила дни султанов череда,
Там ныне горлица сидит среди развалин
И плачет жалобно: «Куда, куда, куда?»

Омар Хайям

СЧАСТЬЕ НАВИМАХА

близи руин древнего Пенджикента, ныне давно уже забытого и занесенного песками, высится могучий чинар. Он стоит одиноко среди песчаных холмов, и о чем-то шепчет его зеленая листва. Давно стоит здесь ветвистый чинар. Старые люди говорят, что этому дереву две тысячи лет; ученые думают, что немногим меньше. Более тысячи лет назад зеленые ветви чинара давали тень и прохладу семье шелкодела Навимаха. В те далекие времена чинар не был одинок. Его ветви склонялись к цветущим акациям и слышали шелест серебристых тополей. Под сенью чинара стоял дом, построенный еще дедом Навимаха. Это был самый старый дом на окраине Панча[1], но он хорошо сохранился потому, что стены его были толщиной почти в три локтя.

Во дворе Навимаха постоянно висели для просушки мотки крашеного шелка. И от этих пестрых мотков двор казался необыкновенно веселым, похожим на цветник. Среди двора на камнях стоял большой котел, почерневший от копоти; в нем запаривали коконы. А под навесом, позади дома, был устроен ткацкий станок. Его смастерили

---

[1] Панч — так в древности назывался Пенджикент, небольшой город в предгорьях Зеравшанского хребта, в Таджикской ССР.

давно, в тот год, когда Навимах отпраздновал свое совершеннолетие. Отец хотел сделать станок покрепче и приказал срубить для этого старый карагач. Юноша огорчился — ему казалось, что он расстается с добрым другом. Долго бродил он вокруг высохшего, полуголого дерева с поникшими, серыми ветвями. А отец сказал ему:

— Не грусти, оно уже перестало жить. А когда сделаем ткацкий станок, у него начнется новая жизнь. Он и тебе сослужит службу.

Станок получился крепким. Сколько лет прошло, а он все стучит и стучит. Раньше за ним сидела мать, а теперь заправляет основу жена Навимаха — Чатиса, высокая, стройная женщина с тонким смуглым лицом и черными косами до самых пят.

Семья шелкодела была известна в округе своим трудолюбием. Многие завидовали Навимаху. Да и было чему позавидовать. Ведь шелка его славились во многих городах Согдианы. Купцы охотно покупали пестрые шелка, сделанные руками Чатисы. Они были очень красивы и, право же, не уступали дорогим китайским шелкам. Правда, у Чатисы не было золотых нитей, которыми китайцы расшивали свою парчу, но у китайцев была поистине царская парча, такую не умели ткать во всей Согдиане. Зато как хороши были пестрые цветы, вытканные Чатисой! Они казались Навимаху живыми.

В Панче не было коконовара более искусного, чем Навимах. Может быть, поэтому соседи любили потолковать о его делах. Они говорили, что ему известно заклинание. Он произносит его, когда разжигает огонь под котлом. Другие уверяли, что Навимах владеет секретом запарки коконов, никому более не известным. О Чатисе шла молва, будто сестра ее матери, знаменитая ткачиха, в смертный час призвала к себе юную племянницу и поведала ей тайну, как ткать цветы и звезды.

А еще люди дивились умелым рукам Аспанзата, приемного сына Навимаха. Старый гончар Навифарм, сосед шелкодела, рассказывал всякому, кто хотел его слушать, что всю тяжелую работу в доме делает Аспанзат. Он же научил дочь Навимаха, Кушанчу, разводить шелкопрядов и разматывать коконы.

— Счастье пришло в дом Навимаха вместе с Аспанзатом,— говорил старый скряга и завистник Навифарм.— Навимах знал, что сулит ему такая добродетель,— схватил мальчонку, будто это золотой слиток, не дал людям одуматься.

— Почему же ты не схватил тогда этот слиток? — смеялся медник, в сотый раз выслушивая жалобы Навифарма.— Я помню, ты тогда отвернулся от мальчугана, даже взглянуть на него боялся, а Навимах не побоялся, и добрая богиня вознаградила его. Вот и помощник вырос. Прошло пятнадцать лет, а ты все скулишь да заглядываешь за ограду соседа, чужому счастью завидуешь. Ты свое создавай!

— Я оплошал,— признавался Навифарм.— Не подумал, что поль-

за будет. У меня нет той хитрости, которая таится в голове Навимаха. Вот как!..

Соседи завидовали удачливому Навимаху, а сам Навимах давно уже не вспоминал тот вечер в день полной луны, когда он взял в свой дом Аспанзата.

Случилось так, что хозяева небольшого стада узнали, что от укуса змеи погиб пастух и остался сиротой его маленький сын Аспанзат. Люди долго не могли решить, куда девать мальчика. У каждого были свои дети, а достаток невелик — трудно было решиться взять еще одного ребенка в семью. Это сделал Навимах, тогда еще совсем молодой, только недавно женившийся. Он сказал, что попросит свою Чатису поглядеть за малышом. Не оставлять же его на пастбище! Шелкодел взял мальчугана на руки и понес домой.

Ребенок звал отца. Но шелкодел успокаивал его — он сказал, что отец ушел за ягнятами и скоро придет. Он пожалел малыша и не решился ему сказать, что отец его уже никогда не вернется к своему сыну и никогда больше не споет ему песенку о белой козочке.

— Небо милостиво! — произнес Навимах, переступая порог своего дома.

Тусклый огонек глиняного светильника, стоявшего на кошме, едва освещал небольшую комнату со сводчатым потолком и нишей для посуды. Все убранство ее состояло из двух деревянных сундуков, отделанных резьбой, и глиняной лежанки, покрытой войлочной кошмой. На ней сидела старая Махшира, дальняя родственница Навимаха. Она вела хозяйство в доме. У старухи был громкий, визгливый голос и ворчливый нрав. Говорили, что виной тому громадный зоб и круглые, навыкате глаза.

Когда старуха увидела мальчика, она закричала:

— Зачем привел? Откуда он?

Навимах не торопился отвечать. Он присел на кошму, посадил рядом с собой мальчугана и так нахмурился, что его мохнатые черные брови совсем прикрыли живые карие глаза.

— Зачем принес чужого? — не унималась Махшира.— Ты что это задумал?

— Растить будем,— сказал Навимах.— Человек вырастет!

— О боги! Будьте милостивы! — всплеснула руками старуха.— Посмотри-ка, Чатиса, что принес тебе в подарок твой муженек. Вот так подарок!

— Что же это? — полюбопытствовала Чатиса, занятая у колыбели маленькой Кушанчи. В соседней небольшой комнате она свивала девочку.— Покажи мне, что ты принес,— попросила Чатиса, ловко привязывая ребенка к деревянной люльке.

Кушанче уже исполнился годик, и Чатиса не переставала любоваться большими черными глазами и густыми бровями девочки.

В это время мальчуган громко заплакал.

— Кто там плачет? — Чатиса поспешила к мужу.— Откуда он?

Она подошла к малышу, подняла опущенную головку и пристально посмотрела в его большие печальные глаза. Мальчик дрожал и растирал слезы грязным кулачком.

Чатиса прижала к груди взлохмаченную головку ребенка:

— Бедный ты, бедный! Где же твоя мать? Где отец?

— Это сын однорукого пастуха,— хмуро пояснил Навимах. Он сделал знак жене и вместе с ней вышел за дверь. За ними последовала Махшира.

— Однорукий погиб от змеи, мальчишка осиротел...

— Оставим его! — предложила Чатиса.

— Вот уж выдумка! — вмешалась Махшира.— Зачем вам чужой? Пусть его возьмет община.

— Мы его вырастим,— тихо возразила Чатиса.

Она вернулась в дом, взяла малыша за руку и повела под навес. Там у нее был всякий скарб: стояли глиняные горшки, деревянные блюда. Женщина взяла миску, налила в нее теплой воды из котла и стала умывать мальчугана. Затем Чатиса принесла из дома новенький халатик, вчера лишь сшитый для Кушанчи. Он был мал, но все же прикрыл малыша. Чатиса расчесала его густые волосы деревянным гребнем и, довольная, пошла вместе с ним к Навимаху.

— Покорми его пшеничной похлебкой, подлей молока,— попросила она мужа.— Пусть живет, и для него найдется лепешка.

Мальчик перестал плакать и принялся за еду. Он не произнес ни слова, только изредка тихо вздыхал, словно знал, какое горе его постигло. Когда миска опустела, Аспанзат снова заплакал:

— Где отец?..

Мальчик уснул на кошме рядом с Навимахом, прикрытый краем ватного одеяла. Ночью он кричал во сне и всхлипывал. Чатиса подумала, что его преследуют злые духи, и, чтобы отогнать их, положила рядом с Аспанзатом ветку цветущего миндаля. Была весна, и вокруг дома все деревья стояли в розовой пене цветов.

Весь следующий день старая Махшира не переставала ворчать. Ей казалось, что Навимаху будет не под силу прокормить сироту. Но на третий день, порывшись в своем узле, она вдруг вытащила старое ватное одеяло и, бросив его мальчугану, сказала:

— Прикройся, ночь холодная!

Соседи недаром говорили, что счастье пришло в дом Навимаха вместе с Аспанзатом. Такого урожая коконов, какой был в то лето у шелкодела, давно уже не знали во всей округе. Чатиса едва поспевала срывать ветви тутовника, чтобы накормить прожорливых шелкопрядов. Напрасно плакала маленькая Кушанча, матери некогда было ее утешить. Махшире тоже было не до малютки. Только

Аспанзат подходил к колыбели девочки и качал ее, как делала это Чатиса.

В середине лета наступила пора варки коконов. Целые дни Навимах проводил у костра. Как только в котле закипала вода, он опускал коконы и делал запарку. Нужно было угадать этот миг безошибочно — коконы могли испортиться и не размотаться. Но разве мог ошибиться Навимах — ведь он с пяти лет уже помогал отцу делать эту работу! Он делал ее искусно и радовался, когда все шло хорошо.

Бывало, женщины усядутся рядом с котлом и тянут нить на деревянное веретено, а Навимах что-то напевает. Он поет веселую песенку, потому что очень любит, когда в котле много коконов и когда непрестанно тянется тонкая, как паутина, шелковая нить. Глаза у него слезятся от дыма; руки, обожженные кипятком, покрыты коркой и болят, а на душе спокойно. Если хорошо поработать, то легче расплатиться со старым, жадным Акузером, которому он задолжал после страшного недорода. Платить надо ему и за землю под виноградником, которую Навимах каждый год удобряет, за воду в канале, который чистит и оберегает семья, за деревья, когда-то посаженные его отцом.

Немалую долю урожая плодов Навимаху приходится отдавать Акузеру. Кроме того, он платит еще шелками.

Когда созревал виноград, во дворе Навимаха уже появлялись мотки мягкого, блестящего шелка, окрашенные в желтый, красный и синий цвет. Чатиса садилась за ткацкий станок и от зари до заката не оставляла его.

Однажды, в день Митры[1], когда она натянула на раму пестрый моток основы, к ней подошел Аспанзат и совсем как большой спросил:

— Что ты делаешь?

Чатиса очень обрадовалась словам ребенка. Прошло уже полгода с тех пор, как Навимах привел мальчика, а он все еще дичился, почти не говорил. Улыбался он только у колыбели маленькой Кушанчи. Увидев его, девочка протягивала к нему ручонки, и лицо мальчугана сияло радостью. Он что-то говорил ей тихим голосом, и они отлично понимали друг друга. Но стоило Чатисе спросить его о чем-нибудь, как он прятался или молча смотрел исподлобья. И вдруг он сам заговорил:

— Это веретено?

— Говори, мой милый, говори...— повторяла Чатиса и ласково гладила курчавую голову мальчика.— Учись, будешь помощником нашим.

---

[1] День Митры — 16-й день месяца в согдийском календаре.

Прошел год. Прошел другой. Аспанзат подрос. Подросла и Кушанча. Когда ей исполнилось два года, ее подняли из колыбельки и пустили играть с Аспанзатом. Теперь Чатиса не боялась, что девочка упадет или расшибется о камни. Кушанча уже все понимала. С самого дня рождения до двух лет малютку привязывали к деревянной люльке. Когда мать бывала свободной, она позволяла девочке ползать по полу. Но чаще она была занята, и тогда маленькая Кушанча по целым дням не подымалась и жалобно плакала. Ей хотелось двигаться, шевелить руками и ногами. Зато как весело было теперь, на свободе, после такой неволи. Кушанча прыгала и резвилась, как птичка, и всех радовала своим весельем.

Годы шли, и Чатиса говорила, что дети расцветают, как весенние цветы. Мать любовалась ими, и сердце ее радовалось.

Аспанзат был старше Кушанчи на три года, но как охотно он выполнял ее маленькие капризы. Чатиса нередко думала о том, что сын послан им доброй богиней Анахитой.

— Это она сделала нам добро! — говорила Чатиса мужу.— Я постоянно угождаю ей молитвами и жертвоприношением.

Аспанзату исполнилось пять лет, и отец стал приучать его к работе. То пошлет за хворостом, то велит шелковицу собирать. Мальчик подметал двор и кормил уток. Глядя на него, бралась за работу и маленькая Кушанча. Шутя и играя, дети привыкли помогать взрослым. В одиннадцать лет Кушанча уже отлично разматывала коконы и кормила шелковичных червей. А брат ее к этому времени умел запаривать коконы и нередко помогал отцу у котла.

Старый гончар, видя Аспанзата за работой, никак не мог успокоиться. Собственные его сыновья отличались необыкновенной ленью. Навифарму не раз приходилось прибегать к помощи кожаной плетки, чтобы заставить их что-нибудь сделать, а поесть они любили и, по словам Навифарма, просто разоряли его.

Вечные жалобы соседа раздражали Навимаха. Он удивлялся тому, как много болтает гончар о пустяках, а вот о будущем своих детей совсем не думает. Его, Навимаха, все чаще тревожит мысль о судьбе сына.

Когда он взял к себе сироту, все было тихо и спокойно на землях Согдианы. А с тех пор как здесь стали хозяйничать иноверцы, нельзя было не думать о судьбе детей. Что ждет их в будущем? Вот уже десять лет, как воины Арабского халифата обосновались во всех лучших городах. Самарканд перестал быть столицей Согда, он стал городом бедуинов. Но, слава богам, в Панче их еще нет. Правда, согдийцы платят дань самаркандскому наместнику, но подати — это еще терпимо! Другое дело, когда их воины поселятся в Панче. Тогда жди всяких бед! Дурные вести лишили людей сна и покоя. Человек, верный слову Митры, понимает, что есть в этом гнев богов.

Так думает Навимах. И каждый раз, когда кто-нибудь заговаривает с ним о будущем, он тяжко вздыхает.

Как-то в день поминания мертвых Навимах предложил Аспанзату пойти в храм предков и принести жертву в память отца.

— А разве меня пустят туда? — удивился Аспанзат.— Ведь там только богатые господа молятся.

Аспанзат редко покидал свой дворик. Только раз ему пришлось побывать за тяжелыми, медными воротами, вблизи дворцов, где жила согдийская знать. Он видел, как туда въезжали караваны, груженные тюками всякого добра, видел богатых юношей с золотыми поясами, в дорогих шелковых одеждах.

Они мчались на своих конях, и все вокруг говорили, что они торопятся на соколиную охоту. Их сопровождало множество слуг.

— Эта знать так богата,— рассказывал Навимах сыну,— что вместо воды пьет дорогие вина, привезенные из дальних стран, а жареную дичь приправляет пряностями, которые дороже золота.

— Ты говоришь, боги справедливы,— допытывался Аспанзат,— но я не вижу справедливости. Почему же все лучшее отдано этим юношам с золотыми поясами?

— Боги знают, где истина! — отвечал Навимах.— Если бы люди знали ее так же хорошо, то они стали бы подобны богам.

— Погляди, каков наш сын,— говорила с гордостью Чатиса,— обо всем спрашивает. Все хочет знать. Пусть вырастет мудрым!

— Милостью неба он достоин нашей любви,— соглашался Навимах.— Беда только в том, что ум его не обогатится у закопченного котла, за варкой коконов. Если бы я смог обучить его грамоте!

— Зачем Акузеру так много плодов? К чему афшину столько дворцов? — не унимался Аспанзат.

— Давно известно, что чем богаче господин, тем он жаднее,— отвечал Навимах.— Каждый раз, когда я приношу Акузеру что-либо в оплату долга, только и жду, что обругает. То фазаны тощие, то виноград несладкий, то орехи мелкие. Ко всему придирается. А пойди на базар — там увидишь сушеные плоды трехлетней давности — это люди Акузера торгуют его добром. Погреба у него переполнены, и добро гниет...

— Говорят, его перекосило от жадности, верно ли это?

— Верно! — смеялся Навимах.— Перекосило его от черной болезни. Я помню, когда он заболел, ему сказали, что можно привезти из Самарканда хорошего врачевателя, ученого, он травами лечит от всякой напасти. Но Акузер пожалел потратиться, позвал знахарку, которая была его должницей, заставил ее бесплатно лечить себя. Каким-то чудом выжил. Вот тогда и окривел на один глаз...

Когда придирки Акузера бывали особенно несправедливыми, люди

позволяли себе позлословить. Иные не жалели слов — проклятья так и сыпались на его голову, на головы всех богатых.

Впрочем, в домах землепашцев всегда с уважением отзывались о старом, толстом Наремане, который не кичился богатством и запросто заходил к своим кедиверам[1]. Его обширный дом стоял вблизи плотины. Там жила вся семья Наремана, сыновья с женами и дочери с мужьями. Многие хвалили его за доброту и щедрость. Однажды люди видели Наремана во дворе бедного пастуха. Он пришел навестить его больную дочь. Пастух со слезами благодарил дихкана за доброту. А когда тот подошел к девочке, беспомощно лежавшей на кошме, и погладил ее своей маленькой пухлой рукой, все женщины, что были во дворе, заохали и стали призывать благословение на голову доброго хозяина. Нареман важно засунул руки за широкий золотой пояс. Он был доволен собой. Его шелковый халат шуршал.

Навимах был счастлив, когда этот красивый и богатый дихкан пришел к нему за шелком. Нареман удостоил Навимаха чести и присел с ним рядом на его потертую кошму.

— Если бы все дихканы были так добры и благородны! — говорил тогда Навимах.

Но вскоре стало известно, что Нареман закрыл часть плотины, чтобы не дать воду не уплатившим ему издольщикам[2]. И тогда люди призадумались: «Добрый ли он человек или такой же, как и другие дихканы?» И Навимах размышлял об этом, но ответа не нашел.

— Все мы подвластны господину,— жаловался Навимах.— Нареман закрыл воду, Акузер отберет землю, афшин Панча, Деваштич, запретит продавать шелка. Всего можно ждать.

Аспанзату запомнились эти слова. Как помочь отцу? Он говорит: «Ты мал, Аспанзат. Когда подрастешь, поможешь мне откупить землю». А я возьмусь и сейчас помогу ему. Только как это сделать? И спросить некого. Когда тебе четырнадцать лет, не многие считают тебя взрослым.

И вот настал день, когда Аспанзат придумал, что ему делать.

Как-то раз Навимах взял его с собой на базар. Они должны были отнести шелка, купленные самаркандским купцом. Купец был молодой и разговорчивый. Он долго не отпускал Навимаха и стал даже угощать его китайским чаем. Этот чай был большой редкостью. Купец возил его с собой в стеклянной коробочке и сам заваривал в серебряном кувшине. Навимах обратил внимание на этот кувшин, украшенный чеканкой, и поинтересовался, где он куплен. Купец рассказал, что такие кувшины делают у него дома искусные мастера.

— Я сам торгую такой посудой,— добавил он.

---

[1] К е д и в е́ р ы — обедневшие земледельцы, находившиеся в зависимости от земельной аристократии — дихканов.

[2] И з д о́ л ь щ и к и — крестьяне, обрабатывающие земли дихканов за долю урожая.

— А где же ты берешь серебро? — спросил Навимах.

— О, его так много в наших горах! Куда ни пойдешь, оно всюду есть, стоит только поискать.

Лукаво улыбаясь, купец подал шелкоделу маленькую китайскую чашку, наполненную душистым чаем.

— И ты сам добываешь серебро? — Навимах тоже улыбался.

— Я сам ничего не добываю, я плачу людям, и мне все доставляют домой.

— Вот как тебе посчастливилось! — рассмеялся Навимах.— Нашел богатство, и люди приносят его в твой дом. Неужто приносят, ничего не утаивая? Я помню, отец рассказывал мне притчу о человеке, который нашел золотой клад в пещере. Он не хотел сам утруждать себя и поручил людям перенести золото в свой дом. Своими собственными руками он передавал им груды золота, а те несли его по домам. Когда человек пришел домой, будучи уверенным, что его ждет несметное богатство, оказалось, что ему не досталось и динара.

— Поучительная притча! — рассмеялся купец.— Я бы не доверил золото чужим людям, но серебро, которое не выплавлено и похоже на грязный камень, что валяется у дороги,— никого не может прельстить.

Аспанзат глаз не спускал с болтливого купца.

Серебро находится в камне, в простом камне, какие валяются у дороги. Чего же проще? Он пойдет и соберет много-много таких камней. Вот отец обрадуется! Они научатся плавить серебро и превращать его в красивые сосуды, отделанные кружевной чеканкой. Да, да! Он должен скорее пойти на поиски этих камней. Завтра же! Зачем откладывать, когда можно так легко и быстро добыть богатство и откупить землю у Акузера?

Всю ночь Аспанзат не спал. Куда идти? Где искать это серебро? Горы велики! Можно пойти в ближние пещеры, что за рекой. Можно пойти в дальние горы, туда, где видны снежные вершины. А можно поискать и вблизи горы Магов. Может быть, клад хранится в глубоком ущелье, что на полпути к горе Магов? Но отец не велел туда ходить. Говорят, что там водятся злые дивы[1]. Ну и что ж, можно и с дивами сразиться! Ведь сражался же с ними отважный Рустам-богатырь!

На рассвете мальчик тихонько ушел из дому, взяв с собой сухую лепешку и немного воды в глиняном кувшинчике. Не забыл захватить он и старую мотыгу, чтобы выкапывать камни из земли.

К полудню Навимах хватился, что Аспанзата не видно. Он прошелся по соседним дворам, послал Кушанчу на базар посмотреть, нет ли там сына. Убедившись, что мальчишки нигде нет, он решил, что

---

[1] Ди́вы — злые духи, чудовища.

Аспанзат пошел в деревню Сактар, к брату Артавану. Но уже вечерело, а сына все не было.

— Что же случилось? — беспокоилась Чатиса.

Кушанча то и дело выбегала на дорогу: не идет ли брат?

Ночью Навимах несколько раз взбирался на плоскую крышу, где обычно спал Аспанзат, но сына не было. Чатиса поднялась еще до восхода солнца и приказала Кушанче сейчас же бежать в Сактар, узнать, почему не идет домой Аспанзат. Девочка тотчас же побежала в деревню. Вслед за ней поспешил в Сактар и Навимах. На душе у него было неспокойно.

Сын никогда не покидал дома надолго. Какая же беда стряслась сейчас? Не утонул ли он в реке? Не разбился ли о камни?.. И что это лезут в голову скверные мысли! Надо принести жертву у священного источника.

Проходя мимо священного источника, Навимах положил на зеленую траву рядом с прозрачной струей маленькую круглую лепешку, затем он сложил ладони и опустил их в прохладную воду.

— Эй, далеко ли идешь?

Навимах оглянулся.

К источнику спускался брат Артаван. На голове у него громадная ивовая корзина, наполненная румяными яблоками.

— Пойдем на базар, поторгуем,— предложил Артаван.

— А я к тебе иду, за Аспанзатом. Что это он вздумал так долго гостить у тебя?

— Аспанзат? Откуда ты взял это? Он не приходил к нам. Мы его давно не видели.

— Не иначе, как сын утонул в реке! — Навимах горестно всплеснул руками и опустился на землю.

Присел и Артаван. Братья долго размышляли о том, где искать Аспанзата и куда он мог уйти.

А в это время к ним подошел гончар:

— Послушайте, какую новость я расскажу вам, братья! Выслушайте меня внимательно, любезный сосед и ты, брат моего соседа!

— Наверно, он знает что-либо об Аспанзате,— шепнул брату Артаван.— Послушаем, что он скажет.

— Знаешь, где я был? — обратился гончар к Навимаху.— Во дворце афшина!

«Может быть, туда пошел и Аспанзат?» — подумал Навимах и стал торопить гончара, чтобы он скорее рассказал, что там видел.

— Ты веришь мне?.. Я очень рад! Тогда расскажу все как было, по порядку. Я пришел с поклоном. «Вот, думаю, афшин велит мне сделать для него хорошие кувшины, хумы и блюда». И что же вы думаете? Ничего ему не было нужно. Позвал меня просто в гости, он ведь частенько меня приглашает.

Братья переглянулись, но ничего не сказали.

— Я весь день провел у афшина. Он любит со мной поговорить. Мы сидели на мягких коврах, а нам подавали жареных уток, заморские вина и финики. Их привезли из Аравийской земли... А что за вина там были! Сами боги пьют эту волшебную влагу. Афшин меня угощает и предлагает послушать небесную музыку. Он вызывает своих музыкантов и велит им играть самые веселые песни. А я говорю: «Господин Панча, если хочешь мне угодить, не откажи бедному человеку, позови свою арфистку, пусть она усладит мой слух». И мигом появилась арфистка с золотой лютней. Играла она и пела. Ну что говорить, никто из нас ничего подобного не слышал!..

— Когда же ты удостоился такой чести? — поинтересовался Артаван.

— Вчера.

— Вот так штука! — удивился тот.— Можно подумать, что тебя угощал двойник Деваштича. Его ведь не было во дворце. Вчера утром я встретил его на пути к горе Магов. Он мчался на своем сером в яблоках коне, а за ним едва поспевали царедворцы. Говорят, на горе Магов строится крепость. Вот афшин и спешил туда.

— А мы слушаем, уши развесили! — рассердился Навимах.— И что за охота врать? Плюнуть хочется!

— Я был у афшина, а ты не был!..— закричал гончар тоненьким голоском и засеменил прочь на своих кривых ногах.

— А я подумал, что он встретил где-либо сына и хочет мне сообщить об этом.

— Не беспокойся — вернется Аспанзат. Он мог уйти с мальчишками в горы. Фисташки созрели. Бывает ведь, что заблудятся в горах.— Артаван всячески утешал брата, но и сам не верил в то, что говорил. Такого еще ни разу не случалось.

Навимах на следующую ночь совсем не ложился спать и все выходил на дорогу посмотреть, не идет ли сын. Чатиса молилась перед горящим очагом, а Кушанча плакала, спрятавшись под ватным одеялом.

На утро третьего дня Навимах опять решил пойти на поиски сына.

— О наш благородный Аспанзат! — кричала Чатиса, провожая мужа.— Какого сына мы потеряли!

Она ломала руки и рвала на себе волосы. Навимах еле упросил ее не кричать на улице — он не любил причитаний.

— Что-то не видно Аспанзата? — Гончар ехидно улыбался, когда Навимах проходил мимо его ограды.

Он не питал злобы к Аспанзату, но давно ждал, чтобы в дом Навимаха пришло несчастье.

— Кто сказал, что человеку всегда сопутствует добрый Ахура-

мазда?[1] — твердил он жене, когда узнал, что сын шелкодела исчез и уже третий день не ночует дома.— Я давно говорил, что злой дух Ахриман рвется к дому моего соседа. Так оно и есть!

— Не накликай беды в чужой дом! — взмолилась жена Навифарма, худая, изможденная женщина, тихая и робкая, как овечка.— Пусть им сопутствует добро! У великого Мазды хватит доброты для всех!

Гончар уже успел сообщить о несчастье, постигшем шелкодела, всем соседям, когда вдруг увидел Навимаха и рядом с ним сына. Они шли домой. Аспанзат тащил на себе большую ивовую корзину камней. Мальчишки из соседних дворов бежали за ним, поднимая тучу пыли и кричали:

— Аспанзат нашелся! Аспанзат нашелся!..

Чатиса бросилась на шею Аспанзата и, проливая слезы радости, стала спрашивать:

— Где ты был, сын мой? Что за камни в этой корзине? Что с тобой? Ты худ и черен, как после тяжкой болезни!

— Я искал серебро. Посмотри, какое богатство я принес!

— Серебро?

Чатиса стала перебирать камни и молча, с недоумением посматривала на Навимаха. Что же это такое?

— Он искал клад. Наш сын поверил болтовне самаркандского купца и пошел собирать грязные камни, в которых, по словам купца, находится серебро.

— А зачем оно тебе, сынок? Разве ты голоден или гол? — спрашивала Чатиса Аспанзата.

— Оно мне не нужно. Я хотел помочь отцу выкупить нашу землю у Акузера. Я собрал камни. А отец говорит, что в них нет серебра. Жалко. Я думал, что купец правду сказал.

Мальчик отвернулся, чтобы скрыть блеснувшую слезу. Он был голоден и очень устал.

— Ты искал неведомое, сын мой.— Навимах гладил сына по голове.— Не огорчайся! Когда подрастешь, я пошлю тебя с караваном в дальние страны, и ты продашь наши шелка с такой выгодой, что поможешь мне выкупить наш клочок земли. Только будь разумным и не верь болтунам.

После неудачных поисков клада Аспанзат еще с большим усердием принялся за работу. Соседи только удивлялись его трудолюбию.

— Завидно! — ворчал про себя гончар.— Ведь не ленится — землю на спине притащил и вдвое расширил виноградник!

---

[1] А х у р а м а з д а́ — верховное божество зороастрийцев. Зороастрийцы — последователи Заратуштры — легендарного основателя древнеиранской религии. Зороастрийцы почитали огонь как священную стихию.

— О ком ты говоришь? — спросил, почесываясь, один из его сыновей.

— Хотел бы о тебе сказать,— ответил, отплевываясь, гончар,— а говорю о сыне Навимаха. Канал у них как серебро, чистый и прохладный, а наш почти высох. О, горе мне с такими бездельниками!

ЯЗЫК МУДРЕЦА — КЛЮЧ ОТ ХРАНИЛИЩА

НОВЫЙ год был любимым праздником детей. Да и не только детей. Ведь праздник этот приходил вместе с весной. И как только оживала вокруг обновленная земля, так вместе с ней, вместе с изумрудными полями и цветущими садами оживали люди. Подобно тому как весна приносила с собой сверкание солнечных лучей, отраженных в потоках, бегущих с гор, веселый гомон птиц и благоухание первых цветов, так Новый год приносил с собой музыку, песни и веселые игры.

К этому дню в каждом доме подкрашивали стены, вышивали ковры, чтобы украсить дом и сделать его радостным на целый год.

В канун Нового года каждый имел свои заботы: Чатиса готовила праздничную еду, Кушанча собирала в горах первые весенние цветы, Навимах устраивал среди двора жертвенник, для того чтобы принести в жертву белого петуха, а Аспанзату впервые поручили обновить огонь в домашнем очаге. Ему семнадцать лет — он уже не мальчик, и отец доверил ему такое почетное дело.

— Оденься по-праздничному! — велела Чатиса Аспанзату. И вытащила из сундука подарок Навимаха сыну — синий, как небо, шелковый халат.

— Откуда такой красивый халат? — удивился Аспанзат.— Отец никогда не надевал его.

— Он надевал его на свадьбу,— улыбнулась Чатиса.— Дед подарил его отцу. Этому халату больше лет, чем тебе. Носи, сынок, на здоровье!

— Ты как знатный господин! — воскликнула Кушанча, рассматривая юношу со всех сторон.— А чем ты подпояшешься?

— Шнурком. К такому халату и платка не надо, он и так хорош!

— О нет! — возразила Кушанча и, скрывшись на минутку за пологом, вернулась с шелковым белым платком в руках.

— Это для тебя, Аспанзат! — Кушанча подала юноше нарядный, расшитый пестрыми цветами платок.— Я вышила его для тебя, для твоего праздника.

— Белый платок к счастью! — пояснила Чатиса.— Ты доволен, Аспанзат?

— Такого красивого платка нет во всем Панче! Ты искусница,

Кушанча! — И с этими словами Аспанзат погладил платок своей большой, мозолистой рукой.

— В храм еще рано идти,— заметила Чатиса.— Сходи-ка на базар. Купишь меду и кунжутного масла.

Аспанзат нанизал на шнурок медные монеты и взял с собой два глиняных кувшина. На душе у него было легко и радостно. Хотелось петь вместе с жаворонками, которые так весело кружились в ясном небе. Чатиса с любовью смотрела ему вслед. Она гордилась сыном, хотя иные говорили, что он некрасив. Ну что ж, пусть он не высок, зато коренаст, силен и широк в плечах... Говорят, у него толстый нос, зато пухлые красные губы так хороши, что заглядишься. Чатисе все нравилось в Аспанзате. Ей он казался красивым. Да и кто мог сказать, что у юноши некрасивы большие карие глаза с длинными черными ресницами? А курчавая голова?

— Пусть будет счастливым! — шепчет добрая женщина и спешит под навес.

Много сегодня забот: надо напечь лепешек, сварить праздничную еду, надо накормить отборным зерном петуха. Какой красивый белый петух! Он принесет счастье семье.

Юноша шел не спеша, радуясь весеннему дню и предстоящему празднику. А еще больше радуясь вниманию Кушанчи.

«Сколько дней тайком вышивала она платок!» — подумал он и с нежностью посмотрел на вышитые цветы.

Аспанзат уже приблизился к восточным воротам города, как вдруг услыхал вздохи и причитания. Он оглянулся и увидел старика, склонившегося над осликом. Маленький ослик свалился под тяжестью клади. Он тяжело дышал и не двигался. Старик тщетно старался стащить с него поклажу, но у него не было сил.

Аспанзат предложил свою помощь. Старик обрадовался. Вместе они освободили ослика от груза.

— Нужна вода,— сказал старик.

Аспанзат побежал в соседний двор и вскоре вернулся с кувшином. Часть воды он вылил на голову ослу, а оставшуюся ему в глотку. Животное стало дышать ровнее. И вскоре Аспанзату удалось поставить ослика на ноги. Старик погладил мокрую спину осла и сказал, что скорее сам согласится тащить поклажу, чем заставит это сделать своего старого верного слугу.

— Он уже отработал свой век, теперь заслужил покой... А ты любишь животных, это похвально.

— Отец научил меня любить их. Но это было давно. Давно уже нет отца в живых.

— И ты один? — участливо спросил старик.

— Я не один,— отвечал юноша.— Небо послало мне добрых родителей.

— Кто же они?

— Навимах, коконовар, и Чатиса.

— Я знаю эту семью! — обрадовался старик.— Покупал у них шелк для халата. То было ровно десять лет назад, а халат еще цел. Хорошие шелка у твоего отца.

— Я помогу тебе,— предложил Аспанзат. Ему не хотелось оставлять старика с тяжелой поклажей и больным ослом.

— Если хочешь, пойдем ко мне,— предложил старик.— Мой дом крайний у западных ворот.

Юноша взял поклажу и пошел рядом со стариком. Ослик плелся сзади, едва переступая дрожащими ногами.

— Я вез подарки родственнику в деревню,— пояснил старик,— и вот не довез. Плохо быть старым. Мы вместе состарились — я и мой осел... Хорошо, что ты нам повстречался!

Вскоре они остановились у небольшого глиняного дома. Старик отворил резную дверь, и Аспанзат разглядел полутемную комнату с нишей, в которой было сложено множество свитков. Лежали там и белые палочки, испещренные мелкими черными знаками, исписаны были и обрывки старой кожи.

— Это письмена? — Аспанзат коснулся рукой пожелтевшего свитка.

— Письмена! Есть и притчи весьма поучительные. Приходи, я дам тебе почитать. А ты умеешь?

— И буквы не знаю,— признался Аспанзат.

— Это плохо. Без грамоты мир темен для человека! — Старик призадумался, поглаживая свою бороду. А затем, оживляясь, сказал: — Приходи ко мне в день Луны[1], на следующей неделе.

Аспанзат распростился и ушел. Ему очень хотелось спросить, что же написано на тех свитках, но было неловко. Он не знал даже имени этого человека. Кто он такой? Может быть, писец? А может быть, маг?[2] Нет, не маг. Сколько раз он слышал о том, что маги злые и строгие. А этот добрый и приветливый. «Не звездочет ли он? — подумал вдруг Аспанзат.— Мальчишки на улице говорили, будто есть в Панче человек, который по звездам предсказывает судьбу. Может быть, это и есть тот человек?»

Юноша был так занят своими мыслями, что даже забыл о предстоящем празднике. Лишь дома, когда Чатиса побранила его за то, что он долго не возвращался, Аспанзат вспомнил, что завтра большой праздник, а на рассвете жертвоприношение.

Это было всегда очень торжественно. Посреди двора устраивали каменный жертвенник. Отец после омовения, одетый в праздничную

---

[1] День Луны — в согдийском календаре понедельник.
[2] Маг — жрец.

одежду, надушенный благовонным маслом и причесанный, становился на колени, брал в руки белого петуха и с молитвами кружил его над жертвенником. Затем клал петуха на камень и отрезал ему голову. Праздничный обед был особенно вкусным.

Когда солнце скрылось за горами, Аспанзат отправился в храм огня. Чатиса велела ему взять с собой чистый белый платок, которым следовало прикрыть рот. Даже жрецам не разрешалось осквернять священный огонь своим дыханием.

Войдя в храм, Аспанзат низко поклонился жрецу, положил на медную тарелочку несколько монет и приблизился к огню. Став на колени и прикрыв рот платком, Аспанзат зашептал молитвы, знакомые ему с детства. К ним он прибавил свою просьбу к богу — дать семье достаток, чтобы она могла расплатиться с Акузером. Совсем недавно он узнал, что если Навимах не уплатит свой долг Акузеру, то владетель может забрать сына к себе в кабалу на три года.

Ведь случилось так с сыном медника. Господин заставил его отработать долг отца. Мальчишка так плакал, когда его уводили, что все соседи вышли на улицу и с причитаниями провожали его к дому Акузера. Теперь мальчик привык, пасет стадо и уже не просится домой. Но беда, когда увидит отца, мать или братьев. Тогда горько плачет и проклинает хозяина. Он проработал у хозяина год, а ему кажется, что он всю жизнь провел на пастбище Акузера. Медник уже собрал немного денег. Скоро выплатит долг и заберет сына. Только Акузер сказал, что не сбавит ни гроша.

«Твой мальчуган меня объел»,— говорил он меднику. И велел копить монеты, чтобы полностью вернуть долг. Теперь медник поклялся, что никогда не попросит взаймы у богатого человека.

— Спаси меня, добрая богиня,— просит Аспанзат и целует подножие жертвенника.

Помолившись, юноша поднес фитилек к священному огню и поспешил домой. Он бережно, чтобы не задуло ветром, нес огонек, прикрыв его полой халата. Люди говорили, что это дурная примета, когда ветер гасит огонь по дороге из храма.

Не успел юноша вернуться домой, как услышал крики глашатая. Аспанзат выбежал на улицу и увидел старика на черном коне. Старик медленно двигался по пыльной дороге и хриплым голосом кричал:

— Эй, люди земли и ремесла, в день весеннего равноденствия идите в новый храм! Добрый афшин призывает вас к молитве. Принесите жертвы доброй богине Анахите!

Люди выходили на улицу и с волнением спрашивали друг друга: «Что же случилось?»

Но никто не мог сказать, что случилось. Иноземцев в Панче не было. Все знали, что наместник халифа[1] в Самарканде присылает своих чиновников за сбором податей, но сам он сюда никогда не приезжал и никто его не видел. Не было здесь и его воинов.

— Боюсь, что случилась беда! — шепнул на ухо Навимаху медник.— К чему бы такая милость? Почему афшин призывает к молитве в свой храм? Непривычно это!

— Нам не узнать истины,— отозвался Навимах.— А помолиться пойдем — молитва помогает.

Шелкодел и сам был озадачен, но говорить об этом не хотел. Время было неспокойное, люди переменились. Не так сердечны и не так искренни, как прежде. Сообщишь человеку свою тайную мысль, а он пустит ее по ветру, и дойдет она до вражеского уха.

●

Небо едва светлело, когда на улицах Панча показались люди. На рослых, красивых конях, украшенных расшитыми попонами, ехали дихканы. Их богатые парчовые одежды были перехвачены золотыми поясами. Знать, купцы отправились в храм на верблюдах, иные на ослах. Землепашцы из ближних селений и ремесленники, живущие за городской стеной, целыми семьями шли пешком. Дети несли в руках ветки цветущих яблонь и маленькие ивовые корзиночки, наполненные сухими благоуханными травами. Эти травы каждый сложит на золотой жертвенник, чтобы душистый дымок, тонкой струйкой поднявшийся вверх, достиг самих богов.

Навимах, одетый в новый халат, умытый и причесанный, показался Чатисе таким же молодым и красивым, каким был много лет назад, когда они, еще будучи женихом и невестой, пришли в маленький, бедный храм огня. Чатиса помнит, как она сложила у жертвенника душистые травы, как дымились курильницы на жертвеннике и как они молили богиню о счастье. Теперь в храм пришла их дочь, уже почти невеста, и сын у них взрослый, да и сами они состарились. А вот было ли счастье, Чатиса не знает. Может быть, оно еще впереди?

Как ни велик был новый храм, он не смог вместить всех собравшихся. Люди стояли у входа и ждали, когда молящиеся воздадут свои жертвы и освободят место другим. Крики глашатая были услышаны далеко за пределами города. Из многих селений пришли сюда зороастрийцы. Они верили, что молитва в новом храме принесет им избавление от всех невзгод.

---

[1] Халиф — титул духовного главы мусульман, считавшегося преемником пророка Мухаммада. Халиф был главой обширного государства, созданного в результате арабских завоеваний (Арабский халифат). Халиф совмещал светскую и духовную власть.

Навимах терпеливо ждал своей очереди, когда можно будет опуститься на колени у вечного огня. Рядом стояла Чатиса. Навимах пожалел, что не успел послать Кушанчу за братом. Артаван не знал об открытии храма и потому не пришел сюда с молитвами.

— Для Артавана это будет большим огорчением! — говорил Навимах.

— Мы помолимся за его семью...— утешила его Чатиса.— Пойдем скорее! — торопила она мужа.

Наконец-то они в храме! Ярко пылает на жертвеннике вечный огонь — источник силы и благополучия людей. В золоченых курильницах дымятся ароматные травы. Кушанча с восхищением рассматривает росписи на стенах. Аспанзат любуется резной аркой, отделяющей большой зал от галереи с колоннами, открытой на восток.

— Смотри, смотри,— шепчет девушка,— колонны увиты цветами! А какое ожерелье на богине Анахите — каждая бусина с абрикос!

Аспанзату и Кушанче не до молитвы, их больше занимает убранство храма. Деваштич ничего не пожалел, чтобы украсить его с такой же пышностью, с какой украшали свои храмы самаркандские владетели. Афшин позаботился, чтобы здание было большое и вместило много народу. Впервые в храм пришли люди земли и ремесла. Это было сделано по совету мудрого Махоя, которого очень почитал афшин. А старый писец Махой сказал афшину:

— Твои враги близко. Перед лицом несчастья все равны. Пусть люди помолятся в твоем храме. Чем больше молитв, тем больше надежды на спасение.

Чатиса, стоя перед жертвенником на коленях с ветками миндаля в руках, горячо молит богиню Анахиту ниспослать благополучие семье, просит дать богатый урожай коконов, помочь соткать лучшие шелка. Рядом с ней молится Навимах. А дети по-прежнему шепчутся о своем. И все же Кушанча успела попросить богиню дать ей красивого жениха, а любимому брату Аспанзату — хорошую невесту. Но тут же подумала, что не надо ему невесты, пусть живет дома.

Но вот и пора уходить — другие ждут, чтобы обратиться к богам со своими молитвами.

— Ты обо всем попросил Анахиту? — спрашивает озабоченно Кушанча, когда они вместе с Аспанзатом выходят из храма.

— Я просил богиню внять моей мольбе — помочь мне найти серебро,— ответил Аспанзат.

●

Семья Навимаха хорошо отпраздновала день Нового года. По случаю совершеннолетия Аспанзата Чатиса испекла сладкую медовую лепешку. Подавая ее сыну, она сказала:

— Пусть жизнь твоя будет такой же сладкой!

После праздничной еды молодежь собралась на базарной площади — послушать бродячих сказителей и потанцевать. Хороший был обычай в Панче: в праздник Нового года все музыканты выходили на улицу играть, и каждый мог танцевать под веселую музыку. Танцевали молодые и старые, все веселились и радовались весне.

Вокруг громадного костра суетились юноши. Они старательно подкладывали хворост в костер, а девушки плели венки из алых тюльпанов, собранных в горах ранним прохладным утром. Стряхивая росинки с цветов, Кушанча, шутя, говорила подруге:

— Посмотри-ка, богиня Анахита оставила мне свои жемчуга. Как они хороши!

— И мне оставила! — смеялась подруга.

— А тюльпаны, тронутые рукой Анахиты, приносят счастье! — Кушанча улыбалась, прижимая к груди великолепный букет.

Теперь уже росинки испарились, но цветы были яркими и свежими.

Девушки с нетерпением ждут начала состязаний.

— Начинайте! — просят они своих братьев.

Кушанча сделала знак брату, чтобы поторопился. Но не тут-то было. Аспанзат ходил вокруг костра и примерялся, откуда лучше прыгать, а сын гончара, разглядев его новый халат, предостерегал юношу:

— Поберегись, безумец! Не прыгай! Ничего не стоит поджечь такой дорогой подарок.

— Надо прыгать с толком, чтобы халат не загорелся и венок достался! — смеялся Аспанзат и крепче подвязал платок на своей тонкой талии.

— Кто первый? — закричал хриплым голосом старый лепешечник, весельчак и балагур.— Кто желает получить в награду венок из тюльпанов?

— Все желают! — закричали юноши и стали в ряд.

Первым прыгнул сын медника. Он высоко поднялся над костром, но все же коснулся пламени краем своей одежды. Девушки бросились к нему, чтобы посмотреть, очень ли пострадал халат, а в это время прыгнул через костер Аспанзат. Он не задел высокого пламени, девушки с венками окружили его и, заключив в хоровод, запели песню об отважном богатыре, который прыгал до облаков, сражаясь с дивами.

●

В день Луны Аспанзат с нетерпением дожидался заката. Хотелось скорей пойти к тому доброму старику, который пригласил его в гости.

«Он очень ученый,— думал юноша.— Столько у него свитков и кож с письменами!»

Старик сидел на мягком войлоке и читал какой-то свиток, когда Аспанзат робко постучал бронзовым молотком в деревянную дверь.

— Входи, юноша, гостем будешь! — Старик приветливым жестом предложил Аспанзату сесть рядом на мягкой войлочной кошме.

Юноша смущенно опустил голову.

— Я отнимаю у тебя драгоценное время,— сказал он.— Прости меня, только расскажи, что записано здесь. Свиток весь пожелтел, наверно старинный?

— Вот ты чего захотел! — улыбнулся старик.— Это похвально. Я прочту его тебе, но прежде поговорим о деле... Когда-то, еще до твоего рождения...— начал старик, поглаживая свою мягкую, как шелк, бороду.— Когда-то давно я был известным писцом. Я служил при дворе афшина. Тогда писца Махоя знали не только в Панче. Чиновники почитали меня даже в Бухаре и Самарканде. А теперь я стар и немощен. Я подобен разбитому сосуду, из которого по каплям вытекает драгоценная влага. Надо ее сохранить. Я хочу научить тебя грамоте.

— Я сын бедного коконовара,— отвечал Аспанзат.— У меня нет денег...

— Молчи и слушай! — перебил его старик нахмурившись.— Многие добиваются чести поучиться у меня за деньги. Но не всякому дана эта честь. Я знаю, кто ты. Твой болтливый и глупый сосед Навифарм оказал тебе большую услугу. Поистине и глупость бывает полезна. Дело ко мне у него было пустое — никому не нужная бумага, а наболтал он так много, что иной раз и за год не услышишь столько чепухи. Мудрец говорит: «Для невежды нет ничего лучше молчания, но если бы он знал, что для него лучше всего, не был бы он невеждой».

Аспанзат слушал старика с нескрываемым восторгом. Вот зачем он его звал!

— Я не сразу надумал взять тебя в учение,— продолжал старый Махой.— Когда я встретил тебя в день Митры и ты помог мне в трудную минуту, я позвал тебя в свой дом, чтобы своим гостеприимством отблагодарить тебя, юноша. А вот когда твой завистливый сосед рассказал мне о том, как ты трудишься на благо своей семьи, я захотел сделать тебе добро. Только запомни, юноша: как бы человек ни был учен, но если у него нет разума, знания — беда для него.

— Постичь мудрость отцов! Может ли быть большее счастье для бедного юноши! — горячо воскликнул Аспанзат.— Чем же я отплачу за твою доброту?

— Усердием,— ответил, улыбаясь, писец.

Когда старик улыбался, его потускневшие черные глаза оживлялись и светились теплой лаской.

— Но я уже совершеннолетний. Не поздно ли мне учиться? — спросил нерешительно Аспанзат.

— Учиться никогда не поздно. Человек всю жизнь учится. Одни учатся у жизни, другие — по книгам, но и в книгах мудрость проживших... Приходи через два дня,— предложил старик.— Приходи на рассвете! — крикнул он вдогонку юноше.— В этот час у меня ясная голова.

Возвращаясь домой, Аспанзат вспомнил слова Навимаха. Както, рассказывая об одном мудром старце, он сказал:

— Язык мудреца — это ключ от хранилища.

Сколько драгоценных мыслей хранится в голове старого Махоя! Если мудрец подарит ему, Аспанзату, хоть маленькую частицу знаний, как он обогатится!

А сказать ли об этом дома или подождать? Аспанзат не знал, как ему быть. Но все же, придя домой, ничего не сказал. «Вот обрадуется отец, когда узнает, что я выучился грамоте!»

●

Для Аспанзата настало счастливое время. Два раза в неделю он ходил к писцу.

Каждый час, проведенный в обществе старика, открывал ему чтото неведомое и удивительное. Однажды во время занятий старик сказал Аспанзату:

— Запомни, юноша: нет сокровищницы лучше знания и нет почета величавее, чем знание.

Эти слова Аспанзат часто потом вспоминал. Ему казалось странным, как он мог жить в таком мраке, не зная мудрости человеческой! Он стремился в дальние земли, мечтал о поездке с караваном, а не знал, что земли те совсем другие, не похожие на землю его предков. Там и солнце греет не так, и язык у людей другой, непонятный, и одежда другая. Мало того, Махой рассказал удивительные вещи: будто и боги у тех людей иные, и нет у них священного огня.

— Многие верования стали мне знакомы из книг,— говорил Махой,— но я не знаю веры благороднее, чем вера Заратуштры. Сколько светлых минут проводим мы в храме у вечного огня! Наш священный огонь — это источник жизни и благополучия. Ты подумай, сын мой: чем бы мы отличались от животных, если бы не ели вареной пищи?

Как бы мы согревались холодной зимой? Как бы литейщик плавил металл? Как бы коконовар варил коконы, если бы не имел он у себя огня? Поистине нет ничего священнее огня! А когда мы говорим о солнце, душа наша расцветает. Ведь солнце согревает все живое. Солнце — источник жизни на земле. Великий Ахурамазда учит нас верить в добро и бороться со злом. В мире есть два начала: добро и зло. Добро должно побороть зло. Всякое доброе дело зачтется человеку в будущей жизни. Ведь за пределами земного существования каждого ждет новая жизнь. Когда прочтешь ты священную книгу, тогда многое поймешь и полюбишь веру своих отцов. Но не все люди на земле поняли величие наших богов. И сколько народов населяет разные страны, столько есть на свете разных верований. И у каждого народа свои обычаи.

— От кого же мы узнаем о жизни в неведомых землях? — расспрашивал старика Аспанзат.— Может быть, о том написали люди, побывавшие там?

— И письмена есть,— отвечал Махой,— а еще больше мы узнаем от людей путешествующих. Эти люди мудры. Они повидали невиданное и услыхали неслыханное...

— Знаешь ли ты о богатой и красивой Румийской земле?[1] — спросил старика Аспанзат.— Отец обещает послать меня туда с караваном, думает выгодно продать шелка. Мы долго ткали их, много запасли.

— Хорошее дело задумал Навимах! — оживился старик.— Это богатая страна. Только строгости там чрезмерные. Узнал я от одного румийца про жизнь торговую и про ремесла. Чудны́е там порядки. Ты запомни их, чтобы невзначай не попасть в беду. Есть там такой обычай: приезжие купцы могут торговать в славном городе Константинополе в течение трех месяцев. По истечении этого срока чужеземцы должны покинуть город, иначе им грозит наказание плетьми. У них отбирают все имущество и отсылают из столицы. Если ты управился за три месяца, все продал, то покидай столицу, не засиживайся.

— А если бы я объявил себя ремесленником и стал бы варить коконы и делать шелка, что бы тогда было? — поинтересовался Аспанзат.

— В каждой стране свои обычаи. Ты не можешь там работать, если не вступишь в общину шелкоделов. А если ты занимаешься ткачеством шелка, то упаси бог, чтобы ты вздумал сделать ткань хлопковую либо шерстяную. Никому не дозволяется выполнять двух дел. И лучше не знать двух ремесел, иначе отберут все сделанное добро и накажут плетьми да еще с позором выгонят из ремесленной

[1] Так согдийцы называли Византию.

общины. К тому же для вступления в ту общину нужно иметь поручительство почтенных людей города.

— Кто же следит за всем?

— Градоначальник следит. Он силен многочисленными глазами и ушами. За людьми подслушивают, подсматривают и тут же докладывают градоначальнику. Плохо приходится тому человеку, кто сделал недозволенное.

— Удивительно это! Где же тому градоначальнику уследить за каждым человеком? Если искусный ювелир принесет домой золото и драгоценные камни, разве не может он превратить их в красивые серьги?

— Говорят, что никак невозможно спрятаться от всезнающего градоначальника. К тому же для ювелиров отведена одна улица. На этой улице устроены мастерские, и только в них можно работать ювелирам — больше нигде. Строгости там небывалые. Нигде я не слыхал о таких порядках, хоть и побывал во многих странах. Трудно там ремесленному люду. Ткач не может продавать свои изделия в своей лавчонке или на улице. Ему позволяют торговать лишь в дни больших базаров и таскать свои товары на спине. Торговцы благовониями должны расставлять свои столы поблизости от дворца, чтобы туда доходил аромат. За всякую повинность — порка и штраф: ювелиру, если он купит больше фунта золота для своих изделий; ткачу, если он вздумает разложить свои товары возле дома; торговцу сластями, если торговал в неурочный час.

— Что за радость жить в такой стране! — удивился Аспанзат.— Я даже потерял охоту ехать туда с караваном. Только и думай, чтобы не провиниться и не попасть под плеть. Путь долгий и трудный, а какая награда?

— Вот ты какой? — рассмеялся старик.— Ты боишься, что тебе не будет награды за твои труды! Не бойся, всякое путешествие — благо. А чего только не увидишь в прекрасном Константинополе! Я не знаю города богаче и красивее. У ног его плещется теплое море. Корабли из дальних стран подходят к его воротам. И с берега открывается перед тобой дивное видение, словно в чудесном сне. Сверкают на солнце золоченые купола храмов, рядом с ними дворцы из белого мрамора, а вокруг сады и ароматы цветов. Невозможно и вообразить себе те пышные одежды, в которых предстают перед народом румийские цари, но зато они требуют к себе такого почтения, какое и не снилось кому-либо из согдийских афшинов. Людей заранее предупреждают о выходе царя или царицы. Тогда собирается народ и начинает славить величие монарха. Улицы устилаются дорогими коврами, лавки закрываются, торговля замирает — все должны только думать о том, чтобы оказать почтение владыке. Мне довелось видеть пышное шествие их царицы. Она была уже немолодой и лицом не

привлекала, но столько было на ней драгоценностей, что люди замирали от восхищения и склонялись перед ней в почтительном поклоне.

Старик умолк и, устало закрыв глаза, о чем-то задумался, должно быть предаваясь воспоминаниям о днях своей молодости. Много интересного и необычайного узнал Аспанзат у старого Махоя. Юноша хотел только одного: заслужить похвалу мудрого учителя.

Старый писец был очень требователен. Он терпеть не мог небрежности и неряшливости в письме. Он сердился, когда видел кривые, неразборчивые строки. А ведь сколько усердия вкладывал в них Аспанзат!

— Небрежность в письме оскорбляет глаз,— говорил учитель.— Это подобно тому, как дурные слова оскорбляют слух.

И дрожащей рукой Махой выводил стройные и красивые знаки. Аспанзат внимал каждому слову учителя. Он был очень усерден. Но при всем своем старании он не мог и в сотой доле сравняться с ним в умении писать. Руки его, привыкшие к грубой, черной работе, с трудом управлялись с тонким тростниковым пером. От старания пот градом лил по смуглому лицу Аспанзата. Когда Махой бывал в добром настроении, он говорил шутя, что Аспанзату легче вспахать мотыгой сто локтей земли, чем написать разборчиво три строки.

— И все же многое зависит от усердия! — не уставал повторять писец.— Время и старание помогут!

И в самом деле, время шло — и дело двигалось. Аспанзат с каждым днем писал всё чище и лучше. Он вставал задолго до восхода солнца и спешил к учителю, не съев даже лепешки. Аспанзат спал на плоской кровле деревянного навеса, примыкавшего к дому, и потому в семье долгое время не замечали, что юноша уходит на рассвете.

Но Аспанзат не мог скрыть радости от Кушанчи. Он посвятил ее в свою тайну. Девушка попросила и ее научить письму. Аспанзат с готовностью согласился. Теперь они вместе твердили старинные гимны и по очереди писали на обломках палок. Аспанзат настрогал себе белые палочки, подсушил их. И они заменили ему кожу и китайскую бумагу, которыми пользовались только знатные господа и писцы.

Время шло, и постепенно многое из того, что узнавал Аспанзат, перенимала и Кушанча. А девушка обладала прекрасной памятью и нередко запоминала стихи лучше, чем сам Аспанзат.

Эта маленькая тайна еще больше их сдружила. Когда девушка читала красивые звонкие стихи о влюбленных, Аспанзату невольно приходило в голову, что о ней можно было бы так же сложить стихи. Он не знал, как это делается, но если бы смог, то написал бы их о своей Кушанче. Разве не достойны стихов эти румяные, как персики,

щеки с милыми ямочками? А черные длинные косы? А глаза, чуть продолговатые и прищуренные, под черными пушистыми ресницами? Они то лукавые, то ласковые и добрые, но всегда сияют, как звезды! Бывало, Аспанзат посмотрит на задумчивое лицо девушки и начнет вздыхать над клочком кожи. Ему хотелось в стихах рассказать ей о своей любви. Но это было так трудно! А душа изнывала в тоске, и не было слов, чтобы передать любимой девушке эту печаль о ней. Он ничем не выдавал своих мыслей и по-прежнему просто, по-дружески обращался с ней.

Однако вскоре Навимах узнал о том, что Аспанзат ходит к старому Махою.

Как-то он вернулся домой веселым.

— Расскажи, муженек, что тебя так обрадовало? — попросила Чатиса.— Поделись своей радостью.

— Поистине человек никогда не сумеет предугадать, что задумало небо,— загадочно ответил Навимах.

— Что же небо задумало?

— Могла бы ты ожидать, что к нам снизойдет милостью мудрый писец Махой?

— Писец Махой из знатных! Станет ли он думать о нас? — удивилась Чатиса.

— «Знатный, знатный»! — улыбался Навимах.— Будто все знатные такие собаки, как наш кривоглазый Акузер?

— Не все,— согласилась Чатиса.— Что же сделал Махой?

— Шел я мимо его дома, смотрю — старик зазывает меня знаками, он тихо говорит, совсем голос потерял. Подошел я близко, поклонился ему и спрашиваю: «Чем могу служить?» А он похлопал меня по плечу и шепчет: «Не сердись, Навимах, я тебе добра желаю».— «Может быть, шелк нужен для халата?» — спрашиваю. А он смеется: «Прежде чем покину этот свет, захотелось мне добрую память о себе оставить. Ты давно знаешь меня. Наука принесла мне много денег и почета. А теперь, когда боги призывают меня в лучший мир, я захотел передать свои знания бедному юноше — твоему сыну».

— Нашему Аспанзату? — недоверчиво переспросила Чатиса.— Ты не ослышался?

— Да ты выслушай меня, Чатиса! — остановил Навимах жену.— Не перебивай мои мысли. Я и так от радости растерял их по дороге.

— Сейчас побегу подберу! — рассмеялась Чатиса.— Все до крупинки соберу и принесу тебе.

— Не беспокойся, кое-что у меня осталось. Знаешь, наш враль и пустозвон Навифарм оказал нам услугу, сам того не ведая. Это он наговорил старику о нашей семье. Жаловался, будто я у него из-под носа увел мальчонку и вот теперь он стал мне помощником.

Старик выслушал Навифарма, и захотелось ему обучить Аспанзата грамоте. Сын наш ходит к нему, уже полгода ходит, и многому научился.

— Подумай только — нам ни слова не сказал! Захотел удивить! — Чатиса была очень довольна.

— «Пусть твой дом наполнится здоровьем и богатством! — принялся я благодарить старика.— Когда заработаю, уплачу за твои труды». Как только старик услышал эти слова, он весь преобразился — губы поджал, руками машет: «Знания мои я не продаю! Ничего мне от тебя не надо!.. Я рассказал тебе об этом, чтобы ты знал, какой у тебя сын. Видно, небо послало его тебе по заслугам. Береги его! Не в том, говорит, дело, чтобы сына родить, а в том, чтобы его разумно вырастить, человеком сделать. Боги наградят тебя за это!»

— И все это правда? Он так и сказал? — переспрашивала Чатиса сквозь слезы.— Вот мудрый старик! Каждое слово, как жемчужина из царской короны. Вот поди ж ты — писец, знатный, а добрый человек. Побольше бы таких!

— Такие люди редки! — вздохнул Навимах.— Зато, когда их встретишь, радуешься, как солнечному теплу... Если завершит он свое доброе дело, то, как знать, всякое может быть. А почему бы не совершиться чуду? Почему бы сыну Навимаха не стать писцом при дворе афшина?

Долго еще Навимах и Чатиса предавались мечтам. Вся молодость их прошла в тяжких трудах. Хотелось бы им увидеть своих детей счастливыми, откупиться наконец от кривоглазого Акузера. Если бы иметь хоть лишний клочок земли, все же легче жилось бы детям. Скоро пора сватать Кушанчу. И Аспанзат женится.

Чатиса посмотрела на согнутую спину Навимаха, погладила свою поредевшую косу и впервые подумала о старости: ведь она не за горами.

— Помнишь, Навимах,— вздохнула Чатиса,— когда мы поженились и стали заводить хозяйство, ты сказал мне: «Настанет день, Чатиса, и этот клочок земли будет нашим». Где же этот день, Навимах?

— Скоро настанет, жена. Вот задумал я послать Аспанзата с караваном. Наш сын поедет в дальние земли с шелками... Что ты скажешь на это?

— Как же он это сделает? Ведь верблюдов у нас нет!

— Двух верблюдов возьму взаймы у Акузера, потом расплатимся.

— И шелков у нас совсем мало! — вздохнула Чатиса.

— Шелков нужно в пять раз больше. Я хочу у Артавана занять коконов,— признался Навимах.— Мы будем ткать шелка целый год.

Навимах не шутил — он и в самом деле задумал большое дело.

Вечером он собрался к брату.

НЕ ВСЕ РОЗЫ ДЛЯ СОЛОВЬЯ!

БРАТ Навимаха, Артаван, жил в горной деревушке Сактар, вблизи Панча. Он возделывал небольшое поле, имел виноградник и плодовые деревья. На маленьком кусочке земли возле своего дома он посадил тутовые деревья и разводил шелкопрядов.

Внешне братья были очень похожи друг на друга. Но какие они были разные! Сколь щедрым был Навимах, столь скаредным был Артаван. Он постоянно ходил с мешком и повсюду что-то обменивал или продавал. Артаван то и дело бранил брата за легкомыслие и расточительность. Он упрекал его за то, что Навимах взял к себе сироту, а когда Аспанзат подрос, Артаван не переставал говорить о том, что все же траты слишком велики при лишнем человеке в семье. У Артавана было две дочери. Он по-своему заботился о них, но жадность его была беспредельна. Каждая кисть винограда была на учете. Девочки боялись съесть лишнюю горсть сушеных абрикосов. Если бы не добрая тетушка Пурзенча, которая умудрялась припрятать для них лакомый кусок, то жизнь их была бы невыносимой. Артаван и сам не ленился, но зато в семье его никто не смел и минуты посидеть без дела. Вся деревня знала, как трудятся бедные дочери Артавана и как безрадостно им в доме отца

Артаван умел обрабатывать свою землю. Он знал, как лучше использовать солнечный склон, чтобы на нем рос самый крупный и сладкий виноград, знал, откуда принести жирной и плодородной земли, чтобы она вознаградила землепашца за его тяжкий труд.

И в эту осень Артаван подсаживал новые кусты винограда. Для того чтобы виноград рос привольно и быстро, он таскал землю с берега реки.

На этот раз Артаван отправился за землей совсем рано, когда солнце еще было за горами. Набрав земли в свой старый халат и взвалив ее на спину, он медленно поднимался по узкой горной тропе. Пот градом лился по его морщинистому лицу. Руки немели, хотелось остановиться, передохнуть, но здесь нельзя это сделать — слишком узка тропа. Надо двигаться вперед.

«Поистине каждая горсть земли смочена потом!» — думает Артаван. Еще он думает о том, что хорошо бы купить осла, стало бы легче обрабатывать землю. Вот уже год, как свалился в пропасть его верный помощник старенький осел. А другого он не смог купить. Не задерживаются монеты в его худом кармане, как ни старается сэкономить. Все его называют скаредным, а он просто беден.

Артаван идет все медленнее и медленнее: трудно дышать. Когда приходится тащить тяжести, он всегда жалеет, что так высоко в горы забралось его селение. А когда бывает хороший урожай на солнечных

склонах, тогда он радуется тому, что так близко к солнцу разместился его маленький виноградник.

Но вот и кончилась узкая тропа. Не успел Артаван пройти и нескольких шагов, как солнце ослепительно блеснуло из-за гор и горячим потоком залило все вокруг. Артаван опустил свою ношу на землю, стал на колени и, протягивая руки к солнцу, прочел молитву.

Когда он приблизился к своему дому, из виноградника уже звенела песенка Махзаи:

— «Солнце, согрей меня, высуши слезинки на виноградных лозах...»

Артаван улыбнулся. Какова плутовка! Рано поднялась!

— «Твои лучи теплы и нежны, как сердце матери...» — поет девушка и протягивает к солнцу свои тонкие руки.

Отцу кажется, что Махзая поймала солнечный луч. Но нет, он ускользнул из рук девушки и скрылся в зелени ветвей. Зато появился другой, веселый, озорной. Он скользнул по стройному стану Махзаи, коснулся рукавов ее красного платья и засверкал на пышных каштановых волосах.

— Добрый день, счастливый час! — приветствует Артаван Махзаю.— Пусть жизнь твоя будет сладкой, как виноград!

— Будь счастлив, отец! — отвечает девушка.— Пусть будет урожайное лето. Пусть будет много плодов. Я уже собрала три корзины доброго винограда.

— А я принес жирной земли для молодого виноградника.

— Ты рано ушел, отец. Я поднялась на рассвете, а тебя уже не было.

— Я вместе с солнцем! — смеется Артаван.— Дела в хозяйстве много. Кто вместе с солнцем встает — всегда сокровище найдет! — повторяет он свою любимую поговорку.

— Поработай, дочка. Завтра день приношения даров. Только помни, Махзая, не все розы для соловья! Не ешь много винограда. Что останется от долгов, продадим.

Не дав себе отдохнуть, Артаван уходит сажать черенки, а Махзая с песенкой укладывает виноград в корзину. Она уже много раз слыхала, что не все розы для соловья. Отец скупится, старается припрятать на черный день лишнюю монету, и что же получается — все дни черные.

«А я думаю, что розы для соловья,— говорит сама себе Махзая, отправляя в рот целую горсть сочных виноградин.— Разве сочтешь все кисти на лозах? Бедный отец, он думает, что все знает, а ведь за спиной у него все делается так, как хочет тетушка Пурзенча. Тетушка добрая и хитрая, всегда найдет ответ, а старик все ворчит и ворчит: «Не ешьте много, не рвите платьев, не носите башмаков...»

А мы едим много, рвем платья и носим башмаки»,— улыбается Махзая, с аппетитом поедая виноград.

Тетушка Пурзенча сама сказала:

— Не давайте себя в обиду, девочки. Он и мать уморил своей скупостью. Он ведет счет плодам на деревьях, но от этого персики не становятся горькими.

— Марьяма! Где ты, Марьяма! — зовет Махзая младшую сестру.

— Иду, Махзая! — звенит голос девочки.

По дорожке, ведущей к глиняному домику, мчится, словно на крыльях, худенькая Марьяма. Ее тоненькие косички развеваются от бега, а широкие рукава длинного желтого платья надуваются и походят на два огромных тюльпана. Она что-то напевает и приплясывает на ходу.

— Ах ты, проказница! — ласково бранит ее Махзая.— Что же ты сделала? Думаешь в новом платье собирать виноград! Что же скажет тетушка Пурзенча? Она больше не станет шить для тебя праздничной одежды. А отец совсем заболеет от огорчения.

— Не сердись, сестрица! Праздник не скоро,— отвечает Марьяма,— а мне так хотелось надеть новое платье, хоть примерить... Хочешь, я кое-что скажу тебе?

И, поднявшись на цыпочки, она долго что-то шепчет на ухо Махзае.

— Не может быть! — восклицает Махзая.— Ты выдумала.

— Клянусь молодой луной! — уверят Марьяма.— Он спрятался в кустах и водит угольком по белой доске, вот там, за виноградником. Посмотри!

— А какой он из себя? — спрашивает Махзая, все еще не веря словам сестры.

— Как солнце ясное! — говорит, захлебываясь, девочка.— Брови как стрелы, глаза большие-большие и волосы длинные, падают на плечи. Богатырь!

— Да что ты болтаешь! Откуда здесь взялся богатырь! То ведь в сказке.

— Пойдем, покажу! — Марьяма тащит сестру за собой.

Не успели они сделать и нескольких шагов, как навстречу им из виноградника вышел юноша. Как странно: Махзае тоже кажется, что перед ней богатырь Рустам из ее любимой сказки. Марьяма в испуге убегает, а Махзая молча смотрит на незнакомца.

— Добрый день, счастливый день! — кланяется юноша и смело смотрит в глаза девушке.

Махзая никогда не видела таких черных, сверкающих глаз. Они так и притягивают к себе, и хочется смотреть в эти глаза. Махзая смотрит как завороженная и не знает, что ей сказать.

— Кто ты? Что ты делаешь здесь в такой ранний час?

— Я живописец.— Юноша улыбается.— Мне хотелось изобразить на этой доске самую красивую девушку на свете.

— А где же та девушка? — Махзая оглядывается, словно девушка стоит за ее спиной.

Юноша протягивает ей доску:

— Посмотри — может быть, ты узнаешь ее!

— Как ты сумел? — вырывается у Махзаи.— Ведь это я! Я вижу себя, как в горном озере...— Она заслонила рукавом глаза, потом снова взглянула на рисунок.— Это я?

— Это ты! — отвечает юноша.— Я очень старался. Я видел тебя много раз, когда ты собирала виноград. Я даже знаю твои песенки,— признается юноша, и лицо его вспыхивает ярким румянцем.

— Как же ты это сделал? Да так искусно, как в храме! Я видела там знатных согдианок. Их лица так нежны и красивы на росписях!

— Я прятался в кустах и смотрел на тебя, а руки мои сами чертили. Но это только рисунок. Потом, когда я перенесу этот рисунок на большую стену дворца Деваштича, я сделаю это еще лучше. Там будет виден нежный румянец твоих щек, твои губы, как вишни, и глаза с золотыми искорками. А косы твои, цвета созревшего каштана, я распущу. Всякий, кто увидит твое изображение, почувствует радость.

Девушка в смущении опускает глаза:

— Я никогда не слыхала таких слов. Кто ты? Скажи скорее! Ты настоящий? А может быть, ты сказочный? Ты не богатырь Рустам?

— Я настоящий! — смеется юноша.— Я Рустам. Только не богатырь. Моя деревня по ту сторону реки. Я сын пастуха Нанайзата... А твое имя, девушка?

— Махзая[1].

— Тебе только пристало быть прислужницей Луны! — восклицает юноша.

— А как ты попал в наш сад?

— Меня прислала добрая богиня. Она указала мне путь в этот сад. Я долго искал его и вот нашел...

Махзая молча смотрит на юношу. «Скажи еще слово,— думает она.— Как хороши твои слова! Не уходи!»

А Рустам будто читает мысли Махзаи и, как бы отвечая на них, предлагает:

— Хочешь, я расскажу тебе, зачем я искал твой сад?

Махзая садится рядом с юношей и замирает в ожидании. Она мигом позабыла о винограднике, о злобном Акузере, о том, что завтра день Митры и надо приготовить плоды для приношения даров. Она смотрела на юношу с удивлением и восхищением. Но если бы ее спро-

---

[1] Махзая́ — прислужница Луны.

сили, чем привлек он ее, она не смогла бы ответить. Все ей нравилось в нем. И то, что он улыбается доброй улыбкой, и то, что волосы его вьются непокорными кольцами и падают на высокий лоб. Он встряхивает головой и отбрасывает волосы назад, чтобы не мешали ему смотреть вокруг смелыми, горячими глазами.

— Вон там,— говорит юноша, протягивая руку в сторону реки,— в Панче, есть дворец... Ты была там?

— Нет, не была.

— Прекрасный дворец господина Панча. В этом дворце работает старый художник Хватамсач. Он делает росписи на стенах, волшебные картины рисует. Там всякое увидеть можно: и царей на небесных конях, и знатных согдианок, есть даже изображение Сиявахша. Там жизнь и сказки изображены искусной рукой.

— Как же ты попал туда? Во дворец самого господина Панча?

— Богам было угодно. То было чудо, но оно свершилось. Случилось так, что старый Хватамсач доверил мне большое дело. «Я поручу тебе работу, юноша, настоящую работу для комнаты молитв,— сказал он мне как-то.— Там ты изобразишь дары нашей земли. Пусть порадуется добрая богиня Анахита. Пусть увидит плоды земли такими, какими рождает их солнце. Только смотри не ошибись! Все сделай достойным удивления. А если не сумеешь, отберу краски... пойдешь пасти овец Деваштича...»

Юноша рассказывал торопливо, с волнением обрывая лепестки белой розы, что была у него в руках.

— Я много ночей не спал, все думал, как лучше изобразить дары земли. Я лежал на крыше, смотрел в звездное небо, и мне казалось, что я вижу дивные сады. «Укройся в четырех стенах и работай,— говорил мне старый Хватамсач.— Никуда не ходи, ни на что не смотри. Если есть в тебе дар волшебный, то мысль твоя подскажет тебе истинную красоту. А если нет его, то и не сделаешь ты того, что нужно».

— У тебя есть дар волшебный! — обрадовалась Махзая.

— Может быть, и есть, да мы не знаем об этом. Об этом знает только богиня.

— А разве можно изобразить подобное, не имея дара чудесного! — Девушка снова посмотрела на свое изображение.

— Одно только знаю, нет для меня ничего желаннее тех красок, которыми можно изобразить то, что видишь. Когда старый Хватамсач велел мне изобразить дары земли, захотелось мне показать весь прекрасный мир, освещенный солнцем. Весной я увидел цветущий миндаль и абрикос в розовой пене, подобной одежде юной невесты. Я изобразил все это. Настало лето, и я увидел сочные персики среди листвы. Маленькие веселые девочки устроили хоровод вокруг дерева. Они так славно кружились. Я изобразил их. Осенью я увидел жен-

щину с ребенком. Она склонилась над созревшими гранатами. Ребенок своими пухлыми ручонками срывал большой, сочный плод. То была девочка, я увидел на ней бирюзовые сережки, а брови у нее были такие же тонкие и черные, как у тебя. Я все это изобразил на стенах дворца, да такими красками расписал, что плоды, казалось, были налиты соками, а люди рядом с ними стояли совсем как живые.— Юноша вдруг смутился и умолк.

— Расскажи еще...— попросила Махзая.— Расскажи, как тебя пустили во дворец Деваштича.

— О, это долго рассказывать! Как-нибудь в другой раз...— Рустам поднялся и стал прощаться.

— Ты уходишь? — огорчилась девушка.— Ты еще не все мне рассказал. Говори еще. Я могу слушать тебя весь день.

— О милая девушка! — обрадовался Рустам.— И я бы весь день тебе рассказывал, да работа ждет. Хватамсач строг!

— Ты больше не придешь? — тихо спрашивает Махзая.

— Хочешь, я приду в день Митры?

— Хочу!

В тот же миг юноша скрылся в зелени ветвей, словно его и не было.

Махзая долго стояла в растерянности. Она очнулась лишь тогда, когда услыхала голос сестры.

— Ушел? — нетерпеливо спрашивала Марьяма, выглядывая из-за кустов шиповника.— Кто он?

●

Весь день Махзая провела в винограднике. Она приготовила несколько корзин винограда для господина. Она даже отказалась пойти поесть, когда тетушка Пурзенча позвала ее в дом. Но отказалась она не потому, что торопилась закончить работу. Она боялась уйти из сада. То и дело прислушивалась к шорохам, каждую минуту ждала, не придет ли снова юноша. Она не сказала об этом сестре, да и самой себе боялась признаться, но что-то заставило ее непрестанно думать о чудесной встрече.

«Приди еще разок!» — шептала про себя Махзая и, остановившись на мгновение, старалась во всех подробностях представить себе юношу-живописца. В ушах ее звучали его слова: «Мне хотелось изобразить самую красивую девушку на свете...»

Мечты девушки прервал голос тетушки Пурзенчи:

— Эй, Махзая, принеси огурцов! Зови отца обедать! Уже и солнце пошло на покой, а вас не дозовешься...

Махзая оглянулась в последний раз, взяла с собой остатки винограда и пошла в дом. На глиняной лежанке уже была постлана скатерть и лежали свежие лепешки. Махзая подбежала к грядке,

сорвала несколько огурцов и, помыв руки, приготовила глиняную миску для похлебки. Марьяма тем временем подала отцу воду для мытья.

Когда все уселись за горячей похлебкой, Марьяма вдруг отложила свою круглую деревянную ложку и, обращаясь к тетушке, загадочно сказала, что сегодня в их саду был богатырь Рустам.

— И ты его видела?

— Не только я — Махзая даже разговаривала с ним...

— Не богатырь это,— прервала ее Махзая,— то был юноша-живописец.— И она рассказала об удивительной встрече в саду.

— Как же он назвал себя? — спросил отец.

— Сыном Нанайзата, пастуха. Их селение у самой реки, совсем близко от Панча.

— Нанайзата? Постой! Постой! — закричал отец.— Не тот ли это Нанайзат, у которого сын потерял разум. Я давно знаю пастуха.

— Не совсем потерял разум, был одержим,— поправила Артавана Пурзенча.— Я помню, тогда говорили, что мальчишку одолел странный недуг — он не играл с детьми, не хотел помогать отцу на пастбище, все лепил из глины зверушек да разных человечков.

— Он самый! — смеялся Артаван.— Потерял разум и все ограды расписывал углем да сажей.

— Расскажи о нем! — попросила Махзая.— Я никогда не слыхала об этом мальчике, не помню.

— Мудрено было запомнить! — рассмеялась тетушка.— Тебе еще не было года, когда это случилось.

— А что случилось? — Тут и Марьяма проявила нетерпение.

— Я ведь сказал, что рос у Нанайзата сын. Мальчишка был не в себе. Как только стал что-либо понимать, так взялся за глину да угли. Нанайзат совсем измучился с мальчишкой. Водил его к жрецам, приносил жертвы, молился, а недуг не проходил. Пришлось отдать его живописцу в услужение.

— Рустам, Рустам! — повторяла Махзая.— Совсем как тот богатырь из сказки. Хорошо бы тетушка рассказала нам сказку.

Перед сном, когда тетушка Пурзенча села за свое вышивание, Марьяма тихонько подошла к ней и, прижавшись щекой к смуглой лоснящейся щеке тетушки, стала просить:

— Тетушка Пурзенча, добрая тетушка, расскажи о богатыре Рустаме и красавице Махфаме![1]

Тетушку Пурзенчу не надо долго упрашивать. Она и сама любит рассказывать сказки. Она велит позвать Махзаю и вытаскивает из мешочка вышивание для девочек, чтобы не сидели без дела. И откуда только берутся эти сказки? Обо всем на свете знает тетушка Пурзенча.

---

[1] Махфама́ — луноподобная.

Быстро мелькает в ее руках медная игла. Она делает ровные, мелкие стежки и своим негромким, певучим голосом рассказывает:

— И вот задумал жениться храбрый богатырь Рустам. Но не хотел жениться он на простой бедной девушке. Задумал он похитить красавицу Махфаму — царскую дочь. Но как проникнуть во дворец? Царь спрятал его среди высоких, недоступных гор, окружил зубчатой стеной.

Богатырь Рустам потерял сон и покой. Он целыми днями бродит вокруг дворца и всматривается, не удастся ли пробраться сквозь кованные медью ворота. Нет, не удастся! Там стоит стража. А через стену перелезть невозможно. Рустам смотрит на высокую башню. Ах, если бы кто-нибудь спустил ему веревочную лестницу!

Но кто же это сделает? Красавица Махфама? На это мало надежды. Ведь она видела его всего один раз.

Случилось так, что пошел богатырь Рустам на базар покупать себе золотую парчу на праздничный наряд. И видит — мимо него идут две женщины. Одна старая, а другая молодая. И так была ослепительно красива та молодая, что Рустаму показалось, что солнце спустилось с неба и очутилось рядом с ним.

Забыл богатырь про парчу. Он шел следом за красавицей и все смотрел на нее. А когда они свернули в сторону садов и Рустам очутился перед ней, она вдруг посмотрела на него своими большими черными глазами.

Долго шел он вслед за девушкой. И когда увидел дворец неприступный, тогда лишь догадался, что красавица эта сама Махфама, царская дочь. А было ему известно, что много знатных женихов сватается к ней и всем она отказывает.

И вот ходит вокруг высокой башни богатырь Рустам и все думает: «Как бы хоть одним глазком увидеть красавицу Махфаму». Он дал бы ей понять, чтобы она позволила ему подняться на эту башенку всего лишь на одно мгновение, только взглянуть на нее.

Как-то вечером, когда солнце уже спряталось за горами, Рустам взял золоченую лютню, пошел ко дворцу Махфамы и запел своим дивным голосом. Он пел о красавице Махфаме, о ее глазах, сверкающих, как звезды, о длинных косах и сладкой улыбке. И случилось так, что Махфама услыхала голос богатыря. Сердце ее затрепетало. Она вышла на плоскую кровлю башенки и посмотрела вниз. В этот миг выплыла полная луна, и девушка увидела юношу, прекрасного собой. Махфама спросила Рустама:

«Кто ты, неведомый певец? Зачем ты поешь здесь?»

«Я хочу увидеть тебя, красавица Махфама,— отвечал богатырь.— Хочу рассказать тебе о своей любви. А потом я готов умереть».

Махфама молчала, а Рустам говорил:

«Я люблю тебя с тех пор, как впервые встретил. Я шел за тобой

как зачарованный. А ты только раз посмотрела на меня, потом скрылась в своем дворце».

«Побойся гнева моего отца,— сказала красавица Махфама.— Знаешь ли ты, как жестоко могут тебя покарать, если дойдет до царя, что ты стоишь у стен этой башни?»

«Я готов сразиться с царской стражей,— ответил богатырь Рустам,— я готов сразиться с дивом. Я не страшусь опасности, только бы увидеть тебя».

Красавица сжалилась над богатырем Рустамом. К тому же он так понравился ей в тот единственный раз, когда они встретились на улице! Она опустила вниз свои черные косы. Они были так длинны, что коснулись головы Рустама.

«Поднимись, прекрасный богатырь»,— прошептала красавица Махфама своим нежным, как свирель, голосом.

«Как ты добра!» — воскликнул Рустам. Он протянул руки к косам и прижал их к губам.

«Что же ты медлишь?» — спросила красавица богатыря.

А богатырь Рустам стоял задумавшись:

«Тебе будет больно, если такая тяжесть повиснет на твоих косах, красавица Махфама. Я не могу причинить боль любимой девушке».

«Что же делать? — спросила грустным голосом красавица.— Чем я могу тебе помочь?»

«Прости меня, прекрасная Махфама! — воскликнул вдруг богатырь.— Любовь затемнила мне разум, и я забыл, что у меня есть превосходный аркан. Я знаю, что мне делать».

С этими словами он развязал свой длинный золоченый пояс, снял висевший на нем аркан. Одним взмахом сильной руки он зацепил аркан за выступ башенки и следующим взмахом уцепился за тот аркан. Рустам очутился у ног красавицы...

Тетушка Пурзенча умолкла.

— А дальше что было? — спросили девушки хором.— Расскажи, что было дальше!

— А это в следующий раз,— улыбнулась тетушка Пурзенча.— Сейчас меня клонит ко сну.

— Опять тебя клонит ко сну! — рассердилась Махзая.— Ты ни разу не досказала эту сказку до конца. Каждый раз тебя клонит ко сну!

— Тетушка Пурзенча,— взмолилась Марьяма,— что же было потом? Когда же мы узнаем о богатыре Рустаме и красавице Махфаме? Поженились они или царь заточил в подземелье отважного богатыря?

— Вот неблагодарные девчонки! — ворчит тетушка.— Я им сказки рассказываю, а они мне спать не дают.— И с этими словами она стала раскладывать свои ватные одеяла. Их было много. Искусная рукодельница Пурзенча очень гордилась своими одеялами.

— Вот удивительно, ведь его зовут Рустам, так же как богатыря, который влюбился в красавицу Махфаму...— шепчет, засыпая, Махзая.

А живописец Рустам не знал сказки о красавице Махфаме. Он шел домой такой счастливый, что готов был петь и кричать от радости.

Вот она, девушка из виноградника! Как она понравилась ему! Какая скромная, добрая девушка! Глаза удивленные, ласковые. Как она слушала его! Ни слова не пропустила. Велела прийти. Почему это так? Никогда не знал человека, никогда не видел, а тут посмотрел — и что-то в сердце оборвалось! И нет покоя, все мысли о ней.

Юноша шел и думал о том, как он сделает роспись на стенах комнаты молитв. Он нарисует девушку из виноградника и сделает это изображение так хорошо, что даже старый Хватамсач удивится. Но вот беда — нельзя показать Махзаю в ее красном платье из хлопковой ткани. Во дворце не терпят одежду простолюдинов. Хватамсач уже не раз говорил об этом Рустаму. И не просто говорил, он обругал Рустама, отобрал кисти и краски да еще кричал, что у Рустама вместо головы тыква, а в ней пустые семечки. Он говорил, что сделал глупость, пустив к себе на порог такого бездарного юношу. И все за то, что Рустам изобразил молодую женщину с младенцем в простом платье, в том самом, какое он видел на ней, когда встретил ее у гранатового дерева.

В тот день Рустам возненавидел старика. Он хотел убежать от него, он мысленно проклинал его вздорный нрав. Но уйти не решился. А чтобы избежать встречи со стариком, он уединился в маленькой каморке, где хранились краски, и занялся растиранием красок. Эта обязанность лежала на нем уже много лет.

Прошло несколько дней, и гнев Рустама постепенно утих. Он принялся за работу, но все же старался не попадаться на глаза старому художнику,— они работали в разных помещениях, и это было легко сделать. Впрочем, его удивляло, что старик не заходит к нему, ничего не говорит, не бранится.

«Что бы это значило?» — подумал Рустам и тут же тихонечко пробрался в большой зал, где старик заканчивал росписи стен. Рустам увидел, что старик совсем ослаб. Он с трудом стоял на ногах, но не оставлял работу и дрожащей рукой наносил краски. Когда ноги отказывались держать его бренное тело, он присаживался на несколько мгновений, а потом с тихим стоном поднимался и снова брался за кисти. Такая преданность и любовь старика к своему делу тронули Рустама. Он подбежал к учителю и, бросившись к его ногам, стал просить его оставить работу и немного отдохнуть.

— Зачем изнуряешь себя непосильной работой? — спрашивал юноша.

Хватамсач удивленно и растерянно смотрел на Рустама.

— Молодость расточительна! — сказал он тихо.— Вам не жаль времени, вам кажется, что оно продлится бесконечно. А ведь это не так. Мое время ушло. Я могу умереть каждую минуту, не дождавшись заката солнца. И вот моя роспись останется незаконченной. Но ведь я жил для этого, только для этого, юноша! Могу ли я думать о своем недомогании?

Старик впервые за много лет нежно погладил плечо Рустама своей жилистой, похожей на корневище рукой. Они посидели рядом и молча разошлись. Каждый думал о своем. Старик думал о прожитой жизни, отданной живописи, юноша думал о годах, отданных любимому делу. Всем, всем, что он умеет, он обязан старику. Как же не ценить это и как может он порицать суровый нрав старика.

Рустам стал размышлять, как исправить роспись, как сделать работу достойной похвалы учителя. Через несколько дней старый Хватамсач не узнал той росписи. На женщине уже не было простой одежды, которая так не понравилась старику. Рустам одел эту бедную женщину в парчовую юбку, затканную цветами, а шею украсил ожерельем из бирюзы. На младенце тоже была пестрая, красивая одежда.

— Ты догадлив, мальчуган,— похвалил тогда Хватамсач.— Где ты видел такое ожерелье? Может быть, только жены хорезмшахов имеют такие драгоценности.

Глубоко запавшие черные глаза старика вдруг блеснули добрым огоньком. Рустам увидел, что старик доволен и в хорошем настроении. Тогда он осмелился спросить:

— А был ли ты, мой учитель, во дворце хорезмшаха?

— Бывал я там не раз,— отвечал с гордостью старик.— Немало чудес я видел там.

— Хотелось бы и мне хоть одним глазом посмотреть на те чудеса,— признался Рустам.— Там, наверно, росписи невиданной красоты?

— Росписи богатые, да все давние. Давно уже вымерли искусные мастера. Теперь не то — нынешние живописцы не так искусны. Нет у них того уменья. Однако ты усердно потрудился, я хочу вознаградить тебя.— Старик вытащил из-за пояса несколько серебряных монет и дал Рустаму.— Купи себе ткани на халат,— посоветовал Хватамсач.— Твой халат уже совсем изорвался.

— Пойду на базар! — обрадовался Рустам.— Давно я не был на базаре. Может быть, услышу какие-либо новости.

Базар был совсем близко. Надо было пройти восточными воротами и спуститься к священному источнику. Рустаму редко приходилось бывать на базаре, и потому он особенно радовался такой удаче. Чего только не увидишь в базарный день! Глаза разбегаются, так все ярко и красиво. Он не стал откладывать и тут же пошел. Вот уже издали

слышен знакомый шум. Ревут коровы, ржут жеребята, а гуси всех заглушают своим гоготом.

«Сегодня много пастухов из нашего селения»,— подумал Рустам, увидев высоких, стройных юношей. Он подошел к молодому пастуху, который продавал ягненка, и спросил, не видел ли он Нанайзата. Юноша ответил, что вчера лишь встретил Нанайзата у водопоя. Он был весел. В его стаде большой приплод, много будет длинношерстных баранов.

Рустам с трудом пробирается в тесном проходе. Вокруг, прямо на земле, горы дынь, арбузов, яблок, винограда. Тут же бьются в сетках утки и куры. Сундучники выставили нарядные резные сундуки, расписанные пестрыми узорами, здесь же деревянные люльки для младенцев и забавные свистульки.

Величавый старик на рослой, красивой лошади, редкой серебристой масти, покупает двух горных перепелок в ивовой клетке. Продавец — не менее почтенный старик — протягивает клетку всаднику и объясняет ему что-то.

Старая женщина предлагает всем сладкий сироп. Кто-то меняет бобы на ячмень. Мальчишки таскают воду в высоких глиняных кувшинах, а две молодые женщины пронзительно кричат о том, как хороши свежие лепешки, испеченные тут же, на горячих угольях.

— Покупайте зверей! Волшебных зверей! Они как живые! — кричал старик в рваном халате, с красными, слезящимися глазами.

Он размахивал связкой деревянных лошадок, верблюдов и шакалов. Рустам посмотрел на искусную резьбу старика и вздохнул. Ему очень захотелось купить для себя верблюда с большой умной головой, но денег было немного. Может быть, их и не хватит на покупку материи для халата. Хватамсач никогда прежде не давал денег Рустаму. Он считал, что достаточно еды, которую он дает ему два раза в день.

Под деревянным навесом сидели торговцы хлопком, пестрым полотном и шелками. У них можно было купить ватные халаты, узорчатые мягкие одеяла и тонкие шали. Летний зной не тревожил этих толстых, неподвижных купцов. В тени и прохладе они дожидались покупателей. Иные попивали чай, привезенный китайскими купцами.

Вокруг купца в войлочном колпаке собралось несколько человек. Купец о чем-то рассказывал, а люди слушали его с величайшим вниманием.

— В наше время все переменилось,— говорил купец.— Сейчас сто раз подумаешь, прежде чем снарядить караван в дальние края. Повсюду можно встретить кочевников-грабителей, которые отбирают

все твое достояние. Неспокойно стало в городах. Боюсь, что Панч не долго продержится во власти афшина. Много появилось войск халифа. Их можно ждать каждый день.

— Что же ждет нас? — воскликнул старик, потрясая кулаками.— Боюсь, что и к нам они пожалуют. Раньше они довольствовались податями, а теперь сами придут и станут свои порядки наводить.

— Боги милостивы,— возразил кто-то.— Они не допустят врага в наш дом. Будем приносить жертвы. Молитвами выпросим прощение.

Рустам слушал все это, и чувство страха, прежде незнакомое ему, проникло в сердце юноши.

— Возможно ли, что враги придут сюда?

Рустам подошел к купцу, перед которым лежали целые горы пестрых тканей. Подошли и две женщины. Они попросили шелков для свадебного платья, и купец стал развертывать свертки с такой быстротой, что перед глазами так и замелькали пестрые куски тканей, один краше другого. Пожилая женщина, перебирая шелк руками, спрашивала молодую:

— Что тебе нравится — скажи, я куплю.

— Не знаю,— отвечала молодая.

«Бедная девушка,— подумал Рустам,— наверное, ее выдают за старого, нелюбимого». Он слыхал как-то, что если жених старый, нелюбимый, то трудно выбрать шелк на свадебное платье. Видимо, не один Рустам подумал об этом. Двое прохожих, которые также с любопытством рассматривали красивые шелка, не стесняясь, громко заговорили:

— Мало ему своего богатства, кривоглазому Акузеру! Дочь свою сватает за старого и хромоногого, зато богатого. Сами сидят на мешках золота, захотели еще жемчугов.

«Где-то я уже слышал о старом, злобном Акузере,— подумал Рустам.— Да, это было недавно. Махзая говорила, что отец спешит отдать Акузеру урожай винограда. Хватамсач говорил как-то: «Справедливость надо искать на небе». А вот хотелось бы знать, есть ли справедливость на земле? Он многое видел, старый Хватамсач, он побывал в других странах, был при дворе хорезмшаха. Может быть, он ответит на вопрос Рустама: есть ли справедливость на земле?»

Однако, вернувшись во дворец, Рустам так и не спросил учителя об этом. Он был озабочен другим. Рустам принялся за работу. Хотелось сделать портрет девушки из виноградника и одеть ее в царские одежды. Пусть всякий, кто посмотрит, подумает, что это дочь богатого господина. Пусть думают. Всякий, кто заглянет в комнату молитв, будет удивляться красоте и богатству одежд девушки.

«И вот пройдет много лет,— размечтался Рустам.— Может быть, даже сто. Давно уже не будет на свете Деваштича. Все забудут

о том, что жил когда-то афшин, а комната молитв, быть может, сохранится. И люди, которые зайдут сюда помолиться, увидят красоту плодов земных и красоту этой девушки. Они даже не узнают, что ее нарисовал Рустам и что девушка эта нравилась ему больше всех девушек на свете. Они этого не узнают. Но, может быть, скажут: «А живописец был с душой. Он понимал толк в своем деле!..» А что же Махзая? В самом деле она лучше всех девушек на свете?»

Рустам не смог ответить себе на этот вопрос, но почему-то радовалось сердце.

НЕ ИЩИ ТОГО, ЧЕГО НЕЛЬЗЯ НАЙТИ

Навимах застал брата в саду. Среди зеленой листвы наливались соками тяжелые янтарные кисти винограда. Артаван подставлял деревянные подпорки, чтобы не сломились хрупкие лозы.

— Да будет счастье в твоем доме! — приветствовал Навимах брата.— Все трудишься, Артаван?

— Я подобен муравью — все тащу в свой дом, но как ни стараюсь, не могу добыть счастья. Все хочу спросить мудреца,— продолжал Артаван, выпрямляясь и вытирая лоб рукавом грязного халата,— почему считает себя живым тот, жизнь которого сложилась не по его желанию?

— Вечно ты жалуешься, Артаван. Побойся бога. Чем тебе плохо? Какой виноград созрел, какая осень стоит!

— Что толку в этом винограде! Сам знаешь, что он не для меня.

— А что касается мудреца,— заметил Навимах,— то не ищи его, я за него скажу. Мне кажется, что нет предела нашим желаниям и нет возможности их утолить. Пока мы живем, мы будем к чему-то стремиться.

— Пожалуй, что и так,— согласился Артаван.

— Жизнь сложилась не так, как мы задумали,— продолжал Навимах,— а все же мы живем и дышим. Если бы каждый, чье желание не осуществилось, посчитал себя мертвым, то род людской давно бы прекратился.

— И то верно,— кивнул Артаван.— Но мне от этого не легче.

— Боюсь, что и сам Деваштич может посчитать себя мертвым, если его спросят, все ли делается по его желанию. Ведь он владеет только Панчем, а спроси его, так, пожалуй, недоволен, наверно, хочет присоединить к своим землям еще Самарканд или Бухару... Сам афшин не смог сделать, чтобы все было только так, как ему хочется. Что же нам говорить!

— Тогда прав наш михтар[1],— вздохнул Артаван.— Он сказал: «Если ты не хочешь, чтобы тебя считали безумным, не ищи того, чего нельзя найти».

— Вот с этим я не согласен,— возразил Навимах.— Мы ведь надеемся найти то, что мы ищем. А вдруг найдем! Почему бы не поискать. Кто может знать заранее...

— Такие люди есть,— усмехнулся Артаван, радуясь, что как-то может возразить брату.— Не знаю, есть ли звездочет у нашего господина, а говорят, что в далеком Руме он есть. Посмотрит в небо и по звездам все узнает, все предскажет.

— Тогда пойду искать звездочета, не ответит ли он на мой вопрос! — рассмеялся Навимах и пошел со двора.

— А ты погоди,— остановил его Артаван,— может быть, я отвечу тебе вместо гадателя. Что же ты думаешь, они даром предсказывают?

Братья уселись в тени яблони, и Навимах рассказал Артавану о том, что он задумал откупить землю и для этого собирается послать Аспанзата с караваном, чтобы продать шелка.

— Дом — мой, двор — мой, хочу, чтобы и земля была моей.

— Нынешний урожай коконов я тебе отдам,— предложил Артаван.— А ты вернешь мне долг, когда продашь свои шелка. Мне деньги нужны для покупки осла. Да еще нужно купить кое-что из одежды моим невестам. Время идет, глядишь — и замуж пора.

— Об одежде не думай,— успокоил Навимах,— я шелками расплачусь. Чатиса знает, что нужно для твоих дочерей. А часть долга я деньгами верну.— И Навимах хлопнул брата по плечу в знак того, что сделка состоялась.

Артаван пошел за коконами, чтобы показать брату, хороши ли. Навимах остался один.

— «Не ищи того, чего нельзя найти...» — повторял он слова мудреца. А там ли он ищет свое счастье? Стоит ли посылать Аспанзата с караваном? Даст ли Акузер верблюдов? Да и много ли наберется шелков?

Навимах похвалил Артавана за хорошие коконы и пообещал прислать за ними Аспанзата.

— В добрый час! — Артаван был рад — он знал, что не прогадает в этой сделке: когда брат просил что-либо взаймы, то возвращал всегда с лихвой.

— А стоит ли посылать сына с караваном? — спросил Артаван брата, когда тот собрался уходить.— Не будет ли то походить на удар палкой, который уничтожил все богатства бедняка? Знаешь притчу? Жил на свете человек. Был он постоянно голоден. И вот однажды нашел он в лесу дупло с медом. Стал он мед собирать в глиняный

---

[1] Михта́р — староста сельской общины.

кувшин. Ел мало, все старался наполнить кувшин. А когда кувшин наполнился, он подумал: «Вот продам я этот мед, да подороже. А на те деньги куплю себе десяток овец. Через полгода каждая овца принесет мне по ягненку. Через год у меня будет тридцать голов. Если дело пойдет хорошо, то через десяток лет у меня будет большое стадо. Если все сбудется, то продам я это стадо и сделаюсь богатым человеком. Возьму я тогда в жены богатую невесту. Родит она мне сына. Я дам ему хорошее воспитание. А если будет он ленив и непокорен, то придется мне его наказывать. Тогда возьму я палку и стану колотить мальчишку. Вот так! Вот так!» И при этих словах он взял палку и стал ею ударять по своему кувшину с медом. Кувшин треснул, и мед брызнул ему прямо в лицо.

— Бедняк неразумно распорядился своим добром! — рассмеялся Навимах.— Я буду разумнее.

— Поистине так,— согласился брат.

●

Всю осень и зиму семья Навимаха тяжко трудилась. Прежде Чатиса работала на станке до заката, а теперь не оставляла его до позднего вечера. Когда сумерки спускались на землю, она зажигала глиняный светильник, который был у нее подвешен над станком. В хлопковом масле плавали два фитилька. При скупом свете этих фитильков Чатиса все ткала и ткала пестрые шелка. Кушанча помогала матери по хозяйству. Она варила похлебку, размалывала зерна пшеницы в большой каменной ступе, пекла лепешки в круглой глиняной печке. Аспанзат вместе с Навимахом чистили канавы, подтаскивали свежую землю для огорода.

С первыми весенними лучами солнца все оживилось. Кушанча чаще запевала свою любимую песенку о пестрой птичке, прилетевшей из дальних стран. А Навимах то и дело подшучивал над Аспанзатом: то называл его знатным купцом, то владетелем оврага, который он как раз намеревался откупить у Акузера. Только Чатиса была невесела. Кушанча заметила морщинки, что легли вокруг глаз матери. Лицо Чатисы, прежде свежее и румяное, стало каким-то желтым, похожим на пергамент. По ночам Кушанча просыпалась от громкого кашля — он сотрясал хрупкое тело Чатисы и надрывал ей грудь. Навимах хотел позвать знахаря, но Чатиса и слышать этого не хотела. Она говорила, что ей некогда варить целебные травы. Пусть уж уйдет караван, тогда она станет лечиться.

Чем ближе был день расставания, тем больше грустила Кушанча. С тех пор как она помнила себя, рядом с ней всегда был Аспанзат. Девушка и представить себе не могла, что настанет утро, когда она проснется и не услышит голоса брата.

А юноша думал о том, как грустно ему будет без любимой подруги. Ему все хотелось раскрыть тайну, рассказать Кушанче, что он ей не брат и что он любит ее всем сердцем. И еще о том, что он скоро вернется и тогда они поженятся. Ведь не может же Кушанча отказаться от него, уйти к другому? Так думал Аспанзат, но каждый раз, когда представлялся случай поговорить с Кушанчой, он терялся и не находил слов.

Аспанзат все чаще задумывался над предстоящим путешествием. Многое переменилось с тех пор, как Навимах впервые заговорил с ним о поездке в дальние края. Тогда ему казалось, что нет большего счастья, чем отправиться в путь с караваном. День отъезда часто представлялся ему самым радостным событием его жизни. Но так он думал два года назад. Сейчас все было иначе. Сейчас сердце сжималось при мысли, что надо покинуть родной дом и расстаться с Кушанчой. Никто не знал, как долго он будет в пути. А тем временем могут сосватать Кушанчу.

Было жаль расстаться с Махоем. Это он открыл ему глаза на многие премудрости жизни. Когда Аспанзат вспоминал свои занятия со стариком, ему казалось, что перед ним открылся целый мир. Учитель рассказывал ему о врачевании, о делах торговых и ремесленных, о таинствах магов и даже о богах великой Индии и Китая. Старый Махой растолковал Аспанзату учение Мухаммада. С гневом и болью говорил он о завоевателях, пришедших на землю согдийцев.

— Скажи мне, учитель, кто они, эти люди, пришедшие поработить Согдиану? Разве нет у них своей земли? — спрашивал его Аспанзат.

— Трудно мне ответить на твой вопрос, сын мой,— вздохнул старик.— Однако скажу: воины, что рыщут по чужим землям, посланы халифом. На конце меча несут они свою веру и отбирают наши богатства.

Воины пустыни разоряют нашу землю. Но обидней всего, что волю халифа выполняют и знатные согдийцы. Ихшид Гурек, правитель Самарканда, стал нашим самым лютым врагом. А ведь он согдиец, и великий Мазда покровительствовал ему. Но я бы не хотел, сын мой, чтобы у тебя сложилось ложное представление о чужом народе. Я слышал, что в стране арабов немало городов, а в них много искусных мастеров, живущих плодами рук своих, немало у них и врачевателей, ученых, знающих тайны небесных светил. Есть у них люди, которые постигли загадки недр земных. А в молодости при дворе Деваштича пришлось мне встретить арабского сочинителя. Он прочел тогда свои стихи возлюбленной. Я краше этих стихов никогда не встречал!.. Не знаю, как это случилось, что воины пустыни и городами многими овладели, и пошли войной на целые страны. Но это произошло, их наглость и дерзость не имели границ, а теперь они владеют многими землями и многие народы стали им подвластны.

— Скажи, учитель,— спрашивал снова Аспанзат,— почему же люди умные и достойные не преградят им путь?

— У тебя доброе сердце, сынок! — вздыхал Махой.— Ты хорошо придумал. Но в жизни так не бывает. Редко разум останавливает злодейство. Скорее он идет на поводу у злодейства.

Учитель был умным и добрым человеком. Сейчас Аспанзату больше всего хотелось остаться дома и продолжать свои занятия с Махоем. И все же надо было отправляться в путь. Это принесет им богатство. Если ему посчастливится хорошо продать шелка, то удача эта будет лучше клада, который он искал в детстве.

В день Анахиты вся семья поднялась вместе с солнцем. Навимах от волнения всю ночь не смыкал глаз. Сегодня ему предстояло пойти к Акузеру договориться о верблюдах для каравана. Сколько запросит за них Акузер? Иные владетели охотно отдают внаем своих верблюдов и берут с купцов барыши. Богатым, конечно, выгодней самим покупать верблюдов. Бедняк же этого сделать не может. Вот и нет для него выбора.

Акузер был очень богат. Ему принадлежали обширные земли в предместье Панча, а также по берегу реки Согд. Громадные стада паслись на зеленых лугах в долине реки. А его умелые конюхи выводили самые дорогие породы коней.

Кривоглазый див, как его называли подвластные ему кедиверы и слуги, не жалел трудов, чтобы умножить свои богатства.

Его можно было увидеть на пастбище, в кладовых, на винограднике. Труднее всего было застать его дома. Если у кого была необходимость поговорить с господином, то лучше всего было искать его на конюшне. Туда и пошел Навимах. Он стоял под навесом и смотрел на рослых, красивых коней, которых слуги мыли и чистили с такой тщательностью, словно их собирались доставить царю Самарканда. Навимаху понравился красивый гнедой жеребец. Он подумал, что не зря купцы называют этих коней «небесные кони». Казалось, что конь сейчас вздыбится и взлетит к облакам. Вдруг из конюшни послышались проклятия:

— Бездельники, дармоеды, опять не позвали коновала! Хотите загубить моего лучшего коня! Вы что, не видали, как у него распухло брюхо? Посмотрю я на вас, когда у вас распухнет спина от моих палок!..— Акузер в ярости швырял все, что ему попадалось под руки.

— У него язык в мозолях от сквернословия! — прошептал на ухо Навимаху конюх.

— Твое брюхо лопнет, если конь завтра не поправится! — кричал Акузер, бегая по конюшне и заглядывая в каждую загородку, где стояли его любимые кони.

Акузер выскочил из конюшни и столкнулся с шелкоделом. Это был маленький щупленький человечек с кривым глазом и тонким, как

клюв, носом. Бороденка жиденькая, голова громадная, а на ней соболья шапка. Парчовый халат был перевязан поясом, который сверкал камнями-самоцветами.

Навимах еще раздумывал, стоит ли обращаться к грозному господину, когда Акузер сам его увидел и спросил, что ему надобно. Не собирается ли бедный коконовар купить себе коня?

Навимах бросился к его ногам и тихо просил выслушать его.

— Я слушаю...— проворчал Акузер, нетерпеливо мотая своей громадной головой на тоненькой шее.— Говори скорее,— торопил он,— не для тебя ли я поднялся в такую рань?

— Да будет благословен твой дом, твои поля, твои сады!..— начал причитать Навимах.— Прошу твоей милости. Не откажи, дай двух верблюдов в долг. Я все отплачу, как положено. Верну твоих верблюдов целыми и здоровыми.

— Скажите, какой купец! — усмехнулся Акузер.— Дай ему верблюдов! Будто для него я ращу верблюдов. А кто поручится мне за твою честность? — Он криво улыбался беззубым ртом и перебирал руками золотую кисть от пояса.

— Я подпишу пергамент! — молил Навимах.— Я ведь никогда еще не обманывал моего господина! Всю жизнь на твоей земле живу и долги всегда исправно выплачиваю. Почему ты не веришь мне?

— Как можно верить человеку, который ничем не владеет! — закричал Акузер.— Много вас найдется, охотников пустить по ветру мое добро!.. А я не дам! Не дам! Не дам!

— Я пошлю свои шелка в землю Румийскую,— говорил Навимах.— Я прибыль получу и с тобой расплачусь.

— А если падут верблюды, кто мне за них уплатит? Твоя голова не стоит того!

— Милостью богов все будет хорошо! — уверял, волнуясь, Навимах.— Во главе каравана пойдет старый Тургак, бывалый купец, мудрый человек.

— Бери двух верблюдов,— неожиданно согласился Акузер.

Ему надоел разговор с коконоваром. Разговор, который не сулит большой прибыли,— напрасный разговор. Акузер приказал писцу, который следовал за ним повсюду, как тень, чтобы он написал пергамент и чтобы указал, сколько причитается получить за верблюдов.

А дома все со страхом и надеждой дожидались Навимаха. В этот день все делалось как всегда. Только Чатиса не могла работать. Она лежала на груде одеял, бледная, едва дыша. Вместо нее у станка сидел Аспанзат. Кушанча то и дело подбегала к нему.

— Наверное, все напрасно,— говорила девушка.— Не даст Акузер верблюдов, не поверит. И лучше бы не дал. Зачем только отец задумал

такое дальнее путешествие! — сокрушалась она.— Тебе не страшно покинуть дом?

— Отец прав,— отвечал Аспанзат.— Я готов пойти пешком на край земли, чтобы не работать больше на кованый сундук Акузера. За все мы платим. Не пойму только, почему он не берет с нас за смех и песни?

— Вот еще что придумал! — возмутилась Кушанча.— Если он станет брать за песни, то мне придется платить больше всех.

— Боги милостивы! — послышался голос Навимаха. Он подошел к навесу возбужденный и радостный.— Завтра в путь, Аспанзат! Караван выходит на рассвете. Хорошо, что успел договориться с кривоглазым!.. Двадцать верблюдов пойдет до Самарканда, а там еще двадцать дожидаются. Тургак поведет большой караван. Два верблюда будут нагружены нашими товарами,— улыбнулся Навимах. Ему и сейчас не верилось, что так все хорошо обошлось.

— Аспанзат, оставь работу! — заторопилась Кушанча.— Надо собираться в дорогу!.. О, какой дальний путь! — Девушка побежала к матери.

Через несколько минут все женское население дома уже хлопотало у очага. Чатиса поднялась с постели и стала печь лепешки. Кушанча жарила баранину, варила сладкий сироп из ягод тутовника. В такой день часто вспоминали давно умершую Махширу. Вот она умела хозяйничать! Но вместо нее нашлась другая помощница — Чатисе помогала соседка.

— Вернется Аспанзат, и солнце взойдет над нашим домом,— говорила, утирая слезы, Чатиса.— Трудно отпустить сына в такой дальний путь, а что поделаешь? Разве лучше всю жизнь гнуть спину на Акузера!.. И подумать только,— жаловалась Чатиса,— не хотел давать верблюдов! Угрожал, кричал. Навимах стоял перед ним на коленях. Упрашивал. Пергамент подписал.

— А что на том пергаменте? — спрашивала соседка.

— Навимах говорит, что пергамент плохой. Если с верблюдами какая беда выйдет, то мы должны уплатить за них вдвое. А плата такая, что в глазах темнеет.

— Навимах подписал?..— И старая женщина запричитала. Ей страшно за Аспанзата, которого она помнит еще совсем маленьким, ей страшно за Навимаха, который подписал пергамент, за все страшно...

Город еще спал, когда у Самаркандских ворот собралось много людей — купцы, уходящие с караваном, пришли со своими родственниками. Аспанзата провожала вся семья.

— Привези мне тонкую шелковую накидку! — шептала Кушанча.

— Возвращайся здоровым, с удачей! — просила мать, утирая слезы.

Навимах дрожащей рукой щупал тюки и повторял:

— Бойся случайных людей, мой сын! Найди наших родственников в Самарканде. Они помогут тебе добрым советом.

— Все сделаю, как велишь,— успокаивал отца Аспанзат.

Он с грустью смотрел на Кушанчу и не мог свыкнуться с мыслью, что через час он уже не сможет ее увидеть.

— Ты везешь все наше достояние! — снова напомнил Навимах.— Мы будем ждать тебя, как ждем восхода солнца.

Аспанзат старался шутить, улыбался, но тяжело было на душе. Все ли будет хорошо?

— Когда прибудешь в Самарканд,— поучал отец,— иди туда, где останавливаются приезжие купцы. Шелка оставь в надежных руках. Не бросай без присмотра. Опасайся разбойников в пустыне. А если встретишь арабских купцов, о которых добрая слава, не бойся их, веди торг...

— В добрый час, сынок! — прервала мужа Чатиса.— Все будет хорошо! Не забудь только, сынок,— запасись едой на обратный путь. Не ровен час — пропадешь в пустыне от голода и жажды.

— Пришли мне весточку,— попросила Кушанча.— Пришли с проезжим караваном. Ведь я теперь прочту.

— Я напишу тебе, Кушанча. Только от тебя не смогу получить ничего. Далеко уйдет мой караван. Не скоро снарядится туда другой.

Кушанча не успела ответить. Сторожа распахнули кованные бронзой ворота, и все стали прощаться.

— В добрый час! — кричал Навимах.

Плавно покачиваясь, верблюды тронулись в дальний путь. Зазвенели колокольчики на их мохнатых изогнутых шеях. Женщины заохали, стали причитать. Чатиса вдруг закричала и бросилась за Аспанзатом. Ее грубый серый платок свалился с плеч и остался на пыльной дороге. Скупые слезы покатились по черному, морщинистому лицу Навимаха. Кушанча догнала мать, и они, плача, пошли домой.

АФШИН ОЗАБОЧЕН

Гости прибыли на пиршество к афшину Деваштичу в час заката. Афшин принял их в своем великолепном саду, славившемся в Панче удивительными цветами, редкими деревьями и заморскими птицами. Среди благоухающих роз, нежных ирисов и стройных лилий пламенели лепестки диковинных цветов, привезенных из далекой Индии. Никто не знал названия этих цветов. Этого не могли сказать и купцы, привезшие их в подарок афшину. Несколько лет назад, когда Де-

ваштич был правителем Согда[1] и жил в Самарканде, эти цветы украшали его самаркандский сад. Но с тех пор как он стал афшином Панча и покинул столицу, сад его был перевезен в Панч. Тогда об этом было много разговоров. Одни говорили, что он покинул Самарканд, не поладив с арабами, другие — что он в заговоре с арабами и по их желанию уединился в Панче, чтобы помочь им завладеть горными селениями Согдианы.

Гости любовались бирюзовым озером, обрамленным вавилонской ивой. Ее тонкие, кружевные ветви спускались к воде и отражались в ней причудливым узором. Над веселыми ручейками журчащих оросительных каналов склонились ветви яблонь, отягченные румяными плодами. По зеленой бархатной траве важно прогуливались павлины. Яркие попугаи то и дело садились на карниз резной беседки и гортанным голосом кричали:

— Афшин идет! Афшин идет!

Где-то под крышей ворковали голуби, а стаи маленьких пестрых птиц с веселым щебетом проносились над садом. Пение птиц сливалось со звуками золотой арфы, и казалось, что и птицы, и арфа поют о красоте этой благословенной земли.

— Все удивительно в этом саду! — говорил старый тюркский дихкан с узкими, сверлящими глазами.— Все мы владеем богатыми землями, имеем сады и виноградники, но никто из нас не сумел превратить кусок своей земли в такой райский уголок.

— Не забудь, что Деваштич совсем недавно был ихшидом[2] Согда, ему многое доступно,— отвечал с поклоном собеседник тюрка, маленький, сухонький старичок в зеленом шуршащем халате. Это был Зварасп, звездочет Деваштича, жрец храма предков. Он уже много лет составлял гороскопы[3] афшину.— Тебе никто не привез из жаркой Индии цветов, напоминающих горящий костер, а ему привезли! У тебя нет рабов, а у него есть!..— Старик поправил свой огромный белый тюрбан и, коснувшись парчового одеяния тюрка, добавил: — Но еще более ослепительны цветы на твоей одежде! Поглядишь на такое — и сразу видишь, что имеешь дело с человеком богатым! Ты не пожалел денег на китайскую парчу!..

Он хотел еще что-то добавить, но, увидев приближающегося афшина, юркнул за могучий ствол старого чинара.

— Не оттуда ли исходит эта волшебная музыка, господин Панча? — льстиво заметил тюркский дихкан, подняв глаза к небу, а затем низко склоняясь перед афшином.

---

[1] Согд — так древние согдийцы называли свое государство — Согдиану.

[2] Ихши́д — правитель всей Согдианы.

[3] Гороскоп — таблица расположения светил в момент рождения человека. В далекой древности астрологи составляли гороскоп для предсказания судьбы.

— Небо дарит нам большее, чем звуки арфы,— ответил с достоинством Деваштич.— Оно дарит нам свое покровительство!

— О, это прекрасно! — воскликнул тюрк.— Когда есть покровительство небес, можно и на земле устроить райскую жизнь!

Тонкое, строгое лицо афшина с короткой черной бородой и умными, чуть косящими глазами на мгновение просветлело в улыбке.

— К этому мы стремимся. Но все мы люди. И все мы смертны!

Афшин пошел рядом с гостем. Его стройная фигура в парчовом узорчатом одеянии казалась юношески подвижной и гибкой. Если бы не седеющие виски и не печаль в глазах, никто бы не смог сказать, что афшину уже минуло сорок лет. Они шли впереди, а за ними следовали молодые спутники дихкана, имеющие обширные земли в долине реки Согда. Все они были изысканно одеты и соперничали богатыми украшениями. У каждого был меч в дорогих ножнах.

— Музыка, показавшаяся вам небесной,— продолжал Деваштич,— исходит отсюда...

И он остановился у маленькой, деревянной беседки, увитой розами. Гость заглянул туда и, прошептав что-то по-тюркски, приостановился. Там сидела молодая красивая арфистка. Легко касаясь пальцами золотых струн арфы, она тихо пела.

— Это дитя Согда? — спросил, хитро улыбаясь, тюркский дихкан.

— Это дитя Хорезма! — ответил Деваштич и повел гостей дальше.

В глубине сада, у маленького бассейна, где плавали золотые рыбки, на деревянном возвышении лежали мягкие пестрые ковры. Деваштич пригласил гостей расположиться и дал знак слугам подавать еду и питье.

Рядом с афшином поместился юноша-виночерпий. Он наполнял золотые чаши вином и с поклоном подавал их гостям. Слуги обносили гостей жареной дичью, всевозможными кушаньями из рыб, баранины и овощей, подавали сладкие пряные лепешки, фрукты и виноград.

Оживившись после нескольких чаш вина, тюркский дихкан наконец обратился к Деваштичу с тем, что привело его во дворец.

— Я хочу предложить господину Панча,— начал он,— свои сады и виноградники, расположенные по левому берегу реки.

— А что угодно почтенному дихкану? — спросил Деваштич.— Не станет же он дарить мне свои владения?

— Могу и подарить,— отвечал тюрк с угодливой улыбкой.— Только тебе это не нужно, господин Панча. Я хочу попросить взамен пустой и голый клочок земли, ничем не занятый.

— Я не знаю такого места в своих владениях,— ответил Деваштич и, глядя исподлобья на тюрка, выпил несколько глотков вина.

— Есть такое место,— настаивал тюркский дихкан.— Его населяют дивы. Не потому ли оно называется горой Магов?

— Ты хочешь поселиться среди злых духов? — рассмеялся Деваш-

тич.— Но я, кажется, опередил тебя. Я строю там дворец. Когда я был молод, то я боялся дивов, а теперь готов с ними сразиться. Я не страшусь ни воплей, ни угроз, которые слышны там по ночам.

— А может быть, афшин уступит мне этот недостроенный дворец,— настаивал тюрк.— У афшина великое множество прекрасных дворцов! Зачем ему дворец на голой, как лысина, горе? Афшин любит цветы, деревья и птиц, а там только серые скалы.

— У афшина достаточно людей, чтобы превратить серые скалы в сады и виноградники,— возразил Деваштич.— Они протянут канал к вершине горы, принесут туда земли из долины, и такой там будет сад, какого еще нигде не было! Мы сделаем это, когда захотим,— сказал он с расстановкой.— А сейчас нас позабавят и серые скалы над бурной рекой.

— Афшин хочет уединиться среди злых духов! — зашептал приятелю несколько опьяневший молодой тюрк.

— Не говори чего не следует! — предостерег юношу старый дихкан.— Афшин услышит — так тебе несдобровать.

— Разве ты не знаешь, что афшин — маг, покоритель дивов! Весь Панч говорит о его подвиге. Недавно он убил дива, который принял облик дикого кабана и поселился в окрестностях крепости Деваштича. Афшин чуть не погиб при этом, но вышел победителем.

— Это делает ему честь! — важно заметил молодой тюрк.— Но почему он хочет там жить? И зачем тебе нужна гора Магов?.. Выпей вот эту чашу и скажи мне правду,— шептал он на ухо старику.— Я тебя не выдам! Я тюрк и согдийского афшина не почитаю даже на полмедяка.

— Если будешь нем как рыба, тогда скажу,— согласился старый дихкан, у которого хмель и обида на афшина развязали язык.

Молодой тюрк, зажав рот рукой, дал понять, что принимает условие, и они вышли в сад.

— Я давно хотел поговорить с тобой о деле,— начал старик.— Ты нужен мне для пользы. А польза будет и мне и тебе.

— Тем лучше,— пробормотал молодой тюрк, захмелевший так сильно, что едва держался на ногах.

— Гора Магов ничтожна! — зашептал старик.— Она нужна мне лишь для отвода глаз. А за горой есть несметное сокровище — заброшенный свинцовый рудник. Там свинца так много, что весь Панч можно одеть в свинцовую броню.

— А как ты узнал об этом? Может быть, то рудник Деваштича?

— Деваштич о нем не знает. Если бы он знал, он бы не стал закупать оружие в Самарканде. Он делает это тайно, а мне все известно — у меня уши вот какие...— Старик сделал при этом жест, показывающий, что уши его слышат далеко.

— А для какой пользы слышат твои уши? — Молодой улыбался.

Старик вытащил из потайного кармана горсть монет и, взяв их в обе ладони, стал прислушиваться к их звону, сладко улыбаясь. При этом его маленькие, сверлящие глазки превратились в черные бусинки.

— Наместник халифа в Самарканде не жалеет звонких монет за добрые вести. А имея длинные уши, можно всегда добыть для него добрые вести.

— Если бы афшин знал, что давно уже куплено каждое его слово, он бы вместо вина подал тебе чашу с ядом,— усмехнулся молодой тюрк.

— Но он этого не узнает! У каждого из нас найдется щепотка яда. Не правда ли? Но ближе к делу. Ты хочешь узнать, как я нашел этот рудник? Очень просто. Мои пастухи пасут стадо вблизи горы Магов. Как-то в дождливую погоду они искали укрытия и забрались в маленькую пещеру, скрытую в диких зарослях. Когда они развели огонь, то увидели, что в пещере есть узкое отверстие — подкоп в гору. Они сделали факел и полезли в то отверстие. Прежде всего они увидели обиталище змей. А когда перебили их палками и полезли дальше, то попали в заброшенный рудничок. Там валялись молотки, а в истлевших корзинах лежали куски свинцового камня. Рядом с корзинами пастухи увидели кости давно погибших рудокопов. Знаешь, как наши предки руду добывали? Разумно! Каждый рудокоп был прикован цепью к стене. Цепь и сейчас висит на костях. Хорошо была прикована. Хочешь посмотреть?

— Зачем смотреть на старые цепи, прикованные к костям, когда можно будет посмотреть на новые, блестящие цепи, прикованные к твоим рудокопам!

— Ты догадлив. Я так и сделаю. Только надо скорее освободить гору Магов. Нужно заставить Деваштича уйти оттуда. К тому же этого желает наместник в Самарканде. Ему не угодно оставлять афшину такое укрытие. Он хочет застичь его в Панче без лишних хлопот. А пока у афшина есть крепость на горе Магов, наместнику много забот.

— Чем же я могу тебе помочь? — спросил молодой тюрк.

— Ты должен пойти к афшину и рассказать ему о том, что дивы не дают житья, изводят птицу, накликают болезни на людей и мор на баранов. Подкупи жрецов, чтобы они сообщили дурные вести афшину, чтобы предсказали гибель всем людям, которые ступят ногой на гору Магов. А когда афшин поверит во все эти россказни, тогда нетрудно будет его уговорить покинуть гору Магов. Подумай только, какую пользу мы извлечем и деньги получим! Их нам пришлет наместник из Мерва.

— Я вижу, ты совсем захмелел,— заметил молодой тюрк.— Только что рассказывал, как афшин победил дивов на горе Магов, а теперь предлагаешь запугать его дивами. Деваштича трудно запугать.

И рудника тебе не видать, как собственных ушей. Рассчитывай лишь на звонкие монеты, которые тебе дадут за длинные уши. А я не стану вмешиваться в это дело. Ты бы мог обмануть афшина, если бы он был круглым дураком, но афшин Деваштич во всем Согде прославлен своим умом! Так легко ли его обмануть?

— Не знаю, кто из нас захмелел! — рассердился старый тюрк.— То ты говоришь, что не почитаешь афшина и на полмедяка, то хвалишь его за ум! Как тебя понять!

— Так и понимай. Я знаю, что афшин умен, а почитать его не хочу, вот как! Но я знаю также, что ты глуп, и не хочу иметь с тобой дела.— С этими словами молодой тюрк поспешно покинул своего собеседника.

Оскорбленный тюркский дихкан долго думал о том, стоит ли мстить молокососу. А еще надо было подумать, не прав ли этот мальчишка. Ведь в самом деле, никогда прежде никому не удавалось обмануть афшина! Единственно, что удалось теперь, это подкупить его звездочета и слуг, чтобы иметь кое-какие сведения для наместника в Мерве. Но афшин так скрытен...

Старый дихкан вовремя увел молодого тюрка. Деваштич был горяч и терпеть не мог самонадеянных птенцов, как он называл безусых молодых тюрков. Он никогда не отказывал им в гостеприимстве, но не любил разговоров с ними, а тем более не прощал дерзостей.

Впрочем, Деваштич, казалось, ничего не замечал. Он был увлечен рассказом одного из гостей, который вспомнил какое-то предание. Афшин любил слушать предания старины и народные притчи — он считал, что в них много мудрости, полезной даже знатному человеку. О Деваштиче говорили, будто, сам он любитель поэзии, мастер сочинять четверостишия. Иные знали, что немало звонких строк было записано его старым писцом Махоем. Но стихи эти слышали избранные.

И все же за чашей вина молодые тюрки передавали друг другу стихи, которые афшин посвятил своей красавице арфистке.

— Вот уже три года он каждый день наслаждается ее игрой,— шептал юноша в лиловой одежде.

— Он дарит бедной девушке драгоценности,— добавил второй.— Я успел рассмотреть на ней золотые браслеты с крупными жемчугами и на каждом пальце перстни с бирюзой. Голова арфистки украшена дорогим убором, одежда из тончайшего китайского шелка...

— Я видел как-то в Самарканде китайскую принцессу,— вмешался третий,— так та принцесса была не так богато одета, как арфистка афшина. Значит, она ему дорога!

— А ты пойди к ней и спроси ее, довольна ли она жизнью у афшина,— предложил один из собеседников.— Только сделай это тихо, чтобы афшин не узнал.

Юноша в лиловой одежде тотчас же поспешил к беседке, но арфистки там уже не было. Не было ее и среди гостей.

Рядом с гостями расположились музыканты. Их было много во дворце Деваштича. Они без устали играли, но афшин не веселился, не шутил.

— Злые языки правы,— сказал, возвратившись, юноша в лиловой одежде.— Афшин спрятал свою арфистку, боится, как бы ее не похитили.

Деваштич приветливо обратился к почтенному купцу Сахраку, недавно вернувшемуся из Китая. Купец привел с собой караван в сто верблюдов. Он побывал во многих странах, много чудесного пришлось ему повидать. Однако виденное в Китае показалось Сахраку удивительным.

— Китайцы построили храмы дивной красоты,— рассказывал Сахрак.— А ремесленники их так искусны, недаром китайцы говорят: «Мудрец, который все видел, не стоит человека, который сделал одну вещь своими руками». Показывали мне чашу из слоновой кости. Такого чуда у нас не сделают. На ней тончайшая резьба, мелкая и ажурная. А когда рассмотришь, так увидишь там дворец с садом, диковинных зверей и птиц, а также людей. Эту чудесную чашу делало три поколения резчиков — целых сто лет.

— Мне хотелось бы иметь такую чашу,— сказал Деваштич.— Привези мне ее!

— Я не знал, что это будет угодно моему господину,— ответил с поклоном Сахрак.— Я привез чернолаковую посуду с райскими птицами.

И он развернул платок, в котором были уложены великолепные чаши. Одни были украшены райскими птицами, другие расписаны цветами яблони. На сверкающем черном лаке пестрые птицы были как живые. Деваштичу очень понравилась расписная деревянная посуда. Он спросил, нет ли еще чего-нибудь из Китая. И Сахрак предложил ему ларец, отделанный золотом и жемчугом.

— В этом ларце принято хранить драгоценности,— сказал купец и положил туда жемчужное ожерелье, которое афшин просил доставить ему из дальних стран.

Но самое удивительное было впереди. Сахрак вдруг отложил в сторону принесенные им вещи и стал с увлечением рассказывать о китайских врачевателях, которые прославлены во многих странах и владеют многими тайнами исцеления.

— И наши врачеватели умеют излечивать недуги,— заметил с усмешкой афшин.— Другое дело, если бы нашлись такие, которые знают секрет молодости.

— Об этом я и хочу рассказать! — воскликнул Сахрак, польщенный тем, что все гости с величайшим вниманием слушали его.—

Я купил у китайского врачевателя волшебный корень жизни. Он сказал мне, что настойка, сделанная из этого корня, дает бодрость и радость молодости.

И Сахрак вытащил из-за пояса небольшой корешок.

— Где же они берут этот корень жизни? — поинтересовался тюркский дихкан.

— Они находят его в дремучих лесах,— отвечал купец.— Его ищут в дебрях, там, где живут тигры. Редко удается охотнику найти такой корешок. И потому цена ему очень высока.

— Сколько же ты уплатил за него?

— Много уплатил! На чашу весов положили этот корешок, а на другую чашу мне было велено положить золотые монеты. И когда чаши сравнялись, мне приказали удвоить количество золотых монет.

— Ну что ж,— рассмеялся афшин,— кто хочет быть молодым, тот не пожалеет золота! Я хочу быть молодым и покупаю у тебя этот корень.

— И мне добудь такой же,— попросил тюрк.

Вслед за ним к Сахраку обратились и другие гости. Купец только разводил руками. Он не рискнул закупить большое количество корешков. Теперь ему придется добывать их через других купцов. А достанут ли те купцы этот чудесный корень!

●

О богатствах Деваштича шла молва по всему Согду. Знатные говорили о его пышных дворцах, о дорогих коврах и золотых кубках. Бедные говорили о плодородных землях, о тенистых виноградниках и зеленых пастбищах, где паслись несметные отары. Казалось, что счастье и благополучие родилось вместе со знатным афшином. Так думали люди Панча.

Но Деваштич думал о том, что ни деньги, ни знатность не принесли ему радости и покоя. Вот уже много лет тревога гложет сердце афшина. Мысли мрачные и темные гонят сон и покой, мешают предаваться веселью. Эти мрачные мысли пришли в тот день, когда воины халифа завладели его любимым городом — Самаркандом. Первое время он рассчитывал сговориться с арабами, пойти на уступки. Он заботился о том, чтобы наместник исправно получал дань и чтобы никто из знати ни в чем не прекословил ему. И вот он ушел в Панч. Теперь он уже больше не ихшид Согда. Его власть сильна только в Панче. Но прошло немного времени и афшин увидел, что лучшие города Согда захвачены завоевателями. Тогда он понял, что настанет день, когда падет и Панч. А жить под игом врага все равно что не жить.

Теперь он в стороне от суеты самаркандской жизни. Вернувшись

в свой Панч, он все заботы отдал сохранению города от иноверцев. Он согласился платить им дань значительно большую, чем платили другие города. Зато воины халифа не бесчинствовали у стен Панча. Половину всего достояния Панча он отдавал ненавистным чужеземцам. И при этом не смел бросить им в лицо ни единого слова упрека. Враги должны были думать, что он, Деваштич, лучший их друг. Он писал им вежливые письма и начинал их пустым возгласом: «Во имя Аллаха!» Разве мог он что-либо делать во имя Аллаха! Разве мог он отречься от веры своих предков и сжечь храмы огня! Добрейшая из богинь, благороднейшая Анахита никогда не простит ему, если он отвернется от богов, которых почитали его деды и прадеды. А лицемерие она простит. Бумага, на которой он пишет: «Во имя Аллаха милостивого...» — это простая бумага. Но сердце его молчит, оно никогда не принадлежало иноверцам. А ведь многие думают иначе.

Долгое время афшин старался ладить с ними, но теперь настали трудные дни — больше он не может угождать. Теперь они уже требуют невозможного: удвоили дань и желают, чтобы знать Панча всенародно приняла веру Мухаммада. Десять лет вокруг хозяйничали завоеватели, а люди Панча жили по-своему, не зная притеснения. Если же воины халифа войдут в город, погибнет все достояние, люди Панча лишатся покоя и благоденствия.

Этого не должно случиться. Но как избежать несчастья? Кто скажет? Кто поможет нужным советом? В старое, доброе время это делал мудрый Махой. В трудные минуты писец всегда находил нужные слова и мудрые решения. И как это случилось, что старик покинул дворец? Он ушел тихо и скромно, сказал, что стар и немощен, но люди говорили, что он ушел от клеветы и наговоров, от глупых речей звездочета Зварaспа. Звездочет всегда был завистливым и жадным, но его приходилось терпеть: во всем Панче не было жреца, который бы умел составлять гороскоп. Зварасп знал, что правитель Панча не может остаться без звездочета. И старый стяжатель позволял себе всякие вольности. Он добился своего и выжил благородного Махоя. Но зато ему теперь не видать прежней милости афшина. И он понимает это, старается не попадаться на глаза афшину и только ждет, когда господин призовет его для дела.

Но сейчас гороскоп не поможет. Нужно умное слово Махоя. К тому же старик всегда знал, о чем говорят простолюдины. У него и родня есть в каком-то селении. Да и люди ремесла бывают у него. Для дела нужно знать, что известно простолюдинам. Никто из его советчиков не сообщил ему, что в Панче есть люди наместника, которым велено все видеть и все слышать. А ведь такие люди есть, и о них могут знать простолюдины. Они никогда не осмелятся зайти во дворец и сказать афшину, что́ им известно. А Махой сумеет

у них выведать тайну. В дни молодости советы Махоя не раз помогали ему. Пусть и сейчас он услышит его доброе слово...

Деваштич с нетерпением ждал старого Махоя и принял его с почестями.

Махоя, как и в старое время, привел в восхищение цветущий сад. Когда он был писцом у Деваштича, это было еще в Самарканде, тогда только начали разводить эту редкую красавицу иву с кружевными, тонкими ветвями. Не было тогда и этих удивительных цветов, похожих на язычки пламени. Как здесь хорошо! Даже лучше, чем в самаркандском саду, а ведь тот сад был редкой красоты.

— Тебе есть чем любоваться!..— заметил старик, приветствуя афшина.— Всем ли ты доволен, мой господин?

— Я давно уже не радуюсь этим причудам,— ответил Деваштич.— Мысли черные, как ночное небо, гнетут меня.

— Я вижу седины на твоих висках! Не рано ли, мой господин? — Махой горько улыбнулся.— Ты почти вдвое моложе меня. Зачем же так быстро старишься?

— Вокруг нас сгущаются тучи, и гроза все ближе и ближе. Разве твое сердце спокойно? — Афшин внимательно посмотрел в глаза своего писца.

— И я вижу тучи,— признался Махой.— Я даже слышу раскаты грома. На тяжелой колеснице приближается к нам враг.

— Что же ты скажешь мне, мой советчик? — спросил Деваштич.— Где твои слова утешения?

— Слова утешения тебе не помогут — тебе нужно знать истину. И я скажу то, что знаю.— Старик умолк.

— Ты боишься меня прогневить? Почему ты молчишь? — Деваштич ждал.

— Я теперь не боюсь гнева людского, мне уже пора думать о гневе богов. Я думаю о том, поймешь ли ты меня. Я видел, как растет недовольство у людей Согда. Купцы из Самарканда и Маймурга говорили мне, что большая ненависть накопилась у людей. Они не хотят чужой веры и чужой плети.

— Что же могут они сделать? Люди, которые не имеют даже кинжала,— какая может быть у них сила!

— О, ты не знаешь, на что они способны! Слыхал ли ты притчу о жаворонке?

— Не приходилось,— признался Деваштич.— Расскажи! Твои притчи всегда помогали мне понять непонятное.

— Притча та простая,— начал Махой.— Однажды жаворонок устроил себе гнездо на дороге, где проходил слон. Обзавелся он семьей, появились яйца в гнезде, пора настала высиживать птенцов. А слон ходил на водопой всегда к одному и тому же месту. Как-то раз шел он знакомой тропой и, наступив на гнездо жаворонка, раздавил яйца.

Жаворонок прилетел, увидел, что случилась беда, и понял, что это сделал слон. Тогда он взлетел, спустился на голову великану и, плача, сказал:

«О царь! Зачем ты убил моих птенцов? Поступил ли ты так, считая меня слишком слабым, ничтожным и презренным рядом с собой?»

Слон ответил:

«Именно так!»

Тогда жаворонок оставил его, отправился к стае птиц и пожаловался им на обиду, которую нанес ему слон. Они спросили:

«Что же мы можем сделать с ним? Мы — слабые птицы!»

Тогда жаворонок сказал сорокам и воронам:

«Я хочу, чтобы вы полетели со мной и выклевали слону глаза, а я после этого устрою ему другую хитрость».

Все согласились, полетели вместе с ним и не переставали клевать слона в глаза, пока не вырвали их. Больше уже не находил слон дороги ни к воде, ни к пище.

Когда жаворонок узнал про это, он прилетел к пруду, на котором было много лягушек, и пожаловался им на обиду, которую нанес ему слон. Они спросили:

«Что можем мы замыслить против могучего слона и как нам одолеть его?»

Жаворонок сказал:

«Я хочу, чтобы вы пошли со мной к пропасти неподалеку от его жилья и квакали и шумели в ней. Когда слон услышит ваши голоса, он будет уверен, что там вода, и упадет в пропасть».

Лягушки согласились помочь жаворонку, собрались у пропасти и заквакали.

Слон услышал их кваканье и, так как его томила жажда, бросился туда, упал в пропасть и погиб. А жаворонок прилетел и, хлопая крыльями над его головой, говорил:

«О тиран, ослепленный силой своей, презиравший меня! Как показалась тебе великая хитрость моя при малом теле и огромное тело твое при твоем слабоумии?»

— Эта притча о многом говорит! — улыбнулся Деваштич.— Я понимаю твою мысль, Махой. Но разве можно надеяться на такое же единство у людей, какое свойственно животным! Люди живут в непрестанной вражде. Кто их научит любить друг друга? Ненависть разобщает их.

— Я не утверждаю, что бедный пастух, который пасет твое стадо, любит тебя,— сказал Махой.— Он послушен тебе, потому что он зависим от тебя. Но врагам своей земли он, конечно, не покорится. Врагу он не хочет служить. Вот и подумай, как сделать, чтобы все

пастухи и землепашцы, все ткачи и гончары, все люди земли и ремесла были тебе верны.

— Об этом позаботился великий светоч жизни — Ахурамазда,— нахмурился афшин.

Его бледное лицо с правильными чертами стало вдруг угрюмым и злым. Деваштич не любил, когда старик брал под свою защиту людей, которые созданы богами для тяжких трудов.

И прежде бывало не раз. Поговорят они о деле, запишут все, что нужно афшину, а потом старик вдруг начнет рассказывать о благородстве безродного пастуха, который спас стадо афшина во время силя[1] и при этом чуть не погиб.

— Для того он и создан богами,— отвечал Деваштич.

А старик не соглашался. Он обычно доказывал, что, может быть, пастух и создан богами, чтобы охранять стада владетеля, но не каждый проявит такое благородство, спасая чужое добро.

Деваштич слушал такие речи без всякой охоты, только затем, чтобы доставить удовольствие своему писцу.

Это всегда сердило старого Махоя. Он никак не мог простить своему господину его пренебрежения к тем, кто трудом своим расцветил эту землю. И он покинул дворец.

И сейчас в недолгой беседе с афшином они коснулись того, что больше всего волновало Махоя.

— Ты думаешь, люди, лишенные мудрости, поймут всю опасность вражеского нашествия? — спрашивал афшин.— Ты считаешь, что они пожелают подняться против врагов?

— А ты сам посуди,— убеждал старик.— Как могут они покориться наместнику, когда в опасности их жизнь! Люди знают, что́ несут с собой враги. Им не хочется умирать за чужую веру.

— А ты знаешь, как многочисленно войско халифа? — сказал Деваштич.— Что́ для них горсточка пастухов и землепашцев?

— А жаворонок разумнее нас,— заметил Махой.

Афшин задумался.

— А что, если собрать всех неимущих, всех пастухов, землепашцев и людей ремесла... Может быть, и соберется грозная сила? — прервал его мысли Махой.

— Почему же не сделали этого владетели Самарканда, Бухары и Мерва? — возразил Деваштич.— Разве они глупее нас?

— У них не было единства, а каждый в отдельности — ничто! Пустое место! Если бы собрались вместе люди Усрушаны, Иштихана, Фая и Бузмаджана[2] и единой силой поднялись против врага, тогда все было бы по-иному...

---

[1] Силь — водный поток во время разлива горных рек.

[2] Области древней Согдианы.

— А если поднять людей моих селений,— прервал афшин,— да еще призвать на помощь соседних афшинов? Трудный час настал. Надо объединиться! Только пойдут ли за мной люди Панча?

— Все равны перед лицом смерти! — отвечал сурово Махой.— Если все поднимутся, враг будет изгнан... Но только надо все делать разумно, а главное — сохранить тайну.— Старик нагнулся к уху афшина и прошептал: — Если твой замысел станет достоянием мервского наместника Саида ал-Хараши, то погибнет нерожденное дитя.

— Ты прав! — согласился Деваштич. Его усталое, озабоченное лицо на минуту оживилось.— Ты прав, Махой. Мы поднимемся против врагов наших. Мы не пойдем по стопам Гурека[1]. Такого ничтожного правителя еще не знала Согдиана. Мы пойдем своей тропой — тропой справедливости.

— О Гуреке разное говорят,— сказал Махой.— Одни утверждают, что он предан иноверцам и верен Мухаммаду. Другие говорят, что он верен Ахурамазде и помогает согдийцам готовить восстание против арабов...

— Самарканд не имел ихшида более лицемерного и продажного,— прервал Махоя афшин.— Гурек совсем не обеспокоен судьбой Согда. Его забота — удержать в своих руках Самарканд. Когда он видит, что люди Согда подымаются против врага, он делает вид, что помогает им. А когда видит силу арабов, начинает служить им. Он лжив и продажен. Я намеревался вывести в горы семьи богатых владетелей. Но я побоялся предательства Гурека.

— Гурек никому не сделает добра,— подтвердил Махой.— Что о нем говорить? Я кое-что узнал для тебя, мой господин...

И оглянувшись, нет ли кого поблизости, старик зашептал на ухо афшину:

— Люди принесли дурные вести. В Панч послан отряд из Мерва. Во главе Сулейман ибн Абу-с-Сари — черная душа. Он был прежде начальником почтовой службы при халифе Омаре. Помнишь? Тогда еще говорили о его предательстве.

— О, это человек-шакал! — воскликнул Деваштич.— Его ненависть к согдийцам превосходит все, что мы знаем об иноверцах. Он может продать всю страну, если ему сделка будет сулить богатую наживу.

— Тогда лучше следовать примеру Самарканда! — сказал решительно Махой.— Мне доподлинно известно, что люди Самарканда намерены покинуть свой город и уйти в Ходжент. Гурек против этого. Он уговаривает знатных не покидать города, обещает им свое покровительство. Но мало кто слушает его. К ним присоединяются люди Карзанджа, Иштихана и Фая. Господин Ходжента обещал пустить их в ущелье Исама, далеко в горах. Если ты намерен увозить с собой

---

[1] Гуре́к (710—737 гг. н. э.) — царь Самарканда и всей Согдианы.

знать, то подумай, не взять ли с собой и простолюдинов. Мне известно, что они без жалости покинут свои дома, свое добро. Они уйдут в горы, чтобы враг не настиг их.

— Я подумаю об этом,— согласился Деваштич.— Если я решусь увести в горы людей Панча, то уж сделаю это разумно, без ведома предателя Гурека. Мы выберем день, который принесет нам удачу, и покинем Панч. Здесь останутся землепашцы, чтобы доставить нам припасы. Первыми пойдут мои воины. Я их вооружил. Если кто-либо предаст нас, мы вступим в бой с врагом.

— Вот это твое слово верное! — обрадовался Махой.— Мы уйдем мирно, но, если битва станет неизбежной, надо приготовиться. Если за тобой пойдут все люди Панча, тогда враг не страшен.

— Мы и тебя возьмем с собой,— сказал на прощанье Деваштич.— Ты не должен оставаться здесь.

— Боги не оставят нас в трудную минуту! — прошептал Махой.

В КРАСОТЕ ИСТИНА

Рустам долго трудился над изображением девушки из виноградника, он мысленно возвращался к тому ясному летнему утру, когда он впервые заговорил с Махзаей. Странное произошло с ним превращение: будто его подменили в то утро, будто в него вложили новое сердце. Теперь он все видит другими глазами. Разве прежде он не видел, как красивы горы, опоясавшие долину Согда? Разве изменилось звездное небо над Панчем? Почему же все выглядит сейчас по-другому? Почему ему кажется, что звезды стали ярче и небо сине́е?

Прежде, бывало, он поднимался на рассвете и сразу же брался за кисти и краски. Старый учитель был доволен этим. А теперь он спешит по утрам на кровлю высокой башни, чтобы встретить там восход солнца. Он ждет, когда оно торжественно выплывет из-за высоких гор и позолотит вершины. Тогда он оборачивается в ту сторону, где за горами скрылась маленькая деревушка Сактар. Там проснулась Махзая. Он смотрит на горы, а видит зеленый виноградник и стройный стан девушки в красном платье. Пожелав ей доброго утра, юноша принимается за работу.

Но странное дело, и работает он совсем не так, как прежде. Чем больше он старается, тем труднее ему выполнить свой замысел. Ведь не впервые он берется за кисть! Почему же сейчас ему так трудно осуществить задуманное? Почему-то именно теперь не хватает многих красок для работы. Их и раньше не было у старого художника, и они ему не были нужны. Но почему они понадобились теперь? Не потому ли, что он делает изображение Махзаи? Он никому не скажет

об этом, но ему так хочется, чтобы Махзая была здесь такая же прекрасная, какой он увидел ее в саду Артавана.

«А ведь ничем не хуже знатной согдийки»,— говорил сам себе Рустам и снова отходил, чтобы полюбоваться своей росписью.

— О, ты щедро разодел свою красавицу! — воскликнул Хватамсач, заглянув в комнату молитв.

Старик рассматривал роспись и что-то бормотал про себя, изредка бросая на Рустама грозный взор.

Юноша ждал с тревогой и нетерпением. Что скажет старик? Не осудит ли? А вдруг похвалит?

— И ты выдаешь это за дочь афшина? — спросил наконец Хватамсач.

— Это не дочь господина,— отвечал Рустам волнуясь. Он впервые поступил по-своему и теперь не знал, как все объяснить старику.

— Где же ты увидел такую красавицу? — спросил Хватамсач, сердясь и в то же время не скрывая своего восхищения.

Рустам с надеждой посмотрел на учителя:

— Я увидел ее на винограднике, в Сактаре. Я подумал, что самому великому Мани[1] была бы угодна такая роспись.

— Однако ты хитер,— уже улыбнулся Хватамсач.— В трудную минуту призываешь на помощь дух великого Мани. Только он тебе не поможет!.. Как же ты посмел! — закричал вдруг Хватамсач тоненьким, визгливым голосом.— Как ты посмел не делать того, что тебе велено? Я этого не потерплю! Ты во дворце афшина! Кто же тебе позволит?

Рустам стоял безмолвно. Он был бледен, губы у него дрожали. Напрасно юноша надеялся, что учитель поймет его. Что же будет!

А все же надо объяснить старику, как это получилось. Он ведь умный — он поймет, когда все узнает.

— Я помню, учитель...— начал Рустам и посмотрел в глаза старика смело и решительно.— Я помню — правда, это было давно, я тогда еще ничего не умел,— ты сказал мне: «Знай, юноша, в красоте истина, умей видеть красоту». Я хотел изобразить дочь афшина — я всегда выполнял твое желание,— но посмотрел на нее и увидел раскосые глаза и нос, подобный лепешке. На лице одна злость. «Как же, думаю, изобразить такое в комнате молитв?» Посмотришь на это изображение — и не захочется молиться. И я подумал: если в красоте истина, то не следует изображать здесь уродку. Надо изобразить девушку из виноградника. У нее глаза как звезды!

---

[1] Мани́ — прославленный художник III века н. э., основоположник манихейской религии, которая сочетала в себе элементы зороастризма и христианства.

— Вот как? — промолвил старик уже тише и спокойнее.— Ничего мне не сказал! Сделал все по-своему! А ведь ты неправ! Ты приукрасил эту девушку. Почему же ты не мог приукрасить дочь афшина? Всякую можно сделать лучше, чем она есть.

— Клянусь молодой луной! — воскликнул Рустам.— У нее точно такие глаза с золотыми искорками, они мне очень запомнились, и волосы такие! Поверь мне, учитель.

— А руки? — спросил задумчиво старик.— Разве у простолюдинки могут быть такие руки, такие тонкие, красивые пальцы? И нет на них следов от тяжких трудов.

— Она еще молода, учитель! — воскликнул Рустам.— У нее руки такие нежные! К тому же я знаю: на росписях во дворце нельзя изображать грубые, натруженные руки.

— Наконец-то я слышу разумное слово,— заметил Хватамсач.— Долго же мне пришлось тебя учить... И все же ты хитер, юноша,— сказал старик уже мягче.— Ты меня перехитрил! Я сказал: «Сделай изображение дочери Деваштича», а ты пошел к землепашцам искать красавицу.

— А ведь нашел? — Рустам посмотрел на учителя с надеждой и волнением.

— Нашел! — признался старик.— Девушка хороша! Что верно, то верно. Живописец должен уметь видеть красоту,— сказал он совсем тихо, но так, что Рустам услышал его.— Твоя удача!.. Но где же мы изобразим дочь афшина? Я хотел сделать это в комнате молитв. Воля господина Панча для нас священна.

— А мы сделаем это в комнате Деваштича,— предложил Рустам.

— О нет! В комнате владетеля должна быть та красавица арфистка, которую он привез из Хорезма. Он ее почитает больше своих дочерей. Он желает там иметь ее изображение. Я сам его сделаю. Но я не могу теперь тебе поручить изобразить дочь афшина. Ты не понимаешь простых вещей. Ты считаешь, что следует показать ее такой, как она есть. А нужно, наоборот, скрыть ее уродство. Ведь она уверена, что хороша собой!

— Тогда ведь получится не она, а другая,— возразил Рустам.

— Восемь лет ты учишься у меня, а все еще младенец! — покачал головой Хватамсач.— Нарисуй красавицу, но в ее одежде, и она поверит, что сама такова...— Старик снова посмотрел на изображение Махзаи. И совсем тихо сказал: — Всегда так было. В красоте истина!

Рустам вдруг почувствовал себя счастливым. Ему удалось задуманное. Не напрасно он ходил по горным деревням в поисках красивой девушки. Не напрасно прятался в саду по утрам, когда Махзая подвязывала кисти винограда. Боги помогли. Это так же верно, как верно то, что взошло солнце. Если бы старик рассердился, то замазал

бы сажей изображение девушки. Бывало и такое! Но старик мудр. Живопись — дело его жизни! Как же может он осудить то, что красиво?

●

Настал день, когда Рустам смог наконец снова увидеть Махзаю. Радость светилась в ее глазах, когда он поклонился ей и сказал, что пришел посмотреть на нее и узнать, как она живет.

— Мне нечего рассказывать,— отвечала Махзая.— Я люблю, когда ты рассказываешь. Как в сказке!

— Сказку можно придумать,— отвечал Рустам.— А жизнь разве придумаешь? Я могу рассказать только о своей жизни.

— Расскажи, как ты научился рисовать. Я никогда прежде не встречала живописца. Когда я видела в храме картины, я думала, что их сделали мудрые старцы. А ты еще совсем молод!

— О, я давно рисую!

— Кто же научил тебя?

— Когда я был совсем маленький, я рисовал углем на стенах нашего дома, глиняную ограду расписывал. Я ходил по деревне и все светлые стены расписывал углем. А когда уходил с отцом на пастбище, плохо мне было.

— Ты помогал отцу пасти стадо? — обрадовалась Махзая.

Ей очень хотелось, чтобы Рустам был таким же простым, как она, как ее отец. Девушка рассуждала про себя: «Если он пастух, значит, ровня нам, а если живописец — тогда он может быть знатный».

— Я помогал отцу. До десяти лет ходил с ним на пастбище, а потом стал убегать.

— Ты убегал? Куда? — Махзае это явно понравилось.

— Два раза убегал, а потом не стал. Отец прибил.

— Бедный! Трудно тебе было?

— Трудно! Я не спал, не ел. Во сне все мерещились стены. Совсем белые. И будто я их расписываю. И не углем, а какими-то красками. Как-то отец спросил меня, не болен ли я. Я сказал, что мне плохо, что не могу жить, когда в руках у меня нет уголька, а рядом нет светлой стены.

«Вот еще причуда! — рассердился отец.— Откуда у пастуха Нанайзата такой сын!»

— Что же ты хотел рисовать? — спросила Махзая.

— Все! Все, что я видел. Мне хотелось изобразить бегущих лошадей, поле, покрытое алыми тюльпанами, горы и небо. А когда я говорил об этом, отец только кивал головой и горестно вздыхал.

«Знаешь, отец,— сказал я ему однажды.— Отдай меня живописцу. Я научусь у него чудесному мастерству и пользу тебе принесу».

А отец не поверил.

«Что ты знаешь, мальчик! — говорил он мне.— Откуда у тебя такое умение возьмется? Ты углем рисуешь, а ведь не в том искусство живописца. Вот есть в храме Панча росписи цветные. Там краски подобны живым! Небо — лазурная синева, листва сочная, зеленая, а лица у людей розовые, нежные и на всех парчовые одежды с золотыми поясами. Сразу видно — знатные господа».

И так захотелось попасть мне в тот храм! Я спросил об этом отца. А он только сокрушался, все повторял:

«Сын землепашца должен поле возделывать, сын пастуха должен пасти стада господина, а мой сын одержим. Он ищет уголь и белую стену. Горе мне!»

— Я знаю, отец твой рассердился...— прошептала Махзая.— Скажи скорее, что было дальше?

И Рустам рассказывал. Уже светила полная луна, когда они расстались.

— Ты завтра придешь? — спросила девушка.

— В праздник жатвы. Я принесу с собой лютню, ты станцуешь, а может быть, и сыграешь?

— У меня нет лютни, я не умею играть.

— А я тебя научу,— предложил Рустам.

— Приходи в праздник жатвы! — крикнула ему на прощанье Махзая.

Девушка возвращалась домой, и счастливая улыбка расцветала на ее лице. Ей так хотелось с кем-нибудь поделиться своим счастьем.

— Махзая! Где ты, Махзая? — послышался голос тетушки Пурзенчи.— Иди скорее сюда, я вижу привидение!

И вслед за тем тетушка Пурзенча закричала в испуге. Махзая поспешила к дому, но только она поравнялась с тетушкой, как из-за стены мелькнуло что-то белое и исчезло среди ветвей. Махзая ахнула от удивления, а тетушка Пурзенча закричала не своим голосом и бросилась в дом.

При свете фитилька Артаван выреза́л игральные кости. Услышав крики женщин, он бросился во двор, но не увидел привидения.

— А где Марьяма? — спросил отец.— Что это ее не видно?

— Она ушла к соседям,— отвечала Махзая.— Хорошо, что ее нет. Она так боится привидений!

— Не почудилось ли все это вам? — усомнился Артаван.

— У нас полный дом привидений!..— жаловалась тетушка Пурзенча, вытаскивая из мешочка сипанд[1] для заклинаний.

— А мы видели привидение,— сообщила Махзая сестре, когда они стали укладываться спать.— Страшно!

---

[1] Сипа́нд — трава для курения.

— Очень страшно? — спросила с любопытством Марьяма.

— Как же не страшно! — зашептала Махзая.— Тетушка Пурзенча приготовила курение.

— А мне так хочется увидеть привидение! Я еще ни разу в жизни не видела его,— вздохнула Марьяма,— а дочь горшечника, Навоная, своими глазами видела... Что же вы меня не позвали?

— Не накликайте беду! — прикрикнула на девочек тетушка Пурзенча.— Сегодня переспим, а завтра будем их изгонять!

— Скорее бы тетушка начала свои заклинания! — шептала Марьяма.— Я люблю подсматривать. Она никого не пускает в дом, а я все вижу в щелочку. Комната наполняется дымом, а тетушка и соседка, взявшись за руки, ходят вокруг курильницы и выкрикивают заклинения.

— А я боюсь! — Махзая прячется под одеяло.

— А еще мне хочется, чтобы праздник был поскорее,— продолжает болтать Марьяма.— Так хочется петь и танцевать. Знаешь, на душе у меня всегда праздник, даже когда я чищу закопченные котлы.

— А как это бывает, когда у тебя на душе праздник? — интересуется Махзая.

Марьяма лукаво улыбается:

— Я пою про себя веселые песни, а потом стараюсь себе представить, что вот как только очищу котел от сажи, так сейчас же начнется праздник. У бассейна, под тутовником, расстелют праздничные одеяла, разложат подушки. Потом начнут прибывать гости. Не соседи, не родственники, а знатные гости — на конях, в дорогих парчовых одеждах. И каждый несет в руках что-то. Конечно, подарки.

— Вот как! — рассмеялась Махзая.— А без подарков ты их не накормишь?

— Я ведь не просила у них подарков! — обиделась Марьяма.— Они сами об этом позаботились.

— А дальше что?

— А тетушка Пурзенча хлопочет. На заднем дворе у нее костры, над ними большие котлы, и в них жарятся целые бараны. Чатиса печет сладкие лепешки на меду и варит сироп. А отец все тащит на деревянных блюдах виноград и гранаты, много-много! «Это,— говорит,— дары нашей земли!» А мы с тобой одеты в праздничные платья из дорогих шелков.

— С цветами или лунами? — спрашивает Махзая вздыхая.— Да ты и не видела дорогих шелков, откуда тебе знать!

— Видела! Помнишь, отец брал меня в Панч, на базар?

— Ну, а потом? — Махзая явно увлечена рассказом сестры.

— А потом приходят музыканты с лютнями и барабанами. Они играют всю ночь, а я все танцую и танцую...

— Ты всегда готова петь и танцевать,— упрекнула Махзая сестру.— И на душе у тебя постоянно праздник. Ты не любишь работать. Ты забываешь, что отец твой землепашец, не имеет богатых земель.

— А я рада, что он не похож на старого Акузера. Я видела его — это настоящий див. Страшный!

— Это верно, что страшный. А все же ты выдумщица. Такой праздник придумала, какого у нас никогда не было и не будет. Ты целого барана в котел опустила, а нам барана на весь месяц хватит.

— А ведь я не одного барана в котел опустила! — смеется Марьяма.— Котлов много, и в каждом по барану. Мне не жалко. Пусть хоть целое стадо! Это ведь сказка!

Марьяма вдруг умолкает и задумчиво смотрит на сестру. Потом, обняв ее за шею, шепчет:

— Махзая, знаешь, не было никакого привидения, это ведь я была. Надела белое покрывало и вышла в сад. Хотела тетушку напугать. Скучно мне, вот я и устроила переполох.

— Что ты, боги рассердятся! — встревожилась Махзая.— Разве можно так?

— Пусть один разочек рассердятся,— отвечает беспечно Марьяма, с трудом сдерживая смех.— От этого не умрешь!

Махзая громко смеется и обнимает сестру. Она ее бранит, а любит больше всех на свете. Ей нравятся выдумки Марьямы. Она частенько заставляет сестру рассказывать небылицы. И как радостно становится на душе, когда зимней холодной ночью после скудного ужина девушки, обнявшись, мечтают! В комнате темно, даже светильник не горит, потому что нет хлопкового масла. А перед ними проходят веселые праздники с песнями и танцами, вкусная еда и красивая одежда — все как у знатных людей. Махзая слушает с восхищением и забывает обо всем на свете. Одного только требует Марьяма — чтобы никто из старших не знал об этом.

●

Рустам с нетерпением ждал праздника жатвы, когда можно будет снова пойти к Махзае. Каждый раз, принимаясь за работу, он вспоминал девушку из виноградника. Он любовался ее изображением и все больше думал о том, что девушка эта особенная, не такая, как другие. И здесь она выглядит по-особенному — ведь он так старался!

Рустам с удовольствием вспоминал свои разговоры с Махзаей. О чем они только не говорили и еще о многом поговорят! А если она снова спросит его, как он стал живописцем, он все ей расскажет. Всего восемь лет прошло с тех пор, как он пришел к учителю. А теперь старый Хватамсач доверил ему росписи стен в комнате молитв.

И подумать страшно! Ведь отец не хотел отдавать его учиться, не верил, что из него выйдет живописец.

Поистине с ним случилось чудо. Рустам отлично помнит то утро, когда они с отцом собрались на базар в город и снарядили старого осла. Они спешили. Впереди сидел отец; сзади, уцепившись за его пояс, примостился Рустам. В Панче они прежде всего остановились у храма. Отец зашел в храм помолиться. Рустаму он велел подождать. Мальчику очень хотелось пойти вслед за ним, хотелось посмотреть росписи. Но он побоялся рассердить отца. Он решил поехать с отцом на базар, а потом вернуться сюда и самому пойти в храм. Так он и сделал. Ему удалось уйти от отца, и он побежал к храму. Вот они, чудесные росписи, о которых говорил отец. У каменного жертвенника, где горел вечный огонь, толпились люди. Все смотрели, как жрец с повязкой, прикрывающей рот, осторожно подкладывал в огонь ветви священного дерева.

В нише одной из стен храма Рустам увидел статую богини; рядом на стене была роспись — оплакивание Сиявахша, прекрасного отрока. Что это было за чудо! Скорбные лица плакальщиц поразили Рустама. Он почувствовал, что по лицу его текут слезы. Плакальщицы раздирали на себе одежду, рвали волосы, резали ножами живое тело. А в глубине лежал прекрасный отрок. Он был мертв, но лицо его было так спокойно и красиво, будто он спал.

Рустам смотрел как завороженный. Он решил, что ему самому никогда не научиться этому удивительному мастерству.

А Нанайзат тем временем ходил по городу и искал сына. Он никак не мог понять, куда исчез Рустам. Он метался по базару и всем встречным рассказывал, как одет и как выглядит пропавший мальчик.

— Кто же его увел? — недоумевал бедный пастух.

А люди говорили, что бродяги воруют детей и увозят их для продажи в Мерв. Пастух был в отчаянии. Сердце его разрывалось от горя. Он проклинал тот час, когда задумал поехать на базар.

Нанайзат решил снова зайти в храм, сложить на жертвеннике благовонные травы и попросить милости богов... Сын был здесь! Ах, как был счастлив Нанайзат! Он прижал мальчика к груди и шептал слова благодарности богине, которая помогла ему его найти.

Нанайзат видел, с каким восторгом мальчуган рассматривал росписи и как неохотно он покинул храм. Пастух решился на то, что раньше казалось ему невероятным. Он тут же стал всех расспрашивать, где ему найти живописца, который сделал эти росписи. Он решил просить его взять мальчишку в учение. Ему назвали старого художника, который служит при дворе афшина Девагатича.

— Как-нибудь сходим к нему,— сказал отец.

— Сейчас пойдем! — взмолился сын.— Зачем откладывать?

Они пошли во дворец афшина. Всю дорогу Нанайзат беспокоился: пропустят ли их туда и как обратиться со словами просьбы к такому важному господину? И станет ли он с ними разговаривать? Но их пустили во дворец. И человек, видимо писец афшина, встретившийся им у ворот, осведомился, зачем им нужен Хватамсач. Когда он узнал, что мальчик одержим страстью к живописи, он сказал:

— Хватамсач — человек суровый, но справедливый. Он может встретить вас бранью, но, если узнает, что мальчик одарен, может взять его к себе. Надо показать ему что-либо нарисованное твоим сыном.

Вернувшись домой, Нанайзат сам приготовил сыну белую гладкую доску и велел изобразить на ней что-нибудь. Рустам принялся за работу. К концу дня он показал доску отцу. На ней, как живой, стоял Нанайзат со своим посохом, а впереди шли красивые курчавые овцы. Пастух с изумлением разглядывал рисунок. Впервые мальчик услышал похвалу отца.

Вскоре они снова пришли во дворец, разыскали знакомого им писца, дали ему доску с изображением Нанайзата и просили отнести ее к живописцу.

А потом пришел Хватамсач.

— Куда его, совсем еще младенец! — закричал он, схватив Рустама за плечо.

Потом взглянул на пастуха и очень удивился тому, как точно передал его лицо Рустам. Он сказал:

— Можешь оставить у меня своего сына. Он будет подавать мне краски. Считай это за великую честь!

Отец и сын низко поклонились суровому живописцу и стали благодарить старика.

Старик даже не взглянул на них, погладил свою бороду большими корявыми руками и сказал:

— Плохо будешь служить — выгоню!

Когда Нанайзат стал прощаться с сыном, Рустам постарался не выдать своей печали, но слезы застилали ему глаза.

— Не собираешься ли ты собственными слезами разбавлять мои краски? — спросил старик.

От этой шутки мальчику стало как-то легче на душе. Он утер слезы и пошел за своим учителем во дворец.

Сейчас, глядя на свои росписи, Рустам думал, что восемь лет пролетели как один день, а если вспомнить день за днем, то каждый день был нескончаемо длинным и трудным.

Рустам растирал краски. Вначале ему нравилось это занятие. Словно по волшебству, из грязного камня получались синие, красные и желтые краски — яркие и красивые. Трудно было поверить, что эти краски сделаны из камней.

— Эй, мальчуган,— кричал старик,— давай скорее черную краску!

Рустам бросался к черным жерновам и быстро растирал уголь с сажей. Он тщательно смешивал их и нес старику. А тот снова кричал:

— Скорее пурпур подай, чучело!.. Тебя на огород надо ставить, птиц пугать, а я, старый глупец, доверил тебе краски!

Теперь Рустаму смешно, а тогда он очень огорчался. Особенно он запомнил день, когда решил убежать домой. Мальчик, как всегда, помогал старику. Вдруг Хватамсач потребовал пурпурную краску. Рустам взял красную глину и только собрался присыпать к ней желтого порошка, как в голову ему полетела толстая кисть. Рустам вздрогнул от неожиданности и, схватившись за ушибленное место, так измазал себе лицо, что все подручные старого художника стали корчиться от смеха. Один из них заметил, что Рустам может быть отличным шутом в праздник Нового года. Рустам не заплакал, хотя ком подступил к горлу и душил его. Зато позднее, когда все ушли, он спрятался под старой овчиной и долго плакал от тоски по родному дому. Ему хотелось бежать домой и рассказать отцу, как его здесь обижают. Но он не сделал этого. Он остался. Как раз в это время старик заканчивал удивительные росписи. Рустаму хотелось увидеть их готовыми.

На большой стене просторного зала были изображены гости из дальних земель. Сам господин Панча принимал их в праздничном зале своего дворца. Они сидели на пестром ковре, подобрав под себя ноги.

Позднее старик рассказал юноше, что наблюдал за теми купцами во время пиршества, чтобы хорошенько их рассмотреть и запомнить все свойственные им причуды. Рустам увидел, что лица у гостей были желтоватые, а глаза раскосые. А Деваштич получился на росписи совсем как живой. Бледное лицо, черные глаза, маленькая бородка и золотой пояс на тонкой талии. Он потчевал гостей вином из золотых чаш. Рустама удивило, почему гости сидят под зонтиками. Хватамсач объяснил ему, что они прячутся от солнца. Он рассказал, что эти люди не молятся солнечному лику, а молятся своему медному Будде. Многое знал старик, и, когда бывал доволен работой Рустама, он рассказывал ему неведомое и удивительное. Рустам полюбил старика за чудесное мастерство, за мудрость.

●

— Махзая! Эй, Махзая! Слушай меня, Махзая!..

Рустам, задыхаясь, бежал по крутой тропинке, ведущей к домику Махзаи. Лицо его раскраснелось, волосы растрепались, полы халата развевались на ветру.

— Ты слышишь меня, Махзая!

— Слышу, Рустам. Что случилось? Почему ты так кричишь, будто я за рекой и не услышу тебя? — Махзая приветствовала юношу взмахами рук и веселым смехом.— Говори скорее, Рустам. Наверное, случилось что-то удивительное?

— Ты права, Махзая. Случилось удивительное. Старику понравилось твое изображение в комнате молитв. Теперь каждый сможет увидеть тебя во дворце. Ты там как живая. Я очень старался.

— На меня будут смотреть знатные господа?

— Будут смотреть и восхищаться! — Рустам схватил Махзаю за руку и, погладив тонкие смуглые пальцы, продолжал: — Старик не верит, а ведь у тебя пальцы тонкие и нежные, как у арфистки.

— Какой арфистки? Тебе нравится арфистка?

Рустам увидел испуг в глазах девушки и поспешил успокоить ее:

— О нет! Для меня нет на свете девушки лучше Махзаи!

— Пусть бы так было всегда! — прошептала Махзая.

— Так будет всегда! Зачем же я тогда встретил тебя?

— И я так думаю, Рустам. Только хочу спросить тебя...

— О чем, Махзая? Спроси!

— Нет, не спрошу. Стыжусь я...

Махзая прикрыла лицо рукавом платья и стояла молча, не решаясь произнести ни слова.

— Спроси, милая Махзая, зачем стыдишься?

— Тогда я спрячусь в листве, оттуда, может быть, спрошу.— Вся зардевшись, Махзая скрылась за плотной завесой из виноградных листьев: — Рустам, я давно хочу спросить тебя... Рустам, скажи, ты любишь меня?

Наступила тишина — такая долгая, что Махзая замерла.

Молчал и Рустам, не в силах от волнения найти слова. И вдруг лицо его озарилось такой ясной, счастливой улыбкой. Он протянул руку к зеленым ветвям, скрывавшим девушку, и спросил:

— А ты веришь мне, Махзая?

— Верю!..

— Вот поверь, Махзая, лучше тебя нет девушки на свете. Как же мне не любить тебя!

Прижав руки к груди, Рустам склонил голову до самой земли.

КАРАВАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Караванный путь в Румийскую страну пролегал через многие города, прославленные своими дворцами, храмами и базарами. Первый из них на пути из Панча — древний Самарканд. Всякий, кто хоть

раз побывал в Самарканде, с восторгом рассказывал об этом чудесном городе.

Аспанзат так много слышал о Самарканде, что иной раз ему казалось, будто он сам все видел. Правда, отец говорил, что с приходом арабов многое изменилось к худшему, что и люди стали не те: боятся друг друга, не так гостеприимны. И все же очень хотелось побывать в Самарканде.

Караван шел мимо селений, садов и виноградников и к вечеру, на полпути к Самарканду, оказался вблизи горного ручья. Здесь решили сделать привал и провести ночь. Время было беспокойное. То и дело нападали бедуины, грабили караваны.

Ехавший впереди каравана старший из купцов, красивый, седобородый Тургак, сделал знак остановиться. И сразу же люди стали снимать поклажу, кормить верблюдов и готовить ужин.

Тургак расположился на мягкой войлочной кошме и тотчас же велел проводникам разложить припасы, а двум, вооруженным луками, он приказал охранять лагерь.

Люди принялись за ужин. Аспанзат взялся варить похлебку. Пока юноша нарезал баранину и раскладывал костер, проводники принесли камни для очага.

Вскоре в медном котле шипела жареная баранина. Аспанзата хвалили за расторопность. Все предвкушали сытный ужин.

Вдруг котел перевернулся в пламя, и, прежде чем кто-либо смог подоспеть к очагу, дымящееся ароматное мясо вывалилось в огонь.

Аспанзат подскочил к огню и увидел, что крепкие камни, подставленные под котлом, рассыпались на мелкие части. А из-под обломков обгоревшего камня поблескивали капли светлого металла.

— Вот где оказался клад! — воскликнул Аспанзат.— Посмотрите, не серебро ли это? Камни рассы́пались, а среди пепла что-то сверкает.

Купцы окружили костер и стали рассматривать кусочки металла, которые Аспанзат палкой извлекал из пепла.

— Не знаю, что это,— сказал Тургак.— Боюсь, что нам сопутствуют дивы. Они и лишили нас долгожданного ужина.

— Однако не серебро ли это, оно может нам пригодиться...— заметил молодой купец с коротенькой черной бородкой и длинным, тонким носом.— Ужин пропал,— добавил он с улыбкой.— Но зато мы открыли богатство. Ведь из такого металла можно сделать дорогую чеканную посуду.

— В самом деле,— согласился маленький, юркий старичок — врачеватель, едущий в Гургандж.— Быть может, вы извлечете пользу из этой беды?

— Запомни это место,— приказал проводнику купец с черной

бородкой и длинным носом.— Мы побываем здесь, когда будем возвращаться.

За ужином уже говорили о другом, словно забыли о странном происшествии. Один Аспанзат помнил об удивительном превращении. Он все озирался по сторонам, не покажутся ли дивы или привидения. Укладываясь спать, юноша плотно завернулся в кошму. Ему было страшно вдали от дома и от доброй Чатисы, которая умела отгонять злых духов молитвами и заклинаниями.

Был месяц цветения тюльпанов, но дневное тепло неизменно сменялось ночной прохладой. Аспанзат долго не мог уснуть. К добру ли это? А может быть, и здесь дивы виноваты? Отец обещал принести жертву в храме предков. Молитвами он оградит его от опасностей.

А может быть, злые духи сопутствуют этим купцам? Ведь он не знает, какие это люди! Может быть, жадные и завистливые или жестокие! Отец говорил, что злость и жестокость караются небом. Правда ли это?

Говорят — молодость хороша. Так ли это? Молодость наразумна. Вот и сейчас ему тревожно оттого, что все неведомо и таинственно. Но тут он вспомнил напутственные слова доброго писца Махоя:

«Старайся, сынок, всегда постигать мудрость. В каком бы положении ты ни был, приобретай крупинки мудрости. Ведь мудрости можно учиться и у невежд!.. Помни, сын мой,— говорил старик,— если ты посмотришь на неуча оком сердца и устремишь на него зрение разума, то будешь знать, что в нем тебе не нравится».

Чтобы Аспанзат лучше понял эту мысль, добрый Махой привел ему пример из жизни Искандера. Великий полководец говорил:

«Я выгоду получаю не только от своих друзей, но даже от врагов. Если я совершу какой-либо дурной поступок, друзья по снисхождению стремятся его скрыть, чтобы я не знал об этом, а враг по причине вражды говорит о нем, чтобы мне все стало известно. Тогда я это дурное дело от себя удаляю и, следовательно, выгоду эту получаю от врага, не от друга»[1].

Одни боги знают, как не хотелось Аспанзату расставаться с мудрым Махоем. За время, проведенное у него в учении, он многому научился. И как прост и скромен был Махой, совсем не похож на знатного вельможу. А ведь прославлен своей ученостью! Старик сердечно привязался к Аспанзату и охотно отдавал ему сокровища своих знаний. На прощанье он сказал юноше:

---

[1] Искандéр (Александр Македонский, 356—323 гг. до н. э.) — крупнейший полководец и государственный деятель древнего мира. Царь Македонии, сын царя Филиппа II. Подавив восстание в Греции, в 334 году до н. э. предпринял поход против Персии. В результате завоевания персидского царства Ахеменидов и проникновения в Индию Александр Македонский создал мировую монархию, простиравшуюся от Дуная до Инда.

«Если боги не возьмут меня в лучший мир, то судьба тебе еще коечему поучиться у меня. Я всегда рад тебя видеть».

Он дал Аспанзату несколько монет и повесил ему на шею свой талисман — маленькую бронзовую птичку.

«Эта птичка предохранит тебя от злых сил в пути»,— сказал Махой, прощаясь с юношей.

Аспанзат задремал, прижимая к груди подарок Махоя. Небо уже светлело, когда проводники стали поднимать верблюдов, при каждом движении которых звенели медные колокольчики. Аспанзат подумал о том, что надо бы встать, но сон сковал его веки. Только призывные крики старого проводника заставили Аспанзата вскочить и мигом прогнать сновидения.

Как чудесно пели птицы на заре! Как славно журчал ручей! Как красивы были тюльпаны, покрытые капельками росы! Это были любимые цветы Кушанчи, и ему стало грустно от мысли, что девушка уже далеко, а завтра будет еще дальше. Как радостно проходил всегда праздник тюльпанов! В этот день юноши и девушки с песнями шли в горы за цветами. Они собирали целые охапки тюльпанов, а потом оставляли девушек с цветами, чтобы они могли приготовиться к праздничным пляскам. Девушки запирались в каком-нибудь доме и, забавляясь веселыми шутками, плели себе венки. Потом юноши засыпа́ли их лепестками цветов, а они так стремительно убегали, что невозможно было за ними угнаться.

Аспанзату всегда казалось, что Кушанча красивее всех в своем венке.

Однажды соседка обратила внимание на пляски Кушанчи и сказала, что с таким даром можно смело танцевать во дворце афшина. Но, боже упаси, Чатиса и слышать не хотела об этом. Какой там дворец! Бедной девушке нечего делать во дворце!

«Чем быть прислужницей у афшина, лучше быть хозяйкой в своем собственном доме»,— говорила Чатиса.

«А Чатиса гордая! — подумал Аспанзат, вспоминая этот разговор.— И Кушанча, должно быть, такая же. Ах, если бы узнать, что там делается сейчас! Рассказала ли Чатиса своей дочери всю правду обо мне? А что подумала Кушанча? Пожалела ли его?» И вдруг Аспанзату пришла в голову мысль. А что, если написать письмо Кушанче? Самое настоящее письмо! Как обрадуется девушка! В письме он обо всем расскажет. Вот прибудут они в Самарканд, заедут в караван-сарай, и тотчас же он напишет Кушанче. А там, наверное, найдутся люди, которые возвращаются в Панч.

Аспанзат все же замешкался, размышляя о доме. Его верблюды оказались последними в караване. Нельзя сказать, чтобы это было приятно. Пришлось ехать в сером облаке пыли, поднятом верблюдами, идущими впереди. Казалось, что туча идет с караваном.

А ведь ослепительно сверкало солнце и воздух был чист и прохладен, как бывает только во время цветения тольпанов!

Караван подошел к западным воротам Самарканда за час до заката.

— Вы удачливы,— сказал Тургаку старый привратник.— Через час наши ворота уже будут на запоре, и тогда приезжие проводят ночь за городской стеной, в обществе сторожей и шакалов.

— И давно такое?

— Да это новые правители установили новые порядки. Теперь ворота города закрываются на закате. Многим приезжим людям случалось прибыть позднее, и все оставались ждать следующего дня.

Аспанзат обратил внимание на тяжелые бронзовые запоры и медную обшивку западных ворот, отделанную причудливой чеканкой, какой славились самаркандские мастера. Навимах не раз рассказывал о них дома. А вспоминал он об этом потому, что его ближайший родственник был прославленным литейщиком. Искусный мастер подарил Навимаху медный, украшенный чеканкой кувшин, которым Чатиса очень гордилась и позволяла набирать в него воду только по праздникам.

Почти у самых ворот начиналась кривая, грязная улица, пропахшая овчиной и кожами. Здесь жили кожевники и башмачники. Одни выделывали кожи, другие шили башмаки. Стук молотков смешивался здесь с возгласами женщин, которые тут же на улице пекли лепешки, жарили мясо, варили в меду что-то пряное и душистое.

По узкому переулку караван проехал к храмовой площади, где некогда высился красивейший в Самарканде храм огня, а теперь стояла мечеть. За этой площадью было самое большое в городе помещение, куда прибывали караваны купцов со всех концов земли.

Шумно и оживленно было в самаркандском караван-сарае. Тут можно было увидеть и тюрков, и русов, и людей Чача[1]. Сновали арабы в своих громадных чалмах. Кочевники — люди пустыни, как называли их в Согдиане,— были далеко видны в своих высоких мохнатых шапках. А на женщинах так и сверкали ожерелья из медных монет. Они носили высокие головные уборы, украшенные медными бляшками, красные длинные платья. Купцы объяснили Аспанзату, что это не царские жены, как он думал, а обыкновенные женщины из кочевых племен.

Освободив верблюдов от поклажи, купцы расположились в прохладном полутемном помещении с тем, чтобы провести здесь ночь и утром отправиться дальше, к Бухаре. Всем хотелось узнать побольше новостей: что продают на базаре и как ведут себя воины

---

[1] Чач — Ташкент.

наместника? Здешние согдийцы рассказывали, что в городах они не так наглы, как в селениях и на проезжих дорогах.

Приезжие купцы удивлялись тому, как безропотно самаркандцы выполняют законы иноверцев. Особенно это было заметно в час молитвы. Как только муэдзин[1] с минарета призвал правоверных к молитве, все, кто был в караван-сарае, взяли свои коврики, повернулись лицом к Мекке[2] и, став на колени, принялись читать молитвы. Странно было слышать эти молитвы из уст согдийцев, которые приняли ислам из страха перед арабским наместником. Все знали, что эти люди не захотели платить джизью[3]. Зато согдийцы, оставшиеся верными Заратуштре, не прощали соотечественникам такого предательства. Они громко выражали свое негодование.

— Если вы хотите увидеть, сколько согдийцев продалось иноземцам, пойдите на улицу,— сказал один из прежних купцов.

Спутники Аспанзата кинулись во двор и увидели людей почти на всех плоских крышах домов. Они стояли на коленях.

— Где же истина?! — воскликнул потрясенный Тургак.— Как смогли чужеземцы отнять веру у согдийцев? Я знал о том, что могут отнять скот, одежду, дом, землю. Но веру?.. Этого я не знал!

— Пусть великий светоч жизни не даст тебе этого узнать,— отвечал местный купец.— У чужеземцев — сила, им нетрудно было отнять веру. До чего додумались — поставили соглядатаев! В каждом доме теперь живет воин. Он следит, выполняют ли согдийцы обряды ислама. Если в доме выполняется намаз, то человека не трогают. Если же кто-либо из согдийцев, верный своим предкам, отказывался выполнять намаз, то его заставляли платить такую подать, что вскоре он становился нищим. Что же делать бедному человеку! Он притворяется, что верит чужим богам, а сам тайно молится великому Ахурамазде. Ведь это единственный источник света и правды!

Купцы пошли искать своих знакомых и родственников, а юношу оставили во дворе, чтобы он охранял тюки с товарами. Утром они обещали отпустить его посмотреть город.

Оставшись один, Аспанзат решил заняться письмом. Он вытащил из своего мешка кусочек кожи, заветный пузырек черной краски и тростниковое перышко.

Неподалеку от него сидел какой-то странник в рваной полотняной одежде с худым, почерневшим лицом. При свете фитилька в глиняной чаше он читал папирус. К нему и подсел Аспанзат. Странник приветливо посмотрел на юношу. Убогая одежда Аспанзата и грубые

[1] Муэдзи́н — служитель при мечети, призывающий с минарета к свершению молитв.

[2] Ме́кка — город на западе Саудовской Аравии. Религиозный центр ислама, место паломничества мусульман.

[3] Джизья́ — подушный налог с людей, не принявших ислам.

башмаки из бараньей кожи говорили о том, что юноша очень беден. Однако он приготовился писать, и это привлекло внимание незнакомца.

— Кто же учил тебя грамоте? — спросил он Аспанзата.— Разве так богаты твои родители?

— У меня нет богатства,— ответил Аспанзат.— Мой отец — бедный коконовар. А учил меня письму знаменитый в наших краях писец Махой. Без денег учил, по доброте сердечной.

— О, ты родился под счастливой звездой! — воскликнул странник.— Это мудрый старик. Я его никогда не видел, а уважаю его почтенные труды. Немало сделал он рукописных книг. Я видел написанную им книгу. В ней собраны предания старины. Что за книга! Сколько трудов он положил, чтобы собрать эту мудрость предков!.. Ты читал эту книгу?

— Нет!..— Аспанзат был смущен. Он даже не видел этой книги.

— Но вот беда, книги эти уже становятся редкостью,— продолжал странник.— Воины халифа сжигают их. Да! Я не желал бы тебе быть свидетелем такого зрелища. Сердце разрывалось от горя! Я надел это рубище, притворился мусульманином и хожу по согдийской земле, напоминая людям, что недостойно отказываться от веры отцов и родного языка. Вот и сейчас я читаю летопись, которую дал мне на хранение один старый писец, ныне уже оставивший свое благородное занятие. Он отдал мне самую драгоценную из своих рукописей. В ней рассказано о наших обычаях. Здесь многое записано из священной книги Заратуштры. И это особенно дорого моему сердцу.

Слова странника потрясли Аспанзата.

— Что же я могу сделать во имя справедливости?

— Что тебе сказать...— отвечал ему собеседник.— Я могу дать добрый совет: никогда не забывай своего племени, никогда не отказывайся от своей веры и, если есть у тебя возможность увековечить родное слово, не отказывайся от этого. Добудь себе обрывки кожи, палки, все, что пригодно для письма. Не пожалей времени — и сядь за дело. Пиши все, что знаешь, что слышал, что изучил в науках. Помни, что твое слово, записанное на родном языке, сохранится для твоих детей и внуков.

— Скажи мне, добрый человек,— обратился юноша к страннику,— куда же мне девать то, что я напишу для памяти о нашем времени? Кому мне это отдать?

— Никому не отдавай! — Странник пристально посмотрел в глаза Аспанзата своими горящими, как угли, глазами.— Спрячь все это так, чтобы не увидели враги. А когда настанет день освобождения, когда иноземцы будут изгнаны с нашей земли, тогда все это найдется, и тебе будет вечная благодарность от людей твоего племени.

— Я все понял...— ответил задумчиво Аспанзат.— Хотел бы я

знать твое имя, добрый человек. Ты сказал мне благородные слова.

— Одни зовут меня дервишем[1], иные называют одержимым, потому что я безумен для тех, кто уже продался иноверцам. А имя, данное мне отцом,— Варзак. Я был искусным певцом и музыкантом, а теперь давно уже не пою — теперь я плачу. Я видел многие страны, видел разных людей и узнал обычаи, мне неведомые, а теперь брожу по родным селениям, чтобы открывать людям глаза на правду... Поезжай посмотри. Мир велик и прекрасен! — посоветовал Варзак юноше.

«Свет очей моих, Кушанча,— писал Аспанзат,— я видел тебя во сне. Ты сидела рядом со мной под нашим ветвистым чинаром, и я любовался твоим нежным и прекрасным лицом. Но вот я проснулся, и сердце мое разрывается от горя. Я уже далеко от тебя, а завтра буду еще дальше. Ах, зачем я был робок, зачем не признался тебе в своей любви! Почему не сказал тебе, что ты лучше всех девушек Согда! И если бы я был самим ихшидом, все равно захотел бы быть твоим рабом.

Свет очей моих, Кушанча, мы в разлуке, но сердце мое с тобой. Разве ты не слышишь, как оно бьется? Мои мысли летят к тебе вместе с прохладным вечерним ветерком. Если хочешь узнать их, посиди на закате под нашим чинаром и послушай шелест его листвы. Он расскажет тебе о моей любви. А любовь моя жарче солнца и сильнее грома небесного! Она нежна, как прохладная струя священного ключа, и благоуханна, как цветы миндаля.

Путь наш далек. И только небу известно, что ждет нас впереди. Помни меня, Кушанча! Мое сердце принадлежит тебе!»

Аспанзат долго сидел над этими строчками. Он обдумывал каждое слово, а буквы выводил с таким усердием, какого никогда не проявлял при занятиях со своим учителем. Закончив письмо, он свернул его в трубку и завязал шнурком. Затем стал терпеливо ждать, когда вернутся купцы. Было уже совсем темно, и в открытую дверь виднелся кусок черного неба, вытканного громадными мерцающими звездами. Купцы все не шли. Юноша уснул рядом с тюками и проснулся лишь утром, когда проводник каравана растолкал его, чтобы он, не теряя времени, шел по своим делам. Старик рассказал Аспанзату, как пройти на большой базар.

Аспанзат шел по шумным улицам Самарканда и дивился красоте дворцов и храмов. Какие умелые мастера воздвигали эти чудесные строения! Поистине Самарканд — прекраснейший из городов! Но как допустили люди Согда, чтобы этот древний град заполнился мечетями!

Вот и базар. О, это не Панч! Это чудо-базар! Кажется, что целый

---

[1] Дéрвиш — мусульманский странствующий монах в странах Востока.

город только и занят тем, что торгует разными товарами. Нескончаемыми рядами тянулись навесы ткачей и шелкоделов. Пестрели всевозможные шелка, лежали свертки полотна, висели дорогие ковры и маленькие тонкие коврики, которые появились здесь с приходом арабов. Ими пользовались для молитвы.

Рядом с товарами сидели толстые, важные купцы. Одни предлагали шелковые халаты, другие расхваливали серебряную парчу, третьи зазывали женщин и предлагали им посмотреть заморские шали и ватные одеяла. Впервые Аспанзат увидел собольи и лисьи меха, которые были привезены от русов, а рядом продавали высокие седла из лошадиной кожи, сделанные в Чаче, хорезмийские луки и мечи.

Вот сидят кожевники и башмачники. Чего только здесь нет! Какие красивые мягкие кожи, какие шкатулки, обтянутые сафьяном, тисненным золотом! А башмаки для невест, украшенные бисером!.. В мясных рядах висели целые туши баранов, стояли котлы с жареной бараниной. Можно было попробовать кусочек, прежде чем купить такого барана.

Глаза разбегались, и не хотелось уходить отсюда, хотя не было денег чего-либо купить. Дома ему дали припасы в дорогу, а денег у него было совсем мало, только на оплату ночлега. И все же Аспанзат остановился в ряду, где продавались сласти. Вот белеет целая глыба чудесных сахарных леденцов. Рядом — орехи в меду и отборный миндаль, тут же сушеные дыни и изюм.

Рассматривая сласти, Аспанзат обратил внимание на покупателя, лицо которого показалось ему знакомым. «Да это купец из Панча,— вспомнил юноша.— Он покупал шелка у Навимаха. Какое счастье!»

Аспанзат тотчас же обратился к земляку с просьбой взять его письмо. Тот согласился и обещал доставить его Навимаху через два дня.

В тот единственный час, когда Аспанзат вышел на улицы Самарканда, он встретил земляка. Разве это не доказательство того, что ему сопутствуют добрые духи! Аспанзат потрогал медную птичку на груди и мысленно поблагодарил своего учителя.

●

Караванный путь из Самарканда в Бухару был бойкой дорогой, на которой то и дело попадались встречные путешественники. Однако теперь старый Тургак удивлялся тому, как мало они повстречали купцов.

— Видимо, народ боится чужеземцев и старается обойтись своим базаром,— говорил он с горькой усмешкой. Он рассказывал о том, какие бывали здесь раньше встречи и как нередко в пути совершались

торговые сделки. Боюсь, что миновало то счастливое время! — вздыхал Тургак.

Но молодой чернобородый купец уверял, что арабы — самые знаменитые купцы и что с ними можно еще лучше вести торговлю, чем с другими.

— Уж не продался ли ты Мухаммаду? — спросил Тургак.— Тебе по душе все чужеземное.

— Для человека торгового недостойно сидеть на месте,— отвечал молодой купец.— Наше дело такое — всегда в пути...

Важно покачиваясь среди тюков, слегка придерживая своего верблюда, он отстал от Тургака. Стоит ли спорить с этим старым, бывалым купцом. Ведь он прославлен своей верностью Заратуштре. А чем плоха вера Аллаха? И жить стало бы легче. Но он ни за что не признается в этом Тургаку. Он знает, что почтенный купец не простит ему измены и обесславит на весь купеческий мир.

●

В Бухаре караван остановился на окраине. И здесь все говорили о переменах.

— Пойдем в наш храм, воздадим жертву, пусть добрые боги сопутствуют нам!

С этими словами Тургак первый оставил своих верблюдов и пошел к знакомой площади, где некогда велась бойкая торговля идолами и где потом был воздвигнут храм огня. Аспанзат пошел вслед за Тургаком. Но каково было их удивление, когда на месте храма огня они увидели высокую, красивую мечеть, искусно украшенную бухарскими резчиками.

— Вот до какого позора дожили!..— воскликнул Тургак.

В горестном раздумье покидали они Бухару.

БУДЕТ ЛИ СПАСЕНИЕ?

Позади осталась Бухара, впереди — Гургандж, а между ними горячие пески пустыни. В горах еще прохладная весна, еще яблони в цвету и по ночам холодно, а здесь такой зной, от которого огненные круги перед глазами, и кажется, что тело твое поджаривается на солнце. Аспанзат пожаловался погонщику.

— Эй, добрый человек, худо мне! Боюсь, что не вынесу этой жары. Нечем дышать.

— На что ты жалуешься? — На черном, морщинистом лице погонщика можно было прочесть искреннее удивление.— Разве так жарко?

Это очень хорошо, лучше не бывает! В настоящую жару верблюд упадет, а ты спрячешься в песок, чтобы не сгореть на солнце. Сейчас хорошо! Можно весь день гнать верблюдов, а ночью можно спать. В настоящий зной ночью не поспишь — ночью будешь в пути... Не жалуйся, не гневи бога. Обмотай рот платком — губы пересохнут.

— Я впервые иду с караваном,— признался Аспанзат.— Я вижу, что люди привычные не жалуются.— Он обмотал рот платком и, усевшись поудобнее между горбами, старался задремать под мерный перезвон колокольчиков.

Тихо шли верблюды по горячим пескам, медленно двигался караван. И оттого, что так знойно небо, и оттого, что так однообразны песчаные барханы, путь казался нескончаемым. Зато вечером, когда наступала прохлада, люди оживали. Аспанзат всегда с нетерпением ждал часа, когда устраивали привал. За едой начинался нескончаемый разговор о разных путешествиях и приключениях, сопутствующих бывалым купцам.

— Поистине необъятна вселенная! — говорил Тургак.— Сколько стран на свете, сколько народов и племен, сколько языков и наречий!

Больше всего Аспанзат любил слушать спор Тургака с молодым длинноносым купцом.

Как-то зашла речь о благородстве. Тургак горячо доказывал, что настоящий купец, который дорожит своим именем, должен быть столь же честным, сколь и благородным. А молодой купец говорил, что в торговом деле нужна только честность.

Чтобы убедить собеседника, Тургак рассказал случай, который произошел с его другом, богатым бухарским купцом.

— Как-то раз,— начал Тургак,— мой друг заключил сделку с перекупщиком на тысячу динаров. Когда они обо всем договорились, между купцом и перекупщиком получилось разногласие из-за опилка золота. Перекупщик говорил, что купцу следует один золотой динар, а купец требовал золотой динар и еще опилок. Из-за этого опилка они вели спор с утра и до заката. Купец так настойчиво требовал свой опилок, что перекупщику наконец надоел этот спор и он отдал купцу золотой динар с опилком. Как только купец ушел, все, кто это видел, стали порицать его, называя жадным. А мальчишка, подручный перекупщика, невзирая на эти разговоры, побежал за купцом: «Эй, добрый человек, я сирота, дай монетку». Купец протянул ему тот самый динар с опилком. Мальчишка вернулся и не сразу сказал о своей удаче. Тут прикрикнул на него перекупщик:

«О бездельник, ты же видел, что этот человек ради такой мелочи весь день бранился, не постыдился людей, а ты захотел, чтобы он тебе что-нибудь дал».

Мальчик показал хозяину подаренный динар с опилком, и хозяин

в изумлении поспешил за купцом, чтобы узнать у него причину такой щедрости.

Купец отвечал:

«Не удивляйся моим делам — я купец, а в купеческом деле, если меня обманут на один дирхем, то это все равно, как если бы меня обманули на полжизни. Но в тот час, когда требуется мое благородство, а я поступаю дурно, это все равно, как если бы я признал, что я нечистого рода. Я богат — было бы недостойно отказать сироте».

— Твой друг поступил глупо,— заметил молодой купец.— Зачем было отдавать мальчишке целый динар с опилком. Ненужная щедрость!

— Бухарский купец прав,— возразил врачеватель.— И ты, юноша,— обратился он к Аспанзату,— будь благороден и всегда три вещи держи закрытыми: глаза, руки и язык — от того, что не следует видеть, не следует делать и не следует говорить. А другие три вещи всегда держи открытыми для врага и для друга: дверь дома, углы скатерти и завязки кошеля... И еще скажу тебе,— продолжал врачеватель,— насколько только можешь — не лги, ибо основа неблагородства — говорить ложь.

— А в твоем деле особенно нужно благородство,— заметил Тургак.— Врачеватель спасает человека от смерти. Он должен почитать больного и всячески выражать свое благорасположение к нему.

— Разве можно вылечить человека,— отозвался врачеватель,— не проявив при этом благородства! Если хочешь исцелить больного, то прежде всего будь приветлив с ним. Когда врачевателя призывают к больному, как бы плохо ему ни было в тот час, врачеватель не должен показать этого больному. Он должен быть весел и остроумен. Развеселив больного, он подкрепит его силы и прибавит ему желания скорее выздороветь. Благородный врачеватель никогда не позволит себе быть невнимательным. Он позаботится, чтобы больной верил в свое выздоровление. Даже безнадежно больной должен верить в свое выздоровление, иначе лечение его бесполезно.

— Все это лишнее! — возразил угрюмо купец.— Если человек так болен, что мало остается надежды на спасение, то не лучше ли ему сказать о том, что близок его час, чтобы он приготовился к смерти?

— Смерть приходит и не спрашивает, готов ли к ней человек! — рассердился врачеватель.— Перед ней все бессильны! Но зачем ускорять ее приход? Это недостойно благородного врачевателя.

— Благородство нужно всюду! — отозвался старый проводник.— Разве не должен быть благороден проводник, который делится в пустыне последней каплей воды со своими спутниками! Вместе с ними он подвергает себя многим опасностям, терпит всякие невзгоды — разве не от благородного сердца?

— Ты прав, в словах твоих истина,— согласился Тургак.— Твое

благородство уже доказано многими делами. А разве не делом мы доказываем свои благородные намерения!

— Но одного благородства мало — человеку пустыни нужна и находчивость,— добавил врачеватель.— Я расскажу вам о той невольнице, которая своей находчивостью спасла и себя и своего господина.

— Я слыхал эту притчу,— признался Тургак.— Она идет от мусульманского мира, в ней есть правда... Расскажи ее проводникам.

— И мы послушаем притчу,— отозвались проводники.

— Здесь речь идет об арабе,— начал врачеватель.— Один араб возвращался к себе домой через пустыню, и была с ним молодая, красивая невольница. Вдруг на них напала шайка разбойников. Араб немедленно вскинул лук и натянул тетиву. Но в ту самую минуту, когда он собирался пустить стрелу, у него оборвалась тетива на луке. Между тем разбойники схватили девушку и стали снимать с нее дорогие жемчужные серьги. Араб, увидев, что они не обращают на него внимания, пустился поспешно бежать. Тогда невольница сказала разбойникам: «Мои серьги сто́ят небольших денег, а вот если бы вам удалось овладеть драгоценными каменьями, спрятанными у моего господина в тюрбане, то вы стали бы обладателями гораздо большей добычи». Услыхав эти слова, разбойники бросились за беглецом и еще издали стали ему кричать, чтобы он немедленно отдал им драгоценные каменья, которые спрятаны у него в тюрбане. Их крики напомнили арабу, что в головном уборе у него есть еще одна запасная тетива. Быстро извлек он ее оттуда, тотчас же приладил к луку, натянул ее и, так как был превосходным стрелком, поразил насмерть одного из разбойников. Другие, увидев это, немедленно обратились в бегство, бросив невольницу. Тогда араб вернулся. Он похвалил девушку за находчивость и в благодарность дал ей свободу.

●

Этот день был особенно трудным, потому что зной все усиливался и в раскаленных песках верблюды еле передвигались, с трудом преодолевая барханы. Тургак уже поговаривал о том, чтобы сделать привал, раскопать песок, уложить верблюдов и накрыть кошмой, а ночью продолжать путь, но проводник настаивал, что людям будет трудно сидеть весь день под палящим солнцем. Все же во время движения каравана появляется легкий ветерок, а ночью, когда наступает прохлада, хорошо спится. Все согласились с проводником. В эту ночь, как и прежде, расположились на отдых. Как всегда, верблюдов освободили от вьюков, напоили. И после ужина все улеглись спать. Сквозь сон Аспанзат слышал завывание шакалов. Но усталость была так велика, что он не смог заставить себя открыть глаза и подняться. Завывание шакалов сменилось лаем собак на

пастбище. Аспанзат увидел себя в винограднике рядом с Кушанчой и Махзаеей. Потом пришла Чатиса и вручила Кушанче письмо. Кушанча посмотрела на письмо, а потом с благодарностью взглянула на Аспанзата.

Она подошла к нему ближе и наклонилась, чтобы что-то сказать, но в это время Аспанзат услышал крики и брань. Он проснулся в холодном поту. Небо едва светлело, а все люди были уже на ногах. Они кричали и о чем-то спорили, указывая на бурдюки. Они были пусты. Старый проводник бил себя кулаками в грудь и клялся, что его сразил небывалый сон и что вину свою он искупит усердием — разыщет колодец в пустыне.

— Я давно говорю, что злые духи сопутствуют нам! — кричал Тургак.— Разве бывало когда-либо, чтобы проводники уснули! Подумать только, шакалы изодрали почти все бурдюки. Теперь у нас так мало воды, что людям хватит по капле, а верблюдам уже нечего давать.

— Мне снились шакалы, будто они напали на нас и мы не можем от них отбиться,— говорил кто-то из купцов.— Вот я и не услышал их воя.

— А ведь сон оказался пророческим,— добавил врачеватель.— Без воды в пустыне — мучительная смерть. То же ждет несчастного, который повстречается с шакалами.

— Кто бы мог подумать, что нас ждет такая беда! — сокрушался молодой купец.

— Беда! Беда! — причитали проводники.

— Вот к чему приводит беспечность! — возмущался Тургак.— Сегодня проводники проспали шакалов, завтра они уснут — и на нас нападут разбойники. Мы доверили им свои жизни и свое достояние, а они беспечны, как дети. Что вы скажете, люди?

— Не будем тратить времени на рассуждения,— предложил врачеватель,— надо искать соленую воду для верблюдов. А если ее здесь нет, то двинемся вперед, поищем ее в тех зарослях саксаула.— И он стал пристально вглядываться в темную полосу, которая виднелась на горизонте.

Проводники тотчас же стали копать песок. Аспанзат вместе с другими помогал им. Только Тургак и молодой купец не стали заниматься этим делом, они о чем-то спорили. До Аспанзата донеслись слова о том, что проводники — бездельники и что их надо заменить в Гургандже.

Уже стало припекать, верблюды жалобно стонали, а напоить их было нечем. Не докопались даже до влажного песка, который показал бы проводникам, что где-то глубоко под землей есть вода. Аспанзат молча копал и каждый раз, когда слышал стоны верблюдов, поворачивал голову и видел их громадные печальные глаза, устремленные

на людей. С каким терпением верблюды ждали воды и как покорно опустились на песок, когда их стали навьючивать, чтобы продолжать путь!

Врачеватель был прав, когда говорил, что впереди виден саксаул. Но прошло много часов, прежде чем они добрались до кустов и снова устроили привал.

День был томительно тяжелый. Впервые караван шел так медленно, и впервые люди не имели воды.

Когда перевалило за полдень, Аспанзат почувствовал, как пересохло у него в горле и как жжет что-то в груди. Он старался не думать о воде, а в голову лезли одни и те же мысли — все было связано с водой. Как хорошо купаться на закате, после утомительного дня! Как журчит чистый и прозрачный арык и как весело поют весной ручьи, сбегающие с гор! Но что это такое впереди? Река? О чудо! Это река! Да, да, настоящая река! Он видит, как плещутся волны. Кажется, даже повеяло свежим ветерком. Аспанзат смотрит вперед до боли в глазах, но сомнения нет. На берегу реки зеленеют кусты и деревья. Может быть, это священные ивы с длинными, тонкими ветвями, такими нежными и красивыми, что ими можно любоваться весь день.

— Вода! Вода! — кричит юноша.— Ты видишь, какая большая река впереди?

Проводник смотрит на него мутными, усталыми глазами и спокойно, словно ничего не случилось, отвечает:

— Нет реки!

— Как же нет! Или ты ослеп?

— Тебе кажется...— Проводник устало закрывает глаза.— И со мной так бывало не раз. Мучишься жаждой, и вдруг боги покажут тебе большую реку или озеро. А бывает, что и целый город померещится. Ты спешишь к нему, а впереди нет ничего. Та же пустыня и одни голые пески. Только боги могут так сделать: приблизят к тебе реку или озеро, а потом отодвинут и оставят тебя ни с чем... Все это за грехи, за малые молитвы,— пояснил проводник.

Опечаленный, слушал Аспанзат старого проводника. Значит, нет спасения! Зачем он покинул дом? Зачем отправился в дальние земли? Что еще ждет их за пределами этой страшной пустыни? Если бы Навимах знал, как труден будет путь, он бы никогда не послал его с караваном. А как предостерегал его добрый Махой, как уговаривал хорошенько подумать, прежде чем решиться на это. За что же так жестоки боги! Кто скажет, будет ли удача?

— Не печалься, юноша! — утешил Аспанзата проводник.— Посмотри, спутники твои не теряют надежды. Почему же ты так опечален? Где же твое мужество? В пути всякое бывает. Потерпи!

Юноша посмотрел на своих спутников, идущих впереди каравана,

на спокойного и уверенного Тургака, и ему стало стыдно за свои мысли. Вот старый, бывалый человек спокоен, на лице его не видно ни страха, ни сомнения. За ним длинной цепью протянулся караван верблюдов. Каждый имеет хозяина, старые и молодые,— все во власти пустыни. Всем тяжко, но люди терпеливы! Плохо пришлось бы им, если бы они потеряли надежду.

Но вот и заросли саксаула. Солнце садилось за песчаные барханы. Когда развьючили верблюдов, Тургак велел взять глиняные чаши и каждому дал понемногу воды. Все повеселели и принялись за ужин. Ах, какой вкусной показалась Аспанзату вода! Но если бы еще одну чашу...

Ночью Аспанзат проснулся от жажды. Было прохладно, и он с жадностью вдыхал свежий ночной воздух. Юноша поднялся. Все спят. Но что там делает молодой купец? Почему он сидит? Не бурдюк ли у него в руках? Кажется, слышен плеск воды. Аспанзат замер от удивления. Откуда?

А купец тем временем выпил полную чашу, наполнил другую и быстро завернул бурдюк в свой ватный халат. Юноша подскочил к нему, схватил его за плечи и крепко встряхнул:

— Ты украл бурдюк? Бесчестный человек!

— Молчи! — зашептал испуганно купец.— Садись, я дам тебе попить. Послушай меня!..

— Я всех разбужу! — кричал Аспанзат.— Мне не нужна твоя вода, отдай ее всем!

— Молчи! — взмолился купец.— Прошлой ночью, когда завыли шакалы, я проснулся и увидел, как звери разрывают бурдюки. Я схватил палку и бросил в них. Они убежали и оставили мне два бурдюка. Разве это не моя добыча? Почему я должен умирать от жажды?

— Ты бесчестный человек! Ты забыл закон пустыни! Тебе этого не простят.

— Знаешь, юноша,— предложил купец,— я сделаю для тебя благо. Собери-ка скорее своих верблюдов, и мы вернемся в ближайшее селение. Я помогу тебе потом добраться до Румийской земли. А с ними ты пропадешь... Собирайся скорее в дорогу!

Аспанзат с ненавистью смотрел в круглые, выпуклые глаза купца, на его зеленое, худое лицо с длинным носом. Ему казалось, что перед ним хищная птица.

— Эй, люди, проснитесь! — закричал Аспанзат.— Проснитесь, люди!..

Купец кинулся на юношу, как рысь, и стал его душить. В это время поднялись проводники. Они бросились их разнимать. Проснулся весь лагерь.

— Украл воду! Хотел покинуть караван!..— Тургак от ярости не

мог найти слов. Он велел проводникам отобрать у вора бурдюки с водой и связать ему руки.

— Чем же ты отличаешься от шакалов? — с презрением бросил ему Тургак.

— Он опаснее шакалов! — кричал врачеватель.— Его следует бросить в пустыне! Но мы этого не сделаем, пусть добирается с нами до Гурганджа, а там мы оставим его, с собой не возьмем.

— Что же вы думали! — закричал купец.— Вы думали, что я так глуп, чтобы умереть от жажды? Если уж мне достались бурдюки, значит, боги захотели спасти меня, а вас они прокляли!

— Да они прокляли тебя еще во чреве матери! — рассердился Тургак.— Они отметили тебя таким длинным, хищным носом, чтобы люди знали, с кем они имеют дело! Теперь мы видим, что ты не человек, а помесь хищной птицы и шакала.

Проводники и хорезмийские купцы, едущие в караване, с отвращением смотрели на предателя. Погонщик каравана признался, что за тридцать лет, проведенных в пути, он ни разу не встречал такого негодяя.

Проводники с трудом навьючили верблюдов и, проклиная пустыню, свою жизнь и злых духов, пустились в путь. И все же старый проводник верил, что спасение где-то совсем близко. Он не сомневался в том, что вот-вот покажутся заросли саксаула и там окажется вода. Два объемистых бурдюка, отобранных у хитрого купца, могли их выручить на ближайшие сутки, а дальше проводник рассчитывал встретить оазис с пресной водой. Ведь ходил же он этим путем в прошлом году, были тогда и подземные колодцы и оазисы! Что же случилось сейчас?

Проводник безнадежно посмотрел на горизонт и остановил свой взор на дальней точке, которая, казалось, двигалась в их направлении. Когда она приблизилась, он разглядел всадника на верблюде.

Вскоре из-за барханов показалось еще несколько всадников.

— Это встречный караван! — закричал радостно проводник.— Мы спасены!

— Караван большой, воды у них много,— говорил с уверенностью врачеватель.

— Если не поделятся водой, то скажут, где колодцы,— заметил Тургак.

— А если это бедуины? — спросил вдруг Аспанзат. И сам испугался своей мысли.

— Какие еще испытания ждут нас в этой пустыне! — воскликнул Тургак.

— Спаси нас от врагов, милостивая богиня! — взмолились купцы.

Но караван подходил все ближе и ближе, и можно было уже разглядеть людей в белых бурнусах. Это были вооруженные бедуины.

— Боги послали нам тяжкое испытание! — прошептал Тургак, когда увидел это.— Будем стойкими, не поддадимся злым силам!.. Иди вперед! — сказал он старшему проводнику.— Иди к предводителю каравана и скажи о нашем несчастье. Если они люди, то помогут нам, а если звери, то все равно не миновать беды.

Проводник погнал своего верблюда вперед, а караван Тургака остановился, дожидаясь милости встречных.

— Чей караван? — обратился всадник к проводнику, когда они поравнялись.

— Караван купцов из Панча,— ответил проводник, рассматривая вооруженного всадника. На мгновение он замолк, но все же решился просить воды.

— Помилосердствуйте!..— начал он дрожащим голосом.— Шакалы прогрызли бурдюки, мы остались без воды, верблюды уже третий день не пили.

— Вода у нас есть, мы напоим ваших верблюдов...— ответил бедуин.— А много ли купцов? Много ли товаров? Куда идет караван?

— Обо всем даст ответ старший каравана, почтенный Тургак...— отвечал проводник.— Вели скорее дать нам воды. Да еще скажи, где здесь колодцы?

— Сейчас мы все вам скажем.

Они приблизились к каравану Тургака, и всадник спешился.

— Вот старший нашего каравана,— сказал бедуин, указывая на толстого человека в белой шелковой чалме.

Тот важно восседал на большом двугорбом верблюде, украшенном сверкающей попоной. Бедуин посадил верблюда, то же самое сделал и Тургак. Они поклонились друг другу.

Аспанзат с ужасом смотрел на пришельцев.

— Все потеряно!..

ЧУДО В ПУСТЫНЕ

— Далек ли ваш путь? — спросил у Тургака бедуин.

— Путь далек,— отвечал Тургак.— Мы идем в страну Румийскую. Если в добрый час повстречались, то милостью вашей мы получим воду.

— Мухаммад учил нас всегда и везде оказывать гостеприимство,— улыбнулся предводитель каравана.— Мы дадим вам воду. Поделимся и припасами.

Тургак низко поклонился в знак благодарности. Бедуины стали развьючивать своих верблюдов и быстро раскинули шатры. Купцы из

каравана Тургака в изумлении смотрели, как мирно беседуют предводители караванов.

— Боги милостивы, эти люди не сделают нам зла! — сказал один из хорезмских купцов.

— Я хочу отблагодарить их,— сказал Тургак, когда бедуины дали им вдоволь воды и предложили припасы.— Хочу им сделать дорогой подарок. Когда люди враждебного племени ведут себя так благородно, хочется им показать, что ты умеешь ценить их доброту и сердечность.

Хорезмийские купцы тоже решили подарить старшему встречного каравана парчовый бухарский халат.

Тем временем бедуины о чем-то спорили, громко бранились и наконец пришли к людям Панча и пригласили посетить шатер предводителя, где их ждет угощение. Такое дружеское расположение бедуинов обрадовало согдийцев. Все они охотно приняли приглашение.

За трапезой оживленно беседовали. Предводитель каравана на ломаном согдийском языке спросил, какие есть в Панче товары и куда идет караван. Тургак, видя внимание и гостеприимство бедуинов, рассказал о предстоящем пути в Рум, о том, что они везут для продажи шелка, самаркандское стекло и бухарские кожи. Он рассказал, что в караване едут также хорезмийцы, которые расстанутся с ними в Гургандже.

Пока люди отдыхали за вкусной едой, проводники напоили верблюдов и стали собираться в путь. В это время к ним подошел вооруженный бедуин и сказал, что не следует вьючить верблюдов, что купцы еще не знают, пойдет ли караван в дальние земли. Старший проводник поспешил к шатру, чтобы спросить Тургака, что случилось, но его туда не пустили.

Покончив с едой, Тургак поднялся с мягкого ковра и, поблагодарив хозяина, сказал, что им пора в дорогу:

— Надо спешить, тем более, что мы получили воду и отдохнули.

Тогда хозяин тоже поднялся и с приветливой улыбкой заметил, что не следует спешить.

Тургак стоял озадаченный. Сердце у него похолодело от дурных предчувствий.

— Зачем вам ехать в дальние земли — ведь товары останутся у нас! — Бедуин сделал знак своим спутникам.

Те молча окружили гостей.

Тургак схватил нож и закричал, что живым он не сдастся и будет защищаться, но больше ему не пришлось ничего сказать. Сзади на него набросили сетку и замотали веревками так, что он свалился недвижим.

— Есть ли боги, которые простят вам такое злодейство! Отнять

у безоружных людей все их достояние! Где же ваша человечность? — возмущался врачеватель.

— Зачем такое лицемерие? — негодовали хорезмийские купцы.— Зачем вы оказали нам гостеприимство, чтобы потом сотворить такое зло?

— Все делается во имя Аллаха милостивого,— ответил старший в караване.— Мы делаем милость, оставляя вас в живых.

— Дозволь мне слово! — попросил заискивающе длинноносый купец.— Я давно хочу тебе признаться в своей верности Мухаммаду, я давно принял веру Аллаха.— И с этими словами он опустился на колени и прочел какую-то молитву из Корана.

— Что же ты делал среди неверных?..— удивился бедуин. Он велел развязать ему руки и вывести из шалаша.

Проводникам Тургака было велено навьючить тюками самых сильных и крепких верблюдов, а самых немощных оставить здесь, вместе с бурдюками с водой и остатками еды, какая была у купцов.

Когда стали выводить пленников, Аспанзат попытался вырваться. Он бился ногами, призывал проклятия на головы грабителей и кричал, что, пока он жив, его добро не достанется разбойникам. Юношу побили палками и бросили на горячий песок; тут же рядом свалился без сил Тургак. Врачеватель и два купца хорезмийца уговаривали Аспанзата вести себя разумно, не лезть в драку с вооруженными бедуинами.

— Ты не можешь с ними сразиться — зачем же терять силы понапрасну! — уговаривал врачеватель.— Ты же не продашь душу дьяволу, как это сделал длинноносый купец?

— Не продам! — воскликнул с горечью Аспанзат.— А зачем мне жить, когда все достояние моей семьи погибло?

Тем временем бедуины сняли свои шатры, навьючили верблюдов и, не оглядываясь, погнали их в сторону Бухары. Бедуинов было много, и они были отлично вооружены.

Аспанзат с ужасом смотрел на уходящий караван. Бедуины увезли все достояние Навимаха. Да еще верблюдов Акузера увели. Что же теперь делать? Он упал на горячий песок и рыдал от бессилия и отчаяния.

Как только ушел караван бедуинов, проводники стали искать ножи, чтобы освободить всех, кто был связан. Старый проводник весь дрожал от гнева и ярости. Не было на свете такого проклятия, которого он не послал бы сейчас вслед ушедшим разбойникам.

— Каковы злодеи! — негодовал он.— Не вступили в драку, а угостили, как друзья. Где же истина?

Когда веревки были разрезаны и все оказались на свободе, врачеватель достал целебные травы и стал приготовлять лекарство для избитого Аспанзата.

— Оставь меня, добрый человек! — просил Аспанзат.— Не нужно мне лекарств — я не хочу жить! Оставьте меня в пустыне, и я умру здесь от голода и жажды! Я не смог сберечь добро, порученное мне отцом. С чем я вернусь домой?

— Будешь здоров — и достояние вернется,— утешал юношу врачеватель. Он смазывал ушибы и прикладывал к ним какие-то сухие листья.

Тургак и проводники стали думать, как им сейчас разместиться на десяти хилых верблюдах. Тургак считал, что всем им следует двигаться вперед к Гурганджу, чтобы оттуда вернуться домой с попутным караваном. Хорезмийцы обещали помочь своим спутникам добраться домой и всячески уговаривали их не падать духом.

— Богатство можно вернуть,— повторял врачеватель,— а жизнь вернуть невозможно. Если нам дарована жизнь, то следует ли предаваться отчаянию из-за потерянного добра!

Осмотрев оставленную разбойниками поклажу, проводники обнаружили, что увезен мешок с вяленым мясом. Теперь из еды оставалось лишь немного овечьего сыра и несколько лепешек. Правда, бедуины выполнили обещание и дали бурдюки с водой.

— Будь они прокляты со своей водой! — бранился проводник.— Как же мы доберемся до Гурганджа без еды.

— Если богам будет угодно, доберемся,— ответил равнодушно Тургак.

Он был так потрясен происшедшим, что ему казалось, что он все еще пребывает в страшном сне. То ему приходила в голову мысль, что лучше не возвращаться домой, чем вернуться ограбленным. То он придумывал способ, как вернуть потерянное достояние. Один только врачеватель старался всех утешить и для каждого находил ободряющее слово. Он тоже потерял свое богатство, нажитое в Согде. Там прожил он несколько лет в надежде скопить побольше и осчастливить своих сыновей, и вот ничего не получилось из его затеи. Пять лет упорного труда пропали. Он возвращался состарившимся, не имея ни гроша, потеряв даже верблюда. Он всех утешал, а сам не знал, доберется ли до родного дома. И что его ждет впереди! Он стал больным и нищим.

Но вот стали собираться в путь, и оказалось, что на верблюдах могут разместиться немногие, остальным надо было идти пешком. Врачеватель хотел усадить Аспанзата — он считал, что юноша слишком пострадал от палок и не сможет идти пешком. Но Аспанзат отказался. Он шел рядом с проводниками и в минуты гнева и отчаяния придумывал планы мести.

— Не унывай, юноша! — утешал Аспанзата старый проводник.— Не считай, что жизнь твоя кончена, если ты ограблен. Всякое бывает с купцами. Вслед за дурным приходит хорошее, ночь несет в себе

рассвет. Ты еще молод, еще вернешь себе потерянное, еще будешь счастлив.

— Спасибо за слово утешения! — отвечал Аспанзат.— Если бы ты знал, какими трудами добыты шелка, что увезены разбойниками!.. Вся семья не знала ни сна, ни покоя целых два года. Мы теперь совсем нищие. Верблюды взяты у жадного Акузера. Знаешь ли ты его? Теперь я должен идти к нему отрабатывать долг.

— Об Акузере дурная молва,— согласился проводник.— Никто хорошего слова не скажет о кривоглазом. С ним плохо дело иметь. Пусть Тургак даст тебе двух верблюдов, когда вернется домой. Лучше быть в долгу у благородного Тургака, чем у кривоглазого.

Слова проводника немного утешили Аспанзата — он больше всего боялся Акузера. А если Тургак даст верблюдов в долг, то, может быть, минует беда...

Медленно двигался по пустыне разграбленный караван. Каждый предавался своим печальным мыслям. Никто, кроме проводников, не заметил черной тучки, которая быстро приближалась к солнцу. Но вот скрылось солнце — будет буря. Проводники остановили верблюдов, заставили их лечь, люди разместились среди животных и накрылись большой, толстой кошмой. В воздухе закружились столбы пыли и со свистом обрушились на караван. Если бы не толстая кошма, которую все придерживали руками, можно было бы задохнуться от песка.

А песчаные вихри не унимались и налетали всё с большей силой. Верблюды жалобно кричали, проводники стали громко читать молитвы, хорезмийцы призывали на помощь своих богов. Только врачеватель не стонал и не молился, он хвалил проводников за то, что они вовремя устроили привал и покрылись кошмой.

Буря была недолгой, но людям, сидящим под кошмой, казалось, что они уже целую вечность не дышали свежим воздухом. Все устали и молча ждали, когда же кончится это новое бедствие. Вдруг что-то тяжелое и мягкое свалилось на кошму. Все припали к земле, не смея шевельнуться. Прошло еще немного времени, и свист ветра прекратился.

Сидящий у края кошмы врачеватель высунул голову и увидел ясное небо. Волны песка застыли и лежали такими же ровными барханами, как и прежде. Врачеватель вылез из-под кошмы, а вслед за ним выползли и остальные люди. На кошме они увидели серую овцу.

— Небо послало нам дар! — закричал радостно старый проводник.— Теперь все будет хорошо — это доброе предзнаменование!

Тургак посмотрел на овцу и сказал, что поблизости есть люди.

— Значит, есть надежда кого-то встретить? — спросил Аспанзат.

— Если не пройдут стороной,— отвечал проводник.

— А если это бедуины, что тогда?

— Что для нас бедуины, когда мы нищие и голодные,— отозвался с горечью Тургак.— Они могут только отнять у нас жизнь, но зачем она им, когда нечем поживиться.

— И то верно,— согласился с Тургаком врачеватель.— Не поужинать ли нам?

— Солнце близится к закату, можно остаться здесь на ночлег.— Тургак стал раскладывать кошму на песке.

Проводники сложили костер из ветвей саксаула, который они возили с собой, и, быстро разделав овцу, стали поджаривать мясо на огне. В бурдюках еще была вода, и Тургак предложил сварить жирную похлебку, какой они давно не ели.

Несмотря на все несчастья и злоключения, никто не отказался от еды, посланной небом. Истомленные бедами и несчастьями, люди быстро уснули. Не спал лишь Аспанзат — ныли побитые бока. Было уже совсем темно, когда послышался звон медных колокольчиков. Аспанзат приподнялся и стал прислушиваться.

Где-то совсем близко шел караван. Юноша вскочил и подбросил в угасающий костер последние ветки саксаула — огонь ярко запылал.

«А что, если это снова бедуины?» — подумал он и тут же решил, что пойдет вместе с ними в сторону Бухары, найдет там разбойников и хитростью отберет свое добро. Как только ему пришла в голову эта мысль, ему захотелось, чтобы это были бедуины. Он думал, что все разбойники знают друг друга и что он непременно найдет того толстого, простодушного на вид бедуина в белой шелковой чалме, который причинил им столько зла.

Звон колокольчиков приближался. В ночной тьме показались силуэты верблюдов. Их было не менее двадцати. Все проснулись и бросились навстречу неизвестным.

Тургак обратился к человеку, идущему во главе каравана:

— Кто ты, неизвестный путешественник?

— Я самаркандский купец, наш караван возвращается в Самарканд,— ответил тот.

— Сами боги прислали вас! — воскликнул Тургак.

— Хорошо, что у вас горел костер! Мы бы прошли мимо.

— На то милость богов. Боги не захотели оставить нас в пустыне.

Тургак попросил соотечественников расположиться у костра и предложил остатки ужина.

— Небо хорошо распорядилось овцой из нашего стада,— рассмеялись купцы.

Они рассказали, что смерч захватил их врасплох, и, прежде чем они успели уложить своих животных, одну овцу закружило и унесло.

Затем Тургак поведал купцам о несчастьях, постигших караван. Он рассказал о бедственном положении людей и о том, как они

стремятся в Гургандж, чтобы потом вернуться на родину с попутным караваном.

— Благодарите богов, что остались живы и здоровы! — заметил купец из вновь прибывшего каравана.— Когда людей постигают такие несчастья, то не стоит говорить о потерянном достоянии. Вам не нужно идти в Гургандж, мы возьмем вас с собой. А верблюды, что оставлены вам разбойниками, пусть идут с хорезмийцами в Гургандж. До Гурганджа всего три дня пути. Мы поделимся и припасами. Боги смилостивились над нами и дали нам благополучный путь — мы не оставим в пустыне своих соотечественников.

Тургак привык к правилам гостеприимства на караванных дорогах, но он видел и страшное предательство. Благородство самаркандских купцов растрогало его. Он сердечно поблагодарил их. За беседой самаркандские купцы рассказали, что у них была весьма выгодная торговля. Им удалось избежать встречи с бедуинами и продать свои товары хорезмийским купцам по выгодным ценам.

— Я думаю, что караван ваш покинул Самарканд в счастливый час,— сказал Тургак.— Ваша встреча с нами поможет вам избежать столкновений с разбойничьим караваном бедуинов. Они совсем недавно ушли по дороге в Бухару.

— Тогда мы обязаны вознаградить человека, который разложил костер и тем самым помог нам избежать опасности.

— Кто же развел костер? — поинтересовался Тургак.— Я и сам готов того вознаградить.

— Да это Аспанзат! — воскликнул врачеватель.

Все обернулись к Аспанзату. И тогда юноша рассказал о том, как хотел пробраться к разбойничьему каравану и отомстить грабителям, как хотел сжечь самую большую мечеть в Самарканде. Глаза его горели гневом. Кулаки сжимались от ярости, когда он вспоминал о предательстве иноверцев.

— Этого нельзя забыть! — согласился Тургак.— Но все же было бы опрометчиво покинуть своих соотечественников и уйти в стан врагов. Что ты им сделаешь один?

— Однако юноша смышлен и оказал нам услугу. Поможем ему деньгами,— предложил один из самаркандских купцов.

Его поддержали почти все спутники, и в шапку Аспанзата посыпалось изрядное количество монет.

Аспанзат поблагодарил за щедрость и рассказал своим новым друзьям, что их деньги спасут всю его семью от разорения.

Ночью, когда снова наступил отдых, Аспанзат разговорился с Тургаком.

Старый Тургак рассказал юноше много любопытного о купцах, о том, как бесстрашно они путешествуют в самые дальние страны.

— Скажи мне, почтенный Тургак,— спросил Аспанзат,— почему

купцы подвергают свою жизнь опасности? Зачем едут с востока на запад через горы и моря? Разве мало для них торговых дел на своей земле? Что гонит их по сожженным солнцем пустыням?

— Купцы смелы и решительны,— отвечал Тургак,— они не страшатся разбойников, хоть и попадают в ловушку к бесчестным людям. Но они творят великое дело — содействуют процветанию земли. Ведь не с пустым мешком приезжает купец в дальние страны. Он привозит на запад блага востока, а на восток доставляет все блага запада. И люди узнают друг друга, начинают понимать друг друга, и постепенно рождается дружба разных племен. Разве это не благо?

— Это благо,— согласился Аспанзат.— Но каким трудом оно достается! Такое благо может стоить жизни!

— Купец должен быть смелым и бесстрашным,— продолжал Тургак.— В одном деле он может много потерять, а в другом столько получить прибыли, что с лихвой покроет убытки. И вот так мудро устроен человек, что наперекор страху и опасности идет он в дальние земли, в неведомые края.

— И ты снова пойдешь в чужие страны? — спросил нерешительно Аспанзат.— Тебя не остановят неудачи?

— Если буду жив, пойду! — ответил Тургак.

ОПАСНОСТЬ БЛИЗКА

Гонец, посланный афшином в Мерв, привез дурные вести. Наместник халифа в Мерве, Саид ал-Хараши, обозлился, услышав о непокорности Деваштича.

— Как ты узнал об этом? — поинтересовался Деваштич.

— Я сделал все так, как мне было велено. Я нашел самаркандского купца, который принял мусульманство, но остался верен памяти предков. Он согласился побывать во дворце наместника и пообещал невзначай заговорить о Панче.

— И что же? — Афшин нервно перебирал коралловые четки.

— Не успел купец произнести слово «Панч», как наместника передернуло от злобы.

— Что же он сказал! Все ли ты запомнил?

— Ведь я уплатил купцу, и он все записал потом, чтобы каждое слово злодея было известно моему господину.

Гонец развернул кусочек мягкой желтой кожи и стал читать:

— «Саид ал-Хараши сказал: «Аллах избрал нас для великой цели — распространять его веру. Во всем мире восторжествует вера Аллаха...»

— Зачем остановился, не медли! — потребовал афшин.

— «Для этого он избрал Мухаммада, его пророка. Нам предначертано — огнем и мечом утвердить веру Аллаха, никого не щадя среди иноверцев...»

Гонец умолк, притворяясь, будто разбирает непонятные слова.

— Не хитри, читай все! — приказал афшин.

— А далее написано: «Рядом с наместником сидел арабский военачальник, он спросил: «Почему ваши воины пренебрегли Панчем? Ведь в Коране написано, что имущество и жены иноверцев должны принадлежать нам». Наместник ответил: «Пока люди Панча не примут мусульманства, их имущество, дочери и жены существуют для нас!» — «А разве они могут принять веру Аллаха без нас? — спросил военачальник.— Как они поймут истину, если мы не поможем им?» Тут я посчитал нужным вмешаться в беседу. Но я старался показать, будто верен арабскому халифу. Я сказал: «Настанет день, досточтимый Саид ал-Хараши, и ваши воины помогут людям Панча понять все величие мусульманской веры». И он ответил мне: «Скоро люди Панча поймут, что всего превыше вера Аллаха. Об этом мы позаботимся».

— Сейчас же призвать ко мне моего советника! — приказал афшин.

Советник афшина, горбун с умными и хитрыми глазами, тотчас же явился.

— Готовы ли к встрече с врагом мои воины? — спросил Деваштич.— И все ли сделано для ухода в горы?

— Все готово,— отвечал горбун,— но разве твои воины могут устоять против грозного войска Саида ал-Хараши?

— Если мы встретим врагов вблизи горы Магов, в местах им неизвестных, то неожиданным нападением можем выиграть битву,— сказал Деваштич.— Наши воины должны дожидаться в селении Кум. Пусть идут туда тайно.

Афшин умолк и долго думал о чем-то.

— Не знаешь ли ты,— спросил он горбуна,— почему так всполошились тюрки? Зачем преследуют меня своим упрямством? Каждый день приходит кто-либо из тюркских дихкан и всячески старается откупить у меня гору Магов. Они запугивают меня дивами, хоть и знают, что я их не боюсь и отлично справлюсь с ними при встрече. Они подослали ко мне жреца, и тот предсказал мор всему живому вокруг горы Магов. Что им угодно?

— Я думаю, что тюрки усердствуют для иноверцев,— отвечал горбун.— Они и прежде старались выйти из повиновения, а теперь, когда опасность близка, они вовсе отвернулись от твоей милости. Боюсь, что они продались наместнику халифа в Самарканде.

— Вокруг нас сжимается кольцо врага! Нам нельзя медлить. Мы должны быть готовы к неожиданностям! — говорил афшин, и глаза его пылали гневом и ненавистью.— Меня хотят перехитрить! Пыта-

ются сломить мою волю, а когда видят, что я не боюсь угроз, просят уступить, хотят лаской и обещаниями завладеть моим сердцем. Но кто же поверит теперь в добрые отношения Саида ал-Хараши! Кто согласится довериться ему? Нет, нет, нет! Мы уйдем в горы, уведем туда людей Панча, чтобы ни один злодей не смог воспользоваться трудами согдийцев из Панча. Здесь я хозяин! Я больше не стану ждать своих знатных соотечественников. Голос разума не услышан ими. Пусть они остаются в своих владениях, а мы уйдем.

Афшин умолк и долго писал что-то на китайской шелковой бумаге.

— Вот мое послание Саиду ал-Хараши! — Деваштич протянул письмо горбуну.— Это последнее письмо.

Горбун молча принял письмо. Затем сказал:

— Ты прав, мой господин! Тебе не следует дожидаться своих соотечественников. Знатные господа Панча не ведают опасности и беспечно сидят в своих домах.

— Пусть остаются здесь,— отвечал Деваштич,— я больше не хочу думать о них! Им обо всем сказано. А если они считают, что мое беспокойство лишено основания, то пусть сами потом расхлебывают все беды.

— Когда же мы уйдем отсюда? — спросил горбун.— Тревожно стало на землях Панча.

— Сегодня я закажу звездочету гороскоп. Посмотрим, какой выпадет день. А простолюдины уже уходят потихоньку. Я велел им уходить неприметно, по ночам. Мы соберемся вблизи горы Магов, оттуда пойдем дальше, в самые отдаленные селения пастухов. Мы заберем с собой припасы: зерно, масло и плоды, а мяса достаточно в любом из подвластных мне селений. Тысячные стада пасутся в горах. Там можно прожить несколько лет, не зная нужды. Мой замысел таков: переждать там трудное время. Сначала посмотрим, что будут делать без нас воины Саида ал-Хараши, а позднее, когда они посчитают себя хозяевами этой земли и будут беспечно пожирать персики в наших садах, мы настигнем их и всех перебьем. Но для этого нам следует хорошо вооружить своих воинов и дать мечи в руки простолюдинов.

— Я должен сообщить афшину добрую весть,— сказал горбун. — Из Самарканда получены мечи и стрелы. Оружейникам удалось соблюсти тайну, люди Саида ал-Хараши не видели их, оружие пришло к нам в сохранности.

— Поистине добрая весть! — улыбнулся Деваштич.— Самаркандское оружие поможет нам. Сейчас пришло оружие, а потом, когда мы свяжемся с нашими людьми в Самарканде, к нам прибудут и сами оружейники. Я надеюсь, что мы там, в горах, добудем мечи и стрелы для каждого согдийца, который верен своей земле.

— Вот так мы обретем силу несокрушимую! — согласился советник.

— На это я и рассчитываю,— признался афшин.— А сейчас не будем медлить. Надо вызвать звездочета, пусть скорее составит гороскоп.

Зварасп тотчас же явился по зову афшина. Он так низко кланялся, так много говорил о могуществе афшина, так угодливо предсказывал удачный исход задуманного дела, что афшин снова заподозрил: не лицемерит ли старик. Но отказаться от гороскопа и самому, произвольно, выбрать день, который принесет удачу людям Панча,— на это он не мог решиться.

«Всегда так было,— думал афшин.— Мои деды и прадеды ничего не предпринимали без звездочета. Всякий верил в удачу лишь тогда, когда ему было обещано покровительство небес. Что мне от того, хорош ли Зварасп, умен или смышлен? Важно то, что он умеет читать по звездам. Он сумеет предсказать счастливый день. Этот день принесет освобождение людям Панча».

•

Все знали, что опасность близка и что арабский наместник в Мерве может в любой момент прислать в Панч своих разведчиков. И все же, когда в Панче появился отряд арабских воинов, люди Панча восприняли это как величайшее бедствие.

Эти «вестники зла», как их назвали местные жители, прибыли с письмом к афшину Деваштичу. То было предложение арабского наместника Саида ал-Хараши подчиниться воле халифа и заставить людей Панча принять ислам. Саид ал-Хараши требовал покорности и полного подчинения, а в противном случае... на многих страницах весьма пространно были изложены все те бедствия, которые постигнут непокорных согдийцев.

Деваштич видел непрошеных гостей с террасы своего дворца. Он сожалел о том, что не успел уйти в горы с людьми Панча. Если бы они были сейчас под его началом, хорошо вооруженные... Впрочем, не в том главное, чтобы уничтожить кучку разведчиков — это просто, а что будет потом. Надо иметь сильное войско, чтобы смело вступить в битву с воинами Саида ал-Хараши. А если его пока нет? Сейчас надо перехитрить иноверцев — нельзя показывать им своего недовольства. Пусть лучше думают, что Деваштич рад их приходу. Он прикроется личиной лицемерия.

На следующий день, когда посланцы Саида ал-Хараши прибыли во дворец Деваштича с письмом наместника, афшин принял их так, словно давно уже ждал.

— Во имя Аллаха милостивого, все будет по-вашему,— обещал

Деваштич, принимая послание Саида ал-Хараши.— Земли согдийские полны слухов о славе Мухаммада! Люди Панча готовы принять его веру. Они сделают это, как только поймут все величие пророка.

Посланцы наместника были озадачены таким приемом. Они давно уже убедились в том, что люди, стоящие у власти, куда меньше заботятся о святости своей веры, чем люди земли и ремесел. Но все же они не ждали того, что сам афшин Панча с такой готовностью примет ислам.

«Зачем же посылать сюда войско? — спрашивал гонец, посланный Саидом ал-Хараши, когда писал донесение о том, как принял их Деваштич.— Я думаю, что здесь может быть оставлен небольшой отряд, а войско пригодится в тех городах, где есть много непокорных».

Но и маленький отряд, прибывший в Панч для разведки, сумел за несколько дней показать себя.

Артаван пострадал меньше других, а роптал больше всех. Он чуть не каждый день ходил жаловаться к старосте общины. И когда тот увещевал его, рассказывая о бедах других общинников, он не уставал доказывать ему, что недостойно согдийскому земледельцу трудиться на иноземцев. Соседи Артавана были такого же мнения. Когда до них дошли слухи о том, что в других селениях люди покидают свои дома и уходят в горы, жители Сактара также призадумались.

— Я знаю, как нам перехитрить иноверцев,— говорил Артаван.— Мы должны покинуть наши дома. Нам следует уйти в горы. Когда наше селение опустеет и нечего будет брать, посланцы халифа сами уйдут отсюда, и мы вернемся в свои дома.

— Тогда надо всем вместе идти,— говорили люди.— Надо сговориться, нужно унести с собой все припасы, запрятать свое добро, чтобы ничего не досталось чужеземцам.

— Не можем же мы сговариваться об этом на своем базаре? — возмущался Артаван.— Услышит один ябедник и сразу нас выдаст. Надо поговорить в укромном месте.

Так было решено собраться в пещере Сактар.

— Вы поможете мне, дети,— сказал Артаван дочерям.— Обойдите все дома нашего селения и напомните людям о дне и часе встречи.

— А мы попросим Рустама пойти с нами,— предложила Махзая.

— В самом деле,— обрадовался Артаван.— Попросите Рустама. Да пусть приведет с собой людей своего селения. Всем хватит места в горах. Если они пожелают уйти вместе с нами, тем лучше будет.

Но Махзае не пришлось просить Рустама о помощи, он сам пришел к ней уговаривать уйти в горы.

— Вы уходите в горы? Сейчас? Не дожидаясь нас? Ты уйдешь без меня? — Голос Махзаи дрожал. Она с трудом сдерживала слезы.

— Как ты можешь так думать? Разве я могу уйти без тебя?

Я пришел за тем, чтобы позвать тебя вместе с нами. Я готов даже завтра устроить нашу свадьбу, но сама видишь — настали тяжелые дни. Как же быть? Может быть, твой отец пожелает уйти вместе с нами? Может быть, мы объединим наши семьи и вместе уйдем? Как ты думаешь?

— Все будет хорошо, Рустам. Ведь отец мой ведет сговор с людьми, чтобы всем вместе уйти в горы. Иди скорее к отцу. Он обо всем тебе расскажет.

— Иди, Рустам, домой, зови людей своего селения на сговор,— говорил ему Артаван.— Всякий, кто согласен, пусть приходит в нашу пещеру в день Луны под вечер.

— Все сделаю,— пообещал Рустам.— Мы все вместе уйдем отсюда.

Рустам не решился сказать Артавану о самом главном для него. Он не сказал, что они с Махзаей хотели бы отпраздновать свадьбу. Он знал, как скуп и расчетлив Артаван, и понимал, что без достойных подарков ему никогда не получить согласия на женитьбу.

Махзая пошла в самый тенистый угол виноградника и там тихонько запела гимны Анахите. Все ее надежды в этой молитве. Может быть, добрая богиня отведет от них руку врага и поможет ей обрести свое счастье.

— Добрая, могучая Анахита,— шептала девушка,— такой милости прошу я от тебя: чтобы я, будучи любимой, удостоилась жить там, где много варят пищи, получают большие куски, где фыркают кони, скрипят колеса, где взмахивают плетью, где много жуют, где припрятаны яства, где в кладовых по желанию хранят в обилии все, что надо для хорошей жизни...

Девушка повторяет слова своей любимой молитвы, и слезы катятся по ее лицу. Она смотрит на заходящее солнце и мысленно просит его о спасении. С тех пор как пришли арабы, никто в Сактаре не осмелился зайти в храм предков. Никто не посещает храмы огня, каждый молится тайно.

— Эй, Махзая! — послышался голос отца.— Иди скорее ко мне!

Артаван сидел у гранатового дерева и, горестно покачиваясь, что-то шептал про себя.

— Беги к Навимаху! — приказал он дочери.— Ступай скорее, чтобы брат знал, когда привести своих людей в пещеру. Скажи ему обо всем, что знаешь от Рустама, и не забудь напомнить, пусть приведет с собой каждого, кто может держать мотыгу и нож.

Махзая обрадовалась. Отец пойдет вместе с Рустамом. Богиня услышала ее горячие молитвы. Девушка поспешила в город. Чем больше людей соберется в пещере, тем больше надежды на спасение. Махзая понимает, что день ее свадьбы зависит от того, как скоро они уйдут от арабов. Она уверена в том, что им все удастся, раз за это дело взялся Рустам. Он слишком молод, чтобы повести за собой людей

Панча и всех окрестностей, но у него светлая голова. Ведь это он придумал всех собрать воедино и с этим пришел к ее отцу.

Было уже темно, когда Махзая подошла к дому Навимаха. Во дворе было тихо и пусто. С тех пор как пришли чужие воины, никто в доме не работал по вечерам. Скрипнула калитка. Махзая тихонько пошла к дому.

— Кто-то идет к нам,— забеспокоилась Чатиса.— Посмотри, Кушанча, кто это там!

— Никого нет! — вздохнула Кушанча и снова стала смотреть в черное небо, усеянное бесчисленными звездами.

Она лежала на крыше легкой пристройки, где раньше спал Аспанзат. С тех пор как юноша покинул дом, это было любимым местом Кушанчи. Здесь она вспоминала свое детство и Аспанзата. Теперь она уже знала его тайну. На груди у нее было спрятано его письмо, которое было ей дороже всего на свете.

Но еще прежде, чем пришло это письмо, Чатиса поведала дочери истину. Она рассказала, как отец на руках принес чужого мальчика и как Аспанзат рос у них в семье. Рассказывая о детстве Аспанзата, Чатиса то и дело смахивала слезы. Ей казалось, что теперь уж Аспанзат никогда не вернется. Как может он вернуться, когда всюду рыщут проклятые разбойники! Зачем Навимах послал его?..

— Кушанча!

— Махзая!

Сестры обнялись.

— Что привело тебя в такой поздний час?

— Добрые вести.

Они обошли дом и очутились под маленьким навесом, укрытым листвой старого чинара. Навимах и Чатиса всполошились: что случилось, какая еще беда стряслась?

Махзая рассказала Навимаху о том, что Артаван собирается привести в пещеру Сактар мужчин своей общины.

— Отец и Рустам хотят увести людей в горы,— шепотом сообщила Махзая.

— Со мной пойдут люди нашей окраины,— сказал Навимах,— а пойдут ли другие, я не знаю. Однако ты заночуешь у нас, а я поспешу к соседям. Поговорим обо всем...— И он скрылся в темноте.

Чатиса и девочки с нетерпением ждали возвращения Навимаха.

●

— Хочешь ли ты уйти с нами в горы? — спрашивал Навимах медника.

— Давно собираюсь! Разве ты не видишь, как мы живем? В своем доме боишься слово сказать.

Они сидели в маленькой каморке, которая служила зимой меднику мастерской, а теперь была единственным жилищем для всей семьи.

К ткачам они пошли вместе. А когда договорились о встрече в пещере, то каждый взялся привести еще двоих. Навимах обошел еще много дворов на окраине Панча. В каждом доме он встречал сочувствие. Среди ремесленников не было таких, кто не рассказал бы ему горестную историю, связанную с приходом врагов...

С доброй вестью вернулась домой Махзая. Навимах сказал, что на сговор придут все ремесленники Панча, все, кто живет за городской стеной.

С нетерпением ждала Махзая дня Анахиты. Она тоже пойдет в пещеру, она будет участвовать в сговоре и сделает все так, как скажет ей Рустам. Разве добрая Анахита прислала ей Рустама для того, чтобы она его потеряла? Нет, богиня послала его для счастья! Если замысел Рустама осуществится, если все люди Панча уйдут в горы и спасутся от врагов, тогда счастье придет в их дом, настанет день свадьбы. Бедная Кушанча тоже будет ждать светлых дней. Пока не будет освобождения, и ей не будет счастья. Какое же это счастье, когда Аспанзат уехал в дальние земли и неизвестно, скоро ли вернется! Кушанча призналась Махзае, что дни и ночи молит Анахиту, чтобы она сохранила жизнь Аспанзата. Подумать только, она не знала, что он может быть женихом ей! Только теперь, когда он прислал ей письмо, достойное самой знатной невесты, Кушанча поняла, что всегда любила Аспанзата и дороже его нет для нее человека на свете.

Утром, в день Анахиты, Навимах решил пойти к Махою. Ему хотелось спросить совета у мудрого писца. От Аспанзата Навимах слыхал, что старик ненавидит иноверцев и юношу учил никогда не отрекаться от веры Ахурамазды. Артаван тоже говорил, что надо спросить совета у мудреца. Только он хотел пойти к магу, а Навимах решил, что старый Махой скорее поможет добрым советом.

Когда Навимах постучался в дом Махоя, старик, как всегда, сидел за работой. Он переписывал свои любимые притчи.

— Тебя ли я вижу, Навимах! — воскликнул радостно старик.— Может быть, ты принес мне добрую весть от Аспанзата?

— Рад бы прийти к тебе с такой вестью, только нет у меня вестей от сына. Не затем я пришел к тебе. За добрым советом пришел. Дело к тебе большое. Многим нужен твой совет.

— Говори, Навимах! Мое сердце открыто для тебя. Я знаю, что без дела ты не придешь.

— Прежде чем сказать, хотел бы я узнать: есть ли в этом доме уши?

— Нет ушей,— ответил Махой.— Я откупился двойной джизьей. Они оставили меня в покое.

— Мы люди простые,— начал Навимах.— Мудрость и знания недоступны нам. Мы ничем не владеем, а разум подсказывает нам, что недостойно отвергнуть веру отцов и продаться тем, кто нас ненавидит. Мы хотим уйти в горы. Сегодня, после заката, у нас будет сговор в пещере Сактар.

— Само небо прислало тебя ко мне! — воскликнул Махой.— Ты прочел мои мысли, добрый человек. То, что вы задумали, есть самое справедливое дело. Если хочешь знать, так о том же думает афшин. Ваш сговор весьма придется ему по душе. Я говорил ему о вас.

— Сам афшин? — удивился Навимах.— Разве он не принял веру Мухаммада?

— Он не принял веру Мухаммада, а прикрылся ею, чтобы спасти свои владения и всех людей Панча. Ты пришел ко мне со словами справедливости, и я скажу тебе истинное слово. Господин Панча весьма озабочен приходом разведчиков. Он не хочет пойти под власть халифа и готов взять под свое начало каждого, кто покинет Панч и уйдет с ним в горы. Потом, когда все утихнет, когда воины халифа уйдут отсюда, он намерен вернуться сюда.

— И нас он возьмет с собой? — спросил Навимах.— Афшин позаботится о простолюдинах?

— Так он задумал,— отвечал Махой.— Перед лицом смерти нет бедных и богатых. Если Панч станет владением наместника, то и афшину здесь будет плохо. Не лучше ли помочь своим людям избежать несчастья!

— Что же нам делать? — спросил Навимах, обрадованный неожиданной новостью. Он понимал, что если сам афшин возьмет их под свое начало, то замысел их скорее осуществится.

Старик не торопился с ответом.

— Я тебе точно не скажу сейчас, что делать. Я пойду к афшину и узнаю, не пошлет ли он к вам на сговор своего человека. Пусть он скажет вам, когда свершится то, что задумано, в какую ночь люди Панча покинут свои дома и уйдут в горы.

— А тот человек не сделает нам худого?

— Зачем ты говоришь дурные речи? — спросил старик сердито.— Если афшин с вами, он не может быть против вас. А то, что он с вами, мне это подлинно известно.

Махой велел Навимаху зайти к нему позднее, перед тем как идти на сговор, а сам поспешил во дворец к афшину.

— Ждешь ли ты добрых вестей, мой господин? — спросил Деваштича Махой.

— Я хочу добрых вестей, но не жду их,— ответил афшин.— Им неоткуда прийти ко мне.

— Сегодня я буду добрым вестником,— сказал старик.— То, к чему

ты стремился, идет тебе навстречу. Люди Панча хотят вместе с тобой уйти в горы. Они ведут сговор.

— И тебе известно это? Ты думаешь, что есть люди, которые хотят поднять свои мечи? Я хотел бы их видеть. Мой советник не нашел таких людей и не выполнил моего приказания. Я велел ему сговориться с простолюдинами, которые согласятся покинуть дома и уйти в горы. Всем, кто решится на это, я обещал свое покровительство. Они должны ждать меня в селениях, вблизи горы Магов, но пока их мало, да и веры в них нет.

— Я отвечу тебе старой притчей,— сказал Махой.— Это притча о трех рыбах. Был большой пруд, а в нем жили три рыбы. Первая рыба была однодумная, вторая рыба была стодумная, а третья рыба была тысячедумная. Все три рыбы попались в сеть. Но пока их еще не вытащили на берег, можно было спастись. Что же сделали рыбы? Тысячедумная стала придумывать тысячу способов спасения, а на это нужно было много времени. Стодумная рыба стала измышлять сто способов спасения, на что нужно было тоже немало времени. А глупая однодумка, лишенная мудрости, не стала размышлять — она выскочила из сетей и спаслась. В тот день рыбаку посчастливилось. Он поймал в сети громадных многодумных рыб.

— Не хочешь ли ты сказать, что мы уже в сетях? — спросил Деваштич.

— Зачем так говорить! Мы еще не в сетях, но сети расставлены. И вот люди, не имеющие золотых поясов, не стали строить тысячи планов спасения, они ведут сговор против врага. А мы строим столько планов спасения, что настанет день, когда сети унесут нас далеко от родного очага и от храмов огня. И будем мы поклоняться чужим богам и чужим идолам.

— Этого не будет! — воскликнул гневно афшин.— Я готовлю оружие. На горе Магов уже много всякого снаряжения. Туда завезены припасы и всякое добро из моих дворцов. Если ты знаешь, где будут договариваться землепашцы и ремесленники, скажи мне. Я пошлю туда верного человека. И все те люди будут приведены в мою крепость Абаргар.

— Когда же ты думаешь увести людей Панча? — спросил Махой.

— Я жду ответа от Зварaспа. Гороскоп укажет мне счастливый день. К тому же это надо делать тайно, а для того чтобы враги не разгадали нашего замысла, мы должны незаметно увести людей в горы. Это самое верное средство для спасения.

— Пусть мысль о спасении не оставит нас...— сказал Махой на прощанье.— Вели твоему человеку прибыть в мой дом к часу заката. Я поведу его на сговор с простолюдинами.

●

В сумерках Махой повел одного из советников афшина в пещеру Сактар. Призывая людей на сговор, Артаван сообщил им условное приветствие.

«В добрый час»,— говорил каждый стоявшему у входа в пещеру Рустаму.

Уже стемнело, когда пещера наполнилась гулом голосов. Крошечное пламя светильника, подвешенного на уступе, освещало лишь кусок стены и тех немногих, кто стоял поблизости. Вся остальная часть пещеры тонула во мраке. Артаван различал людей лишь по голосам. Стараясь перекричать спорщиков, он пытался объяснить людям, зачем их позвали сюда.

— Всякий, кто не хочет покориться иноземцам, покинет Панч,— повторял Навимах слова Махоя.

— Если кто желает сказать разумное слово, говорите,— предложил Артаван.

— Я желаю сказать!

— Пусти-ка, я скажу!

— Ты еще молод, подождешь! — слышалось со всех сторон.

— Я пойду куда угодно! Мне нечего здесь терять. Зачем нам ждать прихода врагов? Если небольшой отряд разведчиков натворил кучу бед, что же нас ждет, когда придет целое войско?

Перебивая друг друга, люди говорили о том, что наболело у них на душе.

— Если будет тихо, я скажу слово.— Махой стал рядом со светильником.

И люди узнали почтенного писца. Стало так тихо, что всем был слышен слабый голос старика.

— Братья, настал тяжелый час! Мы покинем наши жилища, но зато мы сохраним своих детей. Мы сохраним свою веру, свой язык и обычаи наших предков. Боги помогут нам в час испытаний. Не оставим друг друга без поддержки...

Старик умолк, и сразу все заговорили. Стали уславливаться, когда уходить. Всем ли вместе или отдельными семьями, в каких местах можно встретиться и какую поклажу взять с собой.

Иные спрашивали, скоро ли удастся вернуться к родным очагам.

Среди собравшихся было много стариков. Рустам смотрел на них с жалостью: «Куда они пойдут?»

Труднее всего было выбрать день ухода. Решили подождать Деваштича. Все верили, что день, выбранный звездочетом, будет счастливым днем.

БОЙСЯ ИЗМЕННИКОВ!

Аспанзат вернулся домой неожиданно. На рассвете, когда Навимах собрался в Сактар, вдруг скрипнула калитка и во двор вошел какой-то странник в чалме. За ним плелся осел с поклажей.

«Кажется, воин? — подумал Навимах.— Но что это?.. Голос Аспанзата?» Не успел шелкодел очнуться от удивления, как уже был в объятиях сына.

— О, боги! Ты ли это, Аспанзат? — Навимах все еще не верил своим глазам.— Ты так похудел и почернел, что не сразу тебя узнаешь. Как же ты смог так скоро вернуться? Откуда ты? А верблюды где?..

— Пойдем в дом, отец,— попросил Аспанзат.— Я хочу увидеть мать и Кушанчу, а потом уже все тебе расскажу. Слава Анахите, я перед тобой. Ведь я мог погибнуть! Но и здесь я вижу непрошеных гостей...

— И нас постигла беда, сын мой! Плохо стало в Панче. Что еще будет!

— Аспанзат! Не во сне ли я тебя вижу?

Кушанча бросилась на шею Аспанзату и так крепко его целовала, что Аспанзат и слова вымолвить не мог.

— Чатиса! — кричал Навимах.— Принимай гостя дорогого!

Лишь когда Аспанзат приблизился к навесу, где сидела Чатиса, только тогда добрая женщина поняла, что Навимах не шутит. Могла ли она подумать, что ее ждет такая радость!

— Сын мой бесценный,— шептала Чатиса,— богиня услышала мои молитвы! Вот ты и дома! Плохо нам было без тебя!

— И мне было плохо без вас! — признался юноша.— Столько со мной приключилось бед, и вспомнить страшно!

— Что ты стоишь, Кушанча! — набросилась Чатиса на дочь.— Неси скорей свежей воды Аспанзату. Надо ему умыться и поесть досыта, потом наговоримся.

— А я боюсь отойти, чтобы Аспанзат не рассказал без меня что-нибудь.

— Не думай так, Кушанча,— успокоил ее юноша.— Я так стремился домой! Я все вам расскажу. Теперь у нас много дней впереди...

— Обо всем поговорим,— вмешался отец.— А пока дайте ему поесть. Посмотрите, на кого он похож!

Навимах бросил свои дела и весь день просидел рядом с Аспанзатом. Чатисе тоже хотелось узнать обо всем, а Кушанча ни на минуту не отходила от Аспанзата.

С горечью и досадой слушал Навимах рассказ сына о путешествии. Когда речь зашла о нападении бедуинов и он узнал, что увели верблюдов, Навимах пришел в такое отчаяние, что даже потерял дар

речи. Но Аспанзат вытащил свой кошелек с золотыми монетами и рассказал отцу о том, как самаркандские купцы помогли ему в трудную минуту.

— Благородство купцов удивительно! — обрадовался Навимах.— В наше время, когда злодейство правит разумом людей, не приходится ждать добра от человека. Чужие люди избавили нашу семью от позора. Теперь мы купим верблюдов и раздадим долги. А землю откупать уже нет надобности.

— Почему же?

— А потому, сын мой, что время тяжкое настало. Не сегодня-завтра мы покинем свои очаги и уйдем в горы. Сам афшин взялся вывести людей Панча. И еще нам помогает в этом деле старый Махой.

— Я рад — старик жив, здоров! — воскликнул Аспанзат.

— Благородство Махоя теперь известно в каждом доме на нашей окраине,— сообщил сыну Навимах. Он поведал ему о сговоре в пещере Сактар и о том, как много людей намерено покинуть Панч.

— Куда же мы пойдем? Куда поведет нас афшин?

— Страна наша велика,— ответил Навимах.— Мы и сами не знаем, как велики наши горы и как много у нас хороших пастбищ для скота. А люди афшина всё знают. У него несметные стада в дальних горах. Там мы и найдем прибежище. Не знаю, удастся ли нам оживить дальние земли, посадить там сады и возделать поля, но, как говорят люди афшина, там много тутовника и целые рощи фисташек. На первое время афшин увезет туда много припасов ячменя и пшеницы. Он будет зерном расплачиваться за наши труды. А мы станем там трудиться так же, как и здесь. Необязательно шелка ткать, можно и овец пасти, можно и дома строить из камня и глины. Чатиса всегда найдет себе занятие по хозяйству, а мы нашими делами займемся. Когда же все наладится, станем коконы разводить и все пойдет по-старому, хоть и на новом месте.

Аспанзат слушал отца с волнением. Что же будет? Значит, не суждено им сейчас обручиться с Кушанчой. А он так мечтал об этом. Каждый день, каждую ночь, перед сном, он говорил себе:

«Если выживу, если не погибну, женюсь на Кушанче, как только вернусь. Женюсь, не буду откладывать. Ведь я признался ей в своей вечной любви! Она ждет меня. А ждет ли? Может быть?..»

Нет, нет, ничего дурного не может быть. Она ждала его! Как встретила!.. Он признается отцу, пусть отец сам рассудит. И Аспанзат решился:

— Отец, прости! Может, не время сейчас говорить об этом, но сердце мое горит — я должен тебе все сказать.

— Скажи! Зачем же скрывать. Разве есть у тебя тайны от нас?

— Нет, отец!

Аспанзат смущенно опустил голову и долго молчал.

— Знаешь, отец, мне хотелось бы, чтобы ты заглянул в мое сердце. А в сердце моем все больше разгорается огонь любви. Я не могу это выразить словами, но знаю — нет на свете человека, который бы любил Кушанчу больше меня! В письме я все рассказал ей — я торопился, чтобы не опоздать. Ведь она считала меня братом! Я знаю, вы никогда не говорили ей о том, что...

— Не говори так, сын мой, ты был сиротой не более одного часа. И в тот же миг, когда я взял тебя на руки, я почувствовал, что ты сын мне. И разве глаза не зеркало души! Ты думаешь, что мы с Чатисой не знали, как ты предан нам и как любишь всех нас! Я думаю, что Кушанче выпало большое счастье. Я благословляю вас! И мы сыграем свадьбу здесь, не откладывая. Время трудное, тревожное. Мы не знаем, что ждет нас в горах. Вы поженитесь и вместе с нами уйдете в горы. Там трудом добудете себе счастье. А если добрая Анахита приведет нас в хорошее место и мы снова обретем там свой кров, то заживем в радости всей семьей. Ты будешь коконы варить, как старый Навимах, а Кушанча станет ткать шелка. Ведь она искусница.

— Так и сделаем! — обрадовался Аспанзат.— Расплатимся с долгами, и ты благословишь нас зерном... Я так ждал этой минуты. Горько было мне! Был час, когда у меня не осталось никаких надежд. Ведь мы чудом спаслись в пустыне!.. И когда я подошел к священному источнику, то воздал щедрую жертву — амулет, подаренный мне Махоем.

Навимах смотрел на сына не отрываясь, и Аспанзат увидел, как покатились по морщинистым щекам отца крупные слезы.

— Вы заслужили счастье, дети мои! Пусть добрая Анахита услышит наши молитвы!.. Об одном я попрошу тебя,— сказал Навимах,— пусть никто не знает о предстоящей свадьбе.

●

— Знаешь, отец,— предложил Аспанзат.— Осла можно отдать Артавану. Его подарил мне добрый Тургак. Я помог ему кое-что сделать, когда мы вернулись в Самарканд. Тургак очень пострадал от грабежа. И вот ему понадобилось написать несколько писем своим клиентам, с которыми он имел торговые дела до этого несчастья. У одних он просил вернуть свои долги, других ставил в известность о своей беде и просил ссудить его временно кое-какими товарами, чтобы вернуть себе состояние. Вот эти письма я и написал ему, как только мы вернулись в его дом.

— И ты сумел? Ты так учен?

— Махой научил меня многим премудростям, связанным с торговыми делами, но тогда я думал, что все это не понадобится. Зачем

бедному коконовару знать про дела торговые! А вот пригодилось и это. Всякое знание благо!

— Поистине! — воскликнул Навимах.— Мудрость человеческая безбрежна, как море! Человеку все надо знать, и всякое знание ему в жизни пригодится.

— И вот,— продолжал Аспанзат,— когда я написал письма клиентам Тургака, а они пришлись ему по душе, Тургак и говорит мне: «Ты оказал мне большую услугу, Аспанзат,— ты быстро и разумно составил эти письма. От них мне будет большая польза. Пусть и тебе будет прибыль от меня». И он велел привести этого осла.

— Вот и хорошо! — обрадовался Навимах.— Отведем осла Артавану. Это будет в счет моего долга. А потом соберем коконы и отдадим ему остальное.

— А когда мы купим верблюдов? — спросил Аспанзат.

— Хоть завтра,— предложил Навимах.— Без верблюдов тебе нельзя и показываться. Акузер увидит тебя и сразу начнет укорять и угрожать.

— Он не стал лучше? — спросил юноша и улыбнулся.

— Я не успел тебе рассказать, ведь кривоглазый первым в нашей округе принял ислам и теперь молится чужому богу. Его можно увидеть на крыше дома. Он хочет, чтобы все честные люди видели, какой он подлый изменник.

— У него не хватает денег для джизьи? — рассмеялся Аспанзат.— У бедного медника есть чем заплатить эту подать, а у Акузера полны мешки дирхемов, и жалко уплатить джизью, чтобы остаться верным великому Мазде?

— Разве такое ничтожество может понять величие Заратуштры!

— Махой не раз говорил мне,— задумчиво сказал Аспанзат, — богатство для услады жизни, но жизнь не для того, чтобы копить богатство. А глупый Акузер тратит свою жизнь, чтобы накопить богатство. И достанется оно врагам.

— Помилуй, что ты говоришь! — усмехнулся Навимах.— Арабы — его друзья! Вот он и старается для них.

На следующий день Навимах поспешил на базар. Кошелек с деньгами лежал у него на груди, и Навимаху казалось, что эти монеты согревают ему сердце. Что бы он делал, если бы купцы не помогли Аспанзату? Даже подумать страшно. Акузер тут же учинил бы над ним суд, представил бы судье тот проклятый пергамент. И на другой же день он мог бы лишиться сына. Бедный юноша даже не знает, что ему угрожало. И слава Анахите, что он избежал этого несчастья. И так много бед! Уйти в горы. Куда? Что ждет их там? Хорошо, если афшин сумеет вывести своих людей тайно. А если наместник в Самарканде пришлет воинов, что ждет их тогда?

Навимах долго ходил по базару, прежде чем решился прицениться

к верблюдам. Вначале он прислушивался, приглядывался, какие запрашивают цены, кто сколько дает. Ему показалось, что табунщики запрашивают слишком дорого. Навимаху очень хотелось выгадать хоть немного из той суммы, что была у него в кошельке. Но как он ни старался, а получалось, что надо отдать все содержимое кошелька.

Навимах снова потолкался среди табунщиков и решил на этот раз не покупать верблюдов. Он собрался было домой, как вдруг его окликнул гончар.

— Эй, Навимах! Вот как богат мой сосед, верблюда покупаешь?

— Никому не желаю такого несчастья, какое постигло меня! — воскликнул Навимах.— Если ты видел Аспанзата, то тебе известно, что караван, идущий в землю Румийскую, был дочиста ограблен. Чтобы вернуть верблюдов Акузеру, я занял денег у всех моих родственников. Вот какое у меня несчастье!

— Уже вернулся Аспанзат? — удивился гончар.— А я его еще не видел. Что же с ним случилось, кто ограбил караван?.. Кто? — громко допытывался гончар.

Навимах не сразу ответил. Его недоверие к соседу было слишком велико. Он давно уже приметил, что гончар не всегда честен и не всегда говорит с доброй целью. Когда речь заходила об арабах, гончар был особенно коварен. Навимах подумал и сказал:

— Я не спросил сына, какие разбойники ограбили караван. В пустыне всякие встречаются. Он и сам, наверно, не знает.

— Как может он не знать, кто на него напал! — удивился гончар.

И люди, которые услышали этот разговор, тоже удивились.

Навимах поспешил поскорее уйти.

Гончар никак не мог успокоиться.

«Где же это видано,— думал он,— чтобы бедный человек собственными руками платил подати за молитвы? Этого не сделает бедный человек. Если Навимах платит джизью за всю свою семью, значит, у него кое-что припрятано. А это надобно узнать».

Навифарм один из первых принял ислам. Он не только освободился от податей, но даже получал кое-что за какие-то услуги. Об этом он без стыда рассказывал. Он только не рассказал о том, что у него появились новые обязанности — следить за соседями. Тех, на кого он доносил, облагали новыми налогами.

От Навифарма теперь во многом зависело благополучие людей ремесла. Он должен был сообщать о доходах этих людей. Иные догадывались о том, что гончар может их оклеветать, и потому они сами предлагали ему небольшую мзду, чтобы он оставил их в покое.

На следующий день Аспанзат поспешил к старому Махою.

— Орел вернулся в свое гнездо! — воскликнул радостно старик.— Сами боги привели тебя домой в эти трудные дни!

— Этому помогли разбойники,— ответил с горькой усмешкой Аспанзат.— Они ограбили наш караван, мы едва спаслись.

— Бедный мой Аспанзат, ты худ, будто тебя глодали шакалы.

— А грабители, что повстречались нам, не лучше шакалов! — И Аспанзат рассказал старому учителю о своем путешествии и обо всем, что приключилось с ним в тяжком пути.

— Поистине путь ваш был труден,— согласился Махой.— Но ты не жалей о нем, ты многое узнал в жизни. Та мудрость, которую человек познает во время путешествия в чужие земли,— великая мудрость, потому что она исходит от разных людей. Вот ты узнал горечь разбойничьего грабежа, но также и радость благородного поступка. К тому же твоя встреча с тем странником весьма примечательна. Вспомни, какие ты услыхал мудрые слова о вере и правде!.. Не огорчайся, сын мой,— продолжал Махой,— ты оскудел имуществом, зато разбогател умом. А надо тебе сказать, что богатство разумом лучше, чем богатство добром. Ведь разумом можно добыть богатство, а богатством разума не накопишь! Невежда живо обнищает, а разум ни вор не сможет унести, ни вода, ни даже огонь не сможет его загубить.

— Я благословляю небо за то, что снова вижу тебя, мой учитель! Что бы со мною ни случилось в пути, я всегда помнил твои добрые наставления и мудрые советы. Я не только слушал людей, которые встретились на моем пути, я старался и записать разумные мысли. Мне хотелось показать свое умение. Посмотри, вот что я записал во время путешествия...— И Аспанзат развернул перед Махоем несколько кусков кожи.

— Вот этим ты меня обрадовал! — Старик бережно взял из рук Аспанзата кусочки кожи.— Теперь я вижу, что мои труды не пропали — они дали хорошие ростки. Я вижу, ты писал с большим усердием, а ведь тебе трудно было урвать часок. Сколько бед перенес в пути! Если бы мы могли оставаться в Панче, то я бы сделал тебя своим помощником в одном добром деле.

— В каком деле, учитель? Я хочу быть твоим помощником в любом деле! Я знаю, что дело то будет благородное, полезное людям.

— Видишь, сынок, сколько у меня заготовлено кож! А вот здесь,— он показал на деревянный сундук,— уже лежат мои записи, это летопись наших дней. Слова, сказанные тебе благородным странником,— хорошие слова. И меня мучит опасение, что в эти тяжкие для нас годы забудется все лучшее, что есть у согдов. Не зная того странника, я делаю такое же дело, какое он задумал. Я слишком стар и болен, чтобы многое успеть, но если ты будешь мне помогать, то наша работа пойдет быстрее. К тому же многое надо переписать из разных книг. Это можно поручить тебе. А все, что сохранила моя

неверная память, я запишу своей рукой. Но я забываю, что наши дни пребывания в Панче — считанные дни. Сейчас другие заботы.

— Разве уж так неизбежно нам покинуть Панч?

— Неизбежно, сынок! Я расскажу тебе обо всем, что ты должен сделать для своих соотечественников. А если, милостью неба, мы обретем кров над головой, то немедля засядем за работу, и ты будешь моим верным помощником.

— Теперь я буду жить одной мыслью! — воскликнул Аспанзат.— Я посчитаю самым счастливым тот час, когда мы покинем Панч!

— Для этого тебе надо еще потрудиться... Знаешь ли ты юного живописца Рустама?

— Как же, знаю, это достойный юноша. Он хочет жениться на Махзае, дочери Артавана. Он искусен в живописи и работает у Хватамсача.

— Вместе с Рустамом ты должен обойти все селения вокруг Панча и узнать, сколько людей ушло в горы. Вы должны узнать, сколько ушло и сколько уйдет. Афшин Деваштич решил сам увести людей Панча.

— Мне говорил об этом отец, но я не поверил, что афшин сам поведет с собой в горы простолюдинов,— признался Аспанзат.

— На этот раз беда нас объединила. И это принесет счастье людям Панча.— Махой хотел еще что-то сказать, но вдруг умолк. Он вспомнил, сколько трудов пришлось ему потратить, чтобы внушить господину Панча эту хорошую мысль.

— Дай мне добрый совет, учитель,— попросил юноша перед уходом.— Я задумал жениться на Кушанче. Денег у нас нет. Можно ли выполнить все обряды без пиршества и без свадебных одежд?

— В этом деле я тебе помогу, сынок!..— Махой хитро улыбнулся и стал искать что-то в деревянной шкатулке.— Вот этот перстень поможет тебе сыграть настоящую свадьбу.— И он подал юноше перстень с драгоценным индийским рубином, который напоминал каплю красного вина.

— Как можно! Это целое богатство. Я не возьму!

— Бери, не отказывайся! Мне уже все это не нужно, а у тебя жизнь только начинается. Этот перстень достался мне от хорезмшаха за переписку книг. Пусть он сослужит тебе службу.

— Тогда хорошо было бы его продать. Мне не поверят, если я пойду к ювелиру...— Аспанзат умоляюще посмотрел на учителя.

— Я продам его афшину,— сказал старик.— Оставь мне перстень, а завтра приходи за деньгами. Не может быть сомнения — афшину понравится этот красивый рубин.

С нетерпением ждали следующего дня и Навимах, и Аспанзат, и Навифарм. Каждый рассчитывал, что завтрашний день поможет ему осуществить самое заветное.

Навифарм ранним утром уже бродил вокруг изгороди Навимаха и дожидался, когда покажется Аспанзат. Ему хотелось подбить юношу на разговор о разбойниках-бедуинах. Но напрасно гончар дожидался Аспанзата, юноша на рассвете ушел, чтобы увидеться с людьми других селений. Прежде всего он стремился выполнить поручение Махоя. Он должен был узнать, сколько людей готово к уходу в горы и сколько у них есть мечей, луков, ножей и другого оружия. Нужно было также узнать, сколько есть у них лошадей, ослов, верблюдов. Все это старик хотел знать, чтобы в случае надобности просить у афшина помощи.

Люди готовились к уходу в горы. Но для того чтобы сохранить в тайне эти сборы, надо было очень осторожно и незаметно пройти к горе Магов. Ведь с давних пор эта гора считалась обиталищем злых духов. Жители окрестных селений сразу обратили бы внимание на тех, кто ходил сюда. Только немногим, кто был связан с доставкой оружия и припасов, было разрешено незаметно подойти к крепости афшина. Эти люди обычно приходили на рассвете и тотчас же уходили. Сам афшин пока еще сидел в Панче, но по ночам его люди увозили на гору Магов драгоценную утварь, ковры, золоченое оружие, привезенное афшину из дальних земель. Деваштич велел также перенести в крепость Абаргар побольше зерна, плодов и других припасов. Он велел завести там хозяйство и пригнать в окрестные селения стада. Слуги видели, что афшин намерен надолго покинуть Панч, и от этого им становилось страшно.

●

Когда Аспанзат прибежал к Махою, старик уже ждал его. Он сразу же протянул ему кошелек с динарами.

— Добрая Анахита помогает тебе во всех делах,— сказал Махой.— Деваштич взял перстень и дал мне вот этот кошелек... Посмотри, какой он тяжелый! Когда я стал считать его содержимое, то удивился щедрости афшина. За эти деньги можно купить не меньше трех драгоценных перстней. Афшин думал, что это мой перстень, и пожелал мне сделать приятное.

— Я не возьму столько денег! Я возьму часть из них, а немного оставлю тебе, мой учитель.

— В уме ли ты, юноша! О чем ты говоришь! Тебе надо справить свадьбу и купить припасов в дорогу для семьи. А я один. Когда боги призовут меня в лучший мир, ты позаботишься о моей душе, помолишься Анахите, принесешь цветы миндаля к жертвеннику... Иди готовь свою свадьбу!

Аспанзат не ушел — он улетел на крыльях радости. Эти деньги помогут ему устроить счастье любимой Кушанчи. Неужто настал

счастливый час! Сколько раз он надеялся и тут же терял надежду! Сколько раз над ним подсмеивались злые духи — сулили богатство и тут же лишали его! И все же боги милостивы — они пожалели его, и вот он вознагражден за свои мучения. Он мучился, страдал, думал о смерти, а вот теперь уже близок час свадьбы. Они вместе с другими уйдут в горы и там будут строить свое счастье. Разве у него мало сил! Как ни тревожно вокруг, а на душе у него птицы поют и все кажется так легко, так хорошо!

«Верь в добро, сын мой»,— говорил ему Махой. Он прав, добрый старик. В самом деле, как же не верить в добро!

— Отец, посмотри, что я принес, какое богатство! — Аспанзат протянул Навимаху кошелек и, гордо подняв голову, сказал: — Теперь я сам позабочусь о свадьбе.

— Да тут целое состояние, сынок!..— обрадовался шелкодел.— Чатиса, посмотри, как покровительствует нам добрая Анахита!

— Вот так счастье! Кто бы мог подумать: и верблюдов купили, и деньги есть для свадьбы! — Чатиса взяла обеими руками голову Аспанзата и поцеловала его в смеющиеся глаза.— Ты всегда приносил нам счастье, сынок!

— А где же верблюды? — спросил Аспанзат.

— Отвел к Акузеру. Он отдал мне мой пергамент, и я его порвал!

— Расскажи, отец, как радовалось твое сердце,— улыбалась Чатиса.— Ведь мы избежали такого несчастья!

— Может ли быть бо́льшая радость! — сказал Навимах.— Представь себе — человек стоит на краю пропасти и знает, что неизбежно упадет туда. Он знает, что нет такой силы, которая бы спасла его. И вдруг совершается чудо: над пропастью появляется мост — обреченный без страха переходит по нему и продолжает свой путь...

— Где ты была, Кушанча? Тебя ждут добрые вести! — радостно сообщил Аспанзат вошедшей девушке.

— Я ходила к источнику, отнесла туда цветы и свежие лепешки. Пусть нам поможет добрая богиня.

— Богиня помогла вам,— сказал Навимах и сделал детям знак, чтобы подошли для благословения.

Потом он подошел к стоящим в углу глиняным горшкам, взял из одного горшка горсть пшеницы, из другого — горсть ячменя, громко прочел молитву и посыпал молодых зерном в честь предстоящей свадьбы.

— Пусть счастье не оставит моих детей! — просила Чатиса домашнего духа, став на колени у горящего очага.

Аспанзат и Кушанча сияли. Настал долгожданный час. Завтра уже можно будет готовить свадебные одежды и праздничное угощение. Навимах не хотел устраивать богатой свадьбы. Не такое сейчас время. Но даже для своих родных ему пришлось бы зарезать не менее

шести баранов. А ведь нужно купить этих баранов! Где их теперь добудешь? Никто не хочет продавать.

Бывает ведь так, что наступает счастливая минута, когда вся семья в сборе и все полны добрых надежд. Так было в этот радостный час заката. Аспанзат и Кушанча сидели рядом и молча смотрели на заходящее солнце. Навимах и Чатиса обсуждали, каким будет свадебное угощение, и договаривались о том, кого позвать на свадьбу. Кошелек с динарами лежал рядом с Навимахом. Он то и дело брал его в руки.

— Видишь, как благороден наш афшин? — говорил Навимах жене.— Возьми-ка в руки кошелек! Какой тяжелый!

Чатиса не успела взять кошелек из рук Навимаха, когда скрипнула калитка. Во дворе появился гончар, за ним следовали воины наместника.

— Ты не ждал гостей? Мы не взыскательны, мы не попросим угощения!

Гончар с ехидной улыбкой подошел к Навимаху и, ткнув пальцем в кошелек, зажатый в руках шелкодела, взвизгнул от удовольствия:

— Посмотрите! Клянусь молодым месяцем, я вижу чудо! Бедный человек купил двух верблюдов, а в придачу получил еще кошелек денег.

Навимах словно окаменел. Он смотрел на соседа стеклянными, невидящими глазами и силился сказать что-то, но язык не подчинялся ему.

— Убирайся вон, подлый клеветник! — закричал Аспанзат.

Подскочив к Навифарму, он схватил его за плечи и швырнул к калитке. Гончар завизжал от ярости.

— Вяжите его! — закричал он воинам.— Он убьет вас, он убьет меня, спасите...

Воины бросились к Аспанзату.

— Змееныш!..— кричал самый старший из них.— Ты уверял,— обратился он к гончару,— что в этом доме нет крепких рук и никто не будет сопротивляться... Я брошу тебя в яму и сгною! — крикнул он Аспанзату.

Аспанзат вырывался как мог. На помощь ему поспешил Навимах. Но его оттолкнули и пригрозили расправой, если он хоть пальцем коснется правоверного.

— Отдай кошелек! — потребовал старший.— Всякое золото в руках нищего — ворованное золото! Мы возьмем его во имя Аллаха!..

— Я не дам кошелька — это достояние моего сына!

Навимах прижал кошелек к груди и в исступлении повторял одно и то же:

— Это достояние моего сына!..

Прижавшись друг к другу, громко всхлипывали Чатиса и Кушанча.

— Отдай кошелек, или мы уведем с собой женщин! — пригрозил воин в чалме и подмигнул своим молодым помощникам.

— За что такое злодейство?..— закричал Навимах.

Он все еще прижимал кошелек к груди. Но когда на него набросились сразу несколько человек, он не стал защищаться, бросил кошелек на землю и простонал:

— Уходите! Будьте вы прокляты!

— Не вздумайте оставлять здесь ублюдка! — приказал воин в чалме.— Пусть посидит в яме несколько дней!

Он сделал знак, и молодые воины схватили Аспанзата. Юноша словно с цепи сорвался. Он так бился, так кусался и с такой силой сопротивлялся, что невозможно было его и с места сдвинуть.

— Пусть пока останется здесь...— предложил воин в чалме. Ему не терпелось попасть на базар с кошельком Навимаха.— Вы еще ответите за оскорбление! — пригрозил он и ткнул в Навимаха палкой.— Твой сын за все ответит! Утром мы будем здесь.— С этими словами они покинули дом Навимаха.

Чатиса с Кушанчой, забившись с угол, горько плакали, а Навимах, словно оцепенев, стоял и смотрел вокруг невидящими глазами. Под чинаром стонал избитый Аспанзат.

Кушанча очнулась и бросилась к Аспанзату. Она прикладывала мокрые тряпки к избитому телу юноши и уговаривала его прилечь на мягкие одеяла, чтобы хоть немного облегчить боль. Она умоляла отца сегодня же ночью покинуть Панч.

— Мы уйдем отсюда, и тогда все будет хорошо! — говорила девушка Аспанзату.— Здесь для нас не будет счастья!

— Будет ли там спасение? — плакала Чатиса.

— Мы уйдем,— согласился Навимах.— Теперь я вижу, что проклятый гончар не только веру продал, он совесть и честь — все продал чужеземцам. За несколько дирхемов загубил семью!.. Где же истина? Где справедливость?..

— Отец, я вернусь и отомщу злодею. Я не прощу ему предательства! — прошептал Аспанзат, сжимая кулаки.

В КРЕПОСТИ АБАРГАР

Опустилось черное покрывало ночи, темно. «Где ты, милый? Почему такая печаль на сердце?»

Кушанча не то поет, не то всхлипывает. «Почему такая печаль на сердце?» — спрашивает себя девушка словами песни.

Темно и тихо вокруг. Словно все вымерло. Только на скамье, где сидит Кушанча, горит фитилек в глиняной чаше. Он освещает смуглое красивое лицо и влажные от слез глаза девушки. Кушанча шьет мешки для поклажи. Через несколько часов они уйдут в горы.

Девушка мысленно прощается с домом. Здесь прошло ее детство, здесь она узнала о любви Аспанзата, здесь она ждала своего счастья. Что будет там, в горах? Как страшна эта неизвестность!

Почему люди так злы? Почему так жестоко поступил гончар? Отец радовался, хотел устроить свадьбу, а вместо свадьбы одно горе. Аспанзат лежит избитый, мать обливается слезами, а отец словно каменный.

«Пойду посмотрю, не нужно ли чего-либо Аспанзату». Кушанча откладывает шитье и берет чашу с горящим фитильком, но, оглянувшись, видит юношу. Он давно уже стоит у чинара и смотрит на нее. Глаза его кажутся громадными на темном, похудевшем лице.

— Не печалься, Аспанзат, все будет хорошо! Я ходила к ворожее, она гадала на бобах, жгла священные травы. Нам выпало хорошее предзнаменование...

Девушка ласково коснулась плеча юноши и посмотрела ему в глаза с любовью и нежностью:

— Зачем печалишься, ты ведь сильный и храбрый! Мы все вместе уйдем в горы...

Кушанча взяла Аспанзата за руку и повела к навесу. Там суетилась Чатиса. Она укладывала узлы. Женщина горестно вздыхала над своим очагом. Она давно уже не обмазывала его глиной — зачем? Для них очаг не будет священным. Чатиса осмотрела свои корчаги и глиняные горшки, даже погладила их. Хотелось бы все унести с собой, да нельзя. Ткацкий станок и тот пришлось разобрать. Навимах закопал его в землю. Бедный Навимах надеется вернуться домой. Сбудется ли это?

Грустно покидать свой дом темной ночью. Все тебе дорого здесь — даже тоненькое, недавно посаженное деревце миндаля. Ты знаешь здесь каждую ветвь на яблоне, каждый изгиб виноградной лозы. И вот теперь, когда все наливается соками и скоро созреет, ты покинешь этот дом, и плоды, тобой выращенные, достанутся врагам. Как все это перенести?

Навимах молча прошелся по двору, постоял под ветвистым тутовником. На дереве созрели сочные розовые ягоды. Чатиса не стала их собирать, как делала это всегда. Зачем собирать ягоды, если некогда их сушить, нет времени варить сладкий, как мед, сироп. Навимах подошел к своему закопченному котлу. Как долго он служил ему. И вот останется здесь его старый котел, такой черный, обгоревший от долгой службы.

У изгороди стоял осел. Навимах подвел его к навесу и стал

укладывать узлы. Хорошо, что есть осел. Легче увезти поклажу.

Каждый взял на плечи узел, каждый тащил в руках корзину. Молча двинулись в путь. Ослу подвязали копыта тряпками, а сами шли в мягких войлочных сапогах, чтобы не слышно было и шороха. Надо было остерегаться злобного Навифарма. Если он увидит их, то им тогда уже не спастись...

Улица, тонувшая во мраке, спала. Не слышно было даже лая собак. Молча шли они по затихшей окраине. За глинобитными домиками едва обозначалась темная полоса хлопкового поля. За полем, у реки, начиналась тропа в горы. Надо было скорее выйти на эту тропу, тогда будет не страшно.

Навимах был озабочен. Он не успел сообщить брату о случившемся. Артаван подумает, что всю семью увели арабы. Может быть, поймет, что сами ушли. Все равно — пройдет несколько дней, и по тропе потянется караван беглецов. У горы Магов они встретятся.

Наконец-то они миновали окраину, прошли через хлопковое поле, перебрались через шаткий мостик, переброшенный через реку, и вышли на тропу. Прежде чем подниматься в гору, Навимах зажег небольшой факел. Темной ночью невозможно было идти по узкой тропе. А ждать рассвета не хотелось. Да и опасно было: при свете дня всегда можно было ждать недоброй встречи.

— Далек ли наш путь? — спросила Чатиса на рассвете, когда они уже были вне опасности и можно было устроить привал.

— На лошади я добирался три дня, а пешком, с поклажей на спине, пожалуй, и пять дней пройдешь.— Навимах сбросил с плеч тяжелый узел и присел отдохнуть.

— Не все ли равно? — вмешалась Кушанча.— За нами никто не гонится. Куда нам торопиться?

— Она права! — Аспанзат с улыбкой посмотрел на Кушанчу.— Вот тебе награда за умное слово! — И он подал девушке крошечный букетик полевых цветов.

Долгим был этот путь. Чатисе он казался нескончаемым. Где-то внизу, в ущелье, клокотала река, злобно и сердито билась о камни.

Они шли мимо горных селений пастухов и частенько останавливались отдохнуть и поесть. Люди были щедры, предлагали им еду и укрытие. Они и сами боялись непрошеных гостей.

На пятый день пути, в сумерках, где-то высоко на горе блеснул огонек одинокого светильника.

— Огонек на башне крепости. Это сигнал! — обрадованно закричал Навимах.— Мы у цели!

Они расположились на ночлег у подножия горы. А на рассвете отправились в ближайшее селение.

— Я бы хотел повести вас прямо в крепость афшина,— сказал Навимах,— но я не узнал условного приветствия. Без него не пустят.

— Я его знаю, Рустам сказал: «Вместе с вами!» — отозвался Аспанзат.— Но туда пойдет только один из нас. Там нет места для всех простолюдинов, которые пожелают последовать за афшином. Махой велел здесь дожидаться афшина.

Небольшое селение, расположенное в горном ущелье, было необычно многолюдным.

С тех пор как оно существовало, здесь никогда не было так много людей. На площади, где был базар, стоял тростниковый навес. Люди разместились здесь со своей поклажей, иные привели с собой телят, коз, баранов. Проталкиваясь среди незнакомых людей, Навимах вдруг увидел Артавана и всю его семью.

— Поистине бывают чудеса! — обрадовался Навимах.— Когда же вы успели прийти сюда?

— Мы вчера пришли. Решили не дожидаться новых бед. Случилось так, что живущие у нас воины ушли в город и к ночи не вернулись. Мы уложили скарб, взяли припасы и погнали с собой стадо. Даже вам не успели сказать.

— Кто же приведет сюда людей Сактара?

— Там есть надежные люди,— сказал Артаван.— Они приведут. Мы не могли оставаться. Махзая не давала нам покоя — она узнала, что Рустам здесь.

Кушанча расположилась рядом с Махзаей и сразу же обратила внимание на странное рукоделие, которым занимались дочери Артавана. Они нашивали на полотно кусочки кожи.

— Я шью панцирь для Рустама,— призналась Махзая.— А вдруг понадобится! Тетушка Пурзенча научила меня.

— И я сошью панцирь для Аспанзата! — обрадовалась Кушанча.— У нас найдутся кусочки кожи.

— Мы все чего-то ждали, совсем потеряли покой! А тут еще Махзая все плакала о Рустаме,— рассказывал Артаван брату.— Днем раньше, днем позже — все равно виноград достанется врагам. Вот мы и решились.

— И то верно...— согласился Навимах и стал рассказывать, как изменник Навифарм привел в его дом иноверцев.— А осла мы тебе отдадим,— предложил Навимах.— Бери его за долги.

— Ты ко времени припас мне долг! — обрадовался Артаван.— Теперь мы совсем обнищали. Не знаю, как проживем без своего хозяйства!..

●

Гороскоп, доставленный Деваштичу звездочетом, предсказывал счастливый уход в день Анахиты. Афшину было известно, что к этому времени отряд разведчиков наместника покинет Панч. Деваштич был доволен тем, что люди Панча смогут уйти, не опасаясь погони.

Афшин знал, что Саид ал-Хараши не оставит в покое Панч. Рано или поздно он отомстит за то, что Деваштич не оправдал его надежд. Но афшин сейчас не думал о будущем.

Надо было как можно скорее скрыться в горах, там, где их не настигнут воины наместника.

Рустам, выполняя поручение афшина, переданное ему Махоем, собирал в одно место всех беглецов, прибывших к горе Магов. Это было нелегко сделать. Люди расположились в разных селениях, разбросанных среди гор. Нужно было обойти эти селения. Рустам хотел это сделать сам, но подумал, что было бы легче и быстрее взяться за это дело двоим. Он предложил Аспанзату помочь ему. Тот согласился.

Юноши разошлись в разные стороны. Аспанзат пошел в дальние селения пастухов, а Рустам взялся обойти все ближние селения и поговорить с каждым, кто прибыл сюда из Панча или из других владений Деваштича.

Беглецы расположились вблизи дороги, у реки, в тени деревьев, всюду, где можно было положить войлок и свалить несложный скарб, доставленный сюда на осле, а то и просто на спине.

Аспанзат ходил из селения в селение и подолгу расспрашивал людей. Одни вытаскивали самодельные мечи, другие собирались встретить врага просто мотыгой или лопатой. Аспанзат давал им советы, говорил, куда надо собираться, когда гонцы Деваштича сообщат о прибытии афшина.

●

— Я обошел все селения, которые ты мне назвал, я всё проверил,— сообщил Аспанзат Рустаму.

— И я всех обошел,— сказал Рустам.— Многие пришли и еще придут вслед за афшином. Люди ждали гороскопа, чтобы уйти под покровительством небес.

●

В назначенный час Рустам пришел в крепость. Он стоял у двери, которая отделяла его от владетеля Панча, и ждал, когда приближенный афшина пропустит его к Деваштичу.

«Господин Панча не знает меня. Как-то он встретит? — думал Рустам.— Однако Махой слышал обо мне: ведь он велел слуге господина разыскать меня и поручить мне такое важное дело».

Размышляя так, Рустам невольно прислушивался к тому, что делалось за дверью. Вот слышен голос афшина. Рустаму он давно знаком. Во дворце Панча каждый знает этот голос... Но что говорит

Деваштич?! Разве он принял ислам? Почему он велит писать: «Во имя Аллаха милостивого и великого»? О, проклятье! Он предал нас!.. Кому мы доверились? Что делать? Надо спасать Панч от предателя! Здесь стража невелика — можно проникнуть в комнату афшина и убить его!

Рустам вытащил свой нож из кожаных ножен и коснулся лезвия:

«Острый! Я должен спасти людей Панча. А потом что будет?.. Нет, одному никак не справиться. Надо пойти к Аспанзату и вместе с ним напасть на предателя. Ведь стража может подоспеть на помощь, надо будет ее связать. Аспанзат возьмет веревки и поможет связать писца, отобрать оружие у стражников...»

Рустам разыскал Аспанзата. Он рассказал ему все, что услышал, и признался, что намерен убить Деваштича, чтобы спасти людей Панча.

— Не торопись! Ты неправ! — воскликнул Аспанзат.— Я знаю, почему он так пишет. Мой старый учитель Махой рассказал мне, как Деваштич задумал перехитрить иноверцев. Он притворился, будто принял веру Мухаммада. Ведь афшин знает арабский язык и разговаривает с арабами как равный, а в душе он согдиец и верен нашим богам. Он выведет людей Панча! О том я доподлинно знаю из уст Махоя. А то, что говорит Махой, никогда еще не было неправдой!.. Оставь свой дурной замысел и ступай к афшину с полной верой в его доброе намерение.

— И все это правда? — изумился Рустам.— Само небо удержало мою руку! Я бы мог убить афшина. Как хорошо, что ты здесь! Из-за моей глупости мог бы погибнуть наш господин!

Рустам пошел к Деваштичу. Он сообщил афшину, сколько прибыло сюда кедиверов, общинников и ремесленников, какое они имеют оружие. Афшин остался доволен.

— Твое лицо мне знакомо,— сказал он, пристально посмотрев на Рустама.— Я видел тебя в моем дворце.

— Я делал росписи в комнате молитв, мой господин. Я бывал во всех помещениях дворца, где работал старый Хватамсач.

— Вот как? — удивился афшин.

— Я ученик почтенного Хватамсача. Это он научил меня мастерству живописца.

— В трудное время занемог твой учитель, горько нам было оставлять его в Панче.

— Не знал я, какое горе случилось! Позвольте мне, мой господин, вернуться в Панч. Я помогу учителю добраться сюда, я все для него сделаю!

— Твое желание похвально. Только не медли, иди скорее, чтобы вернуться до нашего ухода в горы. Поспеши, юноша, я награжу тебя! Если ты прибудешь позднее и не застанешь нас, то моя стража

у крепости скажет тебе, куда доставить старика. Запомни имя моего верного слуги в Панче. Он даст тебе коней. На них вы быстро доберетесь сюда.

— Все будет сделано, господин! Мы вернемся вместе с учителем и украсим стены этой крепости.

— Когда прогоним врагов, тогда все сделаем для славы и могущества Панча! — сказал Деваштич.

Сегодня афшину казалось, что он хорошо понимает силу своих людей. Сейчас он готов был довериться тем, кого прежде не признавал. В трудную минуту афшин увидел, как верны своей земле и своей вере простые люди Панча. А ведь многие из именитых и знатных предали свой народ. Сколько богатых людей Панча, Самарканда и Маймурга перестали знаться со своими соотечественниками! Вот он поручил именитому купцу Сахраку вести его торговые дела, а вчера стало известно, что Сахрак принял веру Аллаха и служит врагам. Через несколько дней у подножия горы Магов должны собраться все люди города и предместий. Они придут сюда спокойно, не боясь преследований: ведь гороскоп, составленный Звараспом, предсказал, что день Анахиты будет счастливым. Он поведет их в горы по тропам, не известным арабам, и там они пробудут некоторое время, переждут грозную пору. А если враг не уйдет из Панча, то, кто знает, может быть, собрав всех своих людей, он пойдет на них войной! Но это потом.

●

Рустам поспешил к Махзае.

Они медленно шли вниз по извилистой тропе, как дети взявшись за руки.

— А теперь я пойду,— сказал Рустам.— Путь далек. Я целую неделю не увижу тебя.

— Это будет самая долгая неделя в моей жизни! — призналась Махзая.

— Зато какая радость ждет нас,— сказал Рустам,— я встречу тебя здесь, на этой тропе.

Махзая коснулась рукой плеча Рустама:

— В добрый путь!

Рустам прижался щекой к ее руке и, не оглядываясь, побежал. Но вскоре остановился и крикнул:

— Я принесу тебе сладкую дыню, самую сладкую, посаженную моим отцом!

Махзая улыбнулась и долго еще смотрела ему вслед. Она думала о том, что небо милостиво и что скоро-скоро настанет счастливый день. Они поженятся и никогда больше не расстанутся. Рустам станет расписывать стены в домах богатых купцов, а она будет вести

хозяйство. Но ведь ему придется уходить из дому на целый день!.. Ну и что ж! Она принесет ему еду. Махзая никогда не видела росписей, которые делал Рустам, но она так хорошо представляла их себе, словно побывала во дворце афшина. Сейчас она думала о том, что будет помогать Рустаму, если он согласится. Разве она не сумеет подавать ему краски!

Давно уже скрылся Рустам, а Махзая все стояла на том месте, где они расстались, и мечтала о будущем.

●

Каждый день к подножию горы Магов приходили люди. Целые отряды конницы выстроились на улицах окрестных селений. Вслед за ними шли караваны верблюдов, груженные всяким добром владетелей Панча. Они прибыли со своими семьями, слугами и рабами. Мало кто остался в Панче в эти дни. Мало кому хотелось отдать врагам нажитое добро, мало кому хотелось отречься от веры своих отцов.

И в крепости все были заняты подготовкой к уходу в горы. Деваштич приказал привести на гору Магов свою семью и всех служителей дворца в Панче. Вместе с другими сюда был доставлен и старый Махой.

— Я рад видеть тебя здесь, мой достойный писец! — сказал афшин Махою.— Здесь ты будешь в безопасности. Но если пожелаешь, то пойдешь вместе с нами через перевал. Мы найдем там полное уединение. Там враги не настигнут нас.

— Я никого не боюсь, мой господин. Мне враги уже не страшны. Только и привело меня сюда — желание закончить мою летопись. Здесь спокойно. Оставь меня в крепости — я поработаю в тиши. Если удастся мой замысел, то потомки узнают о нашей жизни, не забудутся наши мысли, наш язык и обычаи.

— Это благородное дело! — согласился афшин.— Трудись и будь благополучен! Я велю оставить для тебя припасы, а позднее пошлю за тобой гонцов, может быть, надумаешь перебраться к нам, в горы.

В небольшой комнате второго этажа расположилась арфистка афшина со своей рабыней. Комната была завалена тюками, привезенными из дворца Деваштича в Панче. Здесь были и драгоценные персидские ковры, и шелковые одежды, доставленные из Китая, и редкой красоты серебряные сосуды с превосходной чеканкой дамасских мастеров. Афшин ничего не жалел для своей любимой музыкантши. Для того чтобы увидеть улыбку на ее печальном лице, он готов был потратить целое состояние.

— Всем ли ты довольна, дочь Хорезма? — спросил афшин, входя в комнату арфистки.— Все ли доставлено сюда моими слугами, не

разбиты ли драгоценные китайские вазы, которые привез для тебя Сахрак?

— Я всем довольна, мой господин! Все, что было дорого мне, как дар твоего благородного сердца, все доставлено сюда. В Панче остались только мои любимые росписи, сделанные по твоему приказанию. Но их нельзя было увезти.

— Не печалься, дочь Хорезма! Все, что ты пожелаешь, мои живописцы изобразят на стенах твоего дворца, который построен в горах. К тому же отъезд из Панча вовсе не означает, что мы покинули наш город навсегда. Нам надо перехитрить врага.

— Я спокойна, мой господин. Твоя мудрость не подведет тебя. Рядом с тобой я спокойна.

— Твои слова как бальзам, как твоя дивная игра! Я верю тебе, прекраснейшая из дочерей Хорезма. Через несколько дней мы будем уже далеко отсюда, среди неприступных гор. Там ты увидишь небольшой дворец, сделанный искуснейшими мастерами Согда. Это твой дворец, он создан для тебя. Первое время всем нам предстоит испытать неудобства, пока соорудят достойные жилища и храмы. Но ты не должна терпеть неудобств. Об этом позаботился твой афшин. Даже все мои приближенные снизойдут до войлочных шалашей, только ты будешь чувствовать себя царицей. Ведь ты создана для того, чтобы царствовать и повелевать сердцем афшина!

— Ты возвеличил меня, мой господин! С каждым днем я чувствую все большую благодарность за твою щедрость. Теперь я все реже вспоминаю дом моего отца в Хорезме, и все чаще мое сердце обращается к тебе со словами привета. Сейчас, когда заботы омрачили твое чело, мне хочется сказать тебе — я оценила твое благородство и твою мудрость, мой господин.

— Не называй меня господином, ты — госпожа моя! — Афшин низко склонил свою гордую, красивую голову. Он молча повернулся и тихо прикрыл за собой дверь.

— Госпожа, ты знаешь, как я предана тебе! — прошептала рабыня.— Скажи мне одной: афшин женится на тебе?

— Он ждет моего слова,— ответила арфистка, задумчиво глядя на дверь, за которой скрылся афшин.

— И ты заставляешь ждать его? О дитя неразумное! Внемли мольбе старой женщины! Поверь мне — нет на свете человека более щедрого. Скажи свое слово! Послушай же меня!

— Ты пугаешь меня! — взмолилась девушка.— Перестань ломать руки, словно произошло несчастье. Я скажу ему свое слово, как только мы прибудем в новый дворец.

— Как ты разумна, госпожа!..— воскликнула рабыня.— Ты отпустишь меня на свободу, когда станешь полновластной госпожой Панча? Скажи скорее, не терзай мое сердце!

— Я отпущу тебя домой хотя бы для того, чтобы ты смогла рассказать моей матери и отцу моему, как счастлива их дочь, что не рабыня она, а госпожа!

Рабыня не успела броситься к ногам своей госпожи, как в комнату вошли слуги. На рассвете афшин приказал двинуться в горы.

●

Слуги афшина передавали людям распоряжения господина. Деваштич велел каждому проверить свое оружие и запастись стрелами. Тем, кто пришел только с мотыгой и палкой, роздали оружие из кладовых крепости. Афшин велел женщинам заняться приготовлением припасов на долгий путь в горы.

Семьи Навимаха и Артавана были неразлучны. Чатиса вместе с девушками готовила еду в дорогу, а братья приводили в порядок ножны для мечей и колчаны для стрел. Аспанзат получил оружие из кладовой крепости. Он сам отточил свой меч, проверил каждую стрелу. Кушанча заканчивала шить панцирь. Вместе с Махзаей они обшивали монетами верхнюю часть кожаной рубашки, чтобы в случае несчастья вражеская стрела не пронзила сердце. Аспанзат был очень доволен, когда сестры вручили ему этот панцирь.

— Такой носят только знатные воины афшина! — обрадовался юноша. Он горячо благодарил девушек.

Прошла уже неделя, а Рустам все не возвращался. Махзая по нескольку раз в день выбегала на тропу посмотреть, не идет ли. Но юноши не было. Беспокойство сменилось отчаянием.

Вблизи крепости Абаргар собрались уже и те люди Панча, которые вышли из города в день Анахиты. Прибыла семья Деваштича вместе с чакирами и слугами. Уже глашатаи афшина объявили волю господина Панча — собираться в дорогу. На рассвете предстояло двинуться в горы.

Всю ночь Махзая не сомкнула глаз. Остаться здесь ждать Рустама невозможно — никто не оставался на горе Магов. Уйти вместе со всеми — значит навсегда потерять Рустама. Девушка была в отчаянии. Кушанча, как могла, утешала ее. На рассвете люди Панча двинулись в путь. Впереди Деваштич со своей семьей и приближенными. Все они были на прекрасных конях, покрытых дорогими попонами. Вслед за ними шли приближенные афшина, семьи знатных дихкан и купцы.

Нескончаемой вереницей тянулся караван с сундуками, коврами, тюками товаров и припасами. Много было забот у богатых. Меньше было забот у ремесленников и землепашцев. С ними был жалкий скарб и корзинки с едой.

Собралась в путь и семья Навимаха. Все было бы хорошо, если бы

не горе Махзаи. Рустам не вернулся. Артаван не знал, как ему поступить. Марьяма и тетушка Пурзенча проливали горькие слезы. Махзая села на камень у ворот крепости и ни за что не хотела покинуть гору Магов, до тех пор пока не вернется Рустам. Кушанча уговаривала ее.

— Рустам нагонит нас в пути,— утешала она подругу.

Медленно двигался этот необычный караван, в котором воины, вооруженные мечами и луками, шли рядом со старухами и детьми. Странно выглядела нескончаемая цепь людей с узлами и корзинами на головах. Люди торопились догнать всадников. Их нетрудно было догнать. По узкой, извилистой тропе всадники двигались немногим быстрее пешеходов.

Столь многочисленным был караван, растянувшийся по горным тропам, что идущие впереди уже достигли ущелья, а идущие позади были еще вблизи крепости Абаргар. Далеко в разных направлениях мчались разведчики афшина. Им было поручено проверить безопасность пути. Гонцы были посланы и на дороги, ведущие в Панч. Они должны были сообщить отряду афшина, не идут ли воины Саида ал-Хараши из Панча.

Афшин был в добром настроении. Он с удовлетворением заметил, что не только простолюдины последовали за ним, но и многочисленная знать пожелала уйти от иноверцев. Он пришпорил своего коня и, оставив позади себя верного советника и чакиров, предался размышлениям. Он думал о вчерашней встрече с арфисткой. Впервые он услышал от нее такие сердечные слова. Она оценила его любовь и щедрость. Пройдет немного времени, и гордая, своенравная красавица согласится стать его женой.

Каждый человек достоин своей маленькой радости. Чем же он хуже других? Если в юности ему не посчастливилось встретить ту, которая стала бы его сокровищем, то пусть хоть на закате радость войдет в его сердце. Афшин представил себе на мгновение прекрасное лицо красавицы, ее задумчивые и немного печальные глаза и тонкие пальцы, извлекающие волшебные звуки из маленькой золоченой арфы. Вчера ему удалось отправить ее под надежной охраной верных слуг. Они доставят ее в уединенный маленький дворец, о котором никто не знает. Там она будет ему петь свои нежные песни... Афшин оглянулся и знаком подозвал к себе советника:

— Я вижу, как многочислен наш отряд, все с нами. Жаль только, что не смог уйти с нами мой Хватамсач.

— Я не хотел бы огорчать моего господина,— ответил советник,— но случилась беда. Я снова зашел к нему перед уходом, он был бодрее и приготовился к дальней дороге: уложил в корзины свои краски и кисти. Но вдруг прибыли во дворец люди от Саида ал-Хараши. Они потребовали, чтобы старик следовал вместе с ними в Мерв.

— Почему же ты не сообщил мне об этом раньше?

— Я не хотел огорчать тебя, мой господин.

— И ты позволил увезти моего живописца?

— Что я мог сделать один с несколькими чакирами? К этому времени все твои воины были уже на пути к горе Магов.

— Я не желаю слышать об этом. Сейчас же отбери лучших чакиров и пошли в Мерв, чтобы тайно увезли старика. Через месяц он должен быть с нами!

Деваштич не повышал голоса, но советник видел, как разгневан его господин. Он молча следовал за афшином, не решаясь возражать. Но как услать сейчас десяток лучших чакиров, когда еще неизвестно, что ждет их впереди! Ведь коварство иноземцев не имеет границ — они могут настигнуть их в горах!

— Ты не сказал мне, где звездочет Зварасп,— снова обернулся к советнику афшин.— Я не видел его с того дня, когда получил от него гороскоп.

— Горько мне сообщать господину Панча дурные вести...

— Говори!

— Я послал гонца в Мерв проверить, так ли это. Только мне сообщили, что Зварасп бежал в Мерв.

— Это самое дурное из всего, что ты мог мне сказать!..— Афшин с силой пришпорил коня.

АСПАНЗАТ ОСТАЛСЯ ОДИН

Рустам не узнал Панча. Всюду шныряли люди в белых бурнусах. По улицам носились всадники. Жители Панча со страхом и любопытством рассматривали пришельцев.

— Вот это отряд конницы ал-Мусейяба,— говорил какой-то знатный господин,— а вот пешие воины хорезмшаха. Саид ал-Хараши заставил их пойти против согдийцев. А вот важный военачальник на рыжем скакуне — это Шаукар ибн Хамук, злобный человек из бухарской знати...

Рустам внимательно слушал неизвестного ему господина.

«Хорошо бы обо всем донести афшину,— подумал он.— Ведь как вооружены! Какая сила! Если начнут рубить, так не останется ни одного человека в Панче. А что же будет, если они пойдут на крепость Абаргар? Хватит ли там воинов, чтобы отбиться от такой силы? Пойду скорее, найду учителя и потороплюсь к афшину. Если я получу коней у стражника во дворце, то мы быстро доскачем. Пожалуй, успеем сообщить о грозящей опасности».

К удивлению Рустама, у ворот дворца не было охраны. Стояли

верблюды, груженные сундуками, коврами и драгоценными сосудами, которые не успели увезти люди Деваштича. Рустам бросился в распахнутые двери. Комнаты пусты. Где же учитель? Его нет. И спросить некого. Словно все вымерли. Но что случилось с росписями? Как они изуродованы! Кто-то старательно соскреб лица и руки. Уничтожены все росписи, сделанные искусными руками старого учителя. А что делается в комнате молитв! Какое злодейство совершили иноверцы! Повергнута ниц статуя богини, разбита ее прекрасная голова, и обломки статуи смешались с черепками жертвенных сосудов. Тут же валяются бусы — украшение богини. Нет жертвенника. Нет более священного огня. Обезглавленная Махзая беспомощно протянула руки к виноградной лозе.

Рустам остановился, потрясенный страшным зрелищем.

— Кто сотворил это злодейство?! — закричал он в порыве гнева и отчаяния.

Но никто не откликнулся, лишь эхо отозвалось в пустых комнатах дворца. И юноше послышалось, что эхо вторит отовсюду: «Злодейство! Злодейство! Злодейство!..»

— Так вот они какие, эти люди, пришедшие поработить нашу страну...— шептал Рустам. Ужас и отчаяние охватили его. Он понял, что случилось что-то очень страшное и непоправимое.— Они только что пришли, нас не знают. За что же они нас так ненавидят? Почему они так злобно уничтожили то прекрасное, что создал мой учитель? Разве могла им помешать картина шествия царей в храм предков? Почему они соскребли головы? Почему разбили статую богини? Зачем изуродовали изображение Махзаи? О, у них нет сердца!

Учитель говорил ему, что люди, которые не умеют видеть красоту,— черствые люди! А эти не только черствые — они жестокие, они ненавидят прекрасное, они его уничтожают!

— Учитель! Учитель! Учитель! — кричал Рустам, заглядывая во все комнаты, забираясь под пандусы, останавливаясь возле ниш. В комнате афшина он замер в удивлении. Перед ним, как живая, стояла красавица арфистка. Легко касаясь пальцами золотых струн арфы, она, казалось, играла что-то печальное. Лицо ее было строго. Рустаму оно показалось даже скорбным. Где она, эта удивительная музыкантша? Куда девался старый Хватамсач?

Рустам метался по разграбленному, разрушенному дворцу Деваштича и нигде не встретил ни одного человека. Он поднялся на крышу и попал в маленькую комнату звездочета. Сюда никто не приходил — здесь не было следов разрушения. Но в комнате не видно было ни одежды, ни деревянных ящичков с гороскопами, которые бережно хранил Зварасп. Рустам окинул взглядом опустевшую комнату. На полу он заметил голубую бумагу, свернутую трубкой и перевязанную шелковой ниткой. Он поднял и развернул ее. Это было письмо.

В первую минуту Рустаму показалось, что оно написано на чужом языке, но, вглядевшись внимательно, он понял, что письмо написано по-согдийски. От кого же? На такой дорогой китайской бумаге? Откуда?

«Мир тебе и поклон от твоего покровителя Саида ал-Хараши. Я помню твои заслуги, Зварасп, — писал он. — Ты сообщил мне много полезных сведений, да пошлет тебе Аллах здоровье и благополучие...»

— Где же он, поганый старик, проклятый колдун! — прошептал в ярости Рустам.— Где он, предатель Зварасп!

«За услугу, которую ты мне окажешь, я посылаю тебе подарок. Впереди тебя ждет большая награда. А драгоценный перстень, который тебе вручит мой гонец, послужит знаком моего высочайшего доверия. Я вывез его из Нишапура. Этому камню нет цены. Подвесь перстень на шею, и ты почувствуешь, как укрепляется твое сердце, как уходят страхи и сомнения. Эта удивительная бирюза, величиной с лесной орех, предохранит тебя от ударов молнии. Отныне ты спасен от укуса скорпиона. За все это стоит послужить, не правда ли? А когда ты прибудешь ко мне с доброй вестью, тогда я вручу тебе кошелек с золотыми, который давно уже снился тебе, как ты изволил мне писать. Ты еще писал мне о гороскопе, будто он должен послужить путеводной звездой людям Панча. Я могу дать тебе добрый совет: не трудись, не считай звезды, не трать времени на вычисления. Пусть в твоем гороскопе будет указан день Анахиты. На этот раз путеводная звезда людей Панча будет нами отмечена. Укажи же направление твоему господину...»

Рустам сжал кулаки. Ярость охватила все его существо. Теперь он понял, почему разорен дворец афшина. Еще более страшное впереди. Ведь недаром ал-Хараши сам назначил день Анахиты. Значит, он пошлет свое войско на крепость Абаргар!.. Кто же предупредит афшина? Где взять коней?

— О, горе нам!..— простонал юноша.

Он выскочил на улицу, решив угнать верблюда, но караван, груженный добром Деваштича, был уведен.

— О, горе нам!..— повторял Рустам.

Он побежал по опустевшим улицам города. Он заглядывал в чужие дворы. Он твердо решил, что если увидит где-либо коня, то ускачет на нем к горе Магов, чтобы предупредить афшина. Но кони были только у чужеземцев.

Рустам бежал в гору, а перед глазами его стояла картина разграбленного дворца; обезглавленная Махзая и разбитая статуя богини словно призывали его к мести. Он прижимал к груди бусины, унесенные в память о комнате молитв. Эти бусины жгли ему грудь.

Прошло всего несколько дней с того времени, как афшин покинул свой дворец в Панче, и вот что сделали с ним враги! Что же ждет людей Панча? Нет, этого не должно быть! Этого не будет!

●

Отряд Деваштича подходил к ущелью Кум, когда вдруг кто-то закричал:

— Спасайтесь! Нас окружили враги!

Страх овладел людьми.

— Мы погибнем! Нас окружили!..— неслось со всех сторон.

Напрасно афшин призывал людей к спокойствию. Они не слышали слов благоразумия. Каждый думал о своем спасении. Одни повернули своих коней назад, другие бросились в ущелье, третьи метались в нерешительности и с проклятием бросали свою поклажу.

— Это Деваштич предал нас, он устроил нам ловушку! — закричал толстый Нареман, ломая руки.

— Не говори глупостей! Не пугай людей! — остановил его советник афшина.— Еще одно слово, и моя стрела пронзит твое сердце! Разве ты не знаешь, что день Анахиты указан нам гороскопом? В этот день мы получили покровительство небес.

Советник поспешил к Деваштичу, а в это время прискакали гонцы. Они сообщили страшную весть: тысячи воинов во главе с ал-Мусейябом окружают ущелье.

— Готовьтесь к битве! — приказал афшин.— Пусть наши мечи проткнут животы иноверцев! Мы не дадим им пощады! Гонцы, ступайте к стенам Абаргара, велите страже крепко стоять. Мы вернемся в крепость и там найдем укрытие от врагов.

Но едва только двинулся отряд афшина в сторону крепости Абаргар, как посыпался град вражеских стрел и показались всадники в белых бурнусах. Они шли отовсюду, и трудно было найти тропу, свободную от врагов. Они спускались с гор, появлялись из-за скал, преграждали путь на тропах, ведущих к ущелью. Воины афшина поскакали к ним навстречу. Но Деваштич имел при себе мало чакиров, а простолюдины, которые тащили свой скарб, не были готовы к встрече с врагом. Они растерялись и не сразу взялись за оружие. Прошло немало времени, прежде чем люди Панча дали врагу почувствовать свою силу. Постепенно все были захвачены сражением. У кого не было оружия, тот нападал с мотыгой или лопатой. Иные защищались ножами. Чакиры афшина метко стреляли из лука, они были отличными стрелками, но ал-Мусейяб имел значительно больше лучников. Они окружили людей Панча.

Отряд афшина с трудом пробивался к крепости.

— Мы должны скорее вернуться в Абаргар — там наше спасе-

ние! — говорил своему советнику Деваштич. Он старался сохранить достоинство и не показывать волнения, но ему было трудно скрыть свою ярость.

Афшин мучительно думал о том, кто же совершил предательство. То ему казалось, что виновником несчастий был звездочет, то он подозревал в измене гонцов, посланных к Саиду ал-Хараши. Но то, что совершилось, было ужасно.

— Наша беспечность принесла нам гибель!..— Деваштич много раз повторял эту фразу.— Как могли мы так легковерно покинуть крепость? Нас предали...

— Мы озабочены вашим благополучием,— обратился к афшину его телохранитель.

И он протянул Деваштичу большой деревянный щит, обтянутый кожей. Афшин вовремя прикрылся щитом. Вражеская стрела пролетела мимо. Стрелок, снова метивший в господина Панча, был остановлен рукой самого ал-Мусейяба.

— Не усердствуйте чрезмерно! — крикнул он молодым воинам, которые обстреливали группу, охраняющую Деваштича.— Господин Панча должен быть жив. Его ждет в Мерве Саид ал-Хараши.

Воины ускакали, предоставив ал-Мусейябу самому встретиться с Деваштичем.

Но если вражеская стрела миновала господина Панча, то людей его постигла другая участь — они были застигнуты врасплох, окружены в таком месте, откуда невозможно было бежать. Единственным спасением для беззащитных была река. Люди бросались в реку, чтобы там, среди валунов, укрыться от стрел. Вслед за другими бросился в реку и Артаван. Он тащил за собой дочерей, а за ними с причитаниями бежала старая Пурзенча. Бурные воды реки понесли их вниз по течению, вместе с какими-то узлами, корзинками и деревянной посудой.

Аспанзат видел, как спасаются от стрел его соотечественники, и вместе с другими старался помочь им. Он обстреливал воинов ал-Мусейяба, которые с берега посылали стрелы в тех, кто плыл по реке. Юноша прицеливался, и каждый раз, когда ему удавалось ранить воина в белом бурнусе, он знал, что мстит за злодейство. Укрывшись за скалой, Аспанзат метко посылал свои стрелы, старался следить и за теми, кто плыл по реке. Он ждал — вдруг вместе с другими появится и его семья. И как тяжко было это ожидание!

Но вот мелькнул алый платочек. Не Кушанча ли это? Близко от нее женщина и пожилой человек, наверно Навимах! Ах, если бы это были они! Только это! Добрая богиня, сделай так! Я прошу совсем мало — сохрани их для меня!..

Они плывут всё ближе и ближе... О, это Махзая — у нее такой же алый платочек! А рядом с ней Марьяма, и Артаван оберегает их. Вот

барахтается тетушка Пурзенча — ей мешает одежда... Не зевай, Аспанзат, стреляй скорее в того дьявола, который показался из-за сломанной акации! Рука у него перевязана, он целится... Ты молодец, Аспанзат, попал в перевязанную руку! Так ему и надо!.. Помаши Махзае — она оглянулась. Но бедняжка ничего не видит. Она плывет медленно, боится валунов. Плыви, плыви, милая Махзая! Если вернется Рустам, я скажу ему, чтобы искал тебя в маленьких селениях, что разбросаны вниз по реке.

Люди догадливы — многие спасут себе жизнь, бросившись в реку. Почему же нет Навимаха и Чатисы с Кушанчой? Возможно, они повернули к горе Магов? Может быть, они уже под защитой у стен Абаргара? О чем ты думаешь, Аспанзат! Поторопись к стенам крепости, пока они не стали пленниками!.. А может быть... Нет, только не это. Многие погибли, но столько же и спаслось. Люди бежали в горы, и воины ал-Мусейяба не стали их преследовать. Так иди же, Аспанзат, ищи Кушанчу, ищи родителей! Ведь сегодня самый страшный день в их жизни! Что же ты не двигаешься с места?..

Аспанзат пробирается к отряду Деваштича — ведь афшин велел своим воинам возвратиться в крепость.

Решив добраться до стен Абаргара, Аспанзат уже ни о чем другом не мог думать. Ему удалось опередить всадников афшина. Он пробирался среди раненых, молящих о помощи, среди женщин, которые голосили, как плакальщицы, среди брошенных детей и мчавшихся всадников.

Вот и Абаргар. Но здесь не видно согдийцев. Повсюду люди в белых бурнусах. Сколько их здесь! Что это они таскают в деревянных ящичках и свертках, обернутых в старые халаты? И зачем пылает костер среди двора?

Аспанзат из-за выступа скалы следит за тем, что делается во дворе. Чем это заняты воины ал-Мусейяба? Зачем они раскрывают ящики, зачем вытаскивают бумажные свитки и кожи, испещренные письменами?.. О, они тащат это к костру! Проклятье им! Они бросают в огонь свитки. Кто-то целые годы сидел над этими письменами, а сейчас в одно мгновение их поглотит огонь. Не библиотека ли это Деваштича? Махой говорил, что много лет писцы афшина переписывали из древних летописей всякие премудрости. У афшина хранилась запись священной книги Заратуштры. У него были такие переписчики, которые могли переписать на согдийский язык даже мудрые книги индусов.

Но откуда взялся этот высокий седовласый старик? Он мечется по двору, ищет кого-то. Не Махой ли это? Он в одежде простолюдина, в колпаке. Может быть, это слуга афшина? Верный слуга, он пытается вырвать свитки из рук молодого воина! Бедняга, он думает, что здесь могут кого-либо растрогать слова! Но тот не слушает и швыряет

свитки в огонь. О, ужас! Старик бросается за ними в костер. Его синий халат охвачен пламенем, загорелся колпак. Беги, Аспанзат, помоги старику! Он ценой жизни спасает достояние афшина.

Расталкивая воинов, Аспанзат бросился к пылающему костру. Он схватил в объятия старика, стараясь руками погасить загоревшуюся одежду. Сорвав клочья обгоревшего халата, юноша вглядывался в его лицо...

— Махой! Учитель...— кричит он голосом, полным ужаса и отчаяния.— Мой бедный учитель, ты спасал бесценное сокровище — свою летопись. Как же я не понял этого сразу! Как мог я допустить!.. Почему я не бросился в костер! О, я ничтожный...

Махой лежал с закрытыми глазами, почти нагой, со следами страшных ожогов на теле. Он тяжело дышал, и Аспанзату казалось, что вот-вот прервется его дыхание.

— О бедный мой учитель, очнись! — умолял юноша, склонившись над беспомощным телом старика. Он брал в руки его голову, прислушивался к неровному дыханию, касался его плеча.— Это я, Аспанзат! Скажи, как вернуть тебе жизнь?

— Дай ему воды,— посоветовал пожилой воин,— да вот возьми немного масла, смажь ожоги... Зачем старик бросился в огонь? — спросил он сочувственно.

— Старик спасал свою летопись. Он долгие годы писал ее. В ней мудрость целой жизни. Разве он мог смотреть, как ее сжигают!.. Мой учитель...— Голос Аспанзата прерывался, слезы душили его.— Мой учитель был знаменит в Согде своими бесценными трудами. Кто же позволил все это сжечь! За что?

— Я попробую помочь старику,— сказал пожилой воин.

Он подбежал к костру и стал палкой разбрасывать горящие сучья, топтать ногами золу. С трудом извлекал он обрывки обгоревшей кожи.

— Что ты делаешь? — удивились молодые воины.— Ведь начальник приказал сжечь это!

— Вам приказали сжечь бумаги афшина, а вы, невежественные люди, сожгли летопись мудреца! Зачем вы это сделали?.. Сколько раз вам говорили о том, что мудрость каждого народа принимается нами как дар! Мы призваны собрать воедино крупицы мудрости разных племен. Не для того ли нас призвал к битве великий пророк Мухаммад! Вы уподобились глупым жеребцам, которых выгнали на пастбище и позволили им резвиться...

Старый воин с презрением бросал слова упрека. Тщательно собрав обрывки обгорелой кожи, он подал их Аспанзату:

— Отдай старику, пусть не печалится. Его никто не тронет — я не позволю.

Аспанзат только кивнул в знак благодарности. Он старался вдохнуть жизнь в немощное тело старика. Смазав ожоги маслом, он дал

Махою немного воды. Старик приоткрыл глаза и, узнав Аспанзата, протянул к нему руки. Кисти рук были покрыты красными волдырями. Каждое движение причиняло невыносимую боль.

— Я хотел спасти свою летопись...— прошептал едва слышно Махой.— Все сгорело! Пропали мои труды!..

— Костер погашен. Кое-что спасли. Не печалься, мой учитель! Я все сделаю. Только научи меня, как залечить твои раны...

— Я слишком стар, сын мой. Меня уже не спасешь...— Махой умолк. Казалось, жизнь покинула его, только израненные руки ласково касались рук Аспанзата.

— Мой добрый учитель, не покидай меня, сжалься!..— Юноша склонил голову на грудь старика и повторял бесконечно много раз: — Сжалься! Живи, мой добрый учитель!..

Люди в чалмах и бурнусах с любопытством смотрели на обгоревшего старика и на юношу, который содрогался от рыданий.

— Ты будешь жить, мой учитель! Мы уйдем в горы и вместе возродим твою летопись...

Аспанзат смотрел в обескровленное лицо учителя, прислушивался к его дыханию. Махой едва заметно шевелил губами. Юноша смог только уловить слова:

— Пиши, сохрани...

Это были последние слова Махоя.

Аспанзат на коленях долго читал молитвы, которыми маги провожали в последний путь согдийцев. Воины-арабы не подходили к ним. Они предоставили юноше самому распорядиться телом старика.

●

И снова Аспанзат пошел искать Кушанчу. Судьба отца, матери и любимой девушки, казалось, зависит от того, как скоро он их найдет. Вблизи горы Магов, на тропе, ведущей в Панч, он увидел группу женщин, которых вели воины ал-Мусейяба. Они медленно шли той же дорогой, которая всего несколько дней назад сулила им счастье и благополучие. Стоны и рыдания надрывали сердце. Аспанзат решил, что у этих женщин он узнает о судьбе Кушанчи и Чатисы. Он понимал, что, если подойдет к ним, его тотчас же пристрелят. Надо было перехитрить врагов, пока они так медленно плетутся по этой тропе. «Что делать?.. Осени меня, добрая Анахита!»

Аспанзат остановился в нерешительности. Если он выйдет из-за кустарника и его увидят, то участь его будет решена. Нет, он не должен им показываться. Он должен... О, придумал! Хорошая мысль пришла ему в голову. Очень хорошая! Скорее назад! Вон там, в лощинке, он видел убитого... А может быть, не убитого, только

раненого. Но это не имеет значения. Надо скорее добраться туда, нужно взять у него бурнус и саблю. Стоит ему облачиться в эту одежду, как он сможет подойти к женщинам и узнать все, что ему нужно. Важно лишь обмануть охранников, нужно, чтобы они приняли его за своего.

Аспанзат как безумный бежал к той лощине, где видел распростертого бедуина. Он отлично помнил, что тот лежал, раскинув руки. Нет, нет, он не спал! Он был мертв. Скорее, скорее, Аспанзат!.. Где же лощинка? А может быть, ничего этого не было? Тебе, верно, показалось, Аспанзат! Ведь нет лощинки, нет бедуина! А женщины уйдут, и негде больше узнать... Не теряй мужества, Аспанзат, ищи — ты найдешь! Вон там за фисташковыми зарослями... Вот и лощинка. Он здесь, бедуин. Он мертв. Бери бурнус, надевай его скорее! Беги!..

Аспанзат бежал, сердце колотилось в груди. Но вот и женщины. Он остановился, чтобы перевести дух, припомнил арабское приветствие и подошел к охранникам уже без страха, зная, что те примут его за своего.

— Во имя Аллаха, с хорошей добычей! — приветствовал Аспанзат охранников, которые шли с обнаженными саблями в руках.

— Откуда ты, брат? — спросил один из охранников.— Куда идешь?

— Я догонял вас. Мне поручено увести в крепость двух рабынь. Я знаю их язык, поговорю с ними. Надо взять умелых, к работе не ленивых.

— Возьми, раз велели.

Он побежал вперед, чтобы рассмотреть толпу. И он увидел их. Они шли, взявшись за руки. Столько скорби было в их облике, что Аспанзат с трудом сдержался, чтобы не крикнуть! Он подскочил к ним, схватил за руку Кушанчу и едва уловимым движением глаз дал понять, что надо молчать. Он потащил их по тропе, посылая проклятия, которые запомнились ему в пустыне. Они бежали вместе с ним, молча, в каком-то оцепенении, не понимая, как все это случилось. За выступом скалы они остановились. И Аспанзат стал спрашивать о Навимахе. Рыдания несчастных женщин были ему ответом. Навимах погиб от вражеской стрелы. Они хотели отдать ему последние почести, но их схватили.

— Сын мой, я не могу жить, пока не воздам должное памяти твоего отца. Разве был на свете человек более благородный!..

Обняв мать, неутешно рыдала Кушанча.

— Мне ничего больше не нужно в жизни — я хочу только найти Навимаха. Я хочу проститься с ним...

Чатиса опустилась на колени и, обняв ноги Аспанзата, молила его так, как молят о спасении жизни.

— Пойдем, мать! — сурово сказал Аспанзат.— Пойдем к ущелью Кум, мы найдем отца. Мы выполним свой долг...

Они долго шли молча. Им никто не встретился на пути, и каждый из них думал лишь о судьбе Навимаха. Они забыли о грозящей опасности. Но, подходя к ущелью Кум, они услышали те же крики и стоны, ту же ненавистную речь, которая преследовала их все утро этого злосчастного дня. Были слышны крики и причитания людей, которых угоняли воины ал-Мусейяба.

Женщины остановились в нерешительности. Но Аспанзат вдруг схватил обеих за руки и потащил по крутой, отвесной скале вниз, к реке.

— Прости меня, мать, прости и ты, Кушанча, я должен сохранить вам жизнь, а потом я вернусь сюда и выполню свой долг перед отцом!

Они спускались все ниже и ниже. Вот и берег реки.

— Скорее в воду! Не бойтесь валунов. За мной!.. Мать, не отставай!.. Кушанча, я держу тебя, ты не утонешь, не бойся!.. Мать, не отставай!.. Не бойся, Кушанча... На том берегу мы будем в безопасности. Сейчас уже никого нет на реке. Они не смотрят сюда, не стреляют...

— Я не могу больше! — стонет Чатиса.— Я...— Она без сил останавливается у валуна.

— Аспанзат, помоги ей взобраться на камень,— кричит Кушанча.

— О, проклятая стрела! О, вестник смерти! Берегись, моя Кушанча! — Аспанзат склонился над девушкой, стараясь заслонить ее, но волны разъединили их.

Новая стрела впилась в спину Кушанчи. Чатиса с криком бросилась к дочери. Вода окрасилась кровью. Аспанзат подхватил беспомощную Кушанчу и поплыл. Чатиса отстала, силы изменили ей. Юноша все плыл и плыл к берегу. Берег так близок, скорее, скорее... Вдруг острая боль обожгла плечо Аспанзата.

— Кушанча!.. Мать!..

Все померкло...

●

В крепости Абаргар все было по-прежнему, словно сюда и не заглядывали чужеземцы. Подвалы были полны припасов и вина. Как и прежде, лежали в резных деревянных шкатулках письма и документы Деваштича. Комнаты были увешаны коврами и драгоценными персидскими тканями, еду подавали на серебряных блюдах, вино пили из золотых чаш. Вместе с афшином в крепость вернулась его семья; здесь же был его советник-горбун; вернулись и служители двора. И все же жизнь в Абаргаре была до крайности необычной. Крепость была похожа на тюрьму. Никто не смел выйти за кованые

ворота крепости. Уже много дней никто не приходил сюда. Афшин ничего не знал о судьбе людей Панча, которые остались вблизи ущелья Кум, окруженные воинами ал-Мусейяба. Он не знал, сколько людей погибло и сколько спаслось бегством. Он пытался узнать, послал туда своих чакиров, но никто из них не вернулся. Значит, за пределами крепости царят чужие законы, и нет у афшина Панча больше ни города, ни селений, ни пастбищ, ни виноградников, есть только эта маленькая, недостроенная крепость на горе духов, где можно встретиться с дивом в облике дикого кабана.

Но пришел час, и у ворот Абаргара появились воины ал-Мусейяба.

— Впустите гонцов! — кричали они, швыряя камни в ворота и лязгая щитами.

— Мы привезли послание афшину,— сообщил охранникам один из гонцов.

— Обстреляйте их, пусть забудут дорогу в Абаргар,— велел Деваштич, приказывая чакирам взяться за луки.

Поток стрел был ответом непрошеным гостям. Вскоре прибыл другой отряд. На этот раз его возглавил согдиец Сулейман Абу-с-Сари.

— Пусти его,— посоветовал афшину горбун.— Он знаменит своей жестокостью. Я знаю, как он преследовал согдийцев. С ним не сравнится и самый лютый враг. С ним надо договориться, иначе он сожжет крепость.

Деваштич долго не соглашался открыть ворота Абаргара. Он изменил своему решению лишь тогда, когда воины Сулеймана начали осаду крепости.

— Ты плохо ценишь благосклонность ал-Хараши,— заметил Сулейман, скрывая за вежливой улыбкой свою ярость.— Ты обстреливаешь гонцов ал-Мусейяба, а между тем он оставил тебе эту крепость нетронутой. Он выполнил волю ал-Хараши. У нас одна забота — сохранить жизнь афшина и дать ему понять, как велико благородство наместника халифа.

— Теперь я знаю, кто убил моего писца Махоя! — воскликнул в негодовании афшин.— Его убили воины ал-Мусейяба. Признайся! Есть ли предел вашим злодеяниям?

— Мне известно другое,— ответил Сулейман,— старый араб своими руками спасал летопись твоего писца. Твой Махой сам бросился в костер. Его никто не тронул и пальцем.

Афшин не стал спорить с ненавистным ему предателем. Выхода не было — Деваштич принял все условия, предложенные ему военачальником. Он вынужден был согласиться открыть ворота крепости и пустить туда воинов Сулеймана. Деваштичу была обещана свобода. Крепость была открыта.

— Пусть тебя не тревожат мелкие заботы,— льстиво предупредил афшина Сулейман.— Я позабочусь о том, чтобы твой караван со всеми богатствами был доставлен в Мерв. Если ты доверил мне свою жизнь, то стоит ли думать о нескольких сундуках!

●

Не успел скрыться из виду последний всадник отряда Деваштича, как воины Сулеймана Абу-с-Сари, подобно коршунам, набросились на добычу. Они делили богатство афшина Панча. Однако Сулейман не мог потерпеть этого. Он вернулся и отобрал для себя все наиболее ценное, что составляло пятую часть добычи. Много соблазнительных подарков получил и наместник в Мерве Саид ал-Хараши. Все остальное поделили между собой воины.

Наутро, когда из ворот крепости Абаргар вышел последний верблюд, груженный награбленным добром, когда вывели всех пленников из знатных согдийских семей, которых ал-Хараши велел вести в Мерв, крепость Деваштича подожгли.

Весь день и всю ночь пылало зарево на горе Магов. Люди, убежавшие в горы, решили, что пожарище — возмездие богов за совершенные чужеземцами злодеяния. Они не знали, что горит крепость афшина.

●

Долгим и утомительным был путь Деваштича в Мерв. Медленно продвигался караван по пыльным и знойным дорогам. И хотя воины Сулеймана, сопровождавшие афшина к наместнику, были учтивы, не притесняли его,— он был пленником. Он был во власти Саида ал-Хараши, и никто не мог предсказать, что ждет его в Мерве.

Дни и ночи афшин непрестанно думал. Он должен был решить — на что соглашаться и что можно просить. Одно ему было ясно — ни за какие блага мира он не откажется от веры своих предков и от обычаев своей страны. Пусть Деваштич предстанет перед наместником в Мерве благочестивым мусульманином, но это будут только пустые слова. Все его мысли, все его деяния принадлежат Согду.

В Мерве афшина приняли с почестями. Саид-Хараши обращался с ним как с равным, ни в чем не отказывая. Ал-Хараши предложил Деваштичу вернуться к своей семье в горы, он возвращал афшину все горные селения согдийцев.

После долгих размышлений афшин решился принять предложение Саида ал-Хараши.

Он отправился в обратный путь.

Его проводили с почестями.

Когда отряд Деваштича вышел за ворота Мерва, афшин вдруг снова почувствовал себя свободным и независимым. Он стал думать о том, как, вернувшись в родные горные селения, он поднимет против воинов Саида ал-Хараши всех горных согдийцев, выгонит иноземцев из Панча, истребит их отряды. Мысленно он уже видел освобожденный Панч. На привале ночью афшин уснул спокойно, в добром настроении, какого у него давно уже не было.

Деваштич проснулся от сильных толчков. Что случилось? Люди Саида ал-Хараши были непочтительны и вели себя очень странно. Один из них, с наглым лицом, подняв светильник над головой афшина, произнес:

— Почтенный господин, тебе осталось жить не более нескольких минут, можешь сказать свою последнюю волю.— Он протянул руку в темноту и зловеще добавил: — Ты будешь распят вот на той гробнице. Так приказал Саид ал-Хараши.

...Голова Деваштича была отослана в Ирак, левая рука — в Мавераннахр[1].

●

Одинокой и мрачной громадой высится над бурными водами реки совсем черная, лишенная растительности гора Магов. Безмолвно стоят руины сожженной крепости. Ничто не нарушает мертвой тишины. Только порывы осеннего ветра изредка обрушиваются на пепелище. Они хватают горсти золы и кружат их в воздухе. И, как символ ушедшей жизни, стоит, протянув свои обугленные ветви, старый карагач.

Вот уже много дней свирепствуют в горах ветры. Холодные осенние дожди размыли тропы. В такую погоду трудно пробраться к вершине горы. Однако кто-то взобрался сюда. Кто-то бродит среди развалин крепости Абаргар.

Худой, изможденный юноша в рваной одежде мечется среди обугленных стен, заглядывает в щели, что-то ищет у сломанных ворот. Он двигается словно в забытьи, бессмысленно глядя вокруг. Но вдруг он останавливается и, вспомнив о чем-то, бросается на землю, содрогаясь от рыданий. Это Аспанзат. Он старается представить, что же случилось в тот страшный день, когда он потерял Кушанчу. Он вспоминает о том, как они плыли к берегу, как медленно, часто останавливаясь, плыла вслед за ними Чатиса. Потом, кажется, просвистела стрела... Он отчетливо помнит, как она впилась в спину Кушанчи. Но ведь он

---

[1] Мавераннахр — арабское название территории междуречья Амударьи и Сырдарьи, означающее — «по ту сторону реки».

подхватил Кушанчу и поплыл с ней. Они были уже у самого берега. Куда же девалась Кушанча?.. Зачем же он пришел сюда? Разве она могла подняться сюда оттуда, с берега реки? Ведь стрела... Зачем он здесь? Надо искать Кушанчу на берегу реки, там, где он очнулся, весь избитый и израненный камнями. А плечо и сейчас болит невыносимо. Он не может шевельнуть правой рукой. Рука висит, как плеть. Надо спуститься к реке. Там остались самые близкие и дорогие ему люди — Кушанча и Чатиса. Он должен их найти. И Навимаха надо найти там, в ущелье Кум.

В то страшное утро погибли лучшие люди Панча. Он видел, как падали его соотечественники, пронзенные стрелами врагов, как отважно сражались согдийские воины. Теперь все тихо. Никого нет. Нет больше мудрого Махоя. Нет Кушанчи!.. Зачем тогда жить? Река бурлит, она зовет его — там осталась его Кушанча. Не об этом ли говорят ее холодные, потемневшие волны? Аспанзат поднимается, хочет идти, но ноги не слушаются его... Нет сил. Ведь он давно ничего не ел. Уже много дней только одни фисташки попадались ему на пути.

Аспанзат ищет среди развалин остатки какой-либо еды... Нашел! Вот целая корзинка с лепешками. Кто-то заботливо напек их в дорогу. Аспанзат стал жадно грызть сухие лепешки. Он ел и думал о том, как бесполезно все, что он делает. Никогда ему уже не увидеть тех, кто был ему дорог! Он даже не знает, куда девались люди Панча, которые уцелели в то утро. Они ушли в горы, но куда? Где их искать? И зачем ему нужны чужие люди?

— Река зовет меня,— шепчет Аспанзат.— Я иду...

Вдруг где-то рядом послышался хохот. Аспанзат в ужасе оглянулся: навстречу ему шел старик в рубище, с непокрытой головой. Он шатался и бормотал непонятные слова. Юноша подошел к старику и протянул ему лепешку. Старик схватил лепешку, стал отрывать куски и мять их беззубым ртом.

«Старик обезумел от горя»,— решил Аспанзат. Он бережно усадил его. Чужое горе на время затмило страдания.

— Кто ты? — спросил старик, уставившись на Аспанзата.

— Если ты из Панча, то знаешь Навимаха. Я сын его.

— Я медник. Ты не узнал меня? Я ищу моих детей. Я ищу их повсюду... Ха-ха-ха!..— Старик бросился бежать.

И долго еще Аспанзату слышался хохот обезумевшего.

Вот и река. Аспанзат останавливается:

«Куда ты торопишься? Ты дал слово Махою. Ведь ты должен найти Навимаха! Ты хотел найти Кушанчу и Чатису! И бедный медник ждет твоего участия... Ты хочешь броситься в реку?

Ведь ты дал слово своему учителю! Ты обещал составить летопись, которую не смог завершить мудрый учитель... Ты бросишься в реку,

но кто тогда расскажет скорбную историю твоего народа! Кто расскажет людям о Панче, о твоей семье, о добром Навимахе и нежной Чатисе!.. Остановись, подумай! Если ты уйдешь, не выполнив своего долга, кто расскажет людям о твоей прекрасной Кушанче! Она так мало прожила на свете, и никто не узнает, какое у нее было доброе сердце и как прекрасна она была!..

Остановись, Аспанзат, подумай, кто расскажет людям о твоей жизни, о твоей скорби! Кто сохранит для потомков песни и сказания твоего народа! Разве ты забыл слова Махоя? Разве ты забыл странника Варзака? Нет, ты не забыл! Ты не бросишься в реку! Ты сохранишь для потомков память о родном Согде. Боги отобрали у тебя счастье, но жизнь они тебе оставили. Так потрать же ее на благородное дело! Составь летопись жизни и счастья, страданий и скорби твоего народа».

ПОТОМКИ УЗНАЮТ ИСТИНУ

Ночь опустилась на землю. Темнота скрыла развалины крепости. Лишь колеблющееся пламя освещает часть крепостной стены и юношу, сидящего у костра с охапкой хвороста в руках. Он подбрасывает хворост в огонь и протягивает к нему руки. Мысли уносят его к дням далекого детства. Вот он сидит у черного котла, подбрасывает хворост и ждет, когда закипит вода. Сейчас он позовет отца, и они вместе начнут запарку коконов. Тогда так же пахло дымом, трещали сучья, но на душе было легко и беззаботно, а сейчас камень лежит на сердце. Аспанзат, не думай об этом! Ночь темная и холодная, вокруг ни души. Пусть тебя согреет огонек, пусть он напомнит тебе дни светлого детства. Забудь о темной холодной ночи, забудь о смерти...

Вот ты еще совсем маленький, в короткой рубашке, босой, взобрался на абрикосовое дерево и оттуда бросаешь Кушанче сочные, сладкие плоды. Абрикосы так нежны, так мягки, что, падая в руки Кушанчи, разбиваются. Но она весело смеется. Неожиданно приходит Чатиса, она сердится. Сколько раз детям говорили, что нельзя лазить на дерево! Можно обломать хрупкие ветви. К тому же бесполезно бросать оттуда абрикосы — они ведь портятся. Она выносит одеяло и велит держать его за края, чтобы оно повисло в воздухе. Затем она начинает трясти дерево сильными руками. Плоды падают на одеяло и не разбиваются. Каждый абрикос остается целым, хотя он так сочен и мягок, что кажется, будто это лепестки цветов наполнены соком. Потом Чатиса берет на руки Кушанчу и помогает ей взобраться на

крышу дома. Вслед за девочкой она подсаживает и тебя и велит обоим раскладывать абрикосы на солнце. Так весело и радостно! Мать доверила такое важное дело...

А вот и Сактар. Махзая и Марьяма весело встречают тебя с Кушанчой и зовут на реку купаться. Все бегут к реке, бросаются в воду и плывут, перегоняя друг друга. Ты впереди всех. Кушанче хочется тебя перегнать — она старательно загребает своими тонкими ручонками. Но разве можно тебя догнать! Ты видишь усердие Кушанчи. Ты останавливаешься и притворяешься, будто устал, а затем совсем медленно плывешь вперед. Кушанча догоняет, ее свежее, румяное личико сияет счастьем. Махзая и Марьяма не умеют так хорошо плавать. Они плещутся у самого берега и зовут к себе.

Сегодня праздник урожая. Артаван зарезал барана, тетушка Пурзенча приготовила много вкусного угощенья. В гости пришли Чатиса и Навимах. Надо скорее торопиться к маленькому бассейну под тутовником. Там уже сидят все взрослые. Дети бегут к ним, и капельки воды поблескивают на смуглых лицах...

Хохот безумного старика прерывает мысли Аспанзата. В темноте едва видны обломки стен и развалины башни. Снова перед ним все ужасы и страдания последних дней.

Почему так много зла на земле?

И снова в памяти оживает образ старого учителя. Он говорит: «Я подобен разбитому сосуду, из которого по каплям вытекает драгоценная влага, надо ее сохранить...» Мудрый старик передал ему частицу своих знаний. Разве справедливо будет унести их с собой?

«Напиши! Сохрани!..» — шепчет Аспанзат.

Долго сидит он в раздумье. Давно догорел костер, юноша продрог от холодного ветра... Когда небо посветлело, он встал и начал медленно пробираться среди обломков обгоревшего и рухнувшего свода. В одной из комнат крепости жил Махой. Может быть, удастся найти среди обломков свитки пергамента. Все, что он найдет, он возьмет с собой в горы.

Аспанзат долго копался среди обугленных, обвалившихся стен, прежде чем добрался до обломков жилища старого Махоя. Здесь должны быть свитки с письменами. Вот обрывки кожи, кусочки пергамента и драгоценной китайской бумаги, которую старик еще не успел исписать. Дрожащими руками развертывал Аспанзат скрученные в трубочки свитки... Не попадутся ли страницы летописи?..

— О, счастье! Вот они, эти строки, исписанные рукой старого Махоя! «...и сказал Бейдеба, индийский философ, глава брахманов: «...четыре вещи отличают человека среди всех животных, вмещая в себе все, что существует в мире,— это мудрость, воздержанность, ум и справедливость. Ученость, образование и обдуманность входит в область мудрости. Благоразумие, терпеливость, учтивость и почти-

тельность относятся к уму. Стыдливость, благородство, сдержанность и сознание своего достоинства входит в область воздержания. Правдивость, соблюдение обязательства, творение хороших дел и добронравие — к справедливости. Эти качества прекрасны, а противоположные им — дурны...»

И дальше читал Аспанзат:

«Мудрость — сокровище, не исчерпывающееся от трат, и запас, который не поразит нужда. Оно — платье, которого новизна не изнашивается... Собрались некогда цари стран: Китая, Индии, Персии и Рума — и сказали:

«Нам следует сказать каждому по слову, которое сохранилось бы на вечные времена».

Царь Китая сказал:

«Я более властен вернуть то, что не сказал, чем то, что сказал».

Царь Индии сказал:

«Я дивлюсь на того, кто говорит слово, которое, будучи сказано за него, оказывается бесполезным, а будучи против него, приводит к гибели».

Царь Персии сказал:

«Раз я высказал слово — оно владеет мной, а если я не произнес его — я владею им».

Царь Рума сказал:

«Я не раскаивался никогда в том, чего не сказал, но раскаивался часто в том, что говорил. Молчание царей лучше пустой болтовни, которая не ведет к пользе. Больше всего заблуждается человек по вине своего языка...»

— О мудрый учитель! — воскликнул Аспанзат.— Как бережно ты собирал драгоценные жемчужины ума! Как горько мне, что нет тебя в живых и что погибли твои труды! Все, что осталось здесь, я сохраню вместе со своими записями. Все соберу... Спасибо тебе, мой добрый учитель, что ты оставил мне эти строки. Они помогут мне воскресить в памяти все, что я когда-либо слыхал, что видел, что читал. Только теперь я вижу, как велик был твой ум.

На других свитках нашел Аспанзат записи мудрецов Китая, Персии и древнего Рума. Здесь были предания индийские и парфянские. Чего только не знал Махой! Юноша бережно перебирал все, что мог вытащить из-под обломков. К счастью, в маленькой тростниковой корзинке сохранилась черная тушь в стеклянном сосуде и заботливо отточенные перышки. Аспанзат узнал эту корзинку с черными пятнами. Сколько раз он наливал тушь в маленький глиняный сосуд!

Теперь можно приниматься за дело. Но что ты будешь есть, Аспанзат? Где ты будешь жить? И что ты наденешь в осеннюю стужу? Юноша переходил из комнаты в комнату дворца, он искал оружие, чтобы охотой добыть себе пищу. Ему посчастливилось. Он

нашел хороший лук и несколько колчанов со стрелами. Ему попался совсем целый халат афшина, рядом с ним лежал меч. И вдруг юноше приходит в голову мысль: поискать среди развалин кладовую крепости. Не может быть, чтобы там не осталось немножко зерна, каких-либо припасов. Он долго трудился, прежде чем проник в нижнее помещение. Он перебрал горы камней, но ничего не нашел. Аспанзат принес себе немного воды из реки и, голодный, улегся, завернувшись в обрывки войлочной кошмы.

Два дня трудился Аспанзат, но все же добыл себе корчагу с зерном и несколько кувшинов с хлопковым маслом. Теперь можно было уйти в горы и начать свою летопись.

Несколько раз возвращался Аспанзат к развалинам крепости. Он не смог сразу унести все то, что ему удалось добыть. И каждый раз, когда ему приходилось подниматься по горной тропе, ведущей к воротам Абаргара, перед его глазами вставали картины страшного утра битвы.

В горах, среди скалистых ущелий, где редко можно было встретить человека и где протекал ручей, Аспанзат нашел небольшую пещеру. В ней можно было укрыться от дождей и стужи. Сюда перенес он свои припасы. Вход в пещеру был обращен к востоку. И Аспанзат был рад, что ему всегда было видно восходящее солнце. Он притащил сюда большой плоский камень, который заменил ему жертвенник, и, складывая на нем душистые дикие травы, воздавал жертвы Митре, богу солнца. На этом же камне Аспанзат писал свою летопись.

От зари до заката юноша не оставлял своего тростникового пера. Он писал и писал, торопясь высказать все, что знал и слышал.

«Я выполняю волю моего благородного учителя Махоя,— писал он на первой странице своей летописи, выбрав для нее самый лучший обрывок китайской шелковой бумаги.— Я пишу для вас, люди, которые будут жить на этой земле спустя много лет, когда забудутся наши имена. Не будьте взыскательны — ведь я не мудрец. Я бедный юноша, получивший от мудрого человека крупицу знаний. Я выполню свое слово, я оставлю для вас память о моем Панче, о людях Согда. И я не скрою, что жизнь столь ужасна и мучительна в этом уединении, что смерть кажется мне светлой мечтой. Я совсем один среди угрюмых гор. Я не слышу человеческих голосов и не вижу приветливых глаз. Вокруг меня нет жизни, только эти пестрые птицы напоминают мне веселые цветы в доме Навимаха и яркие шелка в руках моей любимой матери. Они так же одиноки и несчастны, как я. Они лишены веселой листвы, и гнезда их пробиты в толще скал. Но они весело щебечут, и, глядя на них, я стараюсь не думать о своих несчастьях. Я живу воспоминаниями прошлого и дарю вам эти воспоминания...

Я хочу, чтобы вы полюбили мою страну и людей Согда. Я на-

помню вам наши песни и наши сказания. Я расскажу вам о наших храмах и о наших богах. Пусть и у вас всегда ярко горит священный огонь на жертвеннике и пусть весенние цветы миндаля будут лучшим украшением нового года...»

Аспанзат писал о былом величии Самарканда и вспоминал свое путешествие в Бухару. Он рассказывал о том, что видел, и о том, что слышал от других. С любовью и нежностью вспоминал он о своей семье, о мудром учителе Махое, о благородном страннике Варзаке.

«Я вспоминаю Варзака,— писал он,— хотя видел его всего лишь один раз. Он памятен мне своим благородным подвигом. Я вижу его изможденное лицо и горящие гневом глаза. Он голоден и наг, но душа его богата. Он живет для доброго дела. И я потружусь для доброй памяти».

С гневом и ненавистью писал Аспанзат о нашествии иноземцев.

Горько и тяжко было вспоминать об этом, и нередко бывало, что слезы застилали глаза. Тогда Аспанзат откладывал в сторону перо. Он садился на камень у пещеры и, глядя на заходящее солнце, вспоминал радостные дни, любимые сказки и притчи.

«Запомни их,— говорил ему, бывало, учитель,— и ты, как в зеркале, увидишь в них мудрость согдийцев».

Но настал день, когда иссякли все запасы пищи. Не осталось и зернышка в корчаге, давно уже не было масла. Пришлось Аспанзату взять свой лук со стрелами и пойти на охоту. Нелегко досталась ему первая добыча. Он долго гонялся за дикой козой, чуть не угодил в пропасть. Но когда стрела все же настигла ее, он с гордостью положил козу у подножия своего жертвенника. Не раз ходил Аспанзат на охоту. Бывало и так, что в течение многих дней он бродил среди гор, вдали от своей пещеры, но как только ему удавалось убить кабана или поймать немного рыбы в горной реке, он тотчас же возвращался к своей пещере и принимался за летопись.

Завернувшись в обрывки кошмы и в грубые шкуры животных, он трудился в любую погоду. В дни осенних дождей и холодных ветров Аспанзат забирался в пещеру, и там, сидя у крошечного светильника, сделанного из черепка разбитого кувшина, он писал и писал.

Много страниц своей летописи Аспанзат посвятил описанию мастерства искусных ремесленников Согда. Он рассказал, какие шелка и ковры ткали в Панче, какое оружие ковали в Самарканде, как умели украшать дома.

«Я знал юношу, прекрасного собой,— вспоминал Аспанзат.— Он был еще совсем юным, но как удивительно он владел кистью! Какие дивные росписи делал! И недаром его ценил лучший живописец Согда, старый Хватамсач... Рустамом звали юношу. Он мог бы создать славу своему племени, если бы очутился в другой стране. Его нет. Но не должно случиться, чтобы вместе с ним была забыта

живопись Панча. Я верю, и в горах Согда живут умелые люди. Их не тронули враги, они продолжат свой род и сохранят для потомства свое мастерство. А я сохраню память о тех, кто прославил Панч».

●

Рустам был жив. Если бы Аспанзат не прятался в горах, не ушел так далеко от горных селений, раскинутых вдоль реки, он бы встретил Рустама и Махзаю. Махзаю? Значит, она уцелела? Да, она была спасена Рустамом. И вот как это случилось.

Когда Рустам покинул осажденный Панч и бежал к горе Магов, на пути к крепости Абаргар он спустился к реке, чтобы передохнуть и умыться. Недалеко от тропинки, ведущей в горы, у самой реки, он увидел пастухов; они о чем-то громко спорили. Рустам подошел к ним; двое искалеченных людей лежали на берегу и стонали. То были пожилой мужчина и молодая девушка. Рустам спросил пастухов, откуда эти люди. Ему сказали, что их выбросило на берег и они не в состоянии подняться. Рустам подошел поближе, и крик ужаса вырвался у него из груди. Перед ним лежали Махзая и рядом с ней Артаван.

— Принесите скорее одеяла и палки! — попросил Рустам.— Мы перенесем их на носилках, а потом позовем костоправа и знахаря. Нужно спасти их!

Из ближайшего селения принесли палки и одеяла. Рустам смастерил носилки и попросил пастухов помочь ему доставить несчастных в ближайшее жилье. Он рассказал о том, что это Махзая, его невеста, и отец ее, Артаван. Сердобольный гончар предложил свой дом, и Артаван с Махзаей вскоре получили питье из диких трав, которое должно было поставить их на ноги. Костоправ проверил все кости и сказал, что есть только небольшое повреждение на правом плече девушки. Он сделал повязку, произнося при этом заклинания, и сказал, что девушка вскоре поправится.

Махзая и Артаван поправлялись. Они рассказали Рустаму о своих несчастьях, о том, как погибла в реке Марьяма, как осталась у арабов тетушка Пурзенча и как они, почти безжизненные, были выброшены на берег реки.

Долго они оплакивали погибших. Но надо было приниматься за работу. Рустам нанялся в пастухи и стал налаживать хозяйство. Он сделал небольшой домик из глины, сам посадил вокруг него тутовые деревья и абрикосы, а Махзая стала разводить коконы, чтобы ткать шелка. Артаван, как и прежде, занялся виноградником. Их селение было далеко от горы Магов. Им не хотелось видеть эту мрачную гору, которая напоминала о стольких несчастьях. Они никогда не ходили в Панч, который был разрушен и покинут людьми.

Они довольствовались тем, что имели, и постепенно стали забывать свои горести.

Настал день, когда Рустам смог отпраздновать свадьбу. К этому дню он расписал все стены своего убогого жилища.

Он изобразил Махзаю такой, какой она была в комнате молитв. На другой стене он сделал изображение Махзаи, играющей на самодельной арфе. Когда соседи увидели, как искусен Рустам, они стали его просить сделать для них росписи, а также украсить храм огня, недавно построенный в этом маленьком селении. Люди жили здесь свободно, следуя обычаям своих предков.

...Прошло несколько лет; у Махзаи и Рустама уже подрастали два сына. Один из них, названный Аспанзатом, постоянно напоминал всей семье о сыне Навимаха, которого они считали погибшим.

●

Случилось как-то: по крутым, горным тропам, вблизи пещеры, где жил Аспанзат, проходил караван. Люди обратили внимание на странного человека, одетого в обрывки звериных шкур. Он шел по тропе с луком за плечом, но, как только увидел караван, скрылся среди скал. Едущие в караване люди долго кричали и звали странного отшельника, но так и не увидели его больше.

●

Время шло. В горах Согда уже прочно установилась власть халифа. Ислам стал религией многих согдийцев, и о том страшном времени, когда сжигались храмы огня и уничтожались дворцы согдийской знати, стали постепенно забывать. Но об этом не забыл Аспанзат. Он по-прежнему жил в своей пещере и вел свою летопись. Но теперь эта летопись была начертана на множестве сухих белых палок. Аспанзат одичал, оброс длинной седеющей бородой. Он был так черен и худ, что походил на дервиша. Никто бы никогда не мог подумать, что этот худой, изможденный человек с темными горящими глазами совсем еще молод. Он изводил себя тяжким трудом, к тому же нелегко было прокормиться в этих диких горах. А еще труднее было добыть все необходимое, чтобы продолжать свою летопись.

И все же настал день, когда летопись была закончена. В этот день Аспанзат долго сшивал грубой кривой иглой твердые, как дерево, шкуры горных баранов, чтобы сделать крепкий мешок. Он сложил туда все свои записи на бумаге, на коже, на пергаменте и палках и всю эту драгоценную поклажу потащил на гору Магов.

Там, среди развалин крепости, был жертвенник. Он поднял его каменные плиты и сложил под ними свою летопись. Потом зажег на

жертвеннике дикие ароматные травы, помолился на уходящее за горы солнце и пошел без всякой цели, без всяких желаний.

Он не знал, куда идет. Все, что он должен был сделать, он сделал. И теперь его окружала пустота. Аспанзат давно не видел людей и боялся их. Иногда он сам с собой разговаривал, и эхо в горах отвечало ему своим стоголосым языком. Но как только до него доносились звуки, ему становилось страшно, он убегал и скрывался в глубоком, сыром ущелье. И теперь, поняв, что ему нечего делать на земле, он пошел к тому сырому и холодному ущелью, где не раз прятался от эха. Здесь не ходили люди и потому не было ни одной тропинки. Аспанзат шел, цепляясь за скалы, и прислушивался, как камни, срываясь под его ногами, с шумом летели в бурный поток. Он был слаб... У него дрожали руки, пальцы были непослушны, а скалы так круты...

С тех пор в горах уже никто никогда не встречал больше странного отшельника.

ТАЙНА ГОРЫ МУГ

Послесловие

Вы спрашиваете, какую память оставили о себе древние согдийцы? Разве вы не знаете о чудесных находках на горе Муг? Вы не слыхали о раскопках древнего Пенджикента у источника Кайнарсу?

Кайнарсу — кипящая вода. Так тюрки назвали бьющий из земли ключ с водой чистой и прозрачной, как слеза. Источник назван кипящим не потому, что он горячий, а потому, что он стремительно вырывается из гранитных оков и словно закипает в причудливом кружении. Это очень древний и очень щедрый источник. Больше двенадцати веков назад к прохладным водам Кайнарсу приходили жители древнего Пенджикента. Это они построили город в долине Зеравшана. В ту пору Зеравшан назывался рекой Согд, а земли в долине Зеравшана, от Пенджикента до Кермине, а также земли Самарканда были подвластны царям Согдианы.

Прошли долгие века, по-прежнему бьет из-под земли прохладный источник, но там, где прежде высился древний город, стоят руины. Эти руины похожи на легенду, и, как легенда, они рассказывают о жизни древнего народа. Здесь жили предки таджиков — древние согдийцы.

В те далекие времена бьющий из-под земли ключ считался священным, и люди приходили к нему с молитвами и жертвоприношениями. Пенджикент назывался тогда Панчем. Он славился своими дворцами и храмами, был знаменит искусными ремесленниками, живописцами, музыкантами и купцами.

По старым торговым путям, соединяющим столицу Согдианы,

Самарканд, с горными селениями страны, купцы вели караваны. Они шли из далекого Китая, из Индии и Византии, пробираясь по горным тропам, через висячие мосты в согдийские селения, раскинутые в верховьях реки Зеравшана. Ни один караван не мог миновать Панча, стоявшего на этом пути.

Если вам представится случай побывать на раскопках древнего Пенджикента, поднимитесь к руинам крепости. Ее мощные стены высоко подняты к синему небу. Отсюда хорошо видны развалины дворцов и храмов. Здесь работают археологи. Они уже многое раскопали. И развалины древних жилищ, подобно страницам летописи, рассказали им о жизни забытого города.

Теперь уже весь Таджикистан знает тайну древнего Пенджикента. Ведь раскопки ведутся уже более тридцати лет. Жители современного Пенджикента, который находится рядом, в полутора километрах от руин, и не подозревали о существовании древнего города. Да и кто бы мог подумать, что бесформенные оплывшие холмы скрывают развалины города. Однако зоркий глаз археолога усмотрел закономерность в их расположении и форме. Позднее, когда начались раскопки, ученые убедились в том, что холмы представляют собой занесенные песками древние жилища.

Но почему археологам пришла в голову мысль, что вблизи Пенджикента существует древний город?

●

В горах Зеравшанского хребта есть гора под названием «Кала и Муг». По-таджикски это означает «Замок мугов» — замок жрецов, магов. Лишенная растительности, гора Муг высится над бурными водами Зеравшана серой и мрачной громадой. С давних пор в народе жили легенды о том, что на ее вершине бродят злые духи, принимающие облик диких животных. Не всякий решался подняться туда.

Случилось так, что пастух Джур Али Махмад Али из кишлака Хайрабад пас овец у подножия горы Муг. Овцы забрались на вершину. В погоне за ними пастух наткнулся на торчащие из земли ивовые прутья.

«Здесь ива не растет, откуда прутья?» — подумал пастух. Прутья крепко сидели в земле. Пришлось воспользоваться ножом. Оказалось, что это целая корзинка. На дне ее лежало письмо. Джур Али стал внимательно рассматривать непонятные буквы, начертанные черной тушью. Ему никогда прежде не приходилось видеть таких странных знаков, да и бумага была необычная — шелковистая, светло-серая. Загадочное письмо заинтересовало пастуха. Чтобы прочесть его, он предпринял дальнее путешествие в районный центр. Вскоре корзинка с таинственным письмом была доставлена в райком партии.

— О, это очень древнее письмо! — воскликнул секретарь райкома товарищ Пулоди.— Может быть, это память о наших предках? Мы отошлем это письмо ученым.

Товарищ Пулоди сообщил об удивительной находке ученым в Душанбе, а оттуда телеграммы полетели в Москву и Ленинград, к востоковедам, изучающим историю древней Согдианы.

Осенью 1933 года на гору Муг прибыла археологическая экспедиция Академии наук. Ее возглавил член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Фрейман.

Стояла поздняя дождливая осень. Работать на раскопках было очень трудно. Однако интерес, вызванный загадочным письмом, был так велик, что никто из участников экспедиции ни за что не согласился бы отложить работу до будущего года. Ученые с большим интересом ждали результатов исследований. Их манила перспектива найти согдийские рукописи. Дело в том, что имеющиеся у советских ученых согдийские письма были найдены в Синьцзяне (Западный Китай), а на территории самой Согдианы никогда прежде не находили согдийских документов. Находка на горе Муг могла бы помочь ученым наметить пути дальнейших исследований. К тому же развалины крепости могли сохранить и другие ценности, связанные с историей древней Согдианы.

Так и случилось. Настал день, когда участники экспедиции смогли послать в Москву радостные вести. На горе Муг, в древней крепости Абаргар, был найден целый архив согдийских документов.

Если прежде ученые мечтали найти хоть одно согдийское письмо на землях Согдианы, то сейчас в их распоряжении было восемьдесят документов: на палках, на кожах, на шелковой и хлопчатой бумаге. Словно посланные кем-то из глубины веков, эти письма о многом рассказали ученым. Они узнали неизвестные прежде согдийские слова, познакомились с документами, характеризующими культурную, политическую и хозяйственную жизнь давних времен. Тут и доказательства культурных и торговых связей с Китаем. Вместе с согдийскими письмами были найдены китайские и арабские письма. Находки превзошли самые смелые ожидания археологов. Крепость на горе Муг, сожженная при арабском завоевании более двенадцати веков назад, под обломками стен и щебня хранила бесценные сокровища для науки.

Вместе с древними рукописями здесь были найдены разнообразные памятники культуры, которые рассказали ученым о мастерстве строителей, об искусстве художников, о резчиках по дереву, о ювелирах и оружейниках.

Как хороши изделия согдийских ткачей! Шелковые, шерстяные и хлопковые ткани так разнообразны и красивы, что и сейчас, через долгие столетия, вызывают удивление. Можно представить себе ра-

дость ученых, когда они нашли обрывки шелков, такие же яркие и красочные, какие им приходилось видеть среди лучших образцов тканей древнего Ирана, Китая и Византии. Согдийские шелкоделы умели ткать превосходные узорчатые атласы. Как нарядна синяя ткань с золотыми звездами! С каким вкусом сделан пурпурный шелк, а зеленый атлас с узором!

Девять сортов шелка. Но есть среди них и китайские шелка с характерным для китайских шелкоделов рисунком. Вот еще одно доказательство того, что согдийцы вели торговлю с Китаем.

А что шили из этих шелков? И на этот вопрос ученые получили ответ. Сохранился небольшой кусок ватного стеганого халата из синего шелка. Нетрудно представить себе теплую одежду знатного господина. Из таких же шелков были сделаны одеяла, шаровары и рубахи. Это для знатных. А вот куски грубой хлопковой ткани. Не из нее ли были сделаны халаты землепашцев и ремесленников? Но есть тут хлопковая ткань, напоминающая современный батист. Вероятно, из нее шили белые праздничные платья для девушек горных селений. В этих легких, прозрачных платьях они ходили в храм огня с ветками цветущего миндаля.

Очень разнообразны изделия из кожи и шерсти. Жители горных селений имели великолепные пастбища. Обилие скота давало им достаточное количество сырья, чтобы выделывать самые разнообразные вещи из кожи и шерсти. Вот мягкая обувь, напоминающая ту, которую и сейчас носят горные таджики. Вот деревянный поднос, обшитый кожей, рядом ларчик, обтянутый темно-зеленой кожей с розеткой из сусального золота. Ремни, нитки из сухожилий, войлок, ивовые корзинки и подносы в кожаных чехлах, бурдюки, гончарные изделия и многие другие предметы домашнего обихода говорят о мастерстве ремесленников древности.

Особое внимание ученых привлек деревянный щит, обтянутый кожей с изображением согдийского всадника. Знатный господин в богатой одежде,с коротким боевым ножом, с луком и колчаном мчится на красивой, нарядно убранной лошади. Густая грива отливает темной зеленью. Голова лошади увенчана шарообразным украшением на стержне. Седло с высокой лукой покрыто чепраком. В левой руке всадник держит булаву, правой поддерживает уздечку породистого коня. Щит сломан, и потому не видно головы всадника. Но и та часть щита, которая сохранилась, позволила историкам сделать интересные выводы. Они вспомнили изображения на росписях в буддийских монастырях далекого Синьцзяна. Там есть такие же изображения. И характер рисунка, и вооружение воинов имеют необыкновенное сходство. Но что может быть общего между согдийскими живописцами, которые выполняли заказы знатных землевладельцев, и живописцами далекого Китая?

Оказывается, существовала давняя и большая связь.

Еще в V веке многие согдийцы селились в районах, расположенных на караванном пути из Согдианы в Китай. В Семиречье, в долине Тарима, в Ак-Су и Синьцзяне можно было встретить поселения древних согдийцев. Искусные ремесленники, земледельцы и торговцы принесли с собой древнюю культуру, которая оказала влияние и на местные искусства. Одни согдийцы оставили веру своих отцов и стали буддистами, другие сохранили свои обычаи и верования, и, живя вдали от родных мест, они не забыли своего искусства. Вот почему так много общего в росписях буддийских храмов Синьцзяна с живописью согдийцев. Сломанный щит согдийского воина поведал ученым о своеобразном вооружении согдийцев.

Кому же принадлежала крепость на горе Муг? Кто пользовался деревянным щитом? Чей же это архив согдийских писем?

С нетерпением ждал прибытия архива, найденного на горе Муг, всемирно известный арабист, академик И. Ю. Крачковский. До него дошли вести о том, что среди находок есть арабская рукопись, написанная на коже. Что это за рукопись? О чем она расскажет? Ведь было известно, что во всем мире найдено только шесть арабских рукописей на коже.

Наконец-то экспедиция вернулась в Ленинград. Вот они, полуистлевшие кусочки кожи, изъеденные червями. Больше тысячи лет пролежали они в земле. Какую тайну хранят эти едва заметные знаки древнего алфавита? Этот вопрос занимал многих ученых. С интересом принялись они за изучение согдийских писем.

Академик И. Ю. Крачковский, на долю которого досталось прочесть самый загадочный документ архива — арабское письмо, был тяжело болен. Врачи запретили ему подниматься с постели. Но как можно оставаться дома, когда тебя ждет такой увлекательный труд! Ведь это письмо может стать ключом к разгадке многих вопросов, возникших в связи с находками в крепости Муг! Несмотря на тяжкий недуг, больной академик спешит в институт.

Осторожно берет он в руки кусочек кожи с арабскими письменами. Что это: молитва из Корана или письмо давно забытого человека? Нелегко его прочесть: ведь на коже сохранились только обрывки строк. Исчезли целые слова, и в иных строчках стерты многие буквы. С большим трудом академик И. Ю. Крачковский прочитывает первую строку:

«...во имя Аллаха...», а дальше какое-то непонятное слово «Дивасти». Не имя ли это? Ученому неизвестно такое имя. Но и слова такого он никогда не встречал в арабских рукописях, хотя прочел тысячи древних текстов. Но если это имя, то, вероятно, оно принадлежало человеку знатному. Иначе почему бы этот Дивасти обращался к арабскому наместнику? Однако такого имени академик никогда не

встречал в исторических материалах, связанных с Согдианой. Тем интереснее и заманчивее узнать, кому оно принадлежит.

«Кто же этот Дивасти?» — с таким вопросом академик обратился к востоковедам, которые были заняты изучением согдийского архива. Они многое знали о Согдиане, но никто из них никогда не встречал этого имени.

Долгие дни и бесконечные часы листает академик толстые фолианты арабских летописей. Нужно прочесть множество текстов, чтобы выяснить загадку арабского письма. Первая же строка оказалась такой таинственной, что же будет дальше?

И вдруг, как молния, блеснула мысль: «А летопись ат-Табари!» Писавший по-арабски историк ат-Табари немало страниц посвятил древней Согдиане. Ах, если бы найти хоть строчку, где упоминается это имя.

В Институте востоковедения к услугам академика все двенадцать томов летописца ат-Табари. Здесь есть целые главы, посвященные истории Согдианы. Старый историк тщательно заносил в свою летопись все события, связанные с приходом арабов в Среднюю Азию. Он рассказывал о том, как они завоевывали города, как проповедовали ислам, как строили мечети вместо храмов огня и как разумно использовали для процветания халифата искусных ремесленников, а также людей науки, прославленных в своем отечестве. О Согдиане написано много, но нигде не встречается имя Дивасти.

— Этого не может быть! — восклицает ученый.— Надо терпеливо искать!..

Проходят дни. Ат-Табари о многом поведал пытливому ученому. Но все же по-прежнему остается загадочным имя согдийца. Почему согдийца? Да потому, что такого имени не может быть у араба. К тому же письмо найдено в согдийской крепости. Надо искать. Как только будет разгадано это имя, сразу обретут смысл и остальные строки письма.

Как-то ранним зимним утром тихая, уединенная библиотека огласилась радостным возгласом старого академика:

— Есть Дивасти! — Счастливая улыбка озарила усталое лицо ученого.— Посмотрите,— обратился он к библиотекарю,— как и следовало ожидать, ат-Табари упоминает это имя.

В рассказе ал-Мадаини он пишет:

«...и ушел Дивасти с людьми Бунджикента в крепость Абаргар, а Карзандж и люди Согда прибыли в Ходжент...»

И далее много страниц, рассказывающих о пенджикентском правителе Дивасти.

— Вот оно что! Значит, Дивасти был владетелем Пенджикента! Возможно, что ему принадлежала крепость на горе Муг? Но это станет известно позднее. Сейчас нужно прочесть до конца арабское

письмо. Ведь первая строка уже дала немало ценных сведений.

Дни проходят в напряженном труде. Академик И. Ю. Крачковский прочитывает каждую букву таинственного письма. Были восстановлены даже те слова, которые имели лишь начальные буквы.

Пенджикентский владетель Дивасти (Деваштич) писал арабскому наместнику Мавераннахра ал-Джараху ибн Абдаллаху, правившему в 717—719 годах.

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного, эмиру ал-Джараху сыну Абдаллаха, от клиента его Дивасти. Мир над тобой, о эмир, и милость Аллаха. Я восхваляю тебе Аллаха, кроме коего нет божества...

А затем, да направит Аллах эмира и сохранит его, я... эмиру мою нужду и нужду обоих сыновей Тархуна... Ведь эмир, да сохранит его Аллах, вспомнил добром сыновей Тархуна. И если эмир соизволит принять решение (и написать) Сулейману сыну Абу-с-Сари, чтобы он отправил их обоих (к эмиру), то пусть сделает. Или эмир прикажет ему одну лошадь из почтовых, и я отправлю на ней своего слугу, чтобы он доставил их обоих эмиру. Ведь Аллах сделал сан эмира для семьи... помощь и милость, а прошу я у Аллаха для... и мир над тобой, о эмир, и милость Аллаха...»

Письмо Деваштича позволило ученым определить время существования крепости на горе Муг. Эта крепость была уничтожена в 721 году, когда воины наместника халифа подчинили арабскому халифату Панч. Многие города Согдианы были покорены значительно раньше. Еще за десять лет до Панча воины халифа овладели Самаркандом; точно так же были покорены Бухара и другие города. Многие города Мавераннахра пытались отстаивать свою независимость, но противник был намного сильнее, с ним было трудно бороться.

Отважные согдийцы самоотверженно боролись за свою свободу и независимость. В историю таджикского народа вписано немало славных страниц, сохранивших для потомков память о героях Согдианы. Одним из таких героев был и пенджикентский афшин Деваштич, возглавивший уход пенджикентцев в горы.

Историк ат-Табари сообщает, что самаркандцы, не желая выполнять приказов наместника Хорасана Саида ал-Хараши и не имея возможности поднять восстание, решили покинуть свой город и уйти в Ходжент. Там они хотели просить защиты у местного правителя и надеялись получить земли для поселения.

Самаркандским царем в ту пору был Гурек, перешедший на сторону халифата. Он уговаривал самаркандцев подчиниться и ждать лучших времен. Но самаркандцы не послушались советов Гурека и покинули свой город. К ним присоединились люди многих городов Согдианы.

Ат-Табари пишет:

«Пришли и люди Сабаската в составе тысячи человек. На них на всех были золотые пояса. Пришли также дихканы Базманджана. Все эти отряды, численность которых трудно определить, направились к Ходженту. Они отправили царю посланца, прося поселить их в городе и оказать им покровительство».

Как говорит летопись, ходжентский царь ат-Тар обещал предоставить беглецам ущелье Исама, вблизи Асфары, но сам он готовил предательство. Он послал сына к арабскому наместнику ал-Хараши с сообщением, что можно захватить согдийцев, пришедших в Ходжент.

Тем временем Саид ал-Хараши начал осаду Ходжента. Сначала он разоружил согдийцев, предложив приемлемые условия мира, а затем приказал всех их перебить. По словам ат-Табари:

«...тогда погибли и знать, и военные, слуги, и простой народ. Пощадили только четыреста купцов, недавно вернувшихся из дальних стран». Особенно много погибло земледельцев. Следуя примеру самаркандцев, увел своих людей в горы и афшин Пенджикента — Деваштич. Ат-Табари именует его ат-Деваштт. В летописи упоминается крепость Абаргар, это и есть крепость на горе Муг.

Против Пенджикентцев, которые пошли с Деваштичем, Саид ал-Хараши отправил войско во главе с принявшим ислам согдийцем Сулейманом ибн Абу-с-Сари. Его верность халифату и беспощадность к согдийцам были хорошо известны ал-Хараши. В составе войска, посланного против Деваштича, были также отряды бухар-худата Шаукара ибн Хамука. Старшему военачальнику ал-Мусейябу было поручено окружить пенджикентцев.

В пяти километрах от крепости, в теснине, у селения Кум, ал-Мусейяб встретился с отрядом Деваштича и разбил его. Остатки отряда вместе с афшином Деваштичем вернулись в крепость на горе Муг, но их преследовали воины ал-Мусейяба. И после длительной осады крепости Деваштич решил сдаться на милость победителя. По его просьбе он был отправлен к Саиду ал-Хараши. Наместник с почетом принял пленного афшина. Он обещал сохранить ему жизнь и позаботиться о его близких, но через несколько дней, по распоряжению Саида ал-Хараши, Деваштич был распят на древней гробнице по дороге из Кеша в Арбинджан. Согласно обычаю победителей, Саид ал-Хараши отослал голову афшина в Ирак, а левую руку — Сулейману ибн Абу-с-Сари.

Ат-Табари рассказывает о том, что после взятия крепости Абаргар пенджикентцы просили лишь сохранить жизнь ста семьям, которые нашли укрытие на горе Муг, богатства свои они оставили победителям. Узнав об этом, Саид ал-Хараши послал в Абаргар людей для приема добычи: одну пятую часть добычи Сулейман ибн Абу-с-Сари взял как долю халифа, остальное разделил между воинами.

После трагической гибели Деваштича и близких ему людей жизнь в крепости на горе Муг никогда уже не возрождалась.

Арабское письмо на коже подсказало ученым, кому принадлежала крепость Абаргар, а главное, оно заставило их призадуматься над тем, где же был город Панч, которым правил Деваштич. Несомненно, должны были существовать развалины этого города, покинутого древними пенджикентцами в дни арабского завоевания. Вот почему внимание ученых привлекли занесенные песками холмы вблизи современного Пенджикента.

Раскопки были поручены Согдийско-Таджикской экспедиции Академии наук СССР.

Систематические раскопки древнего Пенджикента начались после окончания Великой Отечественной войны. В 1946 году сюда прибыла экспедиция Института археологии АН СССР, Института истории АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Ее возглавил профессор А. Ю. Якубовский. К работе на раскопках были привлечены и молодые археологи, недавно закончившие институт, и опытные исследователи: знаток искусств Средней Азии М. М. Дьяконов, известный востоковед А. М. Беленицкий, археолог А. И. Тереножкин и другие. С 1954 года бессменным начальником экспедиции является А. М. Беленицкий.

Уже более тридцати лет каждый год приезжают к руинам Пенджикента археологи, реставраторы, художники, архитекторы, чтобы исследовать памятники древней культуры. Успехи их работ очень велики. Они открыли историю забытого согдийского царства, которая свидетельствует о высокой цивилизации, созданной предками таджикского народа и погибшей в годы нашествия воинов арабского халифата.

Сейчас уже известно, что город Панч возник в V веке н. э. Он был столицей одного из согдийских княжеств, культурный и торговый центр в долине Зеравшана. Археологи открыли остатки крепостных стен, некогда опоясовавших город, раскопали храмы, дворцы феодалов и жилища ремесленников. Сотни раскопанных помещений позволили изучить особенности архитектуры древнего Пенджикента. Было найдено множество предметов быта, вооружения, а главное — перед учеными предстало прекрасное монументальное искусство живописцев и скульпторов — искусство, которое на столетия увековечило облик древних согдийцев, их религиозные обряды, легенды и сказания.

Согдийские храмы на центральной площади Панча дали особенно ценный материал о религиозных воззрениях древних жителей Пенджикента. Высокие стены храмовых помещений были снизу доверху расписаны яркими разноцветными красками. Деревянные балки, колонны и капители были украшены резьбой. В глубине зала, в нишах,

по обе стороны от двери, ведущей в святилище, стояли громадные глиняные статуи богов. Центральная часть каждого храма включала расположенный на восточном краю шестиколонный айван, сливающийся с лишенным восточной стены четырехколонным залом. Перед восходящим солнцем в золотых жертвенниках курились ароматные травы. Люди в праздничной одежде шли сюда весной с ветками цветущего миндаля на празднование нового года.

Красочные росписи стен в храмах и домах знати рассказали во всех подробностях о жизни и быте пенджикентцев.

В последние годы раскопок был открыт богатый дом феодала, поразивший ученых своим убранством и монументальностью. Он был сооружен из сырцового кирпича — основной материал, которым пользовались древние зодчие. Десятки просторных комнат высотой до шести метров были украшены росписью. Тут и картины жизни правителей, тут и древние сказания согдийцев, сцены пиршества и поединков.

Вот одна из картин в этом доме. Перед золотым жертвенником на ковре стоит на коленях мужчина в праздничном кафтане из узорчатой шелковой ткани. Белый ковер с синей каймой и золотистыми цветами. Изящная рука молящегося держит золотую чашу. Перед жертвенником видно огромное солнце. Это божество, перед которым горели ароматические смолы. Пестрый ковер, золотой жертвенник, золотая чаша в руках молящегося — все это дано на ярко-синем фоне. Картина написана с удивительным вкусом. К сожалению, не сохранилась голова мужчины, стерта и верхняя часть жертвенника, но все понятно. Перед нами сцена жертвоприношения — кусочек забытой жизни.

Среди многочисленных росписей двух храмов на центральной площади Пенджикента внимание ученых привлекли изображения божеств, которым поклонялись древние согдийцы. В одном из храмов женское четверорукое божество изображено сидящим на спине фантастического животного. Головы божества не сохранилось, заметны остатки от нимба и от лент головного убора. С плеч поднимаются языки пламени. Божество одето в светлое однотонное платье, узкие рукава заканчиваются черной оторочкой, вышитой бисером. Поверх платья видна узорчатая накидка на красной подкладке. Низ накидки прикрывает фигуру и ноги. Видны края шаровар, украшенных нашивкой. На ногах сандалии с пышными бантами, украшенные по краям жемчугом. Видны богатые золотые украшения, жемчужное ожерелье. Платье затянуто черным кушаком с золотой пряжкой. На кушаке золотые бляшки и жемчужины. На руках божества по два золотых браслета. Косы скрепляют золотые брошки; фигурные бляшки украшают концы накидки. Золотые украшения на этой картине выполнены золотой фольгой. У божества четыре руки. У фантастического животного, на спине которого сидит божество, голова дра-

кона. Можно себе представить, как привлекательна и красочна была эта картина. Но как ее понять? Что она означает?

Ученые уже не раз сталкивались с изображением женского четверорукого божества в среднеазиатской культовой иконографии. Трон в виде драконообразного чудовища напоминает ученым аналогичные изображения на памятниках Индии и Афганистана. А. М. Беленицкий считает, что это один из наиболее популярных символических образов в индийской мифологии, олицетворяющий водную стихию и служащий атрибутом водных божеств. И если аналогичные изображения символизировали в Индии реку Ганг, то в Пенджикенте четверорукое божество на троне в виде дракона олицетворяло собой реку Зеравшан.

Каждая находка о чем-то говорит, но и ставит загадки перед учеными. В одном из храмовых помещений, где сохранилась ниша для статуй, было найдено большое количество бус необычной величины. Они были сделаны из самых разнообразных материалов: из янтаря, кораллов, сердолика, горного хрусталя, лазурита, бирюзы, речного жемчуга, альмандина, агата и оникса. Все эти большие, тяжелые бусы не могли быть предметом украшения согдийских женщин, они, несомненно, украшали статую богини. И хотя не найдены обломки статуи, ученые считают, что в этой нише была статуя, вероятно, выше человеческого роста и эти бусы были украшением божества.

Но откуда взялись в Согдиане бусы из янтаря, кораллов и агата? В Согдиане нет ни янтаря, ни кораллов. Но их могли доставить купцы, ведущие торговлю со странами Средиземноморья и Прибалтики. Так узнали о торговых связях с другими странами. Кстати, благовония для священнодействия тоже привозили из дальних стран. Но бывало и так, что вещь, которую нашли среди руин и считали иноземной, изготовлялась в Пенджикенте. Как-то среди развалин дома нашли стеклянные изделия. Среди них маленький флакон для благовоний с барельефом в виде головы царя в короне. Откуда привезли этот флакон? Не сразу ответишь на этот вопрос. Многие страны Востока продавали благовония и сами изготовляли стеклянные сосуды для них. Прошло два года с тех пор, как был найден маленький сосуд с головой царя, и археологи открыли остатки стеклодувной. Обломки крошечных сосудов для благовоний рассказали о том, что в Панче были свои стеклодувы.

Находки стеклянных изделий, а рядом бесчисленное множество керамических изделий, сделанных искуснейшими гончарами. Много лет собирала среди руин глиняные черепки и стеклянные изделия археолог И. Б. Бентович. Она вела дневники находок и давала им обстоятельное описание. Ее труд может помочь историкам понять искусство древних ремесленников.

Находки дополняли картины согдийских художников, а стенные росписи заставляли искать следы деятельности жителей древнего города. Когда археологи увидели изображения согдийских воинов в кольчугах, они могли подумать, что кольчуги изготовлялись в Бухаре или Самарканде. Не так уж был велик Пенджикент. Вряд ли у него были свои оружейники. Однако настало время, когда раскопали оружейную мастерскую, и среди обрушившихся стен лежали железные кольца для кольчуги. Значит, здесь были сделаны металлические рубашки для древних воинов.

Находки говорят о мастерстве ремесленника, о его вкусах и представлениях о красоте. Здесь было множество ювелиров — для богатых — мастера по золоту и серебру, для людей с небольшими достатками — украшения из бронзы. Бронзовые перстни, серьги, пряжки и бляшки для поясного набора, несомненно, принадлежали простолюдинам. А вот золотой перстень с печаткой — вставка из граната с резным изображением мужской головы в профиль — настоящее произведение искусства. Это, вероятно, украшение князя. Другой камень — самоцвет с резным изображением крылатого коня — найден без оправы. Вероятно, и это была печатка, принадлежащая богатому согдийцу. Великий ученый средневекового Хорезма Ал-Бируни в своей книге «Минералогия» (полное название книги: «Собрание сведений для познания драгоценностей») писал: «Согдийцы питают фанатическую веру в изделия из драгоценных камней и в цвета, получающиеся при их шлифовке. В книге, составленной одним согдийским магом и называемой «Нопосте», говорится, что камень, который оставляет желтый след при шлифовке, оберегает от неприятностей и радует сердце; красный дает успех в делах; цвет порея вызывает волнение, беспокойство, любовь; черный отравляет, и его избегают».

Среди документов, найденных на горе Муг, есть такая расписка: «И взял один яхонт, прокаленный в сере... Куртшиш, и один — Турак, и один — начальник конюшни, и один — Фтарч, и один — Ерак, и один — Фратанч. Каждый яхонт — за 80 драхм, всего 480 драхм». Здесь перечислены имена богатых людей, которые купили драгоценные камни.

Как много получает историк, когда рядом с находками можно увидеть сцены забытой жизни и кем-то составленные подлинные документы, свидетели столь далекого прошлого.

Город еще полностью не раскопан, не все еще найдено. Но и то, что открыто археологами и хранится в музеях нашей страны, говорит о большом искусстве художников, скульпторов, ткачей и ковровщиков, портных и оружейников, гончаров и ювелиров. Люди труда увековечили себя в своих творениях.

Археологам, работающим на раскопках древнего Пенджикента,

выпала большая удача. Почти во всех вскрытых помещениях они находили монеты, которые позволили точно определить, когда существовал город. Более четырехсот монет было найдено среди развалин дворцов и храмов. Тут и согдийские монеты второй половины VII века, принадлежавшие царю Вахшуману, тут и монеты более позднего времени, когда правил ихшид Тургак, сын умершего в 737 году Гурека. Найдены и арабские монеты начала VIII века. Изучение этих находок позволило установить, что жизнь в городе прекратилась вскоре после арабского завоевания, в VIII веке.

Как-то, раскапывая одно из помещений большого согдийского храма, археологи обратили внимание на следы красочной росписи, покрывающей стены, ниши и панели. Когда стены были тщательно расчищены и освобождены от завалов, ученые увидели великолепные росписи, которые поразили их своей яркостью и высоким художественным мастерством.

На желтом ковре, вытканном темными цветами, сидели два знатных согдийца в нарядных, узорчатых одеждах. Их тонкие талии перетянуты золотыми поясами, в руках ветки цветущего миндаля и золотые чаши. Лица их уничтожены, сохранились лишь черные вьющиеся волосы и белые головные уборы.

Такого же характера росписи оказались и на других стенах этого здания. В другом месте изображено несколько богатых согдийцев в парчовых одеждах с золотыми поясами. Сцены пиршества знатных людей в богатой одежде с золотыми чашами в руках неоднократно повторялись в различных вариациях. Ученые предполагают, что это ритуальное пиршество и связано оно с празднованием Нового года. Новый год у согдийцев был праздником весны, возрождения природы и отмечался цветами и плодами.

Очень хороша сцена, передающая легенду о Сиявахше — священном отроке, которого почитали согдийцы. Под ребристым красным куполом в просвете арок покоится тело Сиявахша. Под арками стоят плакальщицы. Они рвут на себе волосы, выражая свою скорбь. Ниже расположена группа мужчин и женщин, которые в знак печали надрезают мочки ушей. Здесь и согдийцы и тюрки, лица их мастерски изображены древним художником. Картина эта, исполненная в темно-красных, коричневых, черных и белых красках, сделана со вкусом. Талантливый художник древности сумел с большим мастерством передать скорбь, охватившую людей. Откуда же узнали, что это Сиявахш?

Сопоставляя эту картину с текстами древних авторов, ученые пришли к выводу, что «сцена оплакивания», как ее назвали археологи, изображает миф о Сиявахше. Вот что записал китайский путешественник VII века Вей Цзе, побывавший в Самарканде:

«Они (жители Самарканда) поклоняются небесному богу и в вы-

сшей степени его почитают. Они говорят, что божественное дитя умерло в седьмом месяце и что кости его потеряны. Служители бога, когда наступает этот месяц, надевают черные одежды со складками. Они ходят босиком, ударяют себя в грудь и плачут, и на лицах их мокрота сливается со слезами. Мужчины и женщины расходятся, чтобы искать тело божественного ребенка. На седьмой день обряд приходит к концу».

Тексты древних авторов подтверждают мнение ученых, что сцена оплакивания изображает один из религиозных ритуалов, которые имели место у согдийцев.

Очень разнообразны и красивы росписи, найденные в домах знатных согдийцев. Вот красавица арфистка в прозрачном одеянии, с золотой арфой в руках. Изящным жестом она касается тонких струн, и кажется, что слышен их нежный звук. Вот скачут на конях два всадника: молодая согдианка с длинными косами и мужчина в одежде знатного господина. Вот пиршество каких-то иноземных гостей. Их бледные лица, слегка раскосые глаза и своеобразная одежда резко отличают их от согдийцев. Рядом с ними афшин — в короне, в парчовом одеянии, с дорогим оружием на поясе. Ему подают угощение на золотых блюдах.

А вот живописная сцена жертвоприношения. Перед высоким металлическим жертвенником стоит на коленях жрец в богатой одежде, с ножом у пояса. В левой руке он держит золотую чашу, а правой бросает что-то в пламя жертвенника. Позади него видны мужские фигуры с золотыми чашами. Одни стоят на коленях, другие низко склонились. Великолепные картины вызывают восхищение современных художников.

Вот что писал об этом М. М. Дьяконов:

«До нас дошли только жалкие остатки некогда великолепных росписей, но и они поражают своим разнообразием. Расписывались залы храмов, их открытые портики, ниши со статуями, расписывались парадные залы жилых домов, коридоры и проходы, расписывались стены и потолки. Живопись покрывала стены в несколько ярусов, сложные многофигурные композиции лентами переходили со стены на стену, составляя последовательные повествования. Сюжетами росписей служили мифологические образы, религиозные легенды, сцены из эпоса. В росписях мы наблюдаем богатейшие и своеобразные орнаментальные узоры. Росписи дают нам представление о колористических достижениях древних мастеров».

Сюжеты пенджикентских росписей словно иллюстрируют древние сказания согдийцев. Победитель демонов, герой знаменитой поэмы Фирдоуси «Шахнаме» — Рустем предстает перед нами в единоборстве с чудовищами. Вот он скачет на красном коне, вот побеждает змеевидное чудовище, вот снова сражается со всадником на оранжевом

коне, а под ногами лошадей валяются туловища убитых фантастических существ — полулюдей, полуживотных. В борьбе с демонами Рустем выходит победителем. Он любимый герой согдийцев, и ему посвящены многочисленные полотна древних художников.

На росписях древнего Пенджикента нередко встречается изображение воинственных женщин в кольчугах. Мы видим их в поединке с мужчинами. Кто они? Сказания о женщинах-воинах с давних времен жили в памяти согдийцев. Еще от времен Геродота из поколения в поколение передавалась легенда об отважной царице Томирис. Греческий историк рассказал об этой мужественной правительнице из племени массагетов, которая разгромила войско персов и захватила в плен персидского царя Кира. Чтобы отомстить за погибшего сына, Томирис велела отрубить голову правителю великой державы — Киру. Не это ли прообраз воинственной женщины в кольчуге, изображение которой сохранилось на картинах согдийских художников.

Сцены битвы и сцены пиршества — сюжеты, встречающиеся не только на стенных росписях, но и на серебряных сосудах с чеканкой. Согдийские чеканщики славились своим мастерством. Изучая музейные собрания восточной торевтики, археолог Б. И. Маршак выделил прекрасные произведения согдийцев. Особенно ценно серебряное блюдо с изображением сражающихся воинов в кольчугах. Изучив драгоценную находку, Б. И. Маршак пришел к выводу, что это блюдо изготовлено в Согде в VII веке н. э. Раньше пенджикентской живописи.

Вы спросите, а куда девался архив, найденный на горе Муг? Долгие годы занимался расшифровкой древних документов известный востоковед В. А. Лифшиц. Согдийские документы прочтены, переведены и прокомментированы так обстоятельно, что могли войти в историю древней Согдианы. Они многое рассказали ученым об устройстве хозяйства, о правилах торговли, о быте и нравах древних согдийцев. Вот брачный контракт, составленный в дни правления царя Тархуна. Это был вторник 25 марта 710 года н. э. Контракт фиксирует брак знатного тюрка Ут-тегина с согдиянкой Дугдгончей, находящейся под опекой Чера — правителя Навеката, согдийского города в Семиречье.

Указав год правления Тархуна, день и месяц, писец четким каллиграфическим почерком фиксирует: «...Взял себе в жены Ут-тегин, прозвище которого Нйдан, от навекатского государя Чера, сына Вахзанака, находящуюся под опекой жену, которая зовется Дугдгонча и у которой прозвище Чата, дочь Вйуса. И отдал эту находящуюся под опекой... по закону и на таком условии: пусть имеет Ут-тегин эту Чату женой любимой, почитаемой, давая ей пропитание, одежду, украшения, с почетом, с любовью, в своем доме в качестве полно-

правной жены — так, как благородный мужчина благородную женщину женой имеет. И также пусть имеет Чата этого Ут-тегина мужем любимым, почитаемым, и о его благополучии должна она заботиться, его приказ жене законом пусть она считает («выслушивает») — так, как благородная женщина благородного мужчину мужем имеет. И в дальнейшем, если Ут-тегин без разрешения Чаты возьмет другую жену, либо служанку или такого рода женщину будет иметь, которая самой Чате будет не угодна, то муж Ут-тегин жене Чате, ей самой, 30 драхм динарских хорошей сохранности, без примеси будет должен и выплатит...

И если Ут-тегин совершит преступление, то он за него пусть сам будет в ответе, сам выплачивает. И если он (в качестве) раба какого-либо лица, или долгового раба, или пленного, или (в качестве) отданного под покровительство будет взят, то Чата вместе с произведенным (ею) потомством без каких-либо обязательств должна быть освобождена. И если она совершит преступление, то за него пусть будет она сама в ответе, сама выплачивает...»

Как много мы узнали о законах согдийского княжества. Законы оберегали семью и защищали достоинство каждого из супругов. Мы узнали о долговом рабстве. Узнали, какими заботами должен был окружить свою жену Ут-тегин. Читая этот документ, мы переносимся в те далекие дни и хотим увидеть людей, о которых идет речь в брачном контракте. И вспоминаем о чудесной молодой паре, покидающей крепость на своих конях. Эта картина хорошо сохранилась, и, глядя на нее, вспоминаешь Ут-тегина и Чату — жену любимую, почитаемую.

Среди документов, найденных на горе Муг, есть договора на продажу земельного участка и на аренду мельниц, расписки на получение кож и распоряжения Деваштича на выдачу продуктов. Очень интересны для науки письма Деваштича подчиненным ему чиновникам и соседним правителям, донесения, сделанные подчиненными своему господину Деваштичу. Хочется привести строки донесения лазутчика, посланного в соседнюю область в дни нашествия.

«...Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу от его ничтожнейшего раба Фатуфарна — донесение («обращение»). Господин государь, (тебе) великославному, много почтения я адресую. И, господин, я прибыл сюда, к чачскому государю. И, господин, я и письма вручил, и то, что следовало устно передать («которое на языке обращение было»), я полностью, ничего не опуская («без остатка»), изложил — и тудуну, и («помощнику»). Уструщанская область вся сдана. И, господин, я один-одинешенек, без спутников, и, господин, не осмеливаюсь я идти. И, господин, потому я вернулся снова в Чач. И, господин,

из-за этого тебя («государя») я страшно боюсь. И, господин, тудун в соответствии с перемирием с арабами отступил...»

Для того чтобы прочесть и прокомментировать эти строки, написанные Фатуфарном 1200 лет назад на забытом согдийском языке, нужно знать не только мертвые языки того времени, но и всю историю походов и завоеваний арабского халифата в Средней Азии.

Нужно знать имена арабских военачальников, историю их походов и завоеваний. Нужно знать государственное устройство мелких княжеств Согдианы, правителей этих княжеств. Каждое имя, каждый факт, изложенный в донесении, должен быть ясен и понятен. Иначе теряется ценность всего документа, который призван дополнить находки археологов.

Сколько вопросов возникает вокруг географических названий, которые давно заменены новыми. Одно и то же место у Геродота называлось не так, как его называли позднее арабские летописцы или китайские путешественники. И возникает задача — как проверить и точно узнать название той местности, о которой пишет в своем донесении лазутчик.

Трудна и увлекательна работа востоковеда. «Юридические документы и письма» (Чтение, перевод и комментарии). За этими краткими названиями — годы упорного труда. В. А. Лифшиц сделал свой вклад в дело воскрешения древней Согдианы.

С увлечением и с подлинным талантом вот уже двадцать пять лет руководит раскопками Пенджикента доктор исторических наук А. М. Беленицкий. Вместе с группой энтузиастов начальник экспедиции из года в год проводит знойное лето среди руин Панча. Каждый год приносит новые находки, дает новые открытия. Вышли в свет на многих языках его книги, повествующие об удивительном и оригинальном искусстве художников и скульпторов Согдианы. Многие находки показали духовную связь согдийских художников с художниками забытого Кушанского царства. Влияние кушанской культуры на творчество согдийских художников очень велико. Многие находки среди руин древнего Пенджикента говорят о том, как спустя несколько столетий еще жили в искусстве Согдианы идеалы красоты кушанского времени.

Искуснейший раставратор Государственного Эрмитажа П. И. Костров проявил немало изобретательности и новаторства, чтобы сохранить и доставить в Эрмитаж прекрасные творения согдийских художников.

Но прежде чем снять их со стен, надо было сделать копии, которые дали бы возможность увековечить в печати все то лучшее, что дошло до нас через столетия. Эту трудную и сложную работу выполняла художница экспедиции Юлия Петровна Гремячинская. Изо дня в день, из года в год, среди знойных песков и лёсовой пыли она тща-

тельно переносила на картон рисунки древних художников. Она делала копии тушью и красками, стараясь до мельчайших подробностей сохранить то, что дошло до нас и могло осыпаться, поблекнуть, стереться при малейшем неосторожном движении.

За годы работы экспедиции издано немало ценных трудов, но впереди еще много интересного и неожиданного. Раскрыта тайна горы Муг. Раскроются и другие тайны.

Пески столетий замели следы жизни, ушедшей отсюда много веков назад. Давно забыты имена людей, некогда воздвигнувших города и селения Согдианы. Забыты язык и песни древнего народа. Но не стерта память о нем. Ее сохранили в веках памятники, созданные человеческим трудом. А дела рук человеческих величественны и прекрасны.

Советские археологи раскрыли нам забытые страницы истории и помогли воскресить память о далеком прошлом нашей родины.

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке книги:

Портрет князя.

Фрагмент росписи из древнего Пенджикента. VII век.

На форзацах:

Барельеф на шкатулке из слоновой кости.

Резьба индийских мастеров. Находка из Беграма. II—III вв.

На обороте шмуцтитулов:

Рельеф Будды из буддийского монастыря в Каписе.

Беграм. II век.

Молодая чета покидает стены согдийской крепости.

Пенджикент. VII—VIII вв.

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Клара Моисеевна Моисеева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ

ИБ № 5458

Ответственный редактор Г. А. Дубровская. Художественный редактор С. И. Нижняя. Технический редактор Т. Д. Юрханова. Корректоры Э. Н. Сизова и Т. Н. Чернова. Сдано в набор 30.05.80. Подписано к печати 17.03.81. А06965. Формат 70×90/16. Бум. офсет. № 1. Усл. печ. л. 23,4, Усл. кр. отт. 47,98. Уч.-изд. л. 20,95. Тираж 75 000 экз. Заказ № 615. Цена 85 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Моисеева К.

М74 Исторические повести / Худож. Б. Кыштымов.— М.: Дет. лит., 1981.— 317 с., ил.

В пер.: 85 к.

В книгу входят две исторические повести: «Караван идет в Пальмиру» — о древнем Кушанском царстве и «Тайна горы Муг» — о древней Согдиане. Эти царства некогда были расположены на территории нашей Родины, их народы внесли большой вклад в сокровищницу человеческой культуры.

М $\frac{70803-277}{М101(03)81}$ 360—81

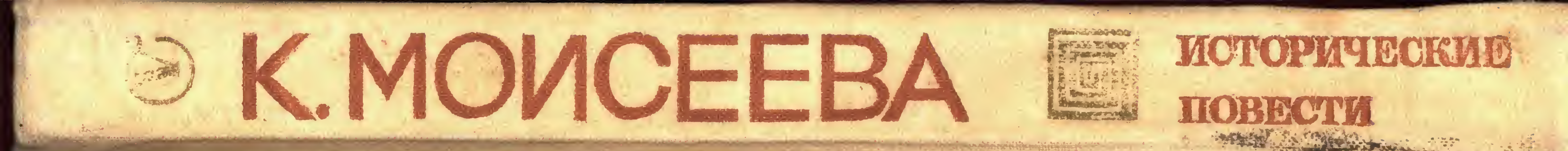
Р2

85 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

К. МОИСЕЕВА
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ